

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

С. Н. Смольников

**АНТРОПОНИМИЯ
В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ
РУССКОГО СЕВЕРА XVI–XVII вв.**

Функциональные категории и модальные отношения

K 1367521

ИЗДАТЕЛЬСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2005

Введение

Активное развитие новых научных подходов к изучению языка в отечественной лингвистике последних десятилетий, антропоцентризм и пристальное внимание к субъективному фактору в языке не нашли должного отражения в современной теории антропонимики, в частности антропонимики исторической, которая традиционно рассматривается в эволюционном аспекте, с точки зрения формирования основных антропонимических категорий: личного имени, отчества, фамилии, прозвища, а также производства их единиц. Огромное внимание при этом уделяется внеязыковым факторам, социальной обусловленности именования, связи развития антропонимии с историей общества (исследования В. К. Чичагова, С. И. Зинина, В. А. Никонова, В. Д. Бондалетова, А. В. Суперанской и многих других). Между тем общепризнанный вторичный характер антропонимии по отношению к апеллятивной лексике, явления онимизации и трансонимизации как основные способы образования антропонимов, особый статус имен собственных в ряду идентифицирующих имен свидетельствуют о том, что изучение антропонимии как органической, а не как изолированной подсистемы языка в первую очередь связано с проблемами функционирования слова в языке и речи. Пользуясь терминологией И. В. Арнольд, антропонимию как часть языка можно назвать адаптивной системой, «приспосабливающейся к условиям своего функционирования не только путем обогащения своего состава, но и путем изменения самой своей структуры» (Арнольд 1999: 94).

Сложность данной проблемы в исторической ономастике обусловлена многими причинами, среди которых ведущую роль играет недостаточная разработанность вопросов общей теории имени собственного. На всем протяжении развития лингвистической науки изучению имен собственных уделялось огромное внимание, однако выводы о функциях и семантической специфике имен собственных, понимаемых

чаще всего в логическом аспекте, т. е. в связи имени с понятием, нередко делались на ограниченном материале – современных личных именах (*Иван, Петр, Мария, Яков*) или фамилиях (*Иванов, Смит*) вне их связи с конкретным носителем. Эти выводы проецировались и на другие разряды ономастической лексики, поскольку для человеческого сознания «подлинное собственное имя, собственное имя по преимуществу есть антропоним. Остальные имена собственные как бы уподобляются антропонимам или приравняются к ним» (Белецкий 1972: 161).

Теоретическая ономастика в нашей стране развивалась темпами, значительно опережающими исследования массового языкового и речевого материала. На сегодняшний день, когда отрасль ономастики, именуемая антропонимикой, накопила достаточный фактический материал, теория ономастических исследований осталась на прежних позициях и часто не дает ответа на многие вопросы, связанные с современным научным анализом имен собственных. В результате этого существует огромный разрыв между исследованиями теоретического характера, которые не изобилуют обращением к конкретным фактам языка, а предпочитают их анализу логические построения, базирующиеся на сопоставлении различных концепций имени собственного, представленных в классическом и современном языкознании, и исследованиями массового антропонимического материала, имеющими свою методику, которая разрабатывается независимо от общей теории имени собственного и основывается на результатах других подобных исследований конкретных фактов. Сегодня ономастика накопила богатейший фактический материал, осмысление которого требует поиска новой научной парадигмы, обеспечивающей его рассмотрение, адекватное задачам и перспективным направлениям современной лингвистической науки.

Современный исследователь, приступая к изучению древней антропонимии, неизбежно оказывается в плену собственных стереотипов, определяемых концепцией антропонимии, принятой в обществе, в котором он живет и языковые вкусы которого выражает. Поэтому осознанно, а чаще всего бессознательно он проецирует на древний материал признаки антропонимии своего времени. Развитие исторической антропонимии как науки достаточно ярко отражает сложный путь осознания учеными того факта, что современная и историческая ономастики требуют разных подходов в изучении, специфической терминологии, особой методологии, тщательно аргументированной интерпретации.

Обращение к истории русской ономастики позволяет обнаружить такие стороны «бытия» антропонимии, которые для носителя современного языка неочевидны, неощутимы на уровне обыденного сознания и лингвистического самоанализа. Конечно же, не все существующие научные общетеоретические проблемы ономастики могут быть решены на историческом материале, но рассмотрение некоторых из них не только закономерно, но и целесообразно. В первую очередь это касается специфики антропонима как языкового знака и как речевой номинации, их обусловленности внешними и внутренними факторами функционирования антропонимической системы.

История русской антропонимии может рассматриваться в двух аспектах: 1) с точки зрения языковых ресурсов, используемых для создания антропонимических номинаций (личные имена, отчества, фамилии и др.), истории их формирования и закрепления в языке и 2) с позиции описания функционирования индивидуальных именований человека в речи, их взаимодействия с языковой и речевой средой, взаимовлияния именований, их варьирования. В исторической антропонимике как лингвистической дисциплине следует выделить два направления – *антропонимику ресурсов* и *функциональную антропонимику*. Эти направления ставят разные задачи и предполагают различные подходы к описанию исторического материала.

Современная наука об истории собственных именований русских людей развивается преимущественно в русле *антропонимики ресурсов*,

* В настоящее время в отечественной науке сформировались направления и школы функциональной лингвистики, изучающие язык в функционально-семантическом, функционально-типологическом, функционально-коммуникативном и функционально-стилистическом аспектах (В. Г. Адмони, А. В. Бондарко, Е. М. Вольф, В. Г. Гак, Г. А. Золотова, И. И. Ревзин, Н. Ю. Шведова, М. Н. Кожина и др.). В основе функционального подхода лежит теория взаимодействия языковой системы и среды (парадигматического, синтагматического и коммуникативного контекстов). Особенно важен данный аспект для изучения старорусской антропонимии, специфическую черту которой составляла слабая ограниченность имен собственных от апеллятивной лексики, функциональное взаимодействие разных типов антропонимов (календарных и некалендарных имен, отчеств и фамилий и т. д.). Без учета этих взаимоотношений нельзя определить основные тенденции развития антропонимии, причины, которые привели к формированию современной официальной системы именования лица как «наиболее оптимальной», соответствующей коммуникативно-прагматическим требованиям, предъявляемым к антропонимии контекстом речи и характером общения.

для которой характерно рассмотрение антропонимов вне их связи с конкретным носителем имени. Наиболее последовательно методика данных исследований разрабатывалась на материале истории личных некалендарных имен и фамилий. Большое внимание уделялось структурному, этимологическому и ономазиологическому аспектам исследования, основы которых были заложены уже в первых серьезных ономастических исследованиях (Чичагов 1959; Селищев 1968). Основные научные достижения в этой области связаны с изучением словообразования личных имен и его специфики по отношению к апеллативному словообразованию (Курилович 1962; Азарх 1980; 1981; 1984; Сидорова 1986, и др.), классификацией производящих основ и формантов личных имен в старорусском и древнерусском языке (Теплов 1970; Зинин 1971; Мирославская 1971; Бахвалова 1972; Толкачев 1975; 1977; 1978; Полякова 1977; 1979; Подольская 1977; Карпенко 1980а; Комлева 2002, и др.), в том числе по данным топонимии (Чайкина 1987; Алабугина 1989; 1995) и современных фамилий (Серебренникова 1978; Лебеденко 1985), а также с описанием образования «квалитативных форм» современных русских имен (Митрофанова 1958; Данилина 1970; Поротников 1979, 1982; Рубцова 1994; Рыжкова 1995, и др.).

Большой интерес вызывают исследования фамилий и отчеств с точки зрения их отношения к другим антропонимическим категориям (прозвище, прозвание), описания их основных структурных типов (Чичагов 1959; Мирославская 1965; 1979; Селищев 1968; Сими́на 1969; 1971; 1973; Зинин 1969; 1970; 1972; 1994; Редько 1969; Никонов 1970; 1974; 1988; Фролов 1977; Щетинин 1978; 1994; Чайкина 1982; Унбегаун 1989; Королева 1999, и др.).

Признаки номинации в сфере прозвищных имен XVII в., отразившиеся в различных классификациях и выявляемые при реконструкции исходных апеллативов, исследовались А. М. Селищевым (1968), В. К. Чичаговым (1959), А. Н. Мирославской (1979), В. В. Палагиной (1968), Г. Я. Симиной (1969), Л. М. Щетининым (1978), Е. Н. Поляковой (1979; 1995), Т. В. Бахваловой (1985) и многими другими учеными.

Названные аспекты отражены и в исследованиях антропонимии белорусских и украинских памятников письменности XVI–XVII вв. (Бирылло 1969; Недилько 1969; Худаш 1980; Керста 1984; Осташ 1986; Ефименко 2003, и др.). Осуществлялись также научные описания древнерусской и старорусской антропонимии зарубежными исследователя-

ми, которые основное внимание уделили структуре именования, лексической базе и этимологии единиц антропонимических категорий древнерусского языка (Skulina 1973; Вуйтович 1986, и др.).

Историческая ономастика также использует антропонимические данные для реконструкции лексики отдаленных исторических эпох. В поле зрения исследователей находятся реконструируемые на базе антропонимов лексические подмножества тематической группы «обозначение лица» (Кюршунова 1994; 1995; Чайкина 1995а), отражающие разные признаки: «характеристику человека по степени его подвижности», «характеристику человека по интеллектуальным способностям» (Бахвалова 1995), «характеристику человека по особенностям говорения» (Полякова 1995) и т. д. Несмотря на специфику решаемых задач, в названных работах в целом дано описание языковых ресурсов именования лица.

В области антропонимики ресурсов проведена большая лексикографическая работа (Соколов 1891; Тупилов 1903; Веселовский 1974; Чайкина 1995; Полякова 1997; Мосин 2001). Исторические данные используются при составлении этимологических словарей современных фамилий (Трубачев 1968; Никонов 1993; Ганжина 2001).

Таким образом, можно утверждать, что методика и методология описания истории антропонимических ресурсов разработана достаточно разносторонне, в то время как функциональная специфика старорусского именования лица требует специального рассмотрения.

Изучение истории русской антропонимии связано с исследованием памятников письменности как древнерусского, так и старорусского периодов. Старорусские деловые акты в работах по исторической ономастике традиционно служат источником сплошной выборки номинативных единиц и материалом, иллюстрирующим употребление тех или иных антропонимических средств. Чаще всего это тексты официально-делового или частно-делового характера, представляющие лишь одну, достаточно специфичную сферу употребления имен собственных.

Жанровая специфика исторической антропонимии, ее зависимость от типа текста постулировались уже в первых отечественных работах по исторической ономастике (Чичагов 1959: 9). Но данная проблематика нашла отражение лишь в немногих лингвистических исследованиях (Щетинин 1980; 1986; Королева 1999; 2000, и др.).

Русская историческая антропонимика, развивавшаяся в области изучения антропонимических ресурсов, наиболее ценными признавала тексты, содержащие массовый материал, разнообразный по составу имен собственных, поэтому основным ее источником традиционно считаются тексты массовой переписи (писцовые и переписные книги), различного рода приходные и расходные книги, в том числе вотчинные и таможенные. Привлечение других актов, за которыми признавался статус дополнительного, неосновного источника, носило случайный и не всегда последовательный характер. Нередко выводы о состоянии и развитии старорусской антропонимии делались только на материале писцовых и переписных книг без учета специфики этих документов.

Рассмотрение функционирования имен собственных в речи не может ограничиваться одной разновидностью текстов. Исследователи исторической антропонимии отмечают, что «привлечение для анализа памятников письменности разного целевого назначения, содержания, структуры, но соотнесенных с одной территорией, позволяет представить более полно картину функционирования личных собственных имен» (Парфенова 1993: 91). Без обращения к разножанровому актовому материалу невозможно решить вопрос о природе, структуре и функциях составного именования лица в деловой речи старорусского периода.

При обращении к актовому материалу разного назначения вызывают интерес различного рода интертекстуальные связи личных именований, нередко обусловленные как ориентацией составителя текста на определенные текстовые образцы, так и перенесением именований из одного текста в другой, цитированием, изложением содержания документов, использующих имена собственные. В связи с этим большую значимость для функциональной антропонимики приобретают *комплексы текстов, содержащие именования одних и тех же лиц*.

Цель данной работы – это комплексное описание функционирования старорусской антропонимии Русского Севера в трех аспектах: номинативном, коммуникативно-прагматическом и стилистическом. Антропонимия рассматриваемого периода, который, по мнению многих ученых, наиболее значим для формирования норм русского официального именования на фоне создания единого русского государства и единого национального языка, вызывает огромный интерес. От данного времени сохранилось огромное количество деловых текстов самого раз-

пообразного назначения и состава, всесторонне отражающих использование антропонимов в разных сферах делового общения. Подобная источниковая база позволяет рассматривать имена собственные в разных ситуациях употребления, сопоставительный анализ которых создает условия для обобщающих выводов и частных наблюдений.

Севернорусская антропонимия XVI–XVII вв. представляет собой огромный массив, полное и всестороннее описание которого не может быть осуществлено в одном исследовании. В настоящее время существует большое количество научных трудов по истории ономастики Русского Севера, которые могут оказать существенную помощь в решении задач настоящей работы. Антропонимия Пинежья исследовалась Г. Я. Симиной (1969; 1970; 1971; 1973), Белозерья – Т. В. Бахваловой (1972; 1985), Ю. И. Чайкиной (1969), Вологды и Вологодского уезда – Е. Н. Баклановой (1970), Ю. И. Чайкиной (1995; 2004; 2005), И. Н. Поповой (2002), Н. В. Комлевой (2002; 2004), Устюга Великого, Тотьмы, Устюжского и Тотемского уездов – Ю. И. Чайкиной (1982; 2005), и др. В большей мере изучены вологодские, белозерские и устюжские памятники деловой письменности. К научному анализу не привлекались источники по Каргопольскому, Важскому, Кольскому уездам и ряду других русских территорий Поморья и Крайнего Севера. Единичны публикации, в которых рассматривается антропонимия Тотемского и Двинского уездов (Чайкина 1982; 2001; 2005, и др.). Севернорусские источники использовались для сопоставительного рассмотрения антропонимии разных русских территорий (Палагина 1968; Зинин 1969; Семькин 2000). История северных фамилий описывалась В. А. Никоновым (1980), а история женских именований в документах XVII в. – С. И. Зининым (1969), Ю. И. Чайкиной (1994; 2005).

В данном исследовании рассматриваются вопросы, которым ранее не уделялось пристального внимания: анализ специфики старорусской антропонимии деловой сферы в системе функциональных категорий, описание антропонимов в системе средств номинации и характеристики лица в старорусском языке, выявление коммуникативной обусловленности выбора антропонимических средств для номинации лица в деловой письменности и ряд других.

Изучение старорусской антропонимии в функциональном аспекте требует поиска интерпретационных методик, основанных на современных концепциях функционального анализа языка, учитывающих

научные достижения современной теории референции, когнитивной и коммуникативной лингвистики. Работа с историческим материалом требует использования методик семантических реконструкций и моделирования коммуникативно-прагматического контекста, культурно-идеологических точек зрения составителя текста и его адресата.

ГЛАВА I

АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА АНТРОПОНИМИИ

1.1. Функции имен собственных и вопросы изучения истории русской антропонимии

Основными функциями имен собственных принято считать номинативную, идентифицирующую и дифференцирующую функции, во многом определяющие прагматику онима. В качестве дополнительных («пассивных») функций некоторые исследователи называют социальную, эмоциональную, аккумулятивную, дейктическую (указательную), функцию «введения в ряд», адресную, экспрессивную, эстетическую и стилистическую (Бондалетов 1983: 21).

В работах, рассматривающих функциональную и семантическую специфику имени собственного, обычно использованы поиски аналогии между онимами и другими классами слов. Поиск аналогий – закономерное следствие представления о языке как системе систем. Аналогия в семантике – одно из проявлений системности семантики (Урысон 2003). Описание семантики и функций имени собственного в теоретических исследованиях чаще всего было связано с уподоблением имен собственных каким-либо другим классам слов.

Языковым эталоном для описания имен собственных долгое время считалось имя нарицательное. Характеристика имени собственного в большинстве случаев строилась на перечислении признаков, отличающих его от апеллятива. В результате чего сформировалось представление об имени собственном как «ущербном» имени нарицательном с гипертрофированной номинативной функцией (Реформатский 1964: 10, 17). Неспособностью онимической лексики выражать понятия, свойственные нарицательным словам и определяющие их системное (предметно-понятийное) значение, аргументировалась точка зрения на имена собственные как неполноценные нарицательные имена, которые «не имеют смысловой структуры, а следовательно, ассоциативных и структурных связей по линии содержания» (Уфимцева 1974: 157–159). Боль-

шинству ономастов близок тезис об особой подсистеме имен собственных в языке, следствием которого стало утверждение абсолютной невозможности изучения ономастики при помощи традиционных лингвистических методов.

Между тем собственные и нарицательные имена нельзя признать автономными и изолированными подсистемами языка, они должны описываться с одинаковых позиций. Одним из первых в отечественном языкознании охарактеризовал имена собственные как особое название определенного предмета, имеющее особый тип семантики, Л. В. Щерба в статье «Опыт общей теории лексикографии». В числе различных доказательств своей точки зрения Л. В. Щерба привел аналогию между именами собственными и нарицательными словами с определенным артиклем во французском языке (Щерба 1974: 279). Соотношение собственных и нарицательных слов как определенных и неопределенных номинаций – одно из ключевых положений современной теории референции.

В некоторых исследованиях антропонимы по семантике и функциям сближались с терминами родства, которые характеризуют человека по определенным типам отношений, но для каждого отдельного носителя языка референция терминов родства индивидуальна (обзор работ см.: ТМОИ, 36). На близость имен собственных к терминам родства и номенам указывала А. В. Суперанская (ТМОИ, 31–37), отмечавшая, что имена собственные – особый класс слов, который можно рассматривать как разряд специальной лексики: «Аналогия имен собственных, терминов и номенов в ряде отношений позволяет объединить эти категории в одно целое, именуемое специальной лексикой, и противопоставить их лексике общей» (Суперанская 1993: 29).

Указанный аспект, в котором часто рассматривается значение имени собственного, связан и с семантическими преобразованиями нарицательного слова при переходе в разряд онимов. Отмечаемая многими исследователями редукция понятийного содержания имени собственного отражает общие тенденции функционирования идентифицирующих имен. По словам Н. Д. Арутюновой, «определенная референция стремится погасить смысл имени», а «позиция индивидного субъекта не только не благоприятна для развития значения имени, но в некотором роде ему противопоказана» (Арутюнова 1999: 25). При конкретно-референтной номинации экстенционал имени (апеллятива или онима) сводится к единице, референтное значение вытесняет на второй план закрепленное за словом в языке понятие, являющееся обобщением свойств ряда однородных предметов.

Действительно, функционирование имен собственных, нередко ограниченных узкой социальной сферой – семья, небольшой коллектив, – имеет много общего с употреблением в речи нарицательных слов, в частности терминов родства. Исследователи детской речи, например, отмечают, что «на первых стадиях развития речи слова типа *мама, папа* и т. д. – жесткие десигнаторы, область их референции максимально сужена, сведена до точки. В этот период речевого онтогенеза это еще не термины родства <...> а личное имя, принадлежность данного конкретного человека» (Доброва 1992: 41). «Жесткая десигнация» терминов родства отчасти сохраняется и в бытовом общении взрослых. В то же время Г. Р. Доброва отмечает в детской речи тенденцию расширения референции антропонима (например, всех пап ребенок начинает называть по имени своего отца – *Вовами*) (Доброва 1991: 119).

Исследователи антропонимии выявили широкое бытование в языке малых социальных групп условных имен с конкретно-референтной отнесенностью – уже не нарицательных имен, но еще и не имен собственных (Занадворова 2000). В данном случае речь идет о так называемых *индивидуальных именах*. Ю. С. Степанов подчеркивает особый статус индивидуальных имен, специальный частный случай которых могут представлять имена собственные. Индивидуальные имена занимают колеблющееся положение между двумя полюсами – собственными именами и общими именами (Степанов 1981: 91).

Способность имен нарицательных к конкретно-референтной номинации свидетельствует о том, что по данному признаку между именами собственными и нарицательными, функционирующими в речи, нередко трудно провести строгую границу. Имена собственные занимают особое место в ряду идентифицирующих имен как индивидуальные одnoreферентные именованья.

В выделительно-дифференцирующую функцию онимов заложена способность указывать на «класс предметов, состоящий из одного элемента». Поэтому некоторые ученые определяли функцию антропонимов в речи как *дейктическую* и сближали их семантику с семантикой местоимений, для которых также свойственно разделение общего (языкового) и индивидуального (речевого) в значении (обзор работ см.: Руденко 1988: 62–64). Сходство и отличие имен собственных и дейктических слов рассматривала Н. Д. Арутюнова (1999: 2–5). На дейктическую функцию имен собственных указывали в своих исследованиях А. А. Белецкий, Е. В. Падучева и др.

У имен собственных особым образом проявляется *классификационная функция*. Долгое время считалось, что имя собственное ли-

шено классификационного значения: «Человеческая практика делает необходимым создание для некоторых объектов единичных имен, которые отражают не классификационные объединения данного объекта с другими, подобными ему по определенным признакам, но индивидуальные особенности этих объектов внутри данного класса. Так возникают имена собственные, которые указывают на класс предметов, состоящий из одного элемента» (ЯН:ОВ, 249). Классификационной функции нарицательных имен противопоставлялась свойственная онимам функция индивидуализации: «В отношении их функций собственные имена можно было бы назвать индивидуализаторами, а нарицательные – классификаторами» (Белецкий 1972: 167). По словам Ю. А. Карпенко, функция собственных имен противопоставлена функции нарицательных, как дифференциальная – классификационной: «Идентификация оказывается вполне конкретной только в собственных именах, а в нарицательных содержит элемент неконкретности», «размазанности», функция нарицательных имен «сводится к классификации, чего нет и в поимине в собственных именах» (Карпенко 1980: 10).

В то же время существует мнение о том, что подход, при котором имена собственные оцениваются как слова, которые «называют индивидуальные предметы, входящие в класс однородных, но которые не несут каких-либо указаний на этот класс» (РГ-80), на современном этапе развития ономастики является непрофессиональным (Болотов 1993). Способность имен собственности к классификации отмечали многие известные исследователи. В. А. Никонов, размышляя о функциях личных имен, писал: «Хотя бы представление, что имя служит для различения, нуждается по крайней мере в серьезной поправке: оно не только разделяет, но и вводит в ряд. Имя связывает носителя с другими носителями того же имени и с той группой общества, в которой оно принято, независимо от его исходного этимологического значения» (Никонов 1982: 32).

По мнению М. В. Никитина, «на практике существует тенденция закреплять за разными классами вещей различные имена собственные, так что, зная это распределение, можно уже по имени собственному составить определенное представление об обозначаемой вещи, о ее классе и признаках. Это описание тем точнее, чем жестче закрепление определенных собственных имен за определенными классами вещей» (Никитин 1988: 24). В некоторых случаях, по словам Ю. С. Азарх, «на классификационное значение, принадлежность этого имени собственному к определенному разряду наименований может указывать формант имени собственного при регулярности данной модели» (Азарх 1981: 6). Таким

образом, классификационная функция может по-разному проявляться у различных разрядов антропонимов. У одних она выражена более ярко за счет специализации языковых единиц (календарные имена), формальных показателей (отчества, фамилии и др.), у других – едва ощутима (различные группы прозвищ, созданных на основе нарицательных слов, и др.).

Классификационная функция, определяемая как функция «введения в ряд» (Никонов 1982: 32) или как функция «причисления» (Щетинин 1986: 159), в сочетании с дифференцирующей функцией позволяет исследователям описывать систему имен собственных как своеобразную систему координат и видеть ее сходство с системой счетных слов. Неотъемлемым общим свойством имен числительных и имен собственных признается способность к индивидуальной номинации (Чеснокова 1997: 23). Это сходство проявляется и в формальных признаках имен собственных: в современном русском языке составные антропонимы подобно составным числительным образуются путем «присоединения», «приклеивания» компонентов в строгой последовательности (там же: 62). Связь имен собственных со счетными словами в древнерусском и старорусском языке отразилась в особой группе «счетных» антропонимов (*Первый, Второй, Третьяк, Четвертый* и т. д.), а в современном языке – в активности собственных наименований серийных предметов с числовыми индексами.

Результат подобных аналогий очевиден: имена собственные обнаруживают много сходных черт с другими классами слов, являются органической, а не изолированной частью лексической системы.

В современной науке функциональные аспекты антропонимии изучаются преимущественно на материале художественных текстов (образные, символические, характеристические, стилистические функции). В литературной ономастике разрабатывается проблема актуализации имен собственных в тексте (Болотов 1970, и др.), описываются степени и ступени семантизации онима под влиянием парадигматических и синтагматических связей в контексте (Фонякова 1990, и др.). Исследователей поэтической ономастики привлекают и интертекстуальные функции антропонимов в литературном произведении (Хамовникова 2000, и др.).

В ряде научных работ отражены результаты изучения гетеронимативности лица в речи (Гак 1972; 1999; Арутюнова 1977; 1999; Падучева 1996), дано описание функций антропонимов в составе текстовых парадигм кореферентных номинаций лица – «номинативных цепо-

чек», включающих имена собственные, апеллятивы, местоимения, индивидуальные дескрипции (Гореликова 1980; Фролова 1993, и др.).

В отечественной науке последних десятилетий появилось большое количество диссертационных исследований по изучению функций имен собственных, в том числе антропонимов, в современном английском языке (Ермолович 1981; Колмакова 1988; Катерлина 1998), в английской литературе и современной английской и американской прессе (Чавпецова 1989; Алейникова 1991; Гайдук 2001, и др.). Собственно русская современная антропонимия остается менее изученной в функциональном плане.

Интерес к функциям русских антропонимов в повседневной речи заметно усилился в последнее время в связи с возросшим интересом к изучению лингвистической прагматики. В появившихся публикациях по данным проблемам предлагается изучать антропоним в дискурсе, отражающем личную сферу говорящего (Васильева 2002). Такой подход требует рассмотрения имен собственных в ряду других средств номинации человека в речи. «Внимание к прагматике собственных имен предполагает сопоставление СИ с двумя другими классами слов, служащими идентификации индивида в дискурсе — с именами нарицательными и действительными словами» (Васильева 2002: 16–17). Но пока исследуются случаи, наиболее ярко отражающие прагматические установки, например, антропонимы-обращения (Нестерова 1999; Занадворова 2000).

Особую актуальность имеет вопрос о функциональных особенностях имени собственного для исторической ономастики. Исторический материал позволяет изучать антропонимию в трех аспектах: номинативном, коммуникативно-прагматическом и стилистическом. Функциональный анализ имени собственного требует рассмотрения антропонима в структуре высказывания, текста. Однако установление функций антропонимов прошлых эпох в языке и речи чаще всего сводится к описанию их *типичных употреблений*, как правило, ориентированному на выявление различий тех или иных групп антропонимических ресурсов и сопровождаемому выводами об истории формирования системы именовании лица в деловой письменности определенного периода.

Состав старорусских личных именовании, их стратификация описаны в многочисленных исследованиях (см. работы В. К. Чичагова (1959), В. В. Палагиной (1968; 1976), С. И. Зинина (1969), В. А. Никонова (1970; 1974; 1986; 1988), Н. К. Фролова (1972), С. Н. Пахомовой (1984), М. Вуйтовича (1986), Л. В. Карловой (1991), И. М. Ганжиной

(1992), Е. Л. Гвоздевой (1993), И. А. Королевой (1995; 2000), и др.), в то время как изучению функционирования именований в речи уделялось меньшее внимание.

Редко какое исследование антропонимии прошлого обходится без указания на *идентифицирующе-дифференцирующую функцию* личных имен, патронимов и фамилий.

Исследователи истории антропонимии нередко отождествляют понятие идентификации лица и антропонимической номинации (предмет назван именем собственным – значит идентифицирован). Например, номинация и идентификация не разграничиваются в концепции А. А. Белецкого. Это нашло отражение в характеристике основных функций имени собственного, к которым были отнесены «номинативная, или идентификативная функция (функция *номинации*, или *идентификации*)» и функция индивидуализации – «способность *назвать* (*идентифицировать*) единичный, неповторимый факт действительности» (Белецкий 1972: 8, 17). В работах по исторической ономастике также под идентификацией понимается «номинация с учетом степени известности лица другим» (Королева 2000: 40, 48). Между тем идентификация и номинация – существенно отличающиеся друг от друга явления.

Идентификация применительно к имени собственному должна рассматриваться, во-первых, как установление тождества онима всем другим кореферентным ему дескриптивным номинациям индивида (иначе – установление соответствия имени представлению о единичном объекте, обладающем индивидуальной совокупностью признаков). Во-вторых, идентификация предполагает установление тождества объекта самому себе при употреблении имени в разных контекстах (Арутюнова 1999: 273–293).

Номинация именем собственным может сопровождаться идентификацией объекта: «Маша – дочь покойного капитана Миронова» (отношения тождества объективны, фактуальны, статичны, константны, соединяют кореферентные имена, симметричны) (Арутюнова 1999: 278). В некоторых других случаях, напротив, может наблюдаться дезидентификация индивида (нетождественность объекта самому себе в разных ситуациях): «Это уже не та Маша, которую мы знали раньше». Не идентифицируется объект и в случаях неопределенных номинаций: «А еще там была какая-то Маша». Недифференцированность основных функций имени собственного лишает функциональный анализ антропонимии конкретного предмета исследования. Требуют более пристально-

го внимания и особенности проявления номинативной и идентифицирующе-дифференцирующей функций у разных групп онимов.

В отечественной науке выявление и описание специфики старорусской антропонимии и ее функционирования в составе именования лица нередко подменяется дискуссией о терминах (*личное имя, прозвище, прозвание, патроним, фамилия*) и о возможности их применения к историческому материалу. Между тем признаки, сближающие и различающие разные группы антропонимов, четко не выявлены. В этом смысле показательно, что календарные антропонимы и некалендарные личные имена обычно описываются разными способами и разными методами. Описание первых, как правило, исчерпывается количественно-статистическими характеристиками именика, соотношением канонических и неканонических вариантов имен, исследованием их социальной дифференциации. К некалендарным именам применяются методы реконструкции исходных апеллятивов, их тематическая и лексико-семантическая классификация. Методика описания календарных и некалендарных имен почти не имеет общих точек пересечения. Поиск единого метода исследования разных по происхождению и функционированию антропонимов продолжает оставаться одной из актуальнейших проблем исторической ономастики.

Описание функций антропонимов в существующих исследованиях чаще всего исчерпывается выявлением их способности выступать в качестве первого, второго или третьего компонентов именования. Контекст функционирования антропонима определяется минимально – как антропонимическая формула именования лица.¹ Ограничение анализа функций антропонима (которые отождествляются с формальным расположением слова в именовании) рамками антропонимической формулы не только недостаточно результативно, но и не всегда объективно.

Беспомощным оказался формальный метод при изучении истории фамилий. Как известно, фамилия непосредственно связана с историей конкретной семьи. Описать историю фамилии – значит проследить

¹ Например, И. А. Королева, рассуждая об отличиях разных групп некалендарных имен в XVI–XVII вв., делает важный вывод о необходимости разграничения функций разных некрестильных антропонимов, но определять функции предлагает исключительно по формальным признакам: «а) наличие или отсутствие при антропониме слова *прозвище* или его синонимов; б) позиция слова *прозвище* и некрестильного антропонима в структурной формуле именования лица, а при отсутствии слова – только позиция антропонима; в) широкий контекст для определения значения термина *прозвище* или его синонима» (Королева 1999: 36).

изменение функций компонента, повторяющегося в именовании представителей разных поколений одной семьи, родственников. Между тем история «третьего компонента официального именованья» обычно базируется на описании формальной структуры номинации (позиция в антропонимической формуле).²

Описание системы антропонимических знаков только с позиции ресурсов именованья не может быть основанием, достаточным для широкомасштабных выводов о функционировании антропонимии прошлого в языке и речи.

1.2. Двойственный характер антропонимической системы и вопросы ее научного описания

В современной отечественной науке можно встретить два типа определений антропонима, различающихся модальностью дефиниции. Широкое распространение в справочной и учебной литературе получило определение: «Антропоним – собственное имя человека (личное имя, фамилия, отчество, прозвище, псевдоним)» (Немченко 1995: 17; Подольская 1997, и др.). В специальном словаре терминов, составленном Н. В. Подольской, дается иное определение термина «антропоним»: «Собственное имя, которое *может иметь* человек (или группа людей), в том числе личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, криптоним, кличка, андроним, гинеконим, патроним» (СПОТ, 31). На первый взгляд данное определение антропонима отражает более узкий подход к данному классу слов, дает ему оценку только с позиции ресурсов именованья. Однако возникает вопрос, не подразумевают ли эти дефиниции термина разные языковые явления?

Правомерность постановки данного вопроса объясняется тем, что система антропонимии русского языка имеет двойственный характер. Это связано с семантической противоречивостью имен собственных, которая особенно часто демонстрируется исследователями на примере современных антропонимов, функциональной неоднородностью антропонимической лексики, различной степенью произвольности / непроизвольности номинации лица при помощи антропонимов разных разрядов. Двойственный характер антропонимии проявляется прежде всего в том,

² Часто исследователи фамилий, решающие проблему их описания на ограниченном материале, не позволяющем рассматривать функционирование антропонима в официальном именовании лица в XVI в., прибегают к разнообразным условностям, предлагают считать патронимы, образованные от календарных имен, полуотчествами, а от некалендарных – фамилиями (Ганжина 1994).

что в современном русском языке существуют антропонимы, не называющие конкретных людей. «Словарь русских личных имен» Н. А. Петровского включает свыше 3000 антропонимов, и ни один из них никого конкретно не называет, а значит, не выполняет номинативной и идентифицирующе-дифференциальной функций, свойственных именам собственным, т. е. не является собственно онимом. Основное назначение данных слов – служить потенциальными антропонимами, «именами вообще», пригодными для конкретно-референтной номинации лица. Кроме «вообще имен», можно утверждать о существовании в языке «вообще отчеств» и ряда других «вообще антропонимов».

Наблюдения над функционированием антропонимов в языке и речи, сделанные разными учеными, показывают, что по особенностям реализации номинативной и идентифицирующе-дифференцирующей функций имена собственные, относящиеся к названной группе онимов не однородны. А. А. Белецкий, рассуждая о противоречивости антропонимической лексики, говорит об *индивидуализирующих* именах (называющих единичный, единственный, неповторимый факт действительности): *Александр Македонский, Александр Сергеевич Пушкин*. Однако, «если не иметь в виду никого, идентифицируемого этой формой», имени *Александр* свойственна только *«ономастическая функция»* – способность быть именем собственным. Эта потенциальная функция и составляет основное «содержание» подобных имен (Белецкий 1972: 34).

Мысль о семантической и функциональной негомогенности антропонимии не нова для науки. Она неоднократно звучала в работах по общим теоретическим проблемам ономастики. В частности, данная идея нашла отражение в высказываниях А. Гардинера (Gardiner 1954: 73–74) о «воплощенных» («телесных») и «развоплощенных» («бестелесных») именах собственных. Согласно данной идее, «воплощенные» имена – это имена, прикрепленные к определенным конкретным объектам именования (*Вильям Шекспир*), а «развоплощенные» имена – это те же самые слова – имена вне связи с конкретным денотатом (*Вильям* – вообще как английское имя). М. И. Стеблин-Каменский, рассматривавший имена собственные с позиций их большей или меньшей «воплощенности» на материале древнеисландской ономастики (Стеблин-Каменский 1974), сделал важный вывод о том, что «развоплощенные» имена исторически вторичны по отношению к «воплощенным», это явление современных европейских языков (ср.: Фонакова 1990: 55). К мысли А. Гардинера о противоречивости имен собственных возвращались А. В. Суперанская (1973) и В. Д. Бондалетов (1983) при обзоре различных научных ономастических концепций.

Идеи А. Гардинера о двух типах имен собственных приобрели особую актуальность в отечественной ономастике двух последних десятилетий, однако глубокой теоретической разработки данная теория не имела. Более того, немногочисленные публикации, касающиеся этой проблемы, носят спонтанный, независимый и разрозненный характер. Например, С. В. Перкас, вслед за В. Д. Бондалетовым обращаясь к оппозиции воплощенных и невоплощенных имен собственных, рассматривает разную реализацию их в художественном тексте, большее внимание при этом уделяя метафоризации воплощенных имен. Однако характеристика данной оппозиции представлена в самых общих чертах: воплощенные имена – «Москва, Лермонтов, Европа и т. п., носители которых более или менее хорошо известны членам данного языкового коллектива»; невоплощенные имена – «Сергей, Мария, Иванов и т. п., которые воспринимаются просто как ИС, могущие соотноситься с рядом индивидуальных объектов, но, в отличие от ИН, не выступающие по отношению к этим объектам в качестве обобщающего понятия»; имена типа *Сергей, Джон, Иванов, Смит* и т. д., «оказавшись в тексте, обретают “плоть”, начиная именовать *вполне определенного индивидуума*» (Перкас 1993: 142–143). В качестве признаков, которые определяют рассматриваемую оппозицию, отмечены экстенсионал значения, определенность, степень известности объекта, названного именем.

Более обстоятельное изучение проблемы воплощенных и невоплощенных имен собственных предлагают исследователи в связи с разработкой вопросов современной теории референции (Кронгауз 1987). М. А. Кронгауз, поставивший своей задачей уточнение понятия имени собственного путем описания свойств воплощенных и невоплощенных имен, характеризует разные случаи их употребления в речи, в том числе и метафорические. Под воплощенным именем собственным М. А. Кронгауз понимает «такое имя, которое связано с конкретным объектом, т. е. присвоено ему» (там же: 127), «воплощенные имена собственные жестко связаны с конкретным объектом, они обозначают сам этот объект или его свойства» (там же: 133). Невоплощенные имена собственные, по мысли М. А. Кронгауза, абстрагированы от свойств конкретного объекта и обладают свойством «иметь имя», употребляются в речи не как обозначение конкретного лица, а как условный языковой знак, средство именования («Меня зовут Иван», «человек по имени Иван»), при этом, по мнению исследователя, «в экстенсионал невоплощенного имени собственного входят все носители данного имени» (там же: 125–127). Автор выступает против применения к ним термина «развоплощенные», поскольку «имеется в виду по крайней мере равноправ-

ность воплощенных и невоплощенных имен собственных, причем последние в каком-то смысле даже первичнее. Термины же с приставкой «раз-», например, развоплощение могут использоваться для другого явления» (там же: 125). Однако разграничение этих групп антропонимов в работе носит недостаточно убедительный характер. Указывая на принципиальное отличие невоплощенных и развоплощенных имен, М. А. Кронгауз при анализе конкретного материала иллюстрирует это положение примерами, допускающими неоднозначные интерпретации. Как воплощенные рассматриваются антропонимы в следующих контекстах: «Я увидел Ивана»; «Она хочет выйти замуж за Ивана»; «Гомер существовал» и др., а в числе невоплощенных – именованья, соотносимые с индивидуальным носителем, но употребленные с неопределенным местоимением либо в аппозитивном сочетании: «Тебе звонил какой-то Иван», «В Македонии правил в это время царь Филипп».

Отказывая термину «развоплощение» в состоятельности, М. А. Кронгауз не рассматривает явление развоплощения антропонима, между тем к подобным случаям можно отнести ситуации идентификации лица через указание его имени, антропоним при этом отстраняется говорящим от референта, но эта связь не утрачивается, а отходит на второй план (в высказывании «Поэт по имени Гомер» имя Гомер не утрачивает связи с конкретным древнегреческим поэтом), но знаковая функция («быть именем») превалирует над номинативной («обозначать, называть конкретного человека»).

Оппозиция воплощенных и невоплощенных имен собственных, предложенная М. А. Кронгаузом, в итоге сводится к оппозиции определенных и неопределенных имен. Отмечается, что воплощенное имя «в тексте всегда определено, причем даже и тогда, когда это не обусловлено контекстом» (Кронгауз 1987: 127). Как наиболее характерное для невоплощенных имен рассматривается их употребление при введении онима в речь / текст («Меня зовут Иван», «Знакомьтесь, это Иван»), при этом отмечается невозможность употребления воплощенного имени в начале текста («Жил-был Ваня») и обязательность использования в таких случаях «невоплощенного» антропонима («Жил-был мальчик по имени Ваня», «Жил-был некто по имени Ваня»). Последнее утверждение было опровергнуто Л. М. Щетининым на массовом материале текстов русской литературы (Щетинин 1999). В связи с этим следует заметить, что акт присвоения имени человеку (воплощения невоплощенного антропонима) неправомерно отождествлять с ситуацией идентификации лица в начале текста (воплощения в номинации имени, уже данного («присвоенного») человеку).

Концепция имен собственных, учитывающая два функциональных типа – *общие имена собственные* и *индивидуальные собственные имена*, вслед за А. Гардинером, разрабатывалась П. В. Чесноковым (1967: 154–158), позднее – Л. Д. Чесноковой (в аспекте соотношения имен собственных и имен числительных) и их последователями (Чабристова 1998; Уляшева 2001). Общие имена, согласно данной точке зрения, выражают «недостаточные по содержанию понятия», сочетающиеся с идеей необходимости их конкретизации (Чеснокова 1996: 105). Разграничивая «общие» и «индивидуальные» имена собственные, Л. Д. Чеснокова предлагает учитывать двойкий характер их функционирования: «1) функционирование отдельных лексем в словаре (словарное функционирование) вне закреплённости за конкретным референтом и 2) функционирование в составе связной речи при условии их закреплённости за отдельным референтом». Различия двух типов имен, как справедливо отмечает исследователь, связаны с семасиологической и номинативной функциями: «Словарное функционирование имен собственных типа *Анна* сохраняет самое общее их значение – “женщина с именем Анна” и семантически не дифференцирует имена *Анна*, *Мария*, *Ольга* и т. п. Функционирование имен собственных при их закреплённости за определенным референтом (в связной речи) наполняет их богатым содержанием, и слова *Анна*, *Мария*, *Ольга* дифференцируются семантически на основании самых различных признаков (по возрасту, по внешности, по характеру, по социальному положению и т. п.)» (там же). Вместе с тем, отличаясь в характере индивидуальной номинации, «общие имена собственные обладают только виртуальной индивидуальной номинацией, т. е. в них только заложена способность выполнять функцию индивидуальной номинации, но на словарном уровне эта способность не реализуется, она реализуется лишь в случае закреплёния их за конкретными референтами, что проявляется в связной речи» (там же). Таким образом, Л. Д. Чеснокова основывает противопоставление «общих» и «индивидуальных» имен собственных на оппозиции языка и речи. В ином ключе описание общих и индивидуальных имен собственных, в известной мере возвращающее данную концепцию к идеям Т. Гоббса об общих и единичных именах, представила О. Я. Уляшева, рассмотрев имена собственные с точки зрения их определённости / неопределённости в языке и речи, выделила *общие* (повторяющиеся в разных именовании имена собственные, обладающие в языке «генерализирующей определёностью») и *индивидуальные* имена собственные (имена исторических деятелей, литературных персонажей и т. д., которые сохраняют «индивидуализирующую определёность в языке») (Уляшева 2001: 66–67).

К разграничению двух типов антропонимов обращаются исследователи, занимающиеся проблемами двуязычной лексикографии и транскрипции иноязычных имен, ими выделяются *единичные* и *общие* (Берков 1973: 107), *единичные* и *множественные* антропонимы (Ермолович 2001: 39). По определению Д. И. Ермоловича, множественные антропонимы – «такие имена, которые в языковом сознании коллектива не связываются предпочтительно с каким-то одним человеком», а единичные – антропонимы, которые «также принадлежат множеству людей, но с кем-то одним связаны прежде всего. Это имена людей, получивших широкую известность». Предлагаемый в данной работе принцип разграничения двух типов антропонимов заключается «в отсутствии или наличии объекта, на который антропоним указывает в первую очередь» (Ермолович 2001: 39).

К оригинальным концепциям функциональной неоднородности антропонимии следует отнести идеи, которые в разное время высказывались А. В. Суперанской (1973) и Л. М. Щетининым (1999).

А. В. Суперанская обратилась к вопросу о реальности – потенциальности, активности – пассивности имен собственных в связи с рассмотрением их отношения к языку и речи. Предложенная А. В. Суперанской в 1973 г. типология имен собственных строилась на идеях А. И. Смирницкого (1954) о реальных и потенциальных словах, а также на работах Л. В. Щербы, описавшего лексику с точки зрения активного – пассивного запаса. А. В. Суперанская выделяет следующие группы имен собственных: *пассивные потенциальные*, *активные реальные* и *активные потенциальные*. Четко не очерчивая круг данных групп онимов, исследователь указывает на их различную степень известности носителям языка, принадлежность индивидуальному лексикону либо воспроизводимость «в общественном масштабе»: «субъективный фактор – известность имени для индивида влияет на объективный – реальную принадлежность имени к данному языку» (Суперанская 1973: 216–217).

«Пассивные потенциальные имена», согласно определению А. В. Суперанской, – это «имена новые, недавно кем-либо придуманные или заимствованные, и имена устаревшие, вышедшие из общего употребления, но все еще хранимые отдельными людьми». По мнению исследователя, «потенциальные пассивные слова нельзя считать полными языковыми единицами, реально существующими в данном языке» (там же). Имена с узкой известностью, относимые к пассивным потенциальным онимам, противопоставлены «активным реальным име-

нам», «признанным большинством членов языкового коллектива». При этом отмечено, что «соотношение активного и пассивного, реального и потенциального ономастического запаса номинально и численно меняется от одного человека к другому» (там же).

«Активные потенциальные имена» характеризуются тем, что большинству носителей языка «знакомы модели этих имен и понятны лексемы-наполнители (Челно-Вершины, Белоярск)»; «лишь регулярная “воспроизводимость имени в общественном масштабе” позволяет языковому коллективу воспринимать определенную группу слов как собственные имена данного языка» (там же).

Однако в последующих работах А. В. Суперанская ставит под сомнение признак «общественной воспроизводимости» как основание отнесения имени собственного в определенную группу языковых единиц: «Для членов одного языкового коллектива основное ядро активной нарицательной лексики едино (иначе была бы затруднена коммуникация) <...> Набор активно употребляемых собственных имен для каждого человека свой, индивидуальный <...> Поскольку набор активных, и даже пассивных собственных имен в отдельных социумах свой особый, общее речевое употребление их, единое для всех членов социума, невозможно» (ТМОИ, 35–36). Таким образом, вопрос об отношении реальных и потенциальных имен собственных к языку и речи был поставлен А. В. Суперанской, но не был однозначно решен. Выделение реальных и потенциальных имен, предложенное исследователем, не учитывало их воплощенности или невоплощенности. Противопоставляя языковую системность имен собственных их речевому употреблению, А. В. Суперанская не вполне однозначно утверждала: «Для системности собственных имен безразлично, имеет ли такое-то имя в данный момент своих живых носителей» (другими словами – выполняет ли слово функции имени собственного, является ли оно онимом. – С. С.), отмечая, однако, что «изучение календарных имен как определенной системы и изучение употребления имен в живой речи дают значительные расхождения» (ТМОИ, 55). Термин «реальный антропоним» был взят на вооружение и некоторыми исследователями исторической ономастики (Вуйтович 1986: 8).

В одной из работ Л. М. Щетинина, обратившегося к проблеме функциональной неоднородности имен собственных, применительно к антропонимии предлагается понятие «номосфера» («номеносфера»). При этом разграничиваются *индивидуальная номеносфера* и *номеносфера языкового коллектива*. Внутри индивидуальной номеносферы

выделяются «виртуальный» и «актуальный» слои (научной дефиниции данным терминам не дается). Понятие виртуальной антропонимии отчасти пересекается с идеей невоплощенных (потенциальных) онимов: «Знание традиционного национального имени является виртуальным для любого русского человека, но лишь часть русскоговорящих людей в определенных условиях прибегает к его актуализации» (Щетинин 1999: 18). К виртуальным отнесены и воплощенные антропонимы пассивного запаса: «Виртуальным остается большинство имен, усвоенных человеком в период учения, и имена и названия, характерные для страны, покинутой человеком при переезде на новое место жительства, особенно при эмиграции. То же относится к ономастической лексике, специфичной для профессии, оставленной человеком при перемене занятия и при других изменениях условий существования» (там же). Иначе говоря, виртуальные имена – это все имена, которые не находят речевой реализации в конкретный момент речи индивидуального субъекта номеносферы. Актуальные имена собственные Л. М. Щетинин связывает с категорией определенности онимов, понимая под актуализацией «отсечение всех неактуальных связей имени» (там же: 22).

Разграничивая виртуальную и актуальную антропонимию, Л. М. Щетинин не ставит вопроса об их отношении к языку или речи. С одной стороны, отмечается, что «актуальная “номосфера” объединяет имена широкого диапазона: от тех, чьи референты лишь поверхностно знакомы ее обладателю, до имен, образующих ядро его мыслительной системы». Утверждаемый исследователем ментальный характер виртуальной антропонимии позволяет думать о ее принадлежности к активному и пассивному языковому запасу. Одновременно с этим автор говорит о том, что «имена, актуализированные различными контекстуальными средствами, входят в актуализированную номосферу, время существования которой ограничивается сохранением условий или средств актуализации. Прекращение действия этих условий ведет к возвращению имени в слой виртуальной ономастики» (там же: 22). Актуальная номосфера носит субъективный характер и поэтому не стабильна: «на момент речи и на момент анализа она может различаться» (там же: 23). В рассматриваемой работе утверждается сугубо речевой характер актуальной антропонимии, существование которой ограничено рамками конкретного речевого акта, в то время как статус виртуальной антропонимии не уточняется.

В числе точек зрения, высказываемых по поводу рассматриваемой проблемы, заслуживает внимания позиция М. Э. Рут (2001). Раз-

мышляя о семантике антропонимов, исследователь говорит о необходимости разграничения «антропонимов вообще» и «личных имен». «Антропонимы вообще», существующие вне конкретного денотата, по мнению автора статьи, не являются именами собственными, «поскольку здесь отсутствует главное свойство имени собственного – способность индивидуализации» (там же: 62). В числе наиболее существенных различий «антропонимов» и «личных имен» отмечается, что «антропоним сам по себе» не имеет реального значения, его семантика определяется общенародными культурными коннотациями, а личное имя конкретного человека обладает отсоциумным денотатом и отсоциумным коннотатом, семантика личного имени определяется закрепленностью его за конкретным членом социума; личное имя в отличие от антропонима, являющегося принадлежностью языка, существует в социолекте, и чем уже социум, тем ярче особенности функционирования онима (там же: 63–64). Оставляя в стороне рассуждения об удачности терминов, использованных для обозначения двух групп антропонимов, отметим, что М. Э. Рут очень точно охарактеризовала признаки этих групп, раскрыла сущность семантической противоречивости антропонимической лексики.

Таким образом, разграничивая два типа антропонимов, исследователи обращают внимание на следующие их признаки: языковой / речевой характер, семантическая специфика, наличие / отсутствие или единичность / множественность референции (экстенциональная семантика), определенность / неопределенность номинации, отношение к общенародному языку, степень известности и «общественной» воспроизводимости, специфика переносного употребления.

Рассмотрение антропонимии, учитывающее все эти признаки позволяет выдвинуть следующие положения, которые будут использоваться в дальнейшем в качестве рабочих.

Антропонимия функционально неоднородна, для одних единиц данного множества свойственна реализованная номинативная функция (актуальные антропонимы), для других – она остается потенциальной. Очевидно, что система актуальных антропонимов, конкретно-референтных языковых знаков, в языке противопоставлена системе потенциальных антропонимов. И поэтому они должны рассматриваться с разных позиций, учитывающих специфику единиц этих множеств.

Понятие потенциального имени собственного, используемое в настоящей работе, несколько отличается от закрепленного лингвистической традицией представления о потенциальной лексике. В отечествен-

ной науке потенциальные слова рассматриваются в одном ряду с окказионализмами и словами активного и пассивного запаса по признаку отношения к языку и функционированию в речи (ЛЭС, 260). К проблеме потенциальности / реальности слова, поставленной А. И. Смирницким, обращались многие исследователи (обзор работ см.: Немченко 1995: 204–205). По существующим определениям в словарях и справочниках, потенциальные слова – окказиональные слова, слова, которые уже созданы, но еще не закреплены языковой традицией словоупотребления, или могут быть созданы по образцу существующих в языке слов. Именно в этом ключе решалась проблема реальности / потенциальности имен собственных А. В. Суперанской (1973).

Другое понимание потенциальных слов предлагалось при изучении фразеологии. При данном подходе к потенциальным словам относятся лексические единицы с ослабленными и конструктивно связанными значениями, обычно в составе устойчивых сочетаний, например, *закадычный* друг, *потупить* голову и др. (В. Л. Архангельский, О. С. Ахманова, В. В. Виноградов и др.). В. В. Виноградов отмечал, что потенциальные слова «лишены прямой номинативной функции и существуют в языке только в составе тесных фразеологических групп. Их лексическая отдельность поддерживается лишь наличием словообразовательных родичей и слов-синонимов» (Виноградов 1977: 158).

При определении потенциальности имени собственного необходимо учитывать не столько его узуальность / окказиональность, активность / пассивность, хотя они, несомненно, важны, сколько степень реализации тех функций, которые предписаны имени собственному языком. Концепция потенциальности имени собственного, предлагаемая в настоящем исследовании, близка идеям функциональной грамматики. Понимая под функцией реализуемое назначение языковой единицы, А. В. Бондарко предлагает различать два типа функций языковых единиц: функции-потенции и функции-реализации. Первые обуславливают возможное / допустимое употребление языкового знака, характеризуют его назначение. Вторые связаны с той реальной ролью, которую играет единица языка в высказывании. Данные функции соотносимы между собой как отношение «обуславливать (каузировать) функционирование – быть его результатом»; «функции-потенции превращается в функции-реализации (Фп → Фр) в процессе мыслительно-речевой деятельности говорящего» (Бондарко 2002: 341).

Исходя из этого, следует отметить, что рассмотрение функционирования языка в речи ориентировано на обратимость указанного

А. В. Бондарко отношения: наблюдение над совокупностью употреблений языковых единиц, реализующих в речи одну и ту же функцию, позволяет говорить о потенциальных свойствах той или иной единицы языка. Анализ речевых употреблений антропонимов может свидетельствовать об их потенциальных языковых свойствах, находящих регулярную реализацию в высказывании. Именно в данном направлении должно осуществляться изучение истории антропонимических ресурсов языка.

Требует некоторых замечаний и термин «актуальная антропонимия». Актуальная антропонимия связана с актуализацией антропонима, которая в отечественных работах по ономастике обычно понимается вслед за В. И. Болотовым (1970) как особое употребление имен собственных в речи, устанавливающее или раскрывающее его конкретно-референтную отнесенность. По словам Л. М. Щетинина, актуализация имени достигается средствами контекста, к которым относятся дейктические слова, широкий контекст, повторы, эксплицитные описания (непосредственный речевой контекст), жесты, мимика (динамический контекст), исторические, литературные, традиционные ассоциации имени (энциклопедический контекст), грамматические средства актуализации, порядок слов, детерминаторы и др. (грамматический контекст) (Щетинин 1999: 22).

В настоящей работе объем понятия «актуальная антропонимия» определяется иначе. Под актуальными антропонимами подразумеваются референтные имена собственные, для которых связь с именуемым лицом остается актуальной для носителей языка (или их отдельной группы) независимо от употребления имени в контексте. Не контекст формирует референцию антропонима, а антропоним, имея референцию, «выбирает» тот или иной контекст своего употребления. Термин «реальная антропонимия» применительно к данному разряду онимов не вполне точен. Потенциальные имена также *реально* существуют в языке, и этот признак не будет определяющим для рассматриваемой оппозиции. В то время как термин «актуальный» не только противоположен термину «потенциальный» по смыслу (ФЭС, 357), но и правильно характеризует сущность рассматриваемого явления.

Таким образом, актуальная антропонимия – это система конкретно-референтных собственных именований, актуальных для носителей языка и употребляемых в речи для обозначения индивидуальных субъектов.

1.3. Сопоставление свойств потенциальных и актуальных антропонимов

Актуальная и потенциальная антропонимия обладают рядом отличительных свойств, которые необходимо учитывать при анализе фактического материала.

1. *Семантическая специфика.* Семантика («смысл», «содержание») имени собственного обнаруживает непосредственную связь с его функциями, хотя некоторые ономасты высказывали мнение о недопустимости отождествления информации, сопутствующей имени, и его функций («своеобразная служба имени, роль которую оно исполняет») (Суперанская 1973: 274).

Проблема определения семантической специфики онимов является наиболее дискуссионной в общей теории имени собственного. Вопрос о семантике имени собственного в науке во многом зависит от понимания сущности лексического значения и методов его описания. Под лексическим значением одни лингвисты понимают обобщенное отражение представлений о явлениях внеязыковой действительности в слове независимо от других знаков; другие – совокупность интегральных и дифференциальных семантических компонентов, определяемых парадигматическими отношениями единиц лексической системы («системное значение»); третьи – конкретное содержание, актуальное для участников коммуникации (денотативное наполнение или референция слова); четвертые видят прямую связь значения с прагматикой слова и его конвенциональной закрепленностью за типами речевых контекстов и речевых действий и т. д. (Новиков 1982: 88).

До сих пор в научной интерпретации онимов в общей теории имени собственного довлеющим оказывается логический аспект описания семантики. Данный вопрос рассматривается в специальных исследованиях, содержащих обстоятельный обзор и анализ разных точек зрения, предлагавшихся в науке, что освобождает от необходимости их подробно пересказывать (см., напр.: Суперанская 1973; Руденко 1988; Фонякова 1990; Семенова 2001, и др.).

В отечественной лингвистике известны попытки компонентного анализа значения имени собственного (Ковалик 1969; Арнольд, Шеремет 1985; Фонякова 1990, и др.), поскольку «в системе языка и в семантике антропонима можно выделить денотативный аспект» как факт соотношения антропонима с определенным классом референтов (Арнольд, Шеремет 1985: 14).

Говоря о семантике имени собственного, многие исследователи различают языковые семы («системное значение», повторяющееся в ряде языковых знаков) и «информацию» (постоянное речевое содержание, «энциклопедическое значение»), сопровождающую имя собственное в речи. Фоновое содержание, «энциклопедическая информация» (Суперанская 1973; Фонякова 1990; Болотов 1993), сумма знаний о предмете и связанных с ним ситуациях («фреймовая» семантика) (Березович 2001), по мнению других ученых, не входит в системное значение онима, поскольку данные знания субъективны и не повторяются полностью у разных людей (Толстой 1970). Содержание лексической единицы, определяемое индивидуальным познанием свойств именуемого предмета, некоторые лексикологи рассматривают как эмпирический компонент лексического значения (Кузнецова 1989). Этот компонент присутствует в семантике и собственных, и нарицательных слов.

Тесная взаимосвязь семантики (содержания) антропонима с его функциями позволила некоторым исследователям выделять в семантической структуре имени собственного компоненты, соответствующие его функциям. М. В. Голомидова, описывая семантическую структуру онима, выделяет пять компонентов значения: 1) категориальная лексическая семантика (макросема индивидуализации, «идея имманентной самости»); 2) частная категориальная семантика (видовые и родовые классифицирующие семы, определяющие принадлежность онима к одному из разрядов онимической системы языка); 3) частная характеризующая семантика (мотивировочное значение); 4) частная индивидуализирующая семантика (денотативная отнесенность имени); 5) семиотический ореол именного знака (типовые конвенциональные знания, связанные с его применением) (Голомидова 1998: 13–14). Другие исследователи предлагают описание таких макрокомпонентов, как бытийный или интродуктивный, классифицирующий, индивидуализирующий и характеризующий (Ермолович 2001: 12).

При функциональном подходе к семантике имен собственных, *классифицирующий компонент* значения отражает денотат имени (определенный класс предметов, например ‘человек’) и по сути своей – это денотативное значение имени. Отличительная черта имен собственных – наличие в их семантике компонента, отражающего совокупность дифференциальных признаков, позволяющих выполнять ониму дифференцирующую функцию. *Индивидуализирующий компонент* связан с референцией имени и обусловлен представлением об отличительных свойствах носителя имени.

Бытийный компонент отражает реальное существование предмета, названного именем в реальном мире говорящего или в любом другом из возможных миров, например в условном мире художественного текста. Другими словами, данный макрокомпонент может быть определен как *модально-экзистенциальный*. Наличие в значении имени собственного модальных сем требует обращения к вопросу о модальности лексических единиц и рассмотрения антропонимии в аспекте модальных отношений.

Кроме данных макрокомпонентов, в семантике имен собственных, как и других слов языка, присутствует *коннотативный* (характеризующий) компонент значения.

Помимо макрокомпонентов, современные исследователи говорят о широком наборе различных семантических микрокомпонентов – фоновых, ассоциативных, этимологических, сакральных, прагматических (фреймовых) и других (Супрун 2000; Березович 2001, и др.).

Различные точки зрения на семантику имени собственного, обычно базирующиеся на анализе антропонимов, показывают, что в одних из них точкой отсчета выступает потенциальное имя, а другие оперируют представлением об актуальных именах.

Вопрос о языковой семантике имен собственных долгое время определялся тем, что собственно языковыми антропонимами считались только потенциальные имена, которые и были мерилом семантики антропонима и всей онимической лексики в целом. На описании значений потенциальных имен собственных строилась концепция семантически ушербных языковых знаков, «пустых имен», «ярлыков», «этикеток». Критикуя концепцию Дж. Ст. Милля, О. Есперсен справедливо отмечал: «Милль и его последователи слишком много внимания уделяли тому, что можно назвать словарным значением имени» (Есперсен 1958: 71).

Для потенциальных антропонимов свойственно отсутствие номинативной функции и конкретной референтной отнесенности. В силу этого их семантика существенно отличается от значения актуальных антропонимов. В структуре значения таких слов на первый план выдвигается модальная семантика возможности, потенциальности (*имя Иван* может носить любой русский человек, но в действительности не каждый русский человек носит *имя Иван*). Более частные семы связаны с отнесенностью антропонима к определенному разряду имен собственных, денотат потенциального имени – ‘слово’, ‘знак’, ‘имя’ в ряду подобных знаков. Для потенциальных антропонимов свойственна классификационная семантика, обусловленная генерализацией представлений о носителях имени и ограниченная несколькими семами (например, ‘человек’, ‘мужчина’, ‘русский’).

Потенциальные и актуальные антропонимы имеют общий набор сем ('имя', 'лицо', 'пол', 'национальность' и др.), но их иерархия различна. В отличие от потенциальных имен денотат актуального антропонима – это человек, лицо. Архисема отчетливо выявляется в сочетании имен собственных с лексемой-классификатором.

По словам М. В. Всеволодовой, функционирование имен собственных в речи проявляется в закономерности их сочетаемости с родовыми словами и в степени обязательности классификаторов при именах собственных (Всеволодова 2000: 52). Для потенциальных имен в современном языке классификатором выступает слово «имя» (vs «фамилия», «отчество» и др.). В семантике этих онимов на первый план выходит идея знаковости, связанная с основной функцией данных слов в языке, – быть потенциальным именем собственным определенного разряда.

Актуальные антропонимы могут употребляться в аппозитивном сочетании с нарицательным именем – чаще всего обозначением лица (*царь Филипп, поэт Пушкин*). В некоторых случаях (обычно в ситуации знакомства или представления человека) при актуальном антропониме могут использоваться два родовых слова (*девочка по имени Лиди*), функцию классификатора из них выполняет обозначение лица. Это не позволяет согласиться с теми исследователями, которые считают подобные употребления онимов «невоплощенными именами собственными». Подобные контексты, видимо, следует рассматривать как контексты идентификации – установления говорящим соответствия имени конкретному предмету, в первую очередь ориентированного на собеседника, при операции имяназачения или представления. Актуальность («воплощенность») антропонима не утрачивается, а наоборот, подчеркивается (*Лиди* – это девочка с определенным именем *Лиди*; эта девочка и есть *Лиди*).

Отдельного рассмотрения требуют случаи развоплощения актуальных имен, когда имя намеренно отстраняется говорящим от его носителя. При этом сочетанием с апеллативом-классификатором подчеркивается его знаковый характер («Я читаю *поэти* по имени *Гомери*», «Я не знаю *художников* с *фамилией Юон*»). Развоплощенное употребление актуального антропонима не означает его перехода в число потенциальных имен – слово сохраняет свою конкретно-референтную отнесенность. Иначе говоря, можно утверждать, что оппозиция потенциальных и актуальных имен не повторяет противопоставления «невоплощенных – развоплощенных – воплощенных» имен собственных, а существенно отличается от него.

Семантические различия потенциальных и актуальных антропонимов в языке проявляются и в специфике переносного употребления.

Имена собственные, в процессе речевого функционирования развивающие переносные значения, называют коннотативными. Е. С. Отин для обозначения данного типа слов ввел термин «коннотонимы»: «Коннотоним – это всегда собственное имя (антропоним, топоним, реже – эргоним, хрононим и другие онимы), в котором его денотативное значение сосуществует с общезыковыми или индивидуальными коннотациями. В сфере речевого общения эти дополнительные понятийные оттенки нередко бывают представлены в необычном для “чистого” собственного имени эмоционально-экспрессивном ореоле» (Отин 1997: 279). В других работах встречаются термины: «имена собственные с двойной референцией» (Живоглядов 1993), «полуантропонимы» (метафорические и метонимические антропонимы) (Семенова 2001: 146–188). По словам Е. С. Отина, коннотонимами в разные эпохи становились различные имена: в XVII в. – Антон ‘жалобщик’, Мартын ‘некрасивый’, в XVIII в. – Голиаф, Цицерон, Минерва, Вольтер; в современном русском языке – Камчатка, Черемушки, Митрофан, Фекла, Голгофа, Мекка, Бродвей и др. (Отин 1997: 279, 282–283).

Потенциальные и актуальные антропонимы имеют разную способность к семантическому переносу (вторичной номинации). Классификационное значение потенциальных имен способствует тому, что в речи они могут воплощаться в качестве «условных» (неиндивидуализирующих) имен, когда «имя собственное обозначает общую категорию людей с детализацией пола, национальности и пр.» (Шмелев 2002: 50): «Каков Савва, такова ему и слава», «На бедного Макара и шишки валяются», «У Мирона детки Миронычи, у Ивана – Иванычи» и т. д. При таком употреблении «условные» имена способны сочетаться с обобщающими местоимениями *все, всякий, каждый, любой* (Шмелев 2002: 126): «Всяк Еремей про себя разумеи», «У всякого Федорки свои отговорки» и др. Способность развивать классификационное значение в истории антропонимии была свойственна и потенциальным некалендарным именам. Примером может служить одно из самых активных некалендарных имен – *Богдашко (Богдан)*, которое, по мнению исследователей, использовалось для именования младенца до крещения (Успенский 1994: 157, 162). По свидетельству В. И. Даля, в языке XIX в. имя употреблялось в качестве нарицательного слова со значением «общее название всех некрещеных еще младенцев обоего пола»: «*Некрещеный богдашка, дразнят ребят*» (Даль, I, 102).

Семантика актуальных антропонимов, определяемая конкретными признаками конкретного лица, создающими коннотацию имени, мотивирует возможность метафорического и метонимического переносного употребления (М. А. Кронгауз, А. Д. Шмелев и многие другие), или использования их в качестве прецедентных имен (Красных 2002).

Ядро значения прецедентных имен составляют дифференциальные признаки (внешность, характер, прецедентная ситуация: «*Пеле* нашего двора», «*Мегрэ* в юбке» и др.), а периферию – «атрибуты имени», тесно связанные с означаемым лицом, но не достаточные для сигнификации (кепка *Ленина*, бакенбарды *Пушкина*, усы *Гитлера*, френч *Сталина* и т. п.) (Красных 2002: 79–99). Генерализация одного из признаков лица способствует плюрализации актуального антропонима для создания метафорической номинации группы сходных объектов («Мы все глядим в *Наполеоны*»; «Может собственных *Платонов* и быстрых разумом *Невтонов* земля Российская рождать» и т. п.).

Метонимический перенос в сфере актуальных антропонимов (например, «автор – произведение / творчество») связан в первую очередь с процессами семантико-синтаксического, контекстного, ситуативно-речевого плана. Данное явление достаточно обстоятельно описано Л. И. Василевской, которая в серии специальных работ рассмотрела основные случаи переноса и определила основные факторы переносного употребления коннотативно окрашенных антропонимов (ср.: «Из *Листа* и *Шопена* вместе вырос *Скрябин*»; «Кроме *Хомякова* и *Самарина*, нечего в руки взять» и т. п.) (Василевская 1983).

Семантические отличия актуальных и потенциальных имен собственных проявляются и в особенностях их референции. Референция потенциального антропонима носит автономный характер: потенциальное имя референтно самому себе и не предполагает другого референта. Референция актуального антропонима неавтономна (*Пришел Иван*) либо квазиавтономна (*Человек по имени Иван. Его зовут Иван*) (Шмелев 2002: 29–30).

2. Отношение к языку и речи. В науке существует традиция рассмотрения антропонима как языкового знака, лишенного семантики и конкретно-референтной отнесенности, и его речевых реализаций, при которых устанавливается отношение имени собственного к единичному предмету. Противопоставление антропонимии в языке и антропонимии в речи традиционно, констатация этого соотношения может быть обнаружена в любом научном исследовании, затрагивающем теоретические проблемы изучения имен собственных. Однако оппозиция потенциальных и актуальных антропонимов не повторяет этого соотношения и, в

известном смысле, разрушает его. И потенциальные, и актуальные антропонимы могут быть единицами языка, и те и другие могут употребляться в речи.

Потенциальная антропонимия целиком относится к сфере языка. В речи ей свойственно употребление в сочетании с номенами (*имя, фамилия* и др.), подчеркивающее развоплощенный, отстраненный от понятия «лицо» характер: «Ребенку дали *имя Иван*».

В современном русском языке границы системы потенциальных антропонимов строго определены. В нее входят, во-первых, личные имена, «которые существуют в сознании говорящего коллектива как знаки потенциального инвентаря для именованя лиц мужского и женского пола» (Фонякова 1990: 19), достаточно хорошо представленные современными лексикографическими трудами. Словари русских личных имен часто имеют нормативно-предписывающий характер. Главная цель подобных лексикографических опытов – фиксация, сохранение и поддержка существующих традиций именованя.

Языковой кодификации в русском языке подверглась большая часть модификатов личных имен, которые употребляются в качестве стилистически окрашенных номинативных вариантов личного имени (*Константин – Костя, Дмитрий – Дима, Димуля, Митя, Митенька, Митек* и др.). В качестве стилистических вариантов с полными именами могут быть соотнесены модификаты, образованные от основ имен, возникших в разных языках (*Георгий – Жора, Евгений – Женя*), «лепетные» имена (*Вова, Кока, Леля, Тата*), воспринимаемые носителями современного языка в качестве производных от «полных» имен. Потенциальный характер имеют современные отчества, которые не создаются каждый раз заново, а воспроизводятся в готовом виде, закреплённом в языке (*Михайлович, а не Михаилович; Яковлевич, а не Яковович; Кузьмич, а не Кузьмович, и т. д.*).

Историческая антропонимика, преимущественно развивающаяся в русле изучения антропонимических ресурсов языка, также достаточно часто имеет предметом описания потенциальные имена, которые рассматриваются в одном ряду с развоплощенными актуальными антропонимами. Ср., например, высказывания ученых, включающие имена собственные: «Особенность *именника* крестьянок старой России, а в XVIII в. и горожанок – ничтожное количество *имен*, употребленных единично <...> Из городов несколько обособленное в этом отношении оказался Великий Устюг, где нашлись *Иуалентина (Валентина), Лукия, Маргарита, Поликсена, имена, очень редкие* в России того времени» (Никонов 1971: 125); «*Имена Курбат и Шаран*, по-видимому, попали к

русским от тюрок, а к тем – от арабов» (Суперанская 1998: 19) и многие другие.

В отличие от потенциальных антропонимов, имеющих закрепление в языке, актуальные антропонимы могут выступать как факты языка, так и речи. Очевидно, что многие актуальные антропонимы воспроизводятся в речи, уже имея референтную отнесенность, а не приобретают эту связь, устанавливаемую каждый раз заново в том или ином речевом контексте. Это говорит об их узуальном характере: «*Каждый знает имя героического лейтенанта Черноморского флота Петра Петровича Шмидта, композитора Петра Ильича Чайковского, русских флотоводцев Степана Осиповича Макарова, Федора Федоровича Ушакова и многих других выдающихся людей прошлого*» (Суслова, Суперанская 1991: 123).

В системе актуальной антропонимии от собственно языковых антропонимов отличаются речевые антропонимические номинации. Они не имеют закрепленности в языке, устойчивой воспроизводимости. Функционирование таких номинаций ограничено рамками одного высказывания или текста, а также группы текстов, которые базируются на нем и воспроизводят (цитируют) антропоним или антропонимическое сочетание в том же виде. Создание и употребление речевых номинаций связано с нарушением социальных конвенций об именовании лица, преследует цель выражения субъективного отношения к лицу, имеющего подчеркнуто индивидуальный характер («отношусь не так, как все – называю не так, как все»).

Вероятно, не имеют потенциального характера (способности к именованию любого индивида, носящего определенное имя) окказиональные эмотивные и экспрессивные словообразовательные варианты личных имен, образуемые в речи по моделям апеллятивных экспрессивов, например, с суффиксами *-енок* (*Катенок, Никитенок*), *-еньиш* (*Катеньиш, Клареньиш*) (Вежбицкая 1996: 136–137), *-енциј-* (*Катенция, Натулениция, Светулениция*), *-ин* (*Андрюшечкин, Светочкина*), как правило, не отражаемые в специальных словарях, фиксирующих производные личные имена в современном языке (Н. А. Петровский, А. Н. Тихонов с соавт., А. В. Суперанская). Данные случаи возможно рассматривать как речевые номинации, создаваемые по словообразовательной модели. Е. Ф. Данилина описала большое количество подобных примеров, которые она назвала «субъективными формами имен»: *Майя* (*Маёнок, Маёныш, Маина, Майна, Майонез, Майча, Майчик, Маюся, Ямайка*); *Людмила* (*Люданя, Людастая, Людоя, Людоуня, Люма, Люмаша, Люмок, Люсевна, Люсенция, Люсча, Люсяка*) и др. (Данилина 1969: 150).

В современном языке наблюдается тенденция к развоплощению русских фамилий. Современный официальный антропоним имеет трехкомпонентную структуру, основную идентифицирующую функцию в нем выполняет фамилия, способная занимать первое место в структуре именования и вытесняющая на второй план личное имя. В отличие от других компонентов (имени и отчества) фамилия не подвергается инициализации и на письме воспроизводится в полном виде. Наиболее ярко идентифицирующая функция современных фамилий проявляется в алфавитных списках лиц. Современная фамилия приняла на себя не только функцию личного имени, но его восприятие носителями языка. Развоплощение фамилий в современном языке, утрата референтной закреплённости и переход в разряд условных языковых знаков обусловлены несколькими факторами: активным развитием искусственной номинации в сфере фамилий (литературные «вымышленные» онимы, псевдонимы); возможностью менять, придумывать новые фамилии; закреплением фамилий словарями в качестве условных языковых знаков, не имеющих конкретной референтной соотнесенности. Т. А. Короткова, изучавшая процессы, связанные с меной фамилий свердловчан с 1929 по 1967 г., отмечала, что антропонимы, в силу своей ассоциативной коннотативности не отвечающие представлению их носителей о фамилии (*Дураков, Иродов, Смертин, Собакин* и т. п.), были заменены на стандартные – *Смирнов, Белов, Воробьев, Васильев, Иванов* и др. или типичные (соответствующие фамильным моделям) – *Уральский, Казанский, Никитченко, Сибирцев* и пр. (Короткова 1971). Переход «типичных» фамилий в разряд потенциальных антропонимов – явление позднее, характерное для современного языка. Отдельные фамилии полностью перешли в число потенциальных (достаточно вспомнить знаменитую тройку *Иванов, Петров, Сидоров*).

3. Системная организация. Актуальная и потенциальная антропонимия – это две самостоятельные номинативные системы, по-разному организованные.

Актуальная антропонимия представляет собой совокупность номинативных рядов, соотнесенных с разными объектами номинации. Антропонимия в составе номинативных рядов, как правило, рассматривается при анализе литературной ономастики. В исторической антропонимике данное явление также обращало на себя внимание исследователей, поскольку в XVI–XVII вв. одно и то же лицо в официальной речи могло называться по-разному. Разные именования одного лица, различные по структуре и по характеру используемых номинативных средств, имели общую референцию. Поэтому В. В. Палагина ввела термин «ан-

тропонимическое тождество», называющий ряд именовании с общим референтным значением (Палагина 1976: 57–69). Данный термин не вполне точен, поскольку именовании в составе такого ряда формально не тождественны (именно поэтому и возникает ряд). С позиций современной теории номинативной деривации такая парадигматическая оппозиция определяется как «номинативный ряд». По мнению В. М. Никитевича, «номинативный ряд – это система единиц, которые, различаясь своей структурой, соотносимы с одним и тем же денотатом, поэтому могут служить названиями одного и того же предмета, явления и, следовательно, способны замещать друг друга, выступая как коммуникативные эквиваленты» (Никитевич 1985: 116). Номинативная парадигма актуальных антропонимов в речи входит в более широкий гетерониминативный ряд, включающий апеллятивы, описательные обороты (различного рода дескрипции) и другие средства индивидуальной номинации лица, объединенные кореферентными отношениями (Гак 1972; 1999; Арутюнова 1977). Причем каждый такой ряд формируется вокруг одного специализированного, наиболее характерного индивидуального имени, обычно имени собственного. Основу для образования данных функциональных объединений составляют номинативная функция и референтное (индивидуализирующее) значение номинаций, связанных кореферентными отношениями. Номинативная парадигма актуального антропонима может включать как номинации, получившие закрепление в языке, так и речевые номинации с индивидуализирующей или характеризующей функцией. В целом актуальная антропонимия – это совокупность номинативных микрополей, имеющих общие принципы формирования, но разное (индивидуальное) наполнение.

Иначе организована потенциальная антропонимия. Функция служить потенциальным индивидуализирующим обозначением конкретного лица («ономастическая функция») определяет ее как полевую структуру. Центральное место в данной системе занимают собственно потенциальные (невоплощенные) антропонимы (личные имена и их варианты, отдельные модификаты, отчества и др.).

Потенциальные антропонимы существуют в языке не изолированно друг от друга, они объединяются в ряды (парадигмы) имен. В языке потенциальные формально нетождественные антропонимы сближаются на основании их функциональной эквивалентности как номинативные варианты. Отношения номинативной эквивалентности позволяют рассматривать данные образования как номинативные парадигмы потенциальных имен собственных в языке. По отношению к актуальной антропонимии данные парадигмы носят потенциальный

характер и лишь частично воплощаются в ряду кореферентных именовании одного и того же лица.

Центральное положение в системе потенциальных антропонимов занимают личные имена. Именно они в процессе развития языка приобрели широкие ряды номинативных вариантов. Имена *Анна, Нюра, Дмитрий, Митя, Иван, Ваня* и др. объединяет общая функция и сходство семантики, обусловленные их антропонимической потенциальностью. Потенциальные личные имена представлены в языке разнообразными вариантами фонематического, модификационного, стилистического характера.

В науке и в обиходном употреблении традиционно используется термин «форма личного имени» применительно к явлениям разного порядка: различаются полные и неполные (сокращенные) формы, канонические и неканонические (стилистически окрашенные – народные, разговорные, устаревшие и др.), уменьшительные, ласкательные, уничижительные формы имен и т. д. А. В. Суперанская отмечала наличие у календарных имен трех форм: церковной, народной и литературной (ТМОИ, 60). Некоторые исследователи называли «формами» антропонимов и разновидности составных именовании (Зинин 1969: 83). Термин «форма» в подобном употреблении не имеет четкой дефиниции, достаточно расплывчат, его использование, как правило, не мотивируется исследователями и обусловлено сложившейся лингвистической традицией.

В отечественном языкознании термин «форма» обладает многозначностью. В более широком понимании он относится к плану выражения языковыми средствами определенного значения / смысла и противопоставлен термину «содержание». В другом понимании формами называют разновидности отдельных языковых знаков или языковых систем внутри одного парадигматического ряда (грамматические формы слова, устная и письменная форма языка и т. п.). Понятие «форма личного имени» в исследованиях русских личных имен фактически слабо соотнесено с современным лингвистическим пониманием формы слова и соответствует достаточно широкой ее трактовке, свойственной отечественному языкознанию 50–60-х годов XX в.: «Понятие формы слова основано на сознании тождества слова при наличии дифференциальных признаков его употребления» (Виноградов 1975: 47). В. В. Виноградов выделял помимо грамматических форм также лексические (*проект – прожект*), стилистические (*врата – ворота*), лексико-стилистические (*острый – вострый*), лексико-синтаксические (наречие *согласно* – предлог *согласно*) и лексико-фразеологические формы, охватывая и лексико-

семантические варианты многозначных слов, и морфонологические варианты, и случаи грамматической омонимии, возникшие в результате транспозиции частей речи. Понятие «форма» слова достаточно смутно выделялось на фоне словообразовательных, стилистических и экспрессивных «вариантов» слова (*врата – ворота, очи – глаза, распаковка – распаковывание* и др.), рассматриваемых разными исследователями (Л. А. Булаховский, О. С. Ахманова и др.; см.: Немченко 1995: 25–26).

На сегодняшний день ономастика как особая отрасль лингвистики, несмотря на наличие специальных исследований в этой области (в монографии А. В. Суперанской «Структура имени собственного» вопросу о варьировании собственных имен отведена отдельная глава), в теоретическом плане существенно отстает от общей лингвистики, для которой вопрос разграничения типов парадигматических связей (словоизменяемых, словообразовательных и др.) слова и словоформы в целом решен. В трактовке формы личного имени ономастика и сегодня осталась на позиции первых научных работ по антропонимике, написанных в 60-е годы XX в.

Показательно, что «Словарь русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской (СРОТ), дающий определения малоупотребительных, редких терминов ономастики, не предлагает никакого толкования термину «форма имени собственного». Как полные синонимы отождествляются термины «форма имени» и «вариант имени»: «*Вариант имени (собственного) (вариантная форма имени)* – Видоизменение имени или любого элемента его структуры (фонемы, морфемы, лексемы) в различных языковых ситуациях» (СРОТ, 43), при этом отмечается, что «иногда вариант имени называют *дублетом*» (СРОТ, 44). Опираясь на существующие исследования в области ономастики, Н. В. Подольская выделяет следующие типы вариантов (форм) имени: *официальный* и *бытовой* (офиц. *Федор* – быт. *Федуха*, офиц. *Дмитрий* – быт. *Митяга* и др.); *литературный* и *диалектный* (лит. *Ксения* – диал. *Аксинья*, лит. *Фёдор* – диал. *Хвёдор* и др.); *стилистические* («различные формы одного имени, обусловленные жанром речевого произведения, целью высказывания») (*Георгий – Юра – Юрка – Жорж – Жора – Жоржик* и др.); *транскрипционные* («различные формы одного и того же заимствованного имени, образовавшиеся в данном языке в результате различных способов передачи») и другие типы вариантов (СРОТ, 43–45). А. В. Суперанская к «уменьшительным формам» личных имен относит не только явления модификации, но и словообразования посессивов: *Федец* ‘сын Феди’, *Федорец* ‘сын Федора’ (Суперанская 2004: 470). Даже при расширенном понимании форм слова как разновидностей, ва-

риаций, модификаций и мутаций слова в пределах одной парадигмы термин «форма личного имени» лишен однозначной трактовки, поскольку разнообразные вариации данных антропонимов не могут быть сведены в однородный по составу ряд.

Кроме того, трактовка «формы» как «виодоизменения» требует установления отношений первичности / вторичности имен, связанных формальными отношениями. Вряд ли правильно рассматривать варианты *Митяга*, *Аксинья* и *Жорж* как вторичные по отношению к именам *Дмитрий*, *Ксения* и *Георгий*: *Митяга* – это «виодоизменение» (модификация) имени *Митя* и связано с «полной формой» достаточно опосредованными деривационными отношениями, имя *Дмитрий*, как и *Митрий*, давшее гипокористику *Митя*, исторически «вторично» по отношению к исходному *Димитрий*; вторая пара *Ксения* – *Аксинья* сформировалась в языке параллельно в результате адаптации заимствованного имени к особенностям русского произношения и написания; имена *Георгий* и *Жорж* возникли в разных языках и не могут рассматриваться как производные друг от друга и т. д.

Представление о «полном официальном личном имени в современном написании» как первичном по отношению к другим вариантам находит отражение и в словарях личных имен, где данное имя возглавляет словообразовательное гнездо производных (Тихонов, Бояринова, Рыжкова 1995: 3). Имя *Жорж* в данном словаре рассматривается как производное от *Гор[ɛ|а]<Г(е)орɛ(ий)*, образованное способом чередования начального и конечного звука основы г/ж, что не может не вызывать критики. Как производное от *Георгий* рассматривается имя *Егорий* (*Егор*), что противоречит действительной истории возникновения данных вариантов греческого имени в русском языке, о которой писалось неоднократно (см., напр.: Бромлей 1975).

В словаре Н. В. Подольской предлагаемые типы вариантов (форм) имени совсем не учтены при определении понятия «парадигма имени». Несмотря на разнообразие форм, выделяются только два типа парадигм: словоизменятельная (морфологическая) и словообразовательная (СПОТ, 103–104). К словообразовательным относится, например, парадигма «Бобр – Бобр-ище – Бобр-ок». При этом указывается, что «в словообразовательной парадигме каждая единица – это самостоятельно существующее имя (курсив наш. – С. С.), само способное к словообразованию» (СПОТ, 104).

Таким образом, под «формами» имени собственного могут пониматься как варианты одного слова, так и разные слова, хотя вопрос о

соотношении словообразования (и шире – деривации) и формообразования применительно к именам собственным до сих пор не решен³.

Особенно осложняет рассмотрение данного вопроса отсутствие четкой научной позиции по отношению к так называемым формам субъективной оценки личных имен, которые уподобляются «степеням качества» как грамматической (словоизменительной) категории существительных, прилагательных, наречий в понимании К. С. Аксакова, А. А. Шахматова, В. В. Виноградова и других классиков отечественного языкознания. В современной науке за субъективной оценкой не признается статуса грамматической категории, и большинство лингвистов склонны к рассмотрению данного явления как словообразовательной модификации (РГ-80; Азарх 1984; Улукханов 1996: 160–161, и др.). Однако разграничение модификационных и деминутивных словообразовательных и формообразовательных аффиксов в академических и других авторитетных научных очерках словообразования русского языка носит не всегда последовательный характер, особенно в тех случаях, когда в одном ряду с нарицательными словами рассматриваются личные имена. В описаниях современной словообразовательной системы субъективно-оценочные формообразовательные суффиксы отграничиваются авторами от суффиксов, образующих стилистически сниженные синонимы мотивирующих имен, например, *формообразовательный* -к²- «со значением уменьшительности, которая обычно сопровождается экспрессией ласкательности, реже – уничижительности» (*бедняжка, пьянчужка, старушка*) и *словообразовательный* суффикс стилистической модификации -к⁹- (*Валерка, Светланка, дядька, нянька, елка, иголка* и др.) (Ефремова 1996: 234, 238). К формообразовательным также отнесен суффикс -очк²- (*-очк-/очек-/ечк-/ечек-*) («образующий имена существительные мужского и женского рода с ласкательным или уменьшительно-ласкательным значением»: *Ванечка, дядечка, нянечка, Ниночка, мамочка*) (Ефремова 1996: 356–357) и др. Суффикс -ух- (*комната – комнатуха; Валя – Валюха*) определяется как *словообразующий суффикс стилистической модификации* (РГ-80, 217; Ефремова 1996: 482), а суффикс -ик- (*Валерий – Валерик, Шура – Шурик*) – как *суффикс с уменьшительно-ласкательным значением* (РГ-80, 215; Ефремова 1996: 185) и др. Следуя этой логике, *Валерий* и *Валерка* – это разные слова, а *Валерий* и *Валерочка* – это одно слово в разных формах.

³ В некоторых работах вводится понятие «именное формообразование» (образование «производных форм»), противопоставленное фонематической вариативности личных имен (например, *Никита – Микита*) (Ганжина 2004).

На историческом материале подобное разграничение формообразовательных и словообразующих суффиксов личных имен предлагала А. Н. Мирославская. К словообразующим морфемам она отнесла суффиксы русского языка (типа *-ак*, *-ук*, *-юк*, *-н(я)*, *-ух(а)* и др.), которые использовались в апеллятивной лексике для образования личных существительных и, присоединяясь к основам календарных имен, позволяли воспринимать их как названия лиц, лишённые какой-либо экспрессивной окраски. К формам субъективной оценки календарных и некалендарных имен, примерно с XVI в. используемых для выражения социальной оценки и имеющих уничижительную окраску, по мнению А. Н. Мирославской, относятся образования с суффиксами *-ко* / *-ка*, *-ец* и *-ик* в мужских именах, и *-ка*, *-ица* – в женских (Мирославская 1971: 47–50).

При оценке модификатов личных имен с точки зрения их отношения к немодифицированным именам следует помнить, что многие из них не создаются каждый раз заново, а воспроизводятся из языкового запаса говорящего в готовом виде. Н. А. Янко-Триницкая, обратившая внимание на специфику словообразования русских личных имен в современном языке, отметила, что «уменьшительные от них образуются по особым правилам, а чаще всего даже и не образуются, а просто существуют в языке. И все знают, что Шура – это Александр или Александра, а Юра не только Юрий, но и Георгий, а Тоня или Тося – Антонина» (Янко-Триницкая 2001: 70). Другими словами, многие модификаты календарных имен носят потенциальный языковой характер. К ним следует отнести гипокористики и некоторые суффиксальные образования на базе частых имен (стилистические модификаты с нейтральной оценочностью): *Иван – Ваня*, *Григорий – Гриша*. Узуальный характер таких модификатов подтверждается специфичной словообразовательной мотивированностью многих из них и не свойственными современному словообразованию фонетическими чередованиями, которые могут быть объяснены только с позиций истории языка и изменений облика имени (*Дмитрий* / *Димитрий* / *Митрий* – *Дима*, *Митя*; *Сергей* – *Сережа*). С этих позиций *Дмитрий* и *Митя* – это разные слова, это два самостоятельных личных имени, связанных отношениями номинативной эквивалентности, вариантности.

Потенциальный характер модификатов объясняет сохранение ими рудиментов древнейших словообразовательных систем. Например, формант *-и*, восходящий к праславянскому суффиксу ‘задненебный согласный + j’ (-s’- < *-xj-), уже в исходной системе древнерусского языка не участвовал в словообразовании апеллятивов (Азарх 1984: 12).

В XVII в. он сохраняется в основах модификатов антропонимов: *Иваш*, *Якуш*, *Меркуш*, *Онтуш* и др. или используется для образования имен по данной антропонимической модели.

Решение вопроса о «формах» личных имен напрямую связано с описанием «концепции личного имени» (в терминологии А. В. Суперанской). Изменение концепции имени и перестройка именных систем в истории русского языка происходили неоднократно. По словам А. В. Суперанской, в разные эпохи имя воспринималось то как «второе я» именуемого, то как символ некоторых идей, то как выражение пожелания на будущее, то как способ уберечь ребенка от поджидающих его бед (Суперанская 2001: 27). Исследователь рассматривает несколько концепций имен: семантическую, характерную для древних именных систем, православную и протестантскую. В русской культуре в течение нескольких столетий господствовала православная концепция имени, «при которой церковная форма его принималась за эталон, вокруг которого группировались светские, принятые литературным языком, а также использовавшиеся в разных диалектах и в городском просторечии формы» (Суперанская 2002: 303).

В православии имя прежде всего связано с образом святого. Как отмечал свящ. П. Флоренский, «личное имя оценивается Церковью, а за нею — и всем православным народом как тип, как духовная норма личностного бытия, как идея, а святой ее наилучший выразитель». Именование человека именем святого знаменовало духовную преемственность, благодатную близость к святому, его покровительство, единство духовного типа и общего пути. Это связано с тем, что личное имя в православии — одна из важнейших духовных ценностей, это данное свыше и творящее человека Божье Слово. Поэтому, по словам П. Флоренского, «воображать себе отвлеченную возможность придумывания имен есть такая же дерзкая затея, как из существования пяти–шести мировых религий выводить возможность существования ещё скольких угодно». То есть личное имя христианину не придумывается и не выбирается, а дается свыше: «самому Господу, еще не зачавшемуся на земле, было предуготовано от вечности имя, принесенное Ангелом. Тем более — люди» (Флоренский 1993: 34–35). По словам известного православного мыслителя С. Н. Булгакова, имя собственное не является обычным словом, «имя есть энергия, сила, семя жизни. Оно существует “по себе” или “для себя” независимо от того, применяется ли оно». Имя «формирует, изнутри оформляет своего носителя: не он носит имя, которым называется, но в известном смысле оно его носит»; новые имена не выдумываются людьми, а «возникают, говорят сами за себя так, как говорят се-

бя вещи» (Булгаков 1998: 242–243). «Именованье всегда более или менее слепо, и нужно особое озарение благодати Божией, чтобы правильно наименовать, т. е. осуществить наибольшее соответствие имени и его носителя, явить имя, человеческую идею в ее чистоте и полноте» (там же: 245).

Потенциальное по отношению к именованию человека имя святого в сознании представителей православной культуры – это точка отсчета, мерило именования человека. Искажение имени меняло и его сущность, поэтому Церковь всегда боролась за сохранение звукового облика имени. В руководствах по практической деятельности русского духовенства осуждались люди, «которые в знак пренебрежения к кому-либо произносят его имя в уменьшительно-порицательном виде» (Булгаков 1993: 955).

Перестройка именных систем, связанная с протестантским движением, начавшимся в Европе в XVI в., была определена стремлением к высвобождению из оков католицизма, созданием новых имен-лозунгов, имен-идеологем. По словам А. В. Суперанской, «протестанты святых не признают, а имена католических святых, которые они активно используют, даются ими по традиции, как слова, удобные для именования людей. Любое изменение в написании известного имени для них – новое имя. Например, Catharina, Catarina, Katarina для них разные имена» (Суперанская 2002: 303). В русском именослове аналогичные процессы происходили в 20–30-е годы XX в., что нашло отражение в активном имятворчестве (Суперанская 2001: 35). По мнению исследователя, близка к протестантской концепция личного имени, принятая современными работниками нотариата и ЗАГС, которые относятся к именам как «к особым, юридически значимым знакам со строгой последовательностью изображающих их букв» (Суперанская 2002: 303).

Таким образом, из сказанного выше следует, что восприятие разных слов в качестве «форм» одного имени можно оценивать как проявление культурных стереотипов личного имени, традиционных для той или иной конфессионально-этнической культуры. Это внешний фактор, определяющий функционирование имен в речи, не обусловленный свойствами самих антропонимов как языковых знаков. Иначе говоря, указанное обстоятельство характеризует не антропонимическую систему в ее языковой сущности, онтологию имени в языке, а ментальное «бытие» имени в сознании носителей языка. А. В. Суперанская не без оснований призывает читателей к тому, что «не следует терять *традиционного русского взгляда на имена*. Начиная с глубокой древности наши “живые имена” существуют в многочисленных вариантах, и нельзя

каждый такой вариант (*Наталия, Наталья, Наташа, Ната, Натуся, Туся*) считать отдельным самостоятельным именем» (Суперанская 2002: 304). Вероятно, этим объясняется и использование в работах А. В. Суперанской терминов «светская форма имени» и «церковная форма имени», синонимичных термину «вариант имени», поскольку проблема имени как слова, единицы лексической системы при подобной трактовке антропонимических систем не воспринимается как существенная. Между тем представляется достаточно очевидным, что личное имя в православной концепции – это не одно и то же слово в разных формах, а парадигма слов, используемых в качестве функциональных заместителей нормативного (канонического) антропонима. Данное тождество обусловлено не особой языковой спецификой русских имен, а языковыми конвенциями, принятыми в обществе.

Конечно же, конвенциональный характер соотношения разных слов в качестве номинативных вариантов антропонима имеет и внутреннее языковое причины. Семантические отличия между вариантами потенциальных имен слабо выражены (только за счет культурных коннотаций), зато особую значимость имеют формальные связи различного характера. Одни варианты – производные по отношению к другим и деривационно связаны с ними (*Михаил – Миша; Андрей – Андрейка*), а другие только соположены в системе русских потенциальных антропонимов (*Трифан – Труфан, Варфоломей – Вахромей, Агей – Аггий*), тождество между ними устанавливалось и сохранялось целенаправленными усилиями носителей языка.

Номинативные парадигмы потенциальных имен могут включать различные оппозиции вариантов. Они представлены двумя большими группами: первая – *номинативные варианты одного слова-онима*; вторая – *номинативно эквивалентные разные слова-онимы*.

В первой группе можно выделить три варианта. Во-первых, транскрипционные (орфографические) варианты агонимов, существующие в языке как номинативные варианты одного потенциального имени, возникшие в результате разного прочтения греческих имен или их последующей правки по греческим текстам более позднего времени (*Кипреян – Кюпреян; Пимен – Пумен; Сава – Савва; Агей – Аггий; Панкратий – Пагкратий*).

Во-вторых, фонематические варианты, являющиеся следствием адаптации заимствованных имен к произносительным нормам русского языка (*Нестор – Нестер, Мария – Марья*) или поиска общей формальной антропонимической модели, что нередко приводило к вариациям облика имени: *Сава–Саввин–Саватей–Савелий ↔ Савастьян (Сева-*

стьян); *Терентий, Лаврентий, Викентий ↔ Мелентий (Мелетий), Дементий (Дометий), Арсентий (Арсений)* и др.

В-третьих, грамматические варианты слова как результат грамматической конверсии (мена грамматической парадигмы): *Захария – Захарий; Марк – Марко; Михаил – Михайла, Данила – Данило, Иоиль – Ивоило* и др.

Во второй группе можно выделить четыре варианта. Во-первых, варианты личных имен, возникшие в результате словообразовательной модификации, а именно:

а) модификаты, образованные способом усечения основ (имена-гипокористики): *Степан > Степа, Филимон > Филя, Даниил > Даня* и др.;

б) модификаты, образованные при помощи суффиксов по словообразовательным моделям; среди них могут быть выделены первичные и вторичные модификации: *Евсей – Евсюк – Евсючко, Первой – Первуня – Первуница* и др. (Толкачев 1977: 79–81; Смольников 2002; Комлева 2002);

в) потенциальные имена, традиционно воспринимаемые в качестве словообразовательных вариантов календарных имен, но не являющиеся результатом собственно деривации при синхронном рассмотрении антропонимической системы. К числу подобных имен следует отнести некоторые гипокористики (*Дима, Костя* и др.) и отдельные модификаты, которые, скорее всего, возникли на более ранних этапах формирования антропонимии, сохраняют следы архаичной аффиксации (*Сергий – Сережа (*t+j)* и др.). С этим связаны трудности в выделении формантов в данных образованиях.

Во-вторых, структурные варианты как результат формальной модификации именных основ по формальным моделям антропонимов при помощи основообразующих структурных элементов (квазиморфем), возникающих вследствие фиктивного членения именных основ.

Формальные преобразования подобного типа обусловлены отношениями ассоциативно-деривационного (наличие деривационных моделей) и формально-ассоциативного характера. Последний вид формальных отношений находит отражение в *фиктивном членении* или *фрагментации* (*Ив-ан – Степ-ан – Адри-ан*), а также сегментации антропонимических основ (Белецкий 1972: 49). Установлению системных отношений между различными календарными именами способствовало их формальное сходство, созвучие или сходство финали нескольких календарных имен (паронимическая аттракция): *Кир–Кирилл–Кириак–Кирьян; Харлампий – Евламбий*.

Взаимовлияние календарных имен в истории антропонимической системы русского языка связано с выделением в их основах псевдо-структурных отрезков лексемы – квазиморфем. Как правило, это были финальные звуко сочетания, поскольку «при наивной этимологии подбирался ряд не для корня (который оставался “без значения”), а для формальных элементов – словообразовательных или грамматических» (Никонов 1963: 220): *Степан–Степа, Емельян–Емеля, Епифан–Епиха, Демьян–Дема* и др.; ср.: *Несмеян, Лобан, Коробан* и др., а также: *Андрей–Андреян, Гурий–Гурьян* и др.; *Данило–Даня, Гаврило–Гавря, Михаил–Миха* и др.; ср.: *Шумило, Томило, Ворошило* и др.

В-третьих, фонематические и транскрипционные варианты личных имен, в силу их прецедентности получившие закрепление в языке в качестве разных имен. Как отмечает А. В. Суперанская, «лингвистически одинаковые имена с небольшими отклонениями в их написании, если ими звались разные святые, стали восприниматься как разные имена: *Авраамий* и *Аврамий*, *Алфей* и *Алфий*, *Аполлон* и *Аполлоний*, *Ахила* и *Акила* и др. В то же время ряд церковных источников считает *Акепсим* и *Акепсима*, *Василий* и *Василько*, *Еввентий* и *Иувентин* и некоторые другие одним и тем же именем, вернее именем одного и того же святого» (Суперанская 2002: 302–303). Разрушение номинативной парадигмы потенциальных имен всегда связано с нарушением конвенции, с тем, что варианты начинают восприниматься носителями языка как разные имена (соответственно – разные слова), имеющие свои номинативные ряды (ср.: *Георгий – Юрий – Егор*; *Ксения – Аксинья – Оксана*; *Елена – Алена – Олеся* в современном именослове и др.).

В-четвертых, к возникновению вариантов приводило формально-ассоциативное (паронимическое) сближение имен разных языков, соотносимых в качестве номинативных эквивалентов (*Георгий – Жорж*, *Сергей – Серж*, *Людмила – Люси*, *Маргарита – Марго* и др.). Паронимическое сближение личных имен и нарицательных слов (*Сергей – Серый*) в большей степени характерно для речевых и устойчивых актуальных номинаций (*Зоя – Зайка*, *Майя – Майонез*, *Светлана – Светлость* и др.).

Соотносимые между собой имена и их варианты различаются с точки зрения стилистической окрашенности, отношения к активному или пассивному запасу и ряду других признаков. Стилистическая дифференциация (церковное – народное, официальное – бытовое) носит конвенциональный характер, она устанавливается обществом и его институтами (Церковью, делопроизводственными структурами и другими, разрешающими или запрещающими использование тех или иных вари-

антов имен в разных сферах деятельности человека), регламентируется письменными текстами (церковные календари, официальные справочники для работников ЗАГС) или культурными традициями именования человека в зависимости от его социально-возрастного статуса или ролевых установок участников общения.

Номинативные парадигмы потенциальных антропонимов достаточно консервативны. Расширение их в истории русской антропонимии происходило вследствие реформ именника, которые А. В. Суперанская определила как «искусственное вмешательство в русский именослов» (Суперанская 1998: 44). В разные эпохи, на различных стадиях развития русского языка складывались номинативные ряды личных имен, большинство которых сохранилось до сегодняшнего дня.

Не формами слов, а словообразовательными вариантами являются и многочисленные видоизменения актуальных антропонимов по тем или иным словообразовательным моделям. С. Г. Крыжановская, исследовавшая словообразовательные варианты антропонимов в русских народных исторических песнях XVII–XIX вв., отмечает различные случаи аффиксации и аффиксальной мены в именованиях персонажей: *Лопухов – Лопухин, Пугачев – Пугаченька, Маринка Юрова – Маринка Юрьевна – Маринка Юрьева, Дементьевич – Дементьянович* (Крыжановская 1979: 38). В целом можно утверждать, что образование по модели, основанное на деривационной аналогии, – это ведущий способ словообразовательной модификации антропонимов.

Система потенциальных антропонимов формируется в языке под влиянием актуальной антропонимии. А. В. Суперанская отмечала, что «для того, чтобы знать, что произнесенное слово – собственное имя, необходимо, чтобы существовал хотя бы один объект, им зовущийся <...> “воплощенность” имен оказывается необходимым условием становления лексических единиц как имен собственных» (Суперанская 1993: 34). Иначе говоря, граница между потенциальными и актуальными антропонимами размыта, можно говорить о зоне перехода – группе антропонимов, которые, будучи актуальными именованиями лиц, в то же время осознаются носителями языка как потенциально возможные обозначения для новых членов социума. Поэтому ближнюю периферию функционального языкового поля потенциальной антропонимии составляют отдельные группы актуальных антропонимов – имена святых (*агионимы*), имена предков, родственников (*генесионимы*) (см. об этом: Разумова 2001: 56–71), имена царей, вождей, культурных героев, известных личностей (*прецедентные имена*) и др.

Наиболее ярко периферийное положение в системе потенциальных антропонимов проявляется у *агионимов* (имен святых православной Церкви, включенных в святцы и используемых при обрядовом именовании). В науке до сих пор с одних и тех же позиций описываются канонические и неканонические календарные имена (*Даниил* – *Данила*, *Василий* – *Василей* – *Василь*, *Еустахий* – *Евстахий* – *Евстафей* – *Стахий* – *Остафей* – *Остан* и др.), хотя они представляют собой разные языковые явления. Канонические имена – это «воплощенные» имена, агионимы (*Иоанн*, *Стефан*, *Даниил*), включенные в святцы и сопровождаемые житиями святых, неканонические – это потенциальные антропонимы, закрепленные в языке (*Иван*, *Степан*, *Данило*). Различие потенциальных антропонимов и агионимов обусловлено тем, что они входят в разные номинативные ряды. Функциональные связи агионима ограничены парадигмой именовании святого, а воплощенные в именовании конкретного человека – номинативной парадигмой его именовании, в то время как потенциальное имя включено в широкую систему вариантов, не соотносимых с конкретными лицами.

Для рассмотрения разного статуса потенциальных имен и агионимов показательно, что реформы православного именника в XVII в., связанные с деятельностью патриарха Никона, главным образом отразились на агионимах, но мало затронули систему личных имен, употреблявшихся в официально-деловых текстах. Номинативные парадигмы агионимов в языке существенно изменились, номинативные парадигмы светских антропонимов календарного происхождения не только остались прежними, но и пополнились за счет новых кодифицированных вариантов агионимов (*Панкратий* – *Пагкратий*, *Агей* – *Аггий*, *Сава* – *Савва* и др.). Все это говорит о том, что календарные имена, традиционно рассматриваемые исторической ономастикой как относительно однородное множество антропонимов, функционально и семантически неоднородны. Это находит непосредственное отражение в частотных характеристиках именника прошлых эпох. Количественно-статистические данные, приводимые многими исследователями, требуют детального осмысления и нового научного комментария, который может стать темой специального большого исследования и в задачи настоящей работы не входит.

4. Отношение к активному запасу. Потенциальная и актуальная антропонимия имеют разное отношение к активному / пассивному запасу лексики. Потенциальные антропонимы, а также развоплощенные имена собственные (например, прозвища, фамилии) могут оцениваться с точки зрения частотности их использования в качестве ресурсов име-

нования. Именно к системе потенциальных личных имен применимо понятие «репертуар», определяющее частотность употребления антропонимов для именования человека. Многочисленные исследования имен «массового», «широкого» и «ограниченного» употребления используют количественно-статистические методы (В. Д. Бондалетов, Л. М. Щетинин, В. А. Никонов, А. В. Суслова, А. В. Суперанская и др.). Термин «репертуар» личных имен, используемый в многочисленных исследованиях по русской антропонимике, указывает специфическую черту потенциального имени, который может оцениваться с позиций активного и пассивного запаса. Признак частотности как показатель стратификации системы не применим к актуальной антропонимии. Количество употреблений актуальной номинативной единицы характеризует только степень ее устойчивости и в некоторых случаях (применительно к историческому материалу – далеко не всегда) может служить основанием для разграничения языковой и речевой антропонимии. Потенциальное имя пассивного запаса может оцениваться как «старое», «устаревшее», «новое» и т. п., как *имя-архаизм*, *имя-неологизм*. Это связано с тем, что система потенциальных имен в языке изменяется очень медленно.

Актуальная антропонимия более динамична. Официальная антропонимия как лексическая подсистема русского языка имеет нестабильный характер, для нее свойственно постоянное обновление. Появляющиеся новые актуальные антропонимы функционируют в языке социальных групп, часть их становится достоянием общенародного языка (имена общественных деятелей, известных личностей и т. д.). Она также может характеризоваться с позиций активного и пассивного запаса, но это определяется не частотностью, предпочтительностью выбора данной номинации лица, а степенью актуальности представления о конкретном референте для носителей языка, регулярностью употребления актуального антропонима в речи. Утрата актуальности антропонима равнозначна ограничению его употребления и постепенному исчезновению из языка. По данному признаку актуальные антропонимы несколько отличаются от потенциальных. Среди них можно выделить *антропонимы-историзмы* (*Иван Грозный, Димитрий Самозванец, Никита Сергеевич Хрущев*), тогда как для потенциальных антропонимов пассивного запаса более свойственна архаизация и постепенное выпадение из языкового запаса.

5. Степень известности и сфера употребления. Потенциальная антропонимия может характеризоваться и с точки зрения сферы употребления. Для современной антропонимии свойственна строгая стили-

стическая дифференциация, которая носит конститутивный характер и является следствием кодификации языка. Различные сферы употребления позволяют исследователям выделять параллельные антропонимические системы. Обычно противопоставляют официальную и неофициальную системы (Суперанская 1973: 4). В. А. Никонов обозначил данную оппозицию как противопоставление системы документальных имен параллельным видам именований, употребляемым в повседневной речи (Никонов 1986: 265).

По признаку сферы употребления антропонимия, как и лексика языка в целом, делится на общепотребительную и ограниченную в употреблении территориально, социально, профессионально.

Понятие антропонимических и топонимических диалектов рассматривалось в 1960-е годы А. В. Суперанской, а вслед за ней некоторыми исследователями (Палагина 1968: 83–84). Вопросы об отношении ономастической лексики к социальной дифференциации национального языка затрагивались и в книге А. В. Суперанской (1973). В частности, было предложено разграничение системы имен литературного языка и диалектных подсистем. «Подсистемы эти территориальны <...> в известной степени социальные. Территориальный признак определяет модели, в соответствии с которыми образуются имена, от второго (социальный признак) в известной степени зависят морфемы-наполнители этих моделей» (Суперанская 1973: 223–225). Позднее, возвращаясь к рассмотрению данного вопроса, А. В. Суперанская рассматривала отношение разных групп антропонимов к диалектным подсистемам. Исследователем отмечено, что распространение документальных русских календарных имен по территории России не связано с диалектными зонами, хотя в некоторых местностях и может наблюдаться разная степень активности тех или иных антропонимов, обусловленная культурно-идеологическими причинами, например, куклами местночтимых святых (ТМОИ, 60). По мнению А. В. Суперанской, не должны рассматриваться как принадлежность диалекта фамилии, поскольку они образовались по стандартным моделям, а диалектных моделей фамилий нет (ТМОИ, 61). Вместе с тем ареальный признак многих русских фамилий убедительно доказан В. А. Никоновым (1988), описавшим их географию.

Таким образом, ономастическая система определенной территории включает в себя средства, как локально не ограниченные в употреблении, так и локально отмеченные. В связи с этим Л. А. Климова предложила рассматривать имена собственные двух видов: общепотребительные имена и собственные имена-регионализмы («проприналь-

ные регионализмы»). Ко второму виду исследовательница отнесла микротопонимы и примыкающие к ним топонимы той же территории, а также микроантропонимы (прозвища и «уличные» фамилии) (Климкова 1994: 53).

Вопросы ареального исследования древней антропонимии неоднократно поднимались и отчасти решались в науке: а) география и функциональная нагрузка антропооснов древних композита в разных славянских языках (Юркенас 1976); б) ареалы словообразовательных моделей и суффиксов антропонимов (Заказчикова 1977; Азарх 1981; 1993; Гвоздева 1987; Чайкина 1987; Алабугина 1989, и др.); в) география фамилий (Никонов 1988, и др.); г) распространение женских именований на *-иха* (Климкова 1969; Поротников 1970; Никулина 1979; Азарх 1979; 1984; Полякова 1994, и др.); д) география неканонических вариантов календарных имен на Русском Севере, сопоставительный анализ именников жителей разных русских городов (Семыкин 2000; Чайкина 2004, и др.); е) локальные различия моделей именования лица в деловой письменности по различным русским территориям (Палагина 1968; Зинин 1969), и др. Вопрос о соотношении общенародных и диалектных вариантов личных имен решался на современном материале в работах Е. Ф. Данилиной (1970; 1977), П. Т. Поротникова (1979; 1982) и др.

Применительно к актуальной антропонимии средней и малой степени известности антропонимический ареал определяется территорией, на которой имя обладает определенной референцией. В отличие от антропонимических ресурсов, многие из которых ограничены территориально, актуальная антропонимия принадлежит языкам социальных групп, объединенных территориальным либо профессиональным признаком. Очевидно, что ареалы потенциальных и актуальных антропонимов не совпадают.

1.4. Потенциальная антропонимия приказного языка XVI–XVII вв. и антропонимические ресурсы социальных и территориальных антропонимических диалектов: к вопросу о взаимодействии и интерференции

Формальная общность антропонимии в документах XVI–XVII вв., деловых актах, составленных в разных регионах русского государства, обусловлена едиными нормами приказного языка, средствами которого оформлялись старорусские деловые тексты. «В процессе развития деловой письменности стабилизация формуляра акта ведет обычно к форма-

лизации языка соответствующего вида документов, оформление той или иной клаузулы в правовом отношении, как правило, сопровождается кристаллизацией соответствующей языковой формулы или определенного их набора» (Дерягин 1980: 100).

В XV–XVI вв., по мнению Б. А. Ларина, по мере усиления централизации административной системы создается единство административной терминологии и фразеологии, единство основных норм деловой письменности, формируется нормализованный язык московских приказов (Ларин 1961: 29). Основными признаками *приказного языка* выступают нормированность, стандартизация, ограниченная вариативность.

Соотношение приказного языка с общенародным русским языком и его книжной и устной (разговорный, обиходно-бытовой язык) разновидностями, а также определение понятия «приказный язык» стали предметом научных дискуссий. Б. А. Ларин отождествлял приказный язык с языком приказного сословия, С. И. Котков, возражая ему, отмечал, что «полного соответствия приказного изложения ни говору приказного сословия, ни устной общенародной речи и, в частности, говору Москвы не было и быть не могло» (Котков 1974: 44–45).

В научных работах по данной проблеме отсутствует последовательная дифференциация понятий «приказный язык», «деловой язык» и «деловая речь». В концепции Б. А. Ларина нормализованный язык деловой письменности тождествен нормализованному языку московских приказов. Особый письменный приказный язык, формирование которого было связано с распространением скорописи, по словам Б. А. Успенского, напротив, был связан с русской языковой стихией («при том, что этот язык может обнаруживать элементы искусственного нормирования») и отчетливо противопоставлен церковнославянскому языку, которому соответствовал полуустав книжного письма, как «некнижный письменный язык» «письменному книжному языку» (Успенский 1994а: 61). По мнению Г. В. Судакова, соотношение делового и литературного языка XVII в. было достаточно сложным и динамичным, «отдельные типы деловой речи в некоторые моменты приближались к книжно-литературному языку, а другие типы всегда ему противостояли <...> в каждом типе деловой письменности действовали свои узусные нормы, еще мало изученные, поэтому наряду с попытками обобщения данных о специфике делового языка целесообразно продолжать дифференцированное изучение деловых текстов» (Судаков 1995: 119).

Одни исследователи считали, что *деловой язык* разных центров Московской Руси был единообразен (Ларин 1969: 29), другие, возражая им, утверждали, что русская *деловая речь* старорусского периода не бы-

ла единой, а существовала в местных (локальных) вариантах, о чем свидетельствует, например, сопоставление формуляров и лексического наполнения купчих и порядных (актов, в наибольшей степени стандартизованных), которые были составлены на территории Новгородской и Двинской земель, с одной стороны, Белозерья – с другой, московских и южновеликорусских – с третьей (Дерягин 1980а: 450–453).

Приказный язык представлял собой совокупность лексических и грамматических средств, речевых клише, отобранных для использования в письменных документах и закрепленных образцовыми текстами, созданными в московских приказах. Как отмечает Т. В. Кортава, приказный язык – это особый тип письменного юридического языка, корни которого уходят в дописьменную эпоху (Кортава 1998). Освоение нормализованного, клишированного языка документов предполагалось в процессе обучения скорописной грамоте на образцах деловых текстов.

Приказный язык в различной мере мог использоваться при составлении разных документов и находил разную реализацию в идиостилиях старорусских писцов. Подавляющее число частно-деловых актов было составлено писцами-профессионалами (земские дьяки, церковные дьячки и др.), пожизненным занятием которых было деловое письмо. По словам А. И. Копанева, только в Двинском уезде в первой половине XVI в. таких составителей документов насчитывалось около 400 человек (Копанев 1974: 160).

В приказном языке XVI–XVII вв. сформировались особые нормы именования лица, свои требования к использованию антропонимии. Антропонимия приказного языка и актуальная антропонимия социолектов представляли собой параллельные системы именования, имеющие множество точек пересечения. Этим обусловлена трудность в описании локальных разновидностей антропонимических систем в старорусском языке на материале текстов древнего делового письма.

Исследователи исторической ономастики отмечают, что главная задача исторической антропонимики – описание развития общерусской системы именования – может быть решена только путем изучения региональных антропонимических систем «с обязательным учетом особенностей исторического развития конкретных территорий, связанных с определенными социально-экономическими и историко-культурными параметрами» (Ганжина 1992: 1).

Трудности лингвогеографического описания исторической антропонимии связаны с характером источников – памятников деловой письменности. Как известно, именование лица в документах зависело от принятых в делопроизводстве норм. Ареальное сопоставление личных

именований деловой сферы в большей степени отражает общие и локальные писцовые традиции, нормы составления документов, обусловленные влиянием разных письменных центров, чем особенности живой разговорной речи. Антропонимия деловой сферы XVII в. характеризуется неупорядоченностью и в то же время подравниванием именований под существующие образцы. Поэтому описание антропонимии деловых текстов, относящихся к той или иной русской территории, требует обязательного установления соотношения актуальной антропонимии и приказного языка, через призму которого она отражена в письменном источнике.

В официальном именовании человека в XVI–XVII вв. могли воплощаться элементы как приказного языка (потенциальные стандартные имена), так и территориальных ономастических диалектов (актуальные антропонимы – локально отмеченные средства именования).

Диалектный характер могли приобретать имена, возникшие в результате ремотивации календарных антропонимов или их модификатов. Например, памятники письменности XVI в. фиксируют активность на отдельных территориях имени *Семья*, возникшего как народный вариант модификата календарного имени *Семион* (Семен) – *Семейка*: «деревни Ягана *Семее* Иванову <...> *Семья* Васильев, *Семья* Усачов» (Межев. пам. Лохоц. в. 1482; АСВР II, 173).

К подобным случаям можно отнести достаточно часто встречаемые в каргопольских документах имена *Огафан* (вариант имени *Агафон*) и *Парфей*. Первое имя возникло под влиянием формальной модели календарных имен с финалью *-ан*: *Васьян* (Вассиан), *Демьян* (Дамиан), *Селиван*, *Митрофан* и т. п. В сотных книгах Каргопольского уезда 1561–1562 гг. имя *Огафан* фиксируется весьма последовательно не только как личное имя, но и как основа патронимов: «*Огафан* Кипров» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 384); «*Костя Огафанов*» (там же: 326); «*Кирилко Огафанов*»; «*Павлик да Огафанко* Омосовы дети» (там же: 327); «*Онаша Огафанов*» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 380); «*Гашко Агафанов*» (там же: 417); «*Огафанко* Калинин» (там же: 400) и др. Даже в том случае, когда писец воспроизводил в именовании или в основе патронима общеупотребительный вариант имени *Агафон*, при повторном именовании лица мог восстанавливаться более привычный жителям данной местности облик имени. Ср.: «Полдеревни Борисовские Карпова, а полдеревни во лготе: в.⁴ Савко *Агафонов*, в. Ивашко Харлов,

⁴ В цитатах из памятников деловой письменности и их публикаций сохраняются принятые в них сокращения: *в.* – во дворе; *д., дв.* – двор; *дер., дрв.* – деревня; *кел.* – келья; *куз.* – кузница; *лав.* – лавка; *м.* – место; *он.* – онбар (амбар); *пдв.* – подворник; *поч.* – починок; *с.* – сын.

в. Иванко *Агафонов*» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 399) – «Полдеревни Борисовские Карпова, дана на лготу Савке да Ивашку *Огафановым* да Ивашку Харлову» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 402). Имя *Огафан* и патронимы или фамилии *Огафанов* почти столетие спустя фиксируются в Переписных книгах Каргопольского и Турчасовского уездов 1648 г.: «в. бобыл Потапко *Огафанов*» (Кн. пер. Каргоп. 1648: л. 2об.); «в. Филка *Агафановъ* сынъ» (там же: л. 22об.); «д. Спасского мнстря а в немъ соловар *Огафанко* Яковлевъ» (там же: л. 535об.) и др.

Имя *Парфей* и его производные также отмечены в каргопольских документах. Имя образовано на основе модификата календарного имени (*Паршук* < *Парха* < *Парфен* < *Парфений*) как аналог немодифицированного антропонима с характерным оформлением финали основы: «Дер. Дорожкинская: в. Якунка Окулов да Митка *Парфиев*» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 342); «в. Гришка Филиппов да Пасынки его Сергеико да Тараско *Парфеивы* дети» (там же: 348); «Маланя *Парфеева* жена Кончакова» (там же: 442).

В языке жителей отдельных территорий могли найти закрепление как *деривационные модели модификатов* календарных имен, так и образованные по ним имена. Современные исследования древнерусских имен собственных позволяют сделать вывод о том, что среди антропoформантов можно выделить несколько групп: суффиксы общеславянские, известные разным языкам и обладающие в них различной степенью продуктивности; суффиксы, известные только русскому языку и обладающие различной степенью продуктивности на всех русских территориях; локализованные суффиксы, обладающие продуктивностью на отдельных территориях.

К числу потенциальных антропонимов приказного языка, очевидно, относились некоторые модификаты, используемые в документах массовой переписи для именованя лиц «низкого происхождения». В писцовых и переписных книгах XVI–XVII вв. имя *Иван* регулярно заменяется на *Ивашко*, *Богдан* – на *Богдашка*, *Федор* – на *Федка*, *Первой* – на *Первушка* и т. д. Особый статус данных образований в ряду других модификатов старорусских личных имен неоднократно подчеркивался исследователями (Мирославская 1971: 47; Азарх 1981а: 235, и др.). В XVII в. фиксации их стандартны — имена крестьян и посадских жителей записываются преимущественно с качественными формантами -к-о, -к-а (*Жданко*, *Парфенко*, *Якунка*). Однако это не исключает употребления подобных имен и в повседневно-обиходной речи, вне документа.

Устойчивой продуктивностью обладали *-к-а*, *-к-о*, *-ец*, *-ш*, *-уш-а*, *-ш-а*, *-ух-а*, *-ай*, *-ут-а*, *-н-я*, *-ун-я*. Их активность характерна для всей старорусской антропонимии в целом (Зинин 1971; Карпенко 1980а; Вуйтович 1986: 54–60; Чайкина 1987: 70–78; Алабугина 1995: 110, и др.). Распространение их на всей исследуемой территории позволяет говорить об относительной однородности ономастиконов разных местностей, видимо, испытывавших сильное влияние антропонимических систем центральной Руси.

Большой интерес представляют раритетные форманты, которые, подобно «меченым атомам», показывают пути ранних и поздних миграций населения, активных на Русском Севере вплоть до начала XVIII в. Например, в исследуемом материале отмечен формант *-ат-а*, который восходит к общеславянской эпохе и характеризуется исследователями как наиболее продуктивный для Новгородских земель XI–XV вв. (Гвоздева 1987: 82). Личные имена с данным суффиксом отмечены в белозерских источниках: «*Урята* Федотов» (Кн. писц. Белоз. у. 1585: 65). На других территориях раннего славянского заселения он сохранялся как в названиях населенных пунктов, так и в основах фамилий: «Григорей Лукоянов сын *Овсятина*» (1543 г.); «улица *Овсятина*» (Устюг, 1623), «д. *Юратинье*» (Устьянская Шангальская вол.), «д. *Конятинская*» (Устьянская Ростовская вол.), «д. *Путятино*» (Пермогорская вол.), «д. *Скорятино*» (Сухонская вол. Верхняя Ерга Устюжского у.), «д. *Чернятино*» (низовья Юга, Быкокурский стан Устюжского у.) и др. Формант *-ат-а* в основах фамилий и топонимов свидетельствует о раннем времени их возникновения.

Формант модификатов христианских имен *-хн-о*, *-хн-е* (известный не только старорусскому, но и староукраинскому языку) встречается на Руси с XII в. (Толкачев 1977: 108), в XIV–XV вв. распространение имен с данным формантом локализовано (Гвоздева 1987: 80) – Новгородская, Псковская, Белозерская земли. По мнению В. Я. Янина и А. А. Зализняка, имена с *-хън-* (*Грихне*, *Вахне* и подобные) в раннем древненовгородском диалекте – черта севернокривичского происхождения (Янин, Зализняк 1993: 212). Большое количество подобных образований, в том числе в основах отчеств и названий деревень, отмечено исследователями в Новгородских писцовых книгах XV в. (Сельвина 1976: 138).

Круг имен, оформленных данным формантом, повторяется достаточно регулярно, что позволяет говорить об их закреплённости в языке жителей севернорусских территорий в качестве потенциальных антропонимов. К таким именам относились *Грихно* / *Грихне*, *Вахне*, *Махно*, *Михне*, *Рохно*, *Фехно*, *Юхно*. Именные основы, включающие данный

формант, встречаются в деловой письменности Каргопольского уезда, что и не удивительно, поскольку Каргополье издавна входило в состав новгородских земель. Антропонимы и топонимы, восходящие к данным именным основам, отмечены в волостях Волковской, Рагониме, Большой Шалге, Охтомице, Олге, Мудюге, Никольском погосте, Тевзе Горе, Кутованге, Фехталиме, Тамице, Чухчине Боре, Корелской волостке: «Дер. *Юхновская*»; «Дер. *Грихна* Лукина»; «починок *Грехновской* Скопина»; «Иванко *Фехнов*»; «деревня *Грихневская*»; «Деревня *Рахново*, а внеи двор, а пашет ея наездом ис Хехтолимы Юшко *Вахнов*»; «Юшко Иванов сын *Махнов*, Иванко *Махнов* Микитин» (Фехталима); «Харка Тимофеев сын *Махнова*» (Кутованга); «Гаврилко Василев сын *Вахнев*»; «Дер. *Вахновская*»; «Дер. *Вахневская*» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 347, 356, 376, 390, 407, 425, 431, 432, 437, 438, 444, 450, 461, 474 и др.).

Те же самые имена отмечены и на территории Верхнего Подвинья. Они главным образом отражены основами топонимов, в редких случаях встречаются и в фамильных антропонимах: «Ортемей Семеновъ сынъ *Грихневъ* Лузенинъ» (Устюг Великий, 1592 г.; Шляпин I, 30); «Ондреи Артемьевъ сынъ *Грихневъ*» (Ратмеровская вол. Усольского у., 1611 г.; АХУ I, 155). Фиксации антропотопонимов четко локализованы: д. *Михневская* (северодвинские волости Лупья, Ягрыш); д. *Вахневская* (Черевковская вол.); д. *Грихнева*, поч. *Рохновской* (низовья Вычегды, Пачезерский и Окологородный станы Усольского у.); д. *Вахнево* (Югская вол. Шарженьга). Распространение данных реконструируемых антропонимов в общих чертах соответствует предполагаемым местам ранних новгородских поселений.

В употреблении модификатов личных имен достаточно ярко проявляется сложное взаимодействие антропонимии приказного языка и актуальных именований, употреблявшихся в той или иной местности. В этом смысле показательно использование в официальном именовании антропонимов с суффиксом *-ук-ъ/-ук-ь*. По наблюдению Е. Л. Гвоздевой, данный суффикс, образовавший «производные оценочные формы от сокращенных основ», наивысшую активность имел в XIV–XV вв. и был наиболее распространен в центральных землях (Владимирской, Переяславской, Московской) (Гвоздева 1987: 71).

Модификаты с суффиксом *-ук-ъ/-ук-ь* регулярно встречаются в писцовых и сотных книгах XVI в. по Вологодскому, Белозерскому, Каргопольскому, Устюжскому, Усольскому и другим севернорусским уездам. В документах XVII в. такие случаи единичны. В одних источниках они характеризуются большим разнообразием, в других – представлены единичными употреблениями, либо только в основах патронимов

или топонимов: «*Васюк Серебряник*» (Сотн. А.-Сийск. м. 1593: 225), «в. Лучка *Сенюков*» (Сотн. Усол. 1586: 185) и др. Большим разнообразием производных отличаются каргопольские и белозерские книги: «староста *Лаврюк Михайлов*» (Кн. писц. Белоз. у. 1585: 75); «*Паришук Тимофеев*» (там же: 106); «Тренька да *Васюк Ивановы*» (там же: 112); «*Евтюк Окулов, Паришук Кирилов*» (там же: 313); «*Матюк Григорев сын Телегина*» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 327); «*Ларюк Терехов*» (там же: 367); «*Онишук Семенов*» (там же: 386); «Полиналица Семеновская жена да ее дети Степанко да Дмитрок да *Ортюк* да *Васка*» (там же: 392); «*Мишук Терентьев*» (там же: 400) и др. Несмотря на кажущееся разнообразие, круг повторяющихся модификатов календарных имен, оформленных данным суффиксом, в писцовых материалах достаточно ограничен: *Васюк, Евсюк, Евтюк, Ларюк, Матюк, Мишук, Онишук, Паришук*.

Среди подобных образований в писцовых книгах XVI в. преобладает имя *Васюк*: «*Васюк Терехов*»; «*Васюк Кирилов*»; «*Васюк Драница*»; «*Васюк Степанов*»; «*Васюк Иванов*»; «*Васюк Анцыфоров*»; «*Васюк Левин*»; «*Васюк Спирин*»; «брат ево *Васюк*» (Сотн. Волог. у. 1544: 88, 89, 90, 91, 92, 93) и др. Модификат *Васюк* отражен в основах, использованных в именовании патронимов и андронимов: «*Максимко Васюков*», «*Прохорко Васюков*»; «*Якунка Васюков*»; «*Терех Васюков*»; «*Матренка Васюковская жена з детми*»; «*Мартынка Васюков сын Логинова*» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 319, 324, 335, 346, 399, 470) и др.

Избирательность употребления форманта для образования модификатов тех или иных имен (преимущественно для модификата *Васюк*) в писцовых материалах XVI в. можно интерпретировать как воплощение в именовании стандартного имени, имеющего официальный характер, закрепленного традициями московского делопроизводства и вносимого в документ писцом.

Очевидно, имена с суффиксом *-ук-ъ* старым писцовым стандартом относились к числу официальных «полуимен» для лиц низшего социального и противопоставлялись другим модификатам тех же имен, менее официальным. Данное противопоставление подтверждается тем, что образования с суффиксом *-ук-ъ* в документах, содержащих повторные именованья лиц («судные списки», «распросные речи»), могли заменяться модификатами, не содержащими данного форманта. Ср.: «Тягался старец Симан, Кирилова монастыря куралгинской поселской, с Михайлом с Фокинским да с его братьею с *Митюком* да с Гласком <...> И судья спросил Михаля, и *Мити*, и Глазка: Отвечайте! И Михаль, и *Митя*, и Глазко тако рекли...» (Прав. гр. К.-Белоз. м. 1475/1476; АСВР II, 149–150); «Тягалса *Васко* Гридин с(ы)нъ Малѣтина с старцем с ки-

риловским с Мартем(ь)яном. И судьи спросили *Васка* Гридина. А и *Васко* так рек <...> ищею *Васка* Гридина с(ы)на Малетина Шуктовские волости <...> А ищею *Васюка* Гридина с(ы)на Малетина обвинили» (Прав. гр. 1492; АСВР II, 202–203); «И Данило так рек: есть, господине, у меня старожильцы люди добрые Увар, да *Гавшук*, да Игнат, а се, господине, те знахори стоят перед тобою. И судья спросил Увара, да *Гавшука*, да Игната <...> И Увар, и *Гавша*, и Игнат так рекли. . .» (Судн. сп. Белоз. у. 1498–1499; АФЗХ, 258); «Две трети дер. Юрьи Горы, а трет деревни во лготе: в. *Васка* Алексеев <...> Дано на лготу *Васюку* Алексееву»; «*Васюк* Алексеев <...> Да у *Васки* ж Олексеева...» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 407, 410, 464).

По сравнению с личными именами и патронимами антропоосновы, включающие суффикс *-ук-ъ/-юк-ъ*, более разнообразно представлены в топонимии исследуемой территории. Преобладающая их часть не употреблялась в качестве личных имен в писцовых книгах: «дер. *Ольшуківская*» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 438); «дер. *Панюкова*» (Кн. доз. Волог. у. 1589–1590: 24); «дер. *Гонюкова*» (там же: 27); «дер. *Матюково*» (там же: 47); «дер. *Матюковская*» (там же: 107); «Дер. пуста *Степучиха*» (там же: 83); «Дер. *Паршюковской* починок, *Пашучиха* тож на реке на Сиде» (там же: 91); «дер. *Орсюковская*» (там же: 113); «дер. *Ондруковская*» (там же: 114); «Дер. *Ортюковская* а Савкино и *Бетюковская* то ж на рѣчке на Уфтыге» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 136) и др.

Таким образом, лексическая парадигма, представляющая одно и то же личное имя в деловой письменности XVI–XVII вв., включала не только потенциальные антропонимы, закрепленные нормами приказного языка, но и потенциальные антропонимы, свойственные локальным антропонимическим системам, а также актуальные антропонимы, образованные по стандартным антропонимическим моделям. Соотношение данных вариантов в локальных письменных традициях могло различаться. Данный аспект исторической антропонимики требует дальнейшего всестороннего исследования.

ГЛАВА II

ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ / НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ В СТАРОРУССКОМ ДЕЛОВОМ ТЕКСТЕ

2.1. Средства создания определенной номинации лица в деловых текстах и типология именований

Одна из важнейших причин парадигмообразования в номинативной системе антропонимии – это поиск наиболее оптимальных средств идентификации лица в речи, что требует рассмотрения идентифицирующей способности разных номинативных вариантов актуальных антропонимов с точки зрения их определенности / неопределенности. Исследователи антропонимии деловых текстов старорусского периода отмечали: «...чем выше было общественное положение человека, тем меньше круг дополнительных экстралингвистических фактов требовался для определения лица» (Зинин 1969: 51), «...чем меньше известен человек, тем подробнее (если это возможно) проводится его описание» (Королева 2000: 50). Однако это положение требует проверки и более обстоятельного рассмотрения особенностей идентификации лица в документе XVI–XVII вв.

Понятие определенности / неопределенности в лингвистике очень тесно связано с более общими категориями актуализации и референции. Под референцией принято понимать соотнесение и соотнесенность языковых выражений с внеязыковыми объектами и ситуациями в речи. Именам собственным свойственно конкретно-референтное употребление, в речи они соотносятся с единичным, индивидуальным объектом действительности (уникальная референция), идентифицируют его с предметом речи. Поэтому в многочисленных работах по данной проблематике имена собственные, особенно антропонимы, используются как «пробный камень» теорий референции (Шмелев 2002: 43; Арутюнова 1999: 27). Однако вопрос об отношении имен собственных к категории определенности / неопределенности в специальной ономастической литературе находится только в стадии первичной разработки.

Тезис о том, что названный с помощью имени собственного объект всегда четко определен, отграничен, очерчен, долгое время в отечественной ономастике не подвергался сомнению. И лишь в последние годы высказываются точки зрения на имя собственное, подвергающие сомнению данное положение (Кронгауз 1987; Щетинин 1999, и др.).

Учитывая традиционное для отечественной ономастики деление личных существительных на «идентифицирующие» (всегда референтно определенные знаки, антропонимы) и «характеризующие» (апеллятивы), в именовании лица разграничиваются антропонимические средства и дополнительные апеллятивные конкретизаторы антропонимов. Принято считать, что чем более осложнено именование, тем точнее идентификация лица, а при оценке структуры именованного обычно используется критерий степени значимости компонента для «максимальной идентификации лица» и признак «полноты» именованного в целом. В последнее время исследователи указывают на неправомерность отождествления понятий «длина номинации» и «информативность номинации», поскольку в XVII в. за повышенной эксплицитностью номинации в письменном языке еще не окончательно закрепились «стилистическая функция официальности». Информативными могли быть и относительно краткие номинации, а малоинформативными – развернутые, выбор номинации той или иной длины (компонентного состава) определялся «коммуникативными нуждами» участников речевого акта (Шнитке 2000: 361).

Определенность референции в естественном языке связана с такими семантическими противопоставлениями, как известность / неизвестность для говорящего, индивидуализированность / неиндивидуализированность, фокус эмпатии говорящего, предположение говорящего об известности / неизвестности объекта слушателю, а также с условиями речевого общения: непосредственным контактом собеседников или его отсутствием, нахождением предмета речи в поле зрения собеседников, субъективным намерением говорящего представить предмет как определенный или неопределенный и т. д. (ТФГ 1992: 267; Падучева 1996: 245; Актуализация предложения 1997: 59).

Разграничивая прагматический и логический подход в интерпретации определенности / неопределенности, А. Д. Шмелев отмечает, что с точки зрения прагматики речи определенность связана с известностью референта участникам коммуникативного акта, при этом известным «считается любой объект, который когда-либо был введен в поле зрения участников коммуникации». Известность может трактоваться как действительная определенность (объект находится в поле зрения коммуникан-

тов, на него можно указать пальцем), анафорическая известность (объект упоминался, идентифицирован в предшествующем контексте речи), апперцепционная известность (сведения об объекте принадлежат общему фонду знаний говорящего и слушающего). При логическом подходе определенность связывается с единственностью объекта, удовлетворяющего выбранной номинации (Шмелев 2002: 73–74.). Иными словами, логический аспект непосредственно связан с семантической спецификой антропонима, его способностью к конкретно-референтной номинации лица. Способность имени идентифицировать лицо в одной или множестве конситуаций В. И. Болотов определял как «назывную силу антропонима» (Болотов 1979: 53).

Логическая определенность антропонимической номинации может быть связана со способностью антропонима к уникальной референции и индивидуализации лица.

Авторы работ по общим вопросам теории референции нередко оперируют общим концептом «идеального» имени собственного, т. е. слова с уникальной конкретно-референтной отнесенностью, не учитывая семантической неоднородности имен собственных в целом, а также языковых свойств отдельных имен, используемых для иллюстраций (например, частотных, регулярно повторяющихся «воплощенных» имен *Петр, Павел, Мария* и т. п.). Выводы, делаемые на таком ограниченном материале, неправомерно проецировать на всю систему имен собственных.

Календарные имена (например, *Мария, Петр*), будучи одним из самых «типичных» для современного языка видов антропонимов, достаточно специфичны и не вполне соответствуют тем требованиям, которые предъявляет «идеальный» язык к «идеальному» имени собственному. Воплощаясь в именовании разных людей, календарные имена способны выполнять идентифицирующе-дифференцирующую функцию только при условии, что все представители определенного языкового коллектива носят разные имена. В старорусский период основным способом номинации лица при помощи календарных имен была трансонимизация (перенесение имени с одного лица на другое). Выбор имени определялся различными внеязыковыми факторами и имел свою специфику, которая связана с особым местом христианских имен в русском языке, их особой культурной и социальной значимостью. В целом система календарных имен воплощала собой идею соборности: «Имена святых возлагаются на нас в знамение союза членов Церкви земной с членами Церкви, торжествующей на небесах. Те и другие составляют одно тело под единою главою Христом и находятся в живом общении

между собою» (Булгаков 1993: 955). Именование календарным именем связано с задачей сотворения духовной сущности в человеке и включалось в обряд крещения. Цель именования — не отразить свойства, присущие человеку, его характеристику, а, напротив, задать определенный вектор развития личности. При крещении на лицо переносилось имя другого человека, достигшего высшего уровня совершенства в духовном подвиге, — святого. «Всем православным имена должны быть даваемы исключительно в честь святых Православной церкви» (там же: 955). Имя вводило нарекаемого в круг христиан, знаменовало их общность. При этом имя не столько выделяло лицо среди других христиан, идентифицировало его, сколько, наоборот, уподобляло христиан друг другу, объединяло их в одно целое. Особую роль в этом играла повторяемость одних и тех же имен. Исследователи древнерусской и старорусской антропонимии характеризуют календарные имена и отчества, от них образованные, как «знаки более частые, менее информативные» (Вуйтович 1986: 144). В ономастических исследованиях последних лет высказывается мнение об особом отношении календарных имен к категории определенности / неопределенности в языке, в частности им приписывается свойство «генерализующей» определенности (Уляшева 2001: 66). Отмечается способность календарных имен к идентификации лица только в сочетании со средствами фонового, речевого и ситуативного контекста (Щетинин 1999: 22).

Календарные имена, повторяясь в именовании разных людей, нередко в рамках одного социума, переставали выполнять идентифицирующую функцию, требовали использования других, лексических или дейктических средств индивидуализации. По справедливому замечанию Ю. С. Степанова, «собственные имена не допускают дальнейшей индивидуализации путем присоединения ограничителей “тот”, “та” и т. п. Если такие ограничители фактически употреблены, то это значит лишь, что собственное имя является в данной ситуации или контексте недостаточно индивидуальным, т. е. *не собственным*. Например, “Та Оля, которая...” может значить только то, что в данной ситуации было больше, чем одна Оля, и они различались по каким-то иным признакам, нежели имя Оля» (Степанов 1981: 91). Таким образом, антропонимы, признанные единственно предпочитаемым средством идентификации лица в обществе, по своим языковым потенциям изначально были совершенно не приспособленными для выполнения этой функции.

В севернорусской деловой письменности XVI–XVII вв. календарные личные имена требовали использования в речи многочисленных сопутствующих средств создания референтной определенности, напри-

мер, указания места жительства или отношения к другому лицу, названному в документе: «Дер. Поздиевское на Пушме в. Тимоха Федотов в. брат ево *Иванко*»; «В Комарицах... Дер. Василково на озерке на Василцове в. Фофанко Поздний на дву третях а трет тое деревни городского человека Олешки Олтуфьева а половничает на него в. *Ивашко*»; «В Уфтыжском стану Дер. Хохловское на Уфтыге в. Костя Гридин в. брат иво *Игнашко* в. половник их *Ивашко*» (Сотн. Уст. у. 1557: л. 4, 5об., 6). Обычно только при помощи личного имени называются дети при наличии в документе имени их отца: «Поч. Прудбой: в. *Харламко Нестеров* да сын ево *Харламко*»; или братья: Дер. Пустыня на реке на Вологде: в. *Васюк Спирин*; в. брат ево *Ивашко*; брат же их *Ромашко*» (Сотн. Вол. у. 1544: 93). Данный способ именования родственников был нормой старорусской деловой письменности. В писцовых книгах XVI в. отмечены случаи, когда сын или брат названного в документе лица именуется одним календарным антропонимом без указания родственных отношений и в соседних формулах текста: «Дер. Седаловская, а Васюковская тож: в. Патракей Сысоев, в. Михалко Трофимов, в. *Иванко*»; ср.: «Дер. Воронцовская на реке на Ваймуге: в. *Ондрейко* Кондратьев, в. *Фролко*. Пашни худые земли обжа. Дер. Печеницынская: двор ставит *Фролко Ондреев*» (Сотн. А.-Сийск. м. 1593: 227). Уподобление православных людей друг другу при помощи календарных имен было значимо в момент имянаречения, но при именовании лица в документе выступало причиной, лишаящей календарное имя идентифицирующей способности и требовало его употребления в составе более сложной по структуре номинативной единицы: «в. *Иванко Федоров* да *Иванко Огрызок*» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 353). Календарные имена в старорусской деловой письменности употреблялись преимущественно в составных антропонимах.

Составители документов XVI в. при именовании носителей одного и того же имени в пределах одной статьи могли прибегать к помощи разных модификатов имени. Например, такие случаи отражены севернорусскими писцовыми книгами и сотными: «Дер. Семеновская на речке на Тихменге: в. *Тимошка* Василев, в. *Мишка* Мартынов, в. Марка Омосов, в. Ефимко Иванов, в. *Тимоха* Иванов, в. Иванко Мартынов, в. *Михалко* Климов без пашни» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 361); «деревня Бабонеговская: в. *Митя*, в. Исак Катин, в. Сидорко Микулин, в. Сенка Кирилов, в. Пашко Максимов, в. Демех Микулин, в. Гридка Иванов, в. *Митка* Мартынов» (Сотн. А.-Сийск. м. 1578: 223); «Дер. Верстеи Большая на реке на Валге. А в ней крестьян: во дв. Микита Максимов на трети, во дв. Евсеико Назаров на трети, во дв. *Мишка* Иванов на пол-

трети, дв. пуст *Михалка* Тимофеева, умер в 95-м году» (Кн. доз. Волог. у. 1589–1590: 162). Однако такая номинация, носившая ситуативный характер, мало помогала реальной идентификации–дифференциации лиц (*Ивашко* и *Иванко*, *Митка* и *Митя*, *Мишка* и *Михалко*, *Васка* и *Васюк* и т. п. осознавались как варианты одного и того же имени). Очевидно, осознавалось это и писцами-делопроизводителями, поскольку уже в писцовых и переписных книгах XVII в. данный прием дифференциации лиц в одном документе не использовался: «в. *Евсючко* Ярафиев сн Неклюдова <...> да захребетник *Евсючко* Нечаев» (Кн. пер. Турч. 1648: л. 522об.).

В писцовых книгах XVII в. наблюдается относительно последовательная унификация форм записи личных имен (как календарных, так и некалендарных) посадских людей и крестьян. Унификация проявлялась в том, что в именовании воплощались «потенциальные» (стандартные) модификаты, соответствующие тому или иному имени (*Иван* – *Ивашко*, *Василий* – *Васка*, *Степан* – *Степанко*, *Богдан* – *Богдашка*, *Первой* – *Первушка* и др.). Унификация записи личных антропонимов, снимавшая различия между именованями носителей одного и того же имени, говорит о том, что в официально-деловой речи XVII в. личному имени отводилась не столько идентифицирующе-дифференцирующая функция, сколько классификационная. Личное календарное имя реализовало только самые общие семы ('человек', 'мужчина/женщина', 'русский', 'православный' и некоторые другие), было показателем уникальной референции, указывало на конкретную индивидуальную личную отнесенность именованья, иногда, при использовании модификатов, характеризовало социальный статус именуемого (знатный человек – простолюдин) и т. д.

В документах XVI–XVII вв. обязательным было именование мужчин патронимами (Чичагов 1959: 63; Пахомова 1984; Ганжина 1992: 15, и др.), которые в сочетании с личным именем создавали относительно индивидуальные именованья: «Д. Кустовской починок а Державинское то ж на Брусне: в. Ивашко *Григорьевъ*, в. Ивашко *Ивсѣвьевъ*, в. Ивашко *Семеновъ* <...> в. Ивашко *Ивсѣвьевъ*» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 297). Но патронимы, образованные от частотных календарных и некалендарных имен, также неоднократно повторялись в пределах одного текста и даже одной статьи документа.

Кроме того, патронимы могли формально совпадать с фамилиями, что затрудняло не только идентификацию лица, но и выражение антропонимом классификационного разрядного значения. В деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв. можно отметить немало

случаев, когда в двухкомпонентной формуле патронимы и фамилии с формально тождественными суффиксами *-ов*, *-ев*, *-ин* разграничивались писцом непоследовательно. Патронимы и фамилии в челобитных и других частно-деловых актах не противопоставляются писцом друг другу, «конкурируют». Ср.: «бьетъ челомъ <...> Архангельской половникъ Мишка *Никитинъ* на сродного брата своего на Олфера *Степанова* Усольского уезда Онтропьевы слободы на крестьянина» (Челоб. Уст. у. 1633; АХУ III, 140). Формальное сходство посессивных антропонимов лишает именование определенности, затрудняет идентификацию лица через его отношение к отцу. Вероятно, именно поэтому в старорусской антропонимии достаточно активны аналитические конструкции со словом *сын*, *дочь*, *дети*, выполнявшие функцию патронима (прозвания по отцу): «Гришка *Поздеев сын*, Нечаико *Ондреев сын*» (Сотн. Усол. у. 1586: 184–185); ср.: «в. Гордеико да Яроня да Якуш *Гридины дети*» (патроним) – «Гордеико *Якушов* з братьей» (фамилия) (Сотн. Уст. у. 1557: л. 4об.).

Описательные патронимы – посессивные конструкции с опорным термином родства, образованные от составного антропонима, называющего отца именуемого, – в большей степени, чем простые патронимы, обладали логической определенностью: «Се яз, Ивойла, да яз, Иван, да яз Андрей *Леонтьевы дети Щербинина* три брата родные, да яз, Афонасей *Тимофеев сын, а Ивойла да Ивана, да Андрея племянник их брата родного им, Тимофеев сын Пенежанина*, Перемского стану с Труфановы Горы продали есми...» (Купч. Кеврол. у. 1669; А. Кеврол., 145). Данные конструкции использовались и для передачи других отношений родства и свойства: «Да Самыло да Иван *Леонтиевы дети Подберезного* <...> Да Самыло да Максим да Иван *Леонтиевы братеники Подберезного*» (Сбор. пам. Важ. у. 1603; Васильев, 361–362) и др. Иногда они могли употребляться и в качестве самостоятельных номинаций лица: «і как то платье *Сидорова жена* учала вывѣшиват на огород і в то время отецъ ево Сидорковъ Фрол бил снох своихъ полѣном *Устимову жену да Ивашкову и свою* бил же чтоб они про то воровское плате не сказывали» (Судн. д. Череп. в. 1693; ДПВК, 18).

Целям идентификации лица служили полупредикативные (приложения) и предикативные конструкции, указывавшие на социальный статус, род деятельности, место жительства лица: «двор *стрелца* Ивашка Иванова <...> Ивашко Иванов да дети иво Куземка, *портной мастер*, да Фетка *мясник* <...> Ивашко Иванов, *котельник* <...> Ивашко Иванов, *солодовник* <...> Ивашко Иванов, *пугвишник* <...> Ивашко Иванов, *ярыжной*» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 164, 177, 185, 189, 197, 204);

«Ивашко Веретенник, *торгует рыбою*» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 179); «Ивашко Иванов Гогол, *кормится меж двор <...> Ивашко Иванов Педунов, винокур*» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 192, 202); «*Ивановские волости крестьянина Якунки Пермитинова половники в. Ивашко Тетеря да Мокѣшко Селиванов*» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 189); «*Николы Чюдотворца прилуцкого монастыря в. половник Васка Дресва*» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 308об.); «*москвитинъ гостиной сотни Григорья Иванова сына Юдина прикатчикъ его Якунка Егувьевъ*» (Челоб. УВ 1637; АХУ III, 201).

Именование могло распространяться различного рода несогласованными определениями, чаще топонимного характера: «Дмитр Митроша Иванов сын *с Вихтова* да Ортем Никитин сын *с Пячгоры*» (Купч. Кеврол. у. 1548; А. Кеврол., 129); «дв. Васьки Игнатьева сына Шахматова *изъ деревни изъ Наугородова* для осаду» (Кн. припр. Лал. 1620; Пономарев, 16); «*Устюжского уѣзду Орловской волости крестьянинъ Ивашко Власовъ сынъ Щербининъ*» (Челоб. Уст. у. 1672; АХУ III, 339); реже – указывающего на социальный статус: «*Гостиной сотни Стенка Гогунинъ*» (Челоб. УВ 1659; АХУ III, 308).

Таким образом, создание определенной номинации лица в старорусских деловых текстах могло осуществляться разными способами. В числе наиболее характерных следует назвать использование разных имен одного лица, включение в именование компонентов с относительной референцией (патронимов и фамилий), употребление при антропониме различных полупредикативных и предикативных конструкций, порядок слов в предложении и именовании, использование дейктических и разнообразных контекстуальных средств.

Специфика старорусского официального именования лица особенно ярко выявляется на фоне антропонимов современного русского языка. Современная официальная антропонимия, употребляемая в деловой сфере, закреплена в языке и имеет узуальный характер. Официальный (трехчленный) антропоним современного русского языка обладает всеми признаками слова: имеет единую номинативную функцию, обладает тесной спаянностью структурных элементов, непроницаемостью. Создание новых номинативных единиц осуществляется за счет комбинаторики компонентов, составляющих номинации данного класса. Наречение каждого нового члена социума официальным именованием осуществляется сразу после рождения. Современная официальная номинация лица создается, как правило, один раз, закрепляется в языке и воспроизводится в речи в готовом виде. С точки зрения организации современной системы антропонимов, документальное имя является ос-

новым и первичным, в то время как народные, разговорные и просторечные формы оцениваются как вторичные, производные от документального имени (Петровский 2000: 15–16). Речевые номинации в современной антропонимии производятся на базе официального (документального) именованя лица и имеют то же денотативное и референтное значение, а потому могут рассматриваться как стилистические модификации именованя (например: *Черемисина Лидия Ивановна* – *Лидия* – *Лидия Ивановна* – *Черемисиха* и др.). Идентификация таких и подобных антропонимов и антропонимных сочетаний в современном языке предполагает их соотнесение с документальным трехкомпонентным именованем. Антропонимы, не связанные с официальным именованем, оцениваются носителями современного языка как прозвища, если они даны окружающими (*Черемисина Лидия Ивановна* – *Шайба*), или как псевдонимы, если они выбраны в качестве самоименованя, помимо официального антропонима и его модификаций, самим говорящим.

В современном обществе кодификации в масштабах общенародного языка подверглась только ограниченная группа актуальных антропонимов (названия исторических личностей, выдающихся деятелей мировой и национальной культуры и т. д., имеющие общую культурную и идеологическую значимость). Большинство современных актуальных антропонимов кодифицируется только письменным закреплением имени в документе, удостоверяющем личность, и функционирует в языке и речи территориальных, социальных и профессиональных объединений носителей языка.

В XVI–XVII вв., в начальный период формирования русского национального языка, кодифицированной нормы в антропонимии не существовало, поэтому в речи конкурировали разные варианты личных имен, патронимов, фамилий и именованй в целом. В отличие от современной антропонимии, старорусское официальное именоване лица, используемое в документах, носило вторичный (производный) характер по отношению к именованию, употребляемому в повседневно-обиходной речи. При этом составители деловых актов могли «подравнивать» бытовое именоване под ту модель, которая предполагалась документом, либо создавать новую разовую (речевую) номинацию по данной модели. Бытовое именоване и официальная антропонимическая модель, предполагаемая нормами составления документов, значительно отличались, поэтому требовали установления соответствия, взаимной идентификации. Об этом свидетельствует анализ номинативных парадигм именованй одного и того же лица в одном тексте или в разных документах XVI–XVII вв. Ср.: *«Васка Степанов сын Пята <...> у Васки*

у Пяты <...> у Васюка у Пяты» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 457, 459); «Карпунка Михайловъ сынъ Жемчугъ» (Кн. писц. Лал. 1625; Пономарев, 21) – «по купчей Карпуньки Жемчугова» (Кн. писц. Лал. 1645; Пономарев, 33).

В антропонимии деловой сферы XVI–XVII вв. речевой характер имели антропонимические сочетания и именованя лиц, помимо собственно антропонимов, включавшие апеллятивную лексику. Их появление в официальных документах и частно-деловых актах обусловлено тем, что существующая актуальная антропонимия не отвечала тем требованиям, которые предъявляют к именованию лица задачи составления актовой записи и необходимость идентификации лица пользователем документального текста. Речевым характером номинации определена вариативность именования, взаимодействие некоторых групп онимов и апеллятивов, их смешение.

Уподобление именования лица в старорусском документе современной официальной трехчленной антропонимической формуле, которое иногда можно встретить в научных работах, нельзя признать корректным. От современных составных личных именований сложную антропонимическую единицу старорусского делового языка отличало отсутствие устойчивой структуры, подвижность и взаимозаменяемость компонентов, их вариативность, относительная открытость именования. Это определило неоднозначность научного толкования данного явления, разные подходы к его описанию, неодинаковые терминологические определения и их понимание. Наиболее традиционные – «составное именование», «антропонимическая формула», используются также «многочленное именование» (Вуйтович 1986), «антропонимическая структура» (Фролов 1972; Палагина 1976), «антропосочетание» (Пахомова 1984), «структурная формула именования», «антропонимная формула» (Королева 1995; 2000) и др.

Разное понимание и определение составного именования лица привело к разным классификациям данных единиц. Наиболее традиционна классификация, учитывающая количество слов, порядок их следования, фиксированное место для каждой категориальной единицы (Чичагов 1959; Бирылло 1969; Зинин 1969; Фролов 1972; Ганжина 1992; Гвоздева 1993, и др.). Сходными формальными принципами руководствуется М. Вуйтович, выделяющий в составе древнерусского «многочленного именования» патронимы I–4-й степеней (Вуйтович 1986).

Другая классификация определяется числом антропонимических компонентов, их формой, производностью от календарных или от прозвищных личных имен, включением или невключением терминов род-

ства («сын», «дочь» и др.) и слова «прозвище» (Палагина 1968; Королева 1995).

Границы личного именования в старорусском деловом тексте современной ономастикой также определяются по-разному. Причина этого в том, что «в орбиту индивидуальных именований» вовлекается «значительный пласт нарицательных имен, сопутствующих именам собственным и ориентированных на именуемый объект» (ТМОИ, 14). К ним относятся термины родства, названия лиц по социальному статусу, катойконимы, профессиональные и должностные наименования и ряд других апеллятивов-обозначений лица. Одни исследователи включают их в сложную антропонимическую единицу, другие – нет. А. А. Белецкий, например, определяет катойконимы и комонимы («коллективные антропонимы») переходной единицей между апеллятивами и антропонимами (Белецкий 1972). Другие ученые отрицают существование переходной зоны между собственными и нарицательными именами, считая границу между ними строгой и однозначной (Бондалетов 1983: 28). Поэтому одни исследователи считают, что это не антропонимы, и они не должны включаться в антропонимическую формулу (Вуйтович 1986). Другие, например Н. К. Фролов и И. М. Ганжина, предлагают рассматривать апеллятивы, включаемые в официальное именование с целью идентификации лица, вновь создаваемыми антропонимами, которые впоследствии могли закрепиться как прозвища (Фролов 1972; Ганжина 1992), но при данном подходе логически следует, что создание этих прозвищ зависело от воли составителя документа.

При подходе, допускающем рассмотрение в составе антропонимической номинации и апеллятивных и антропонимических средств, например, выделяются собственно антропонимические, апеллятивные и смешанные (антропонимо-апеллятивные) именованья (Худаш 1980). Однако к смешанным (комбинированным) именованьям часто относят только именованья, включающая апеллятивы «сын», «дочь», «дети» и др. (Пахомова 1984: 9).

Иное толкование терминов «антропонимическая формула» и «антропонимическая модель» предложено Л. В. Карловой, которая, разграничивая их, под «антропонимической моделью» понимает только сочетание антропонимов. «Антропонимическая формула», по ее мнению, объединяет «антропонимическую модель» с характеризующими средствами (термины родства, титулы-номены, катойконимы, названия лица по роду деятельности, слово «прозвище» и т. д.). В таком понимании антропонимическая формула – это «особое словесное выражение, состоящее из разнообразных модификаций чередования гетерогенных

лексических единиц – антропонимов и номенов в системе полного именования лиц с целью их дифференциации, идентификации одновременно по линии “родства – не родства” и по социальной принадлежности, роду и способу деятельности, ряду других дополнительных признаков». «Антропонимическая формула – это естественное, исторически обусловленное, лексическое и структурное завершение антропонимической модели» (Карлова 1991: 15–17, 23). Аналогичный подход к описанию именования лица в документах прошлого предлагает И. А. Королева, различающая собственно «антропонимные формулы» и «развернутые антропонимные формулы», помимо антропонимов включающие и апеллятивные (характеризующие) средства (Королева 2000).

В данной работе под антропонимической формулой понимается структурная схема (модель) антропосочетания, характеризующая определенным компонентным составом и порядком расположения элементов.

Описание личных именований, отмеченных в памятниках деловой письменности XVI–XVII вв., не может исчерпываться только описанием антропонимических формул. Можно привести огромное количество примеров, когда типология антропонимических формул, созданная исследователями, не «работает» при анализе фактического материала. Одни именования по логике формальной типологии должны рассматриваться как соответствующие однокомпонентной антропонимической формуле: «в кел. старица Акилина да два внука еѣ Ѳедкины дѣти Сенька пяти годов да Серешка трех годов» (Кн. пер. Каргоп. 1648: л. 14об.), другие – двухкомпонентной: «Кирила Босово брат Иван Еремеев пришел из Города» (Кн. там. УВ 1633–1634; ТКМГ I, 54), третьи – трехкомпонентной: «Се яз, Иев Титов сын Рычкова, порядился есмь» (Порядн. А.-Сийск. м. 1649; Образцов, 124), хотя ни первые, ни вторые не определяются только данной формулой, а третьи, несмотря на трехчленную структуру, по существу являются двухкомпонентными (имя + прозвание по отцу). В севернорусских документах XVII в. встречаются номинации, не имеющие соответствий ни в одной из существующих классификаций антропонимических формул: «Платил Осипа Палицына племянникъ его съ ег<о> повытъя» (Кн. прих. Тот. у. 1673–1674: л. 104).

Официальное именование XVI–XVII вв. могло представлять собой как воплощенное в документе бытовое именование различной структуры, так и речевую номинацию, созданную составителем документа на основе известных ему актуальных антропонимов, называющих человека и его родственников или других лиц, отношения с которыми значимы для социальной идентификации личности.

Для выявления особенностей функционирования антропонимических единиц в официально-деловой речи необходимо рассматривать их в контексте других средств, используемых для идентификации лица в документе. Поэтому при анализе следует выделять не просто сочетание антропонимов, а единицу, включающую более широкий круг средств идентификации и характеристики лица в деловых текстах, представляющую их сочетание и равную единому структурному отрезку текста (высказывания). Именование лица может быть определено как речевая номинативная единица, использующая совокупность антропонимических и неантропонимических средств, связанных между собой, расположенных в определенной последовательности и относящихся к одному референту.

Содержание и структура официального именования в первую очередь были обусловлены требованиями к объему и характеру информации о лице в документе.

2.2. Вариативность официального именования лица и номинативные парадигмы актуальных антропонимов в старорусских деловых текстах

Рассматриваемая в данной работе типология именований лица учитывает следующие признаки антропонимических формул и именований в целом: а) компонентный состав, определяемый функцией элементов, составляющих антропосочетание и именование в целом; б) гомогенность / гетерогенность компонентов, составляющих номинацию; в) степень номинативной связанности компонентов; г) характер отношений между компонентами внутри именования. Выявление этих признаков базируется на наблюдении над составом номинативных парадигм актуальных антропонимов в старорусских деловых текстах и степенью определенности / неопределенности именования лица.

Все отмеченные в источниках именования можно разделить на две группы: устойчивые антропосочетания, получившие закрепление в языке (социолекте) и индивидуальные дескрипции (многокомпонентные номинации, использующие антропонимы и антропосочетания), которые имели речевой характер, возникали и функционировали в рамках делового текста.

Необходимость взаимной идентификации официального и бытового именований определяла следующие принципы создания номинации лица в документе:

а) требуемые официальной нормой компоненты именования (чаще всего прозвание по отцу) прибавляются к бытовому именованию и записываются после него: «Иванко Овчинник *Прошин* <...> Волокитка *Левин* <...> Гридя Кузнец *Иванов сын* <...> Сенка Выдра *Гришин сын*» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 340, 421, 438);

б) требуемые официальной нормой компоненты разрывают устойчивое именование: «Нефедко *Василев сын Уской*»; ср.: «Нефедка Усково *Василева* пожни» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 443–444);

в) неофициальный антропоним записывается после официального: «Иванко Федоров сын Кончаков *Горбун*» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 442); «Маркелко Еремеев прозвище *Невежска*»; ср.: «двор *Невежки* Еремеева» (Кн. пер. Устьян. 1634–1636: л. 11об.);

г) каждый компонент неофициального именования записывается после соответствующего ему компонента официального имени: «Ефимко *Деряга* да Спиридонко *Неклюд* да Якушко Ефремовы» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 447); «*Новик Веселой*» <...> «Емельян *Новик* Оксентьев сын *Веселой*» (Кн. вкладн. Мих.-Арх. м. 1585–1616: 155–156).

Важный типологический признак – номинативная связанность компонентов именования: одни из них могли употребляться в качестве самостоятельной номинации, а другие функционировали только в составе устойчивого сочетания.

Составные номинативно связанные антропонимы XVI–XVII вв. обладали свойствами единой номинации, чаще всего имели двухчленную структуру. Это могло быть сочетание личного имени с прозвищем, личного имени с патронимом (полуотчеством), личного имени с фамилией или другим элементом, не имевшим самостоятельной функции в номинации конкретного, единичного человека: «Максимко *Романовъ*, Карпунка *Микитин*, Семейка *Марининскои*, Гришка *Микитинскои*, Пашко *Родионов*, Макарко *Плотникъ*, Якушка *Часовицкъ*, Онашка *Полстоваль*, Тимошка *Швал*, Ивашко *Вострои*, Ондрюшка *Беспалои*, Терешка *Уфтюжанинь*» (Кн. крестопр. УВ 1645: л. 26–26об.); «Шемогодской волости <...> Степанко *Слобоцкои*, Сергушка да Ивашка *Слобоцких*, Пронка да Якушка *Крутецких*, Степанко *Островскихъ*» (Кн. крестопр. УВ 1645: лл. 78об.–79об.). Один из компонентов подобных именований (календарное имя или патроним, от него образованный) выражал значение лица и идею «имманентной самости» объекта (*Иван Масло*, *Ондрюшка Беспалой*, *Брага Мосеев*, *Сухой Онишутин*), второй компонент при этом называл дифференцирующий признак и сам по себе в языке и речи не имел уникальной референции (*Плотник*, *Часовицк*, *Беспалой*, *Крутецких* и др.).

Составными антропонимами, употребляемыми в быту для преодоления внутрисемейной одноименности, были антропосочетания личного имени с номинативно связанными компонентами *Большой, Меньшой (Малой), Середний*, выполнявшие единую номинативную функцию. Они воспроизводились в составе официального именования лица в документе: «*Тимошка Большой да Тимошка Меньшой, а прозвище Казак. Дмитриевы дети, кузнецы*» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 193); «в. *Васка Бошой в. Васка Меньшой Чебыкины*» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 256); «в. *Еѣтиѣшко Иванов снъ прозвища Квасинин з братьями с родными с *Ывашкомъ бошим* да с *Ывашком меншимъ*, а у *Ивашка бошого* три сына *Ивашка бошой* да *Ивашка середней* да *Ивашка меншой* да сын Савка*» (Кн. пер. Белоз. 1646: л. 214); «Васко Яковлев сын Рулев у него два сына *Фетка Бошой* да *Фетка Меншой*» (Кн. писц. рост. 1664: л. 4об.). В деловой письменности XVII в. отмечено употребление подобных сочетаний с прозвищем: «Дача вкладчику Андрюше *Середней Пуге* <...> Дача вкладчику Ларку *Малой Пуге* <...> Дача вкладчику Петру *Филатеву Пуге Бошему*» (Кн. раздат. Тр.-Глед. м. 1675; ДПВК, 76–77). «Маия въ Дѣде<нь> дано вкладчику Ивану *Филилову Малому Лебедю* на рубаху и на портки денгами три алтна» (Кн. прих. Тр.-Глед. м. 1684; ДПВК, 84).

Опорный компонент, определяемый словом *Большой, Меньшой, Середний*, – номинативно свободный (именно поэтому и возникала потребность в его индивидуализации при помощи названных средств). Если данные слова относились целиком ко всему именованию, то значит в основе данной номинации лежало устойчивое антропосочетание: «Сенка Романов Мутовин *Бошой*» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 19); «Ивашко Малахов *Меншей*» (Кн. крестопр. УВ 1645: л. 12об.). В таких случаях компоненты *Большой, Меньшой* сохранялись и при образовании патронимов; ср.: «Гаврилко Григорьевъ сын Горничной *Бошой* <...> Пятко да Бориско Гавриловы дѣти Горничново *Меншово*» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 12об., 16).

Номинативно несвободными компонентами именования были патронимы. Этот признак существенно отличал их от других компонентов антропонимических номинаций (личных имен и фамилий) (Ратникова 1992: 72). Оформлению данных элементов составного именования в самостоятельную антропонимическую категорию препятствовал опосредованный характер референции, лишавший данные слова свойства индивидуальности. Вместе с тем многие патронимы были принадлежностью речевых номинаций лица в документе, построенных по стандартной

писцовой модели, в ряде случаев искусственно разрывавших устойчивое антропосочетание и исчезающих при повторной номинации лица: «во дв. Труфанко *Ортемьев сын Кривои*» (Сотн. Варз. 1575; МИКП, 33) – «Труфанко Кривои да жена его Федорка Косая» (Сотн. Варз. 1575; МИКП, 35); «Гришка *Семенов Швец* четыре лука» (там же) – «дв. Левинской дан Грише Шведу» (Сотн. Варз. 1575; МИКП, 31).

Устойчивыми были сочетания имени с фамилией, что фиксируется уже в самых ранних источниках, а именование «по отцу», требуемое писцовым стандартом, являлось речевой номинацией, создаваемой по модели писцом; ср.: «А в межах, господине, тому лугу доброй человек волостной Семен *Иванов сын Шастина* <...> и Семен *Иванов сын* так рек» – «Пожня *Семена Шастина* <...> И Семен *Шастин* так рек» (Гр. Белоз. у. 1504; АФЗХ, 260). Близость патронимов к речевым дескрипциям наиболее отчетливо проявлялась и в переписных книгах XVII в. Ср.: «в. Вторко да Митка *Михайловы дѣти Мишатины* да *Вторковъ снъ* Васка да *Миткины дѣти* Максимко осми годов да *Ивашко* пяти годов» (Кн. пер. Каргоп. 1648: л. 14).

Отличие устойчивого антропосочетания (составного антропонима) от описательной антропонимической конструкции заключалось в том, что степень слитности их компонентов была различной. Составные антропонимы воспроизводили устойчивый порядок компонентов, не допускали их свободной перестановки относительно друг друга (*Василий Баса, Ивашко Волк, Филька Незнаемых*), в то время как антропонимические сочетания дескриптивного типа, включавшие в свой состав посессивные компоненты, обладали свободой расположения компонентов именованного. В отличие от собственно полуотчеств описательные конструкции легко меняли место относительно личного имени, что свидетельствует о том, что они выполняли роль приложения в составе свободной синтаксической модели: «тоя жь волости на *Ортемьевыхъ дѣтей Пыстовскихъ* на Фторово з братьями» (Челоб Уст. у. 1628; АХУ III, 60). Описательный патроним в качестве самостоятельной номинации лица в документах XVI–XVII вв. не использовался, за исключением редких случаев, когда составителю актового текста важно было подчеркнуть родственные связи именуемых с другим лицом. Ср., например: «Труба *Дѣдиха* пуста тритцать лѣт: половина тое трубы без другонатцатой доли *Петрунки Брагина да племянниковъ ево Кирилка да Харки Артемьевыхъ дѣтей Брагина*, а другонатцатая доля тое трубы Осипка да Самылка Фоминыхъ; труба *Дѣдиха*: половина въ ней Петра Брагина да племянниковъ его *Артемьевыхъ дѣтей Брагина жь*» (Кн. писц. Тот. 1676; А. Сп.-Кам. м., 30).

Недостатки существующих классификаций антропонимических формул в старорусских деловых текстах во многом обусловлены тем, что они не учитывают характер отношений между компонентами и способы связи компонентов между собой. Наблюдения над структурой именования лица позволяют вести речь о трех типах отношений в речевых антропонимических номинациях.

Первый тип номинаций – именования, строились по модели словосочетаний с подчинительной связью компонентов и с атрибутивными отношениями: «*Юшко (чей?) Данилов шесть луков, сестра его Овдотьица (чья?) Усовская два лука*» (Сотн. Варз. 1575; МИКП, 36); «дв. пуст *Иванка (какого?) Митруковского*» (Кн. доз. Волог. у. 1589–1590: 88). Зависимый компонент в таких именованиях выполнял функции опосредованной номинации. Номинация лица через именование его родителя или главы семьи выражала относительную референцию «через несимметричные отношения партитивности, посессивности, координированности и локальности» (Арутюнова 1999: 35) и отличалась от абсолютной референции, выражаемой прямым отнесением имени к предмету.

Во второй тип номинаций вошли модели именований, компоненты которых связаны аппозитивными отношениями. В качестве приложений к личному имени или именованию в целом могли использоваться антропонимы и антропосочетания, антропонимические дескрипции с опорным именем существительным, апеллятивы и апеллятивные сочетания: «на подворника на Нечаева на Ивашка *прозвищем на Волка*» (Челоб. УВ 1632; АХУ III, 121); «Агафонко Семенов *прозвище Первушка*» (Кн. пер. Устьян. 1634–1636: л. 29–29об.); «Иванко Мартемьяновъ сынъ *по прозвищу Гладышъ*» (Челоб. УВ 1627; АХУ III, 43). Полу-предикативные отношения представлены и в конструкциях уточнения: «Кондрашка *Петров Сысоева Басманов то же*» (Кн. крестопр. Устьян. 1682: л. 131).

Использование конструкций с приложениями и уточнениями, включающими второе имя собственное, было нормой именования конкретных объектов в официально-деловой речи рассматриваемого периода. Ср. в топонимии писцовых книг: «Дер. *Онфимовщина а Рошкино то же* на р'ѣчке на Онфимовщине» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 322об.).

Третий тип номинаций характеризуется наличием в них предикативных отношений. Подобные именования представляли собой фразовые номинации: «в. Никонко Матвеев Пятухов, *Нечаико он же*» (Кн. пер. Устьян. 1634–1636: л. 13); «куз. Андрюшки Коня, *и Кобылка он же*» (Кн. писц. СВ 1645: л. 56); «Сенка Ивановъ снъ *прозвище Удинъ, Истомин онъ же*» (Кн. пер. Белоз. 1646: л. 216).

Специфика официального именования лица в деловой речи XVI–XVII вв. заключалась в наличии широких номинативных рядов именований. Номинативные парадигмы актуальных антропонимов в старорусской деловой письменности объединялись на основе общего референтного значения разных именований одного и того же человека. Они обусловлены воплощением в официальной номинации лица разных антропонимических средств. Номинативные парадигмы актуальных антропонимов, выявляемые при изучении севернорусской деловой письменности XVI–XVII вв., представлены двумя разновидностями – внутритекстовые и межтекстовые.

Внутритекстовые парадигмы («номинативные цепочки») объединяют именования, употребленные в пределах одного текста: «Десятко Семенов <...> за Десятком Семеновым Городецкого» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 405об., 444об.). Внутритекстовые парадигмы возникают вследствие использования различного рода заместителей именования при повторной номинации предмета (Гак 1972; 1999; Арутюнова 1977, и др.). Они характеризуются преемственностью именований, их тесной связанностью, кореферентностью. Наличие внутритекстовой парадигмы, сохраняющей на протяжении текста общую референтную отнесенность, позволяет воплощать в тексте именования различного компонентного состава: «Пожня Козьмы Васильева сына Ковригина <...> Пожня Куземки Васюкова Ковригина <...> да другая пожня того ж Куземки на другой стороне в верх Онеги <...> Того ж Куземки Ковригина ниже реки Волги пожня» (Сотн. Каргоп. 1561–1564: 297); «в. Мишка Егупьив, серебряник <...> да в споре у Мишки с Микиткою Семеновым <...> по старожилцеве скаске владеет Мишке серебрянику <...> лав. Мишки Егупьива» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 196, 220) и др. Анализ внутритекстовых парадигм позволяет делать выводы о функционировании антропонимов в речи, их зависимости от формуляра документа, контекста, коммуникативных характеристик текста.

Межтекстовые парадигмы могут отличаться более свободным варьированием компонентов именования: «Деряга да Спир(ш)а, да Якуш Рябина Игумновы дети Ефремовы» (Сотн. Турч. 1556: 130), «Ефимко Деряга да Спиридонко Неклюд да Якушко Ефремовы» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 447); «на Дмитрея Федорова сына Момотова <...> и тотъ <...> Дмитрей Шар» (Челоб. УВ 1629; АХУ III, 88), «бъеть челомъ и являеть холопъ твой гостиной сотни Митка Момотовъ на кабалныхъ заимщиковъ» (Челоб. УВ 1638; АХУ III, 206); «Да Первой Кисельников поехал к Ваге» (Кн. там. УВ 1633; ТКМГ I, 95); «что он купил у посацкого человека у Первушки кисельника» (Кн. писц. УВ 1623–1626:

179); «*Микитка Решето Калинин Пыхов, кожевник*» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 208); «устюженин *Никита Калинин*» (Кн. там. УВ 1633; ТКМГ I, 87); «устюжанинъ посадкой человѣкъ *Микитка Калининъ сынъ Пыхова*» (Челоб. УВ 1632; АХУ III, 108); «подал сеѣ явку *Никита Калининъ сынъ Пыховъ*» (Челоб. УВ 1645; АХУ III, 238) и др.

Номинативные парадигмы актуальных антропонимов были обусловлены воплощением в официальной номинации лица в документе разных антропонимических средств. Рассмотрение внутритекстовых и межтекстовых парадигм именовании одного и того же лица позволяет назвать причины парадигмообразования.

Первая причина возникновения номинативной парадигмы – варьирование компонентного состава именованного за счет включения в него различных антропонимических средств номинации данного конкретного лица: «*Спирко Семенов сын*» (Кн. писц. Пуст. 1574: 465), «*Оникейко Юрьев сын*» (там же) – «Дано на оброк *Спирку Семенову сыну Тонкие Портки* да *Пашку Сурначееву* да *Онтонку Копылу* санные покосы *Пянтин-наволока* и с присадою на *Середнем шару*» (там же: 478), «Дана на оброк *Спирке Семенову сыну Дуракова* да *Оникейку Юрьев(у) сыну Тонким Порткам* *Лосинец-песок*» (там же: 479). Именование лица могло варьироваться за счет любого антропонимического компонента: «Памет зборщыку данному и оброчному *Анане Калистратову Короткому* <...> *Ананя* заплатил с четверти деревни *Березиньские* рубль денег и 4 гривны и полшесты денги» (Сбор. пам. Важ. у. 1593; Васильев, 357); «Да *Ананя Калистратов* заплатил дань и оброк с пошлиною порублевою и задане денги с четверти *Березинские* деревни рубль з денгою» (Сбор. пам. Важ. у. 1603; Васильев, 361); «Да *Кирило Вахрамеев* да *Федор Васильев Лыжин* заплатили. . .» (Сбор. пам. Важ. у. 1603; Васильев, 362), «Памят соцкому *Федору Василеву* зборщыку данному и оброчному» (Сбор. пам. Важ. у. 1611; Васильев, 363), «По сеи зборной соцкои *Федор* брал половину всеи же дани и оброку за 19 год <...> По сеи зборной соцкои *Федор Лыжин* брал половину дани и оброку <...> Да *Федор соцкои* заплатил с мирские деревни половину дани и оброку» (Сбор. пам. Важ. у. 1611; Васильев, 365); «Да в послуех *Григорей Павлов сын Кемляк поморец* <...> *Послуех Гриша Павлов* руку приложил» (Порянд. Троиц. вол. 1637; Мильчик, 416); «*Стенка Петровъ Поповъ Лагуновъ*» (Кн. пер. УВ 1677: 144), «на беломъ мѣсте *Стенька Петровъ Лагуновъ*» (Кн. писц. УВ 1676–1683: 86); «успенской церковной дьячокъ *Сенка Семеновъ сын Забѣлин Ключин* <...> по купчей *Сенки Забѣлина*» (Кн. писц. СВ 1645: л. 30об., 110б.).

Обычно во внутритекстовой номинативной парадигме актуальные антропонимы одного лица сохраняют формальную преемственность, которая позволяет идентифицировать эти именованья друг с другом. Случаи, когда именование полностью изменяется, в документах XVII в. Крайне редки: «Двинские земские старосты Иван Бусинов с товарищи да кевролские и мезенские посыльщики Кирилко Доставалов да Второй Вихорев наняли колмогорцов посадцких людей *Алексея Рюмина Елисея Четошникова Петра Дорошьева*» – «У подлинного договору писано *Алешка Рюмин* руку приложилъ К сей записной статье вмѣсто *Елисея Четошникова* по ево велѣню лисеостровец Івашко Стахѣев руку приложилъ Вмѣсто *Калмыка* по ево велѣню таможенной подъячей Ілюшка Рогуевъ руку приложилъ» (Наемн. Двин. 1692; Шукин 1, 16–17).

Вторая причина возникновения парадигмы – это варьирование порядка следования компонентов именования. Для официальной антропонимии XVII в. характерно активное включение в именование нескольких личных антропонимов, вводимых с целью более точной идентификации лица. Они могли распространять один из компонентов: «Фофонко *Первушка* Кузмин» (Кн. пер. Устьян. 1634–1636: л. 30) и др., либо все именование в целом, ср.: «Микитка *Решето* Калинин Пыхов, кожевник» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 208); «лав. Микитки Калинина Пыхова *Решота*» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 216).

Среди факторов, влиявших на структуру именования, можно назвать существовавшие на Русском Севере локальные традиции деловой письменности. Например, в разных документах, составленных в Каргопольском уезде XVI в., отмечены случаи, когда календарное имя фиксируется на втором месте после некалендарного имени или фамилии, это свидетельствует о местных особенностях составления документов, предпочтениях в выборе средств идентификации лица, оценке степени их официальности и менее строгом следовании нормам писцового дела, определяемым московскими приказами: «С мельницы на Онеге ж у порогу у *Харюса* у Васюка у Исакова оброку 6 денег» (Кн. плат. Каргоп. 1560: 289); «*Ушак* Сысой Андреев сын <...> *Рубец* Васко» (Сотн. Турч. 1556: 131–132); «*Гуляико* Филипко Паньфилов» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 416), а также об общих принципах создания номинации лица, когда компоненты, требуемые нормами делового языка, приводились после именования (или имени), употребляемого в быту.

Номинативный ряд актуальных антропонимов регулярно возникал в результате варьирования личного имени. Это проявлялось в замене актуального антропонима его потенциальным фонематическим вари-

антом: «Да Тимофеи Петров Сорока заплатил дань и оброк <...> Да Тимофии же заплатил» (Сбор. пам. Важ. у. 1603; Васильев, 362); «во дв. Герасимко Лукинъ Пролубниковъ, извощикъ <...> м. Ярасимка пролубника» (Кн. писц. УВ 1676–1683: 89, 143). Мена номинативных вариантов наблюдается и при записи некалендарных имен и прозвищ: «Дер. Максимовская, а в ней крестьян: во дв. Серко Микифоров да брат его Безсонко <...> Пустошь, что была дер. Трохинская, на лготе за Серым за Никифоровым» (Кн. доз. Волог. у. 1589–1590: 42, 47); «Платил Пятои Парфенов 25 алтын <...> Платил Пятко Парфенов 18 алтын 2 де» (Сбор. пам. Важ. у. 1638–1639; Васильев, 368); Мишка Семеновъ Медвѣдь – Мишка Семеновъ Медвѣдко (Кн. пер. УВ 1677: 146; Кн. писц. УВ 1676–1683: 95); «стрѣльцу Якунѣ Телепню» – «стрѣльцу Якунѣ Телепу» (Кн. издерж. Шемог. вол. Уст. у. 1667–1668; АЮБ III, 213–214).

Анализ антропонимии деловой письменности Северной Руси XVI–XVII вв. показывает, что в именовании могли воплощаться: а) реальный (актуальный) антропоним, которым именуют человека в повседневном обиходе как единица языка жителей определенной местности или небольшого коллектива («Овсяник Олешков <...> Дороня Лабунин <...> Вахрюта Якимов <...> Харюта Ведунов <...> Софряк Васильев» (Сотн. Белоз. у. 1544: 185); ср.: «На то послух Онтон Матфеев сийской церковной дьячек <...> послух дьячек Онтонийко Матфеев руку приложил (Порядн. А.-Сийск. м. 1691; Образцов, 181)); б) потенциальный языковой антропоним как номинативный вариант актуального имени; ср.: «в. Ивашка Матфеев сын Фуников; прежней оклад отцу его Матвею был денга, а после вологоцкого разорения оклад ему был то ж денга; и Матюшка во 123-м году умер» (Кн. доз. Вол. 1617–1618: 340); в) неузуальный антропоним, образованный писцом по модели, продуктивной для деловых текстов (Торокан – Тороканко, Анишук – Анишучко: «Тороканко мясник <...> и Торокан стал на Вологде в стрелцы» (Кн. доз. Вол. 1617–1618: 338); «м. дворовое Анишука Маркова <...> и Анишучко во 121-м году от литовского разорения сшел безвестно» (Кн. доз. Вол. 1617–1618: 356)).

Иной характер могло носить варьирование личного имени во второй половине XVII в. после «книжной справки». «Правка» имен и образованных на их базе патронимов носит случайный характер и встречается далеко не во всех документах. Например, последовательная замена имени Панкратий новым вариантом Пагкратий отмечена в таможенных книгах Устюга Великого и прежде всего характеризует составителя этих документов: «Пагкратей Софронов» (Кн. там. УВ 1676–1677; ТКМГ III, 40), «Филат Пагкратьев <...> Петр Пагкратьев» (Кн.

там. УВ 1676–1677; ТКМГ III, 29–30). В деловую речь проникают «исправленные» имена с «зиянием» гласных: «Колмогорец Андрей Кирилов Баженини да сын ево *Иосип* приехали с Колмогор <...> Андрей да сын ево *Осип* поехали вверх февраля в 18 день» (Кн. там. УВ 1676–1677; ТКМГ III, 16–17).

К расширению номинативной парадигмы могло приводить функциональное сближение различных антропонимических единиц, их мена; конкуренция календарных и некалендарных личных имен, индивидуальных и фамильных прозвищ, фамильных прозвищ и фамилий, оформленных патронимическими суффиксами, полуотчеств и фамилий: «Да *Афанасеи Катаи Михаилов* заплатил дань и оброк <...> с трети деревни Дмитриевские» (Сбор. пам. Важ. у. 1593; Васильев, 357), «Да *Катаи Михаилов* заплатил дань и оброк <...> с трети деревни Дмитриевские» (Сбор. пам. Важ. у. 1603; Васильев, 360); «Яковъ Ивановъ сынъ *Катышовъ*» (Росп. Лал. 1674; Пономарев, 52) – «Якушка Ивановъ сынъ *Катышъ*» (Кн. пер. Лал. 1678; Пономарев, 55); «...а тотъ Федоръ *Мясной*» (Челоб. УВ 1629; АХУ III, 82), «Усолского уѣзда Петровского селца крестьянинъ Федко *Ивановъ сынъ Мясново ... Федка Мясново*» (Челоб. УВ 1627; АХУ III, 30); «бьют челом сироты твои Устюжского уезда Сидоровы Едомы крестьяне Девятко *Максимов сын Попов да Коземка Иванов сын Ожегин*» (Челоб. УВ 1677; АПД 1660–1680: 184) – «Отдать на распашъ Девятку *Максимову да Куземке Ожегину*» (Писц. приказ по челоб. УВ 1677; АПД 1660–1680: 186); «бьет челом сирота твой Юрьева Наволока Устьевской волости крестьянин Костыка Матвеев *Борисовых*» (Челоб. УВ 1680; АПД 1660–1680: 202) – «Отдать на распашъ Коске *Борисову*» (Писц. приказ по челоб. УВ 1680; АПД 1660–1680: 202).

Причиной образования номинативной парадигмы могло быть варьирование патронимического компонента, связанное с вариативностью личного имени отца именуемого (*Юрьев / Юрьин – Юрье / Юрья*): «в. Онтонко *Юрьив*, торгует мылом <...> лав. Онтонка *Юрина*» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 177, 215) или конкуренцией полуотчеств, образованных от разных антропонимов, называющих отца: «Олешка *Жданов Седельников, кузнец <...> куз. Олешки Григорьива Седельникова*» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 194, 292); «плотные мастера Иван Якимов да Микифор *Парфеньев да Семен Онофреев* взяли <...> плотни(к) Иван Якимов, да Микифор *Первого, да Семен* взяли...» (Поряdn. Хаврог. 1670; Мильчик, 421). При составлении именованного лица в документе мог воплощаться языковой патроним, соотносимый с определенным личным именем (*Иванов, Иванов сын*), или могла создаваться речевая номинация, образованная по определенной синтаксической модели с посессив-

ным значением: «Филка да Томилко *Пятово дѣти Липина*» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 299).

Выбор формы записи патронима нередко определялся идентификацией имени отца именуемого, при этом актуальный патроним заменялся его потенциальным (гиперкорректным, с точки зрения писца) вариантом. Имени одного из крестьян Антониево-Сийского монастыря *Галаш* в речи местных жителей была сопоставлена «полная форма» *Галафей* (вероятно, по аналогии *Тимоша – Тимофей, Дорох – Дорофей* и др.). Но в именовании его сына патроним *Галафеев* заменяется писцом на *Галахтионов*. Ср.: «Дер. Фили *Галафеева* на Семушине наволоке: в. Филия *Галахтионов*» (Сотн. А.-Сийск. м. 1578: 218); «дер. Филинская *Галашевская*» (Сотн. А.-Сийск. м. 1586–1587: 228). О гиперкоррекции могут свидетельствовать и ошибки писца в записи патронима. Составитель книги записи венецных сборов в Вологде в 1654 г. записал имя одного из брачующихся как *Дмитреи Тихонов*, после этого, зачеркнув *Тихонов*, приписал *Тимофѣев* (Кн. венецн. Вол. 1654: л. 21). Имена *Тимофей* и *Тихон* могут пересекаться только в общих модификатах (например, *Тиша*), и, вероятно, ошибка возникла вследствие неверной идентификации образованного от модификата патронима, которым назвал себя именуемый. Сходные случаи можно обнаружить и в писцовых источниках. Ср.: «в. Семка Павлов снѣ Митусов, в. Ивашко *Семенов* (исправлено на *Семого*) снѣ Митусова, в. Тренка *Семого* снѣ Митусова» (Кн. пер. Каргоп. 1648: л. 518об.).

Номинативная вариативность именованя лица возникала вследствиемены вариантов фамилий, образованных по разным продуктивным моделям: «лав. Тренки *Жилкинского*» – «лав. Тренки Петрова *Жилкина*» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 214, 218, 219). Вариативность фамилий могла быть обусловлена актуальностью разных вариантов антропонима главы рода, от которых были образованы фамильные дублеты, функционировавшие в обиходной речи и воплощавшиеся в официальном именовании лица: «Петрушка да Ларка *Курицины*, винокуры <...> за посацкими людьми за Ларионом да за Петрушкою *Курочкиными*» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 201–204); «Тереховские дрѣвни Чернейко Федоров сынѣ *Скрытицынѣ*» – «Чернѣико Федоров сынѣ *Скрытинѣ*» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 94–95об.).

Следует отметить и возможную модификацию фамилий при помощи продуктивных фамильных суффиксов и замену фамилий их модификатами в именовании: «Ивашко Левонтьивѣ *Шалахин* <...> лав. Ивашка *Шелахинова*» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 31, 52); «Ивашко Мосиев *Завалин*, торгует отъезжая» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 177) – «Устюга

Великого посадкой человекъ Ивашко *Завалиновъ*» (Челоб. УВ 1636; АХУIII: 172). Возможно, эти варианты существовали в языке жителей определенной местности, но, скорее всего, фамилии на -овъ в данном случае образовывались составителем документа по продуктивной модели.

Вследствие осложнения антропонимической формулы различными полупредикативными и устанавливающими кореферентность разных антропонимов предикативными конструкциями, характерными для официально-деловой речи, часто возникало варьирование именования: «выдалъ я Куземка *свою падчерицу* Олександрю *Евсивьеву дочь*, а жены моей Куземкины *дочь*» (Челоб. УВ 1632; АХУ III, 123); «бьетъ челом сирота твои *белозерского уѣзду Шубацкои волости храма Николая Чюдотворца что в Шубачѣ бывшаго попа Симеона сыншико* Бориско» (Челоб. Череп. в. 1688; ДПВК, 15); «бьетъ челомъ и являет твои гдрвь нищей бгомлец Белозерскаго уѣзду Натпорожскаго стану Черѣповские волости Турховские кулиги николскои поп Никиѡрише на *мощаитина на Ивановыхъ крестьян Акимова сна Поливанова на Матѡѣя Тимоѡѣва з братею да на Тимофѣя ѡдодорова и на их товаришев <...> и тѣ Ивановы крестьяна Поливанова* тот Матвеи с товарищи убили сниска моего Лѣвку <...> *онѣ крѣтяна Ивановы* тот Матѡѣи с товарищи похваляютца на меня нищаго и на детишекъ моихъ смертнымъ убийством» (Челоб. Череп. в. 1661; ДПВК, 8–9).

Наблюдения над составом номинативных парадигм позволяют делать вывод о том, что наибольшей устойчивостью и последовательностью в использовании в XVI в. и на протяжении всего XVII в. обладали однокомпонентные (*Ананя, Тимофий, Кобылка* и др.) и двухкомпонентные именования, представлявшие собой устойчивое сочетание двух личных имен (*Андрюшка Конь, Ананя Плотник* и др.), личного имени и полуотчества (*Кирило Вахромеев* и др.), личного имени и фамильного прозвания либо прозвища (*Филька Незнаемых, Федор Мясной* и др.). И, по всей видимости, именно их употребляли в быту, и они были той реальной основой, на которой в большинстве случаев строилось официальное именование XVI–XVII вв. Чаше всего они встречаются в самоименованиях лиц (подписи, «рукоприкладства» под документами) и в актовых записях, не предъявляющих строгих требований к именованию лица; ср.: «Се яз, Иев Титов сын Рычкова, порядился есмь <...> у Соли Моржегорской на монастырьскую деревню на Лехове, что жил на той деревни *Ефим Осипов* <...> Да мне ж, Иеву, ставити сенные покосы в верховье с *Шестаком Востриком* пополам <...> На то послуси: Ждан Иванов прозвище Бадана <...> вместо *Иева Титова* пушкаръ *Митька*

Шаханов по ево веленью руку приложил. Послух *Жданко Иванов* руку приложил» (Поряdn. А.-Сийск. м. 1649; Образцов, 124–125). Именно такие двухкомпонентные именованья, являющиеся номинативным базисом составного официального антропонима, часто сохраняются при повторных номинациях лица в документе.

Сопоставление именованья одного и того же лица в разных документах или разных клаузулах одного текста показывает, что многие из официальных именованья были стабильны. Именно эти случаи свидетельствуют о существовавших в XVI–XVII вв. общих нормах официального именованья, моделях, удовлетворявших требованиям разных типов документов. Можно назвать две наиболее важные причины устойчивости именованья одного и того же лица в разных документах: а) именованья создаются по общей формуле, стандартной для деловой речи; б) именованья заимствуются одним документом из другого, используемого в качестве источника информации или основания для проведения судебных, делопроизводственных, финансово-имущественных операций.

2.3. Формально-отождествительные парадигмы актуальных именованья как фактор логической определенности / неопределенности номинации лица в старорусском документе

Сложность формальных отношений в ономастической лексике обусловлена наличием двух взаимосвязанных, но противоположных по своей направленности тенденций: формальной дивергенции по отношению к лексической системе языка (собственные имена объединяются в ономастическую систему, стремящуюся обособиться от исходной апеллятивной системы) и формальной конвергенции (сближение разнородных онимов, их взаимное уподобление, унификация) (Скляренко 1990: 78).

Исследователи имен собственных предлагают разные критерии оценки степени стандартности / уникальности онимов. По мнению М. В. Горбаневского, уникальность / стандартность онима в системе топонимии определяется историко-культурной биографией, которая включает в себя этимологию (в триаде «причина номинации–повод номинации–мотив номинации»), историю преобразований внешнего облика топонима, функционально-стилистические и структурно-словообразовательные свойства, а также фоновые знания (информацию об историко-культурной, социальной, политической и экономической биогра-

фии именуемого объекта). По этим признакам различаются *уникальные, типологизированные и стандартные* топонимы (Горбаневский 1999: 66, 73).

Применительно к антропонимии в оценке стандартности она играющую ведущую роль играет формальный признак. Разграничение стандартных и нестандартных антропонимов на примере русских фамилий было предложено А. В. Суперанской и А. В. Сусловой (1976), при этом в качестве стандартных рассматриваются фамилии с финалями *-ов/-ев/-ин*, т. е. соответствующие типовой структурной модели. Н. В. Подольская, исследуя особенности типовых и нетиповых структур в топонимии и антропонимии, указывает, что «типовые структуры образуются по аналогии, по готовым моделям, в то время как нетиповые структуры создаются деривационным путем» (Подольская 1990: 68).

Некоторые исследователи предлагали считать уникальными антропонимы с уникальной референцией и уникальным восприятием имени носителями языка (Белецкий 1972: 34). Но чаще всего стандартность именования в актуальной антропонимии определяется формально-типологическими отношениями, обусловленными структурными схемами, моделями, формулами именования. С формальной точки зрения «уникальных имен на современном уровне развития человечества не существует» (Щетинин 1999: 22).

Особенно значимыми были данные отношения для функционирования именований лица в старорусских документах. Официальные именования этого периода могут оцениваться как стандартные и как типологизированные (созданные по моделям стандартных). Хотя нельзя исключать и возможности существования уникальных антропонимов. К числу типологизированных антропонимов, близких к уникальным, можно отнести редкие в деловой письменности XVI–XVII вв. двусловные некалендарные личные имена: «в. Тимоха Спиридонов сын *Кривая Горница* да дети его Гриша да Мартынок» (Кн. писц. Пуст. 1574: 465). Переходя в разряд фамилий, они утрачивали свою индивидуальность, но сохраняли свойство нестандартности: «Дер. Ионинская Меншая подле Мироновых на Якокурье: в. Васка *Чистых Кулебак* треть» (Сотн. Двин. у. 1587–1588: 238); «в. Бориско *Федоров снъ Олховых Ложекъ*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 20).

Степень логической неопределенности именования лица усугублялась тем, что для именования уникальных объектов использовались неуникальные по своей структуре и компонентному составу номинации, связанные различного рода формальными отношениями. Формальные парадигмы антропонимов могли строиться на основании формального

тождества именовании в целом или одного из компонентов в их структуре. Именования в составе таких парадигм могли быть связаны различными отношениями: а) формального тождества; б) формального подобия, основанными на формальном пересечении именовании; в) формального подобия, основанными на формальном включении.

Отношения формального тождества связывали именовании, полностью совпадающие по составу включенных в них компонентов: «Дер. Григорьевская на речке на Тихменге: в. Степанко да Ивоило да Сенка Григорьевы дети, в. *Гришка Иванов*, в. *Гришка Иванов*, в. Матюшка Иванов без пашни» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 361); «Дер. Дорофиевская: в. Кошко Иванов да *Пашко Зеняков* <...> Дер. Максимовская: в. *Пашко Зеняков* да Васюк Данилов» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 415); «Дер. Климушинская: в. *Истомка Гришин*, в. *Истомка Гришин*, в. Тимошка Филиппов» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 425). Употребленные в одном текстовом ряду, они были не способны выражать конкретную референтную отнесенность, требовали обязательного различия контекстов, сообщавших признаки, дифференцирующие именуемых ими лиц.

На логическую неопределенность номинации лица большое влияние оказывало формальное пересечение именовании разных лиц, особенно в пределах одного текста: «Дер. Белых: в. *Иванко Климов* Береза, в. *Иванко* Меншой *Климов*» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 372); «Сенка Семенов сын *Шарко*» – «*Шарко* Савин» (Сотн. Турч. 1556: 97, 124); «Дер. Кухтыревская: <...> в. *Копос* да Федулко Пахомовы» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 355) – «Дер. Омосовская: <...> в. Офонаско Амосов сын *Копос*» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 455).

Использование формально сходных именовании способствовало отождествлению или уподоблению именуемых по тому или иному признаку. В пределах одного документа чаще всего находит отражение формальное уподобление именовании родственников, которое способствовало их взаимной идентификации в тексте. Однако описание старорусской антропонимии только с точки зрения формального подобия именовании, основанного на тождестве компонентов, не дает ответа о функциях компонентов, составляющих отдельно взятое именование.

Антропосочетания, именующие родственников, могли пересекаться за счет употребления фамилий, идентифицировавших лицо путем причисления к одной семье. Но фамилия могла употребляться и на втором и на третьем месте в именовании, а также включаться в состав описательного прозвания по отцу: «Иванко да Гриша *Васильевы дети Ушакова*» (Кн. писц. Пуст. 1574: 466), «Офонка *Васильев сын Ушакова*» (Кн. писц. Пуст. 1574: 466), «Якуш *Васильев сын Ушакова*, в. Поздейко

Васильев сын» (Кн. писц. Пуст. 1574: 467) – «На Нижнем Пелысцы с верхнего конца вниз по Печере сарай Офонки да Иванка да Гридки *Ушаковых*, сарай Поздейки да Якуша *Ушаковых*» (Кн. писц. Пуст. 1574: 470); «*Степанко Иванов сын Суморокова*, *Шарапко Сумороков*, *Сенка Сумороков*, *Федко да Митя Сумароковы*» (Кн. писц. Пуст. 1574: 466) – «сарай Степанка да Митки да Федка да Сенки да Иванка *Сумороковых*» (Кн. писц. Пуст. 1574: 470).

По формальным признакам фамилии на *-ов/-ев/-ин* ничем не отличались от патронимов: «*Федка Кухнов*, *Хобарко Кухнов* да дети его *Лучка да Якунка* да племянник его *Митка Иванов сын*, *Ефимко Кухнов* да сын его *Фомка*, *Васка Кухнов*» (Кн. писц. Пуст. 1574: 466), «сарай *Хабарка Кухнова* з детми» (Кн. писц. Пуст. 1574: 472), «*Хабарка да Рычка да Ефимка да Федка Кухновых детей* прудишко *Тундрятное*» (Кн. писц. Пуст. 1574: 473); в приведенных примерах патроним образован от *Кухно* – модификата календарного имени, оформленного «новгородским» суффиксом *-хн-*.

Внутритекстовые формальные парадигмы с отношениями пересечения определяли компонентный состав именований, могли использовать ссылки на вышеименованное лицо, позволяющие восстанавливать необходимые для идентификации лица компоненты именованного: «*Гостиные сотни Леонтья Подошевникова племянник Евдоким Перфирьев да Федор Семенов* пришли от города в дошанике» – «*Евдоким Подошевников* на деньги, что ис товару вышли, купил хмеля кипу» (Кн. там. УВ 1633–1634; ТКМГ I, 53); «м. дв., что было Митки *Яковлева Соколовскихъ*, владѣеть имъ бр. ево *Андрюшка Яковлевъ*, а онъ Митка умре во 186 г., а дв. ево сгорѣлъ во 187 г.» (Кн. писц. УВ 1676–1683: 187) – «во дв. *Андрюшка Яковлев Соколовскихъ*» (там же), «дв. *Андрюшки Соколовскихъ*» (Кн. пер. УВ 1677: 143).

Отношения формального тождества компонентов именованного подчеркивались при помощи отождествительной частицы *же*, что способствовало идентификации компонентов и выражению ими классификационных значений. В результате этого именование становилось в большей степени определенным. Ср.: «Дер. Шагаевская: в. *Васка Семенов* Пилюга, в. *Ондрюшка Семенов же*» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 315); «В Перлахте чет деревни, а три чети деревни *Пахомевы* пустыни с Кены реки: в. *Петрушка Семенов сын Кожухов*, в. *Олексеико Семенов да Омеля Семенов жо сын*» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 331); «на Илью *Еремѣва сына Москвина*, на *Василья Еремѣва сына Москвина жъ*» (Челоб. Уст. у. 1636; АХУ III, 184); «С Шолского приходу *Ивашко Федотов Власкиных* <...> *Аничка Насоновъ Власкиных же*» (Пам. дат.

уст. у. 1654: л. 12–12об.); «Сенка Завьялов *Кузинских*, Микифорко Микитин *Кузинских же*» (Кн. доз. Уст. у. 1671: л. 72); «з Быкокурского стану Никитка Леонтьевъ *Ребцовских* <...> Марчко Савинъ *Ребцовскихъ* <...> Васка Иванов Сакулин *Ребцовских же*» (Кн. выборн. Уст. у. 1660: л. 10об.).

Формальное пересечение именовании, связанное с употреблением личных имен даже в пределах одной клаузулы текста носило случайный характер, несмотря на использование писцом отождествительных частиц, выражающих отношения между именованиями: «Дер. Федотьево: в. Тимонька Павлов; в. Гридька Иванов, в. *Онисимко* Офонин, в. *Онисимко ж* Потапов, в. Обрамко Лукин» (Сотн. Белоз. 1544: 87); «в. бобыл *Дружинка* Еуплов снъ Беспорточного да зят ево *Дружинка же* Васильев» (Кн. пер. Каргоп. 1648: л. 33об.). Частица *же* указывала не только на родственные и другие отношения между лицами, но и на тезоименность, которую необходимо учитывать пользователю документа.

Отношения формального подобия, основанные на формальном включении, могли связывать именования как одного и того же лица («во дв. *Петрушка Яковлев Зыковъ*... мѣсто дв. ево ж *Петрушки Зыкова*» (Кн. пер. УВ 1677: 90)), так и разных лиц («Дер. Малашевская: в. *Сенка Павлов Медведь*» <...> Дер. Ябедниковская: в. *Сенка Павлов*» (Сотн. Турч. 1556: 109); «Дер. Уксилово: в. Омелянко Василев сын, половник Михеика Сидорова з братиею; в. *Ондреико Нос Дмитриев сын*; в. Труфанко Корела Есипов сын; в. Епифанко Юрев; в. Нечаико Огородов, половник Онтипин; в. *Ондреико Нос*» (Сотн. Турч. 1556: 131); «Дер. Олферовская: <...> в. Нефедко *Василев сын Ускои* <...> Дер. Гавриловская: <...> в. *Ускои Василев*» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 443–444)). Только более широкий контекст документа позволяет судить о том, что речь в тексте идет о разных людях.

Уподобление называемых лиц при помощи уподобления антропонимических формул могло приводить к формальной избыточности именования в тексте документа, которая устранилась за счет установления синтагматических связей между антропонимическими формулами. В официальной речи XVI–XVII вв. находили отражение два основных приема записи формально связанных между собой именований. – «обобщение» и «нанизывание».

При отношениях формального тождества обобщение именований способствовало использованию количественно-именных конструкций. Полное формальное отождествление именований обуславливало возможность их употребления с количественными числительными: «Почи-

нок Кленовица на речке на Уломе: в. два Ивана Есины» (Сотн. Белоз. у. 1544: 187); «Петрушко, трое Ивашковъ, меньшей 10 л., Лучка 8 л., Григорьевы Костямины» (Кн. пер. УВ 1677: 145).

Обычно таким способом обобщались компоненты внутритекстовой парадигмы при контактном расположении компонентов: «...да захребетники два Ивашка Васильевы дѣти Кережины да Ивашковъ сын Ромашко годовои»; «в. два Ивашка Осиповы дѣти Романовы да Ивашковъ сын Ивашко ж дву годовъ» (Кн. пер. Каргоп. 1648: л. 26об., 29об., 67). В случае внутрисемейной тезоименности даже трехкомпонентные антропосочетания могли иметь неопределенную референцию, обусловленную полным формальным тождеством именований.

При отношениях формального пересечения обобщение производилось в тех случаях, когда в именовании разных лиц присутствовали общие компоненты. При обобщении они не повторялись, а объединяли именовании в единую аналитическую конструкцию. Обобщение возникало за счет антропонимических и неантропонимических компонентов. Например, ср.: «д. пусть дѣвки Маланыцы с сестрами Прокофьевых дочерей Ондраѣва» (Кн. писц. СВ 1645: л. 422); «Анцыфорко Ивановъ да дѣти иво Андришка да Федка да племянникъ иво Якушко Маковѣивъ сынъ Грязнухины» (Кн. крестопр. Устьян. 1682: л. 43); «устюжаня посацкие люди церковные плотники Федосейко Онанинъ сынъ Кошковъ да Петрушка Федосѣвъ» (Челоб. УВ 1632; АХУ III, 122); «Петра Семеновича Строганова людиска Савка Емельяновъ, Мишка Ивановъ, Ивашко Оксеновъ» (Челоб. УВ 1636; АХУ III, 177) и др.

Целям идентификации служило обобщение именовании при помощи выделения повторяющегося компонента (фамилии, топонимного определения и др.) в конструкции с местоимением *все*: «Се яз, Ивойла, да яз, Иван, да яз, Андрей, Левонтъевы дети, да яз, Афонасей Тимофеев сын, им Ивойлу и Ивану и Ондрию племянникъ родной – *все Щербинина Пермской волости с Труфановы Горы* дали есми отступную отпись» (Отступн. Кеврол. у. 1669; А. Кеврол., 145); «Се яз, Борис Иванов Киселева, да яз, Яков Самойлов, да яз, Афонасей Михайлов Кустов плотник, *все трое Торменьгские волости*, порядилися есми...» (Порянд. Верховаж. 1643; Мильчик, 417); «Деревни Исакова <...> взят салдат Матюшка Ерофѣвъ, тое же деревни з другого двора взят салдат Тимошка Павлов, тое же дер. с третьего двора взят солдат Алешка Патракѣвъ *всѣ Шарыповыхъ*» (Кн. доз. Уст. у. 1671: л. 59об.); «Се азъ Аврамъ да язъ Иванъ Тимофеевы дѣти, да язъ Михайло Парфентьевъ сынъ, *всѣ Старостиныхъ, Митрополя стану крестьяне*» (Порянд. Уст. у. 1670; АХУ I, 418).

Нанизывание именований использовалось в том случае, когда именованья лиц, находящихся в родственных отношениях, следовали друг за другом. При этом часто указывались связи между именуемыми, что приводило к факультативности антропонимических (патронимы, андронимы, фамилии) и неантропонимических средств, уже указанных либо восстанавливаемых аналитически. Нанизываемые именованья представляли собой аналитическую цепочку, начальный член которой — распространенное именованье. Его повторяющиеся компоненты в следующих за ним именованьях опускались. Ср.: «Усолского уезда Ратмеровские волости крестьяне *Гришка Петелинъ съ сыномъ Поспѣлкомъ*» (Челоб. Уст. у. 1628; АХУ III, 62); ср.: «тое жъ волости на *Поспѣла Григорьева сына Петелина* да на *Григорья Петелина*» (Челоб. Уст. у. 1628; АХУ III, 61); «Устюжанинъ Тренка Ермолаевъ з женою своею съ *Матренкою... у вотчима своего у Нестерка Кузнеца* да у *матери своей у Полашки*» (Челоб. УВ 1630; АХУ III, 96); «Шемогодской волости крестьянинъ *Савка Подпругинъ на сосѣдъ своихъ на Першу Лукоянова сына Малготова* да на *сына его Левку* да на *племянниковъ ево на Ивашка* да на *Кондрашку*» (Челоб. УВ 1640; АХУ III, 225); «Устюжского уѣзда Шелские волости крестьянинъ *Михалко Юрьевъ сынъ Русиновского тоѣ же волости на Дмитрия Федорова сына Момотова*» (Челоб. Уст. у. 1628; АХУ III, 54) и др. В данном случае показательно, что фиксация родственных отношений между лицами делала избыточной патронимы, также характеризовавшие родственные отношения, но по другой линии родства.

Дифференциация именований, употребление их независимо друг от друга чаще всего обусловлены тем, что они не имели общих компонентов, а потому не связывались между собой. В челобитных отсутствие формального обобщения именований было обусловлено тем, что указание родственных или других отношений лиц не актуализировалось (было неважно для идентификации лица либо не соответствовало назначению документа). Ср.: «Троицы Живоначальные Сергиева монастыря крестьянинъ *Петрушка Дементьевъ сынъ Мельниковъ* да Ростовского митрополита крестьянинъ *Савка Дементьевъ сынъ Мелниковъ*» (Челоб. УВ 1629; АХУ III, 84) (для составителя важно подчеркнуть не родственные связи именуемых, а их социально-правовой статус; поскольку он различен, то и именованья не обобщаются); «Устюжского уѣзда Митрополя стану крестьянинъ *Филка Григорьевъ сынъ Рожковской* на брата своего родного на *Терентья Григорьева сына Рожковского*» (Челоб. Уст. у. 1639; АХУ III, 219) (лица противопоставляются в челобитной как разные стороны иска, поэтому их именованья так же про-

тивопоставляются); ср. именованія челобитчиков в другом документе: «быють челомъ <...> Устюжского уѣзду Митрополя стану крестьяне Сенка Терентьевъ да Ортюшка Максимовъ *Рошковские*» (Челоб. Уст. у. 1659; АХУ III, 306) и др.

Не обобщались именованія в том случае, если формально тождественные компоненты входили в состав разных по функции описательных антропонимов, например патронима и андронима: «Ондрюшка *Исаковъ сынъ Крайчиковъ* да Варварица *Исакова жена Крайчикова*» (Челоб. УВ 1627; АХУ III, 30–31). Указаніе родственных связей при этом не отражалось на структуре именованія. Ср.: «во дв. вдова Маремянка *Игнатъевская жена Кошутина* у нее сын Пронка *Игнатъев сын Кошутин*» (Кн. писц. Рост. 1664: л. 5).

Сфера функционирования именованія лица в писцовой и переписной книге города была ограничена рамками одной клаузулы. Поэтому именованія в разных клаузулах были изолированы и не зависели друг от друга. В то же время в пределах одной клаузулы текста именованія могли обобщаться и нанизываться: «в. Ивашко Савельив Баран, таможенной сторож, да *дети иво* Первушка, спасской церковной дьячок, да Куземка, пишет на площади» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 189); «в. Ивашко да Сенка Васильивы *дѣти* Толдобина сапожники молотчие» (Кн. писц. СВ 1645: л. 11) и др. В Писцовой книге Устюга Великого 1623–1626 гг. подобные связи присутствуют в 12% именованій лиц.

При писцовом описании крестьянских волостей основной клаузулой также было описание двора, но в составе отдельного населенного пункта. Нередко именованія родственников, живущих в разных дворах, объединялись в единую формулу, следующую сразу за названием деревни, например: «Д. Березникъ на рѣчкѣ на Стригине а в неи крестьян: в. Пospѣлко прозвищо Шмар Иванов Пошиваев, в. *дѣти ево* Данилко да Серешка да Степанко» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 166); «Д. Варлыгинская а Фроловская то ж на рѣчкѣ на Ивде а в неи крестьян: в. Пятунка, в. Тренка да Сенка *Федосѣивы*» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 486) и др. Очевидно, обобщающим компонентом следует считать и название деревни.

В составе клаузулы описанія двора именованія жителей могли связываться и с именованіями бывших землевладельцев. Например: «Сенка Федотов с сыном с Куземкою владѣет по купчей *брата своего* Митки Яковлева <...> в. Ивашко Федоровъ сын Свиныин владѣет по купчей *дѣда своего* Васки Свиныина <...> да по деловой *отца своего* Фетки Свиныина <...> в. Ильи Пророка церковной дьячокъ Ивашко Офонасьевъ Бачюрихинъ на бѣломъ мѣстѣ <...> что дано *дѣду ево* Офонке Бачюрихину» (Кн. писц. СВ 1645: л. 103об., 110об., 20об.) и др.

Именования нескольких лиц, изолированные в составе разных клаузул, могли обобщаться при повторном именовании, если они входили в одну клаузулу: «Д. Иванково на ручью на Вопчем а в ней крестьян: в. Ивашко Оникеев Оленин <...> в. Митка Семенов Оленин <...> в. Ивашко Оникеев Оленин <...> *Лабельские волости крестьяне* Микитка Семенов да Ивашко Оникеивъ *Оленины*» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 677об., 533).

Активность использования данных приемов именования в официально-деловой речи XVII в. можно объяснить тем, что они позволяли при максимальной экономии идентифицирующих средств добиться лаконичности и информационной достаточности номинативной единицы. Сопоставление источников показывает, что характер использования подобных опосредованных именований был различен в документах разной жанровой принадлежности.

2.4. Текстовые пропозиции и определенность номинации лица в документе

Структура составного именования лица в памятниках деловой письменности XVI–XVII вв., как отмечал В. К. Чичагов, могла зависеть от того, в первый раз употреблено то или иное имя в документе или нет (Чичагов 1959: 9). Целесообразно выделить две ситуации использования антропонимов в речи: ситуация введения именования в речь и ситуация его повторного (анафорического) употребления.

При повторном употреблении антропонима в речи важную роль играли указательные и личные местоимения при именовании лица. Дейктические слова и элементы, к которым относятся личные местоимения 1-го и 2-го лица (а также соответствующие формы глаголов), указательные местоимения и наречия, определенные артикли, по мнению исследователей, выступают основным средством осуществления референции (Падучева 1996: 245–246). «Идентифицирующий дейксис, устанавливающий тождество, органически связан с представлением о единичности (особенности) объекта и индивидуности его свойств» (Арутюнова 1999: 311).

Местоимение 1-го лица (*я, азъ/язъ, мы*) при личном именовании вводилось в документ в начальном протоколе, образуя формулу идентификации, устанавливающую тождество предмета, названного именем, и субъекта речи. Оно употреблялось в начале формулы и выполняло идентифицирующую функцию: «Се *язъ, Иван Кузьмин сын Перхина*, отступился есми царя великого князя землю, а тетки своей Дарьи Пер-

хурьевы дочери землю на Труфанове Горы польце земли горные на Мокшю» (Купч. Кеврол. у. 1560; А. Кеврол., 130). При повторном именовании человека личные местоимения использовались в анафорической функции, отсылая к номинации в начальном протоколе документа. Эту же функцию при антропониме выполняли указательные местоимения *онь, оный, тотъ*, отсылающие к названному предмету (референту), аналогично определенному артиклю (Арутюнова 1999: 305).

Использование местоимения делало именование и все его компоненты референтно определенными, и при повторном назывании лица в документе в силу этой определенности становились факультативными, необязательными многие антропонимические средства (объект уже идентифицирован, анафорически известен), которые варьировались, заменялись другими компонентами, либо совсем опускались. Ср., например: «*Се язъ Петруша Фефилаьевской Ватола <...> а давати мнѣ Вотолѣ <...> спрашивали отъѣтчика Вотолы*» (Поряdn. Уст. у. 1558; АХУ I, 129–130); «*бъеть челомъ и являеть Ивашко Ивановъ сынъ Стрѣленские волости крестьянинъ, по прозвищу Рожинъ <...> на меня Иванка Рожина*» (Челоб. Уст. у. 1636; АХУ III, 183); «*крестьянинъ Федоръ Васильевъ сынъ Стешевъ <...> а тотъ Федоръ Стешевъ*» (Челоб. Уст. у. 1636; АХУ III, 199).

Данное явление отражено памятниками деловой письменности различной жанровой принадлежности: челобитными, купчими, переписными книгами. Ср.: «*Се яз, Аверкей Кобель Васильев сын, и своими детьми отступился есми из добрые воли царя великого князя, а по своей по купчие грамоте <...> Да продал яз, Оверке, дворище дубровенское на Труфанове Горы. А продал есми яз, Оверкей Кобель, и с своими детьми ту землю по купчей по грамоте...*» (Купч. Кеврол. у. 1562; А. Кеврол., 130); «*Бьет челомъ и являеть сирота твоя государева Панкрашка Сысовъ сынъ на твоего, государь, митрополичья крестьянина на Игънатия Артемьева сына Сыровацкого <...> тотъ Игънатей выдать за меня за Панкрашку свою племеницу брата своего Елеуферия дочь Оксиньцу*» (Челоб. Уст. у. 1627; АХУ III, 29); «*дв. Кирилки Васильева Саламатова <...> а онъ Кирилка живеть въ Шемогодской волости въ деревнѣ своей*» (Кн. писц. УВ. 1676–1683: 108); «*Марьица Иванова дочь, а Максимовская женишко Тарасова <...> написано на меня Марьицу, буттося язъ Марьица...*» (Челоб. УВ 1626; АХУ III, 11); «*на Наталью Бовину <...> а есть у меня на тое Натальицу кабала*» (Челоб. УВ 1626; АХУ III, 23) и др.

При анафорической известности лица именование использовало частицу *же*, указывающую на связь следующих друг за другом антро-

понимов, отождествляющую их: «Да Сава да Поспел Даниловы дети Козмина заплатили дань и оброк <...> Да Сава ж Данилов заплатил дань и оброк...» (Сбор. пам. Важ. у. 1603; Васильев, 360).

Исследователи категории определенности / неопределенности отмечают ее связь с актуальным членением высказывания, выделением в его составе данного (известного) и нового и указывают на зависимость референции имени собственного от коммуникативной организации предложения (Арутюнова 1999: 5–8).

Компоненты именованного отражали разные признаки именуемого и различные принципы номинации: одни выделяли именуемого, другие соотносили его с группой референтов, отождествляли с представителями одной семьи или ее поколения, жителями одного населенного пункта, одной волости, одного уезда, представителями одной социальной группы, одной профессии и т. д., они обладали разной идентифицирующей способностью. Структура синтагмы-именования лица отражала иерархию идентифицирующих средств и определяла порядок их следования. Компоненты с более широким денотативным значением часто употреблялись после компонентов с денотативным значением более узким.

Характеризующие (неантропонимические) компоненты, употребляемые в постпозиции, относились к антропосочетанию в целом: «Шестачко Павловъ сынъ, устюжанинъ, портной швецъ» (Челоб. УВ 1627; АХУ III, 40); «Ивашко Максимовъ сынъ Жуковъ, устюжанинъ посадичкой человекъ» (Челоб. УВ 1633; АХУ III, 136).

Неантропонимические компоненты могли употребляться и в начале именованного: «того дичка Васку Тючкина <...> а того Васки Тючкина дичка» (Челоб. УВ 1627; АХУ III, 41). В этом случае они распространяли не только составной антропоним, а все именование целиком. Например: «Синегодского погоста на бобыля на Никифора, а по прозвищу Лабуту, Исакова сына, двинского носника» (Челоб. УВ 1662; АХУ III, 321), «Устюга Великого Сухонского стану на Максима Афонасьева сына Серебренникова деревни Шемякиной» (Челоб. Уст. у. 1641; АХУ III, 232).

Детерминирующий целиком все именование компонент, как правило, обозначал характеристику, наиболее значимую для документа. Вероятно, данное расположение номинативных элементов зависело от того, что референция неантропонимических средств номинации оценивалась как известная адресату сообщения (анафорически или апперцепционно). Это могло быть указание на социальный статус именуемого, место жительства, юридическую зависимость от другого лица, долж-

ность или род занятий. Например: «Устюжанинъ Тренка Ермолаевъ» (Челоб. УВ 1630; АХУ III, 95); «Тимошки Михайлова Стрекаловских половник Ооска Иванов Стрекаловских» (Кн. пер. Уст. у. 1677: л. 187об.); «Пермогорского кабака таможенной и кабацкой целовалничихо Пятунка Андрѣевъ сынъ Власовъ» (Челоб. Уст. у. 1630; АХУ III, 94) и др.

Введение в речь нового для коммуникативной ситуации имени собственного в старорусских деловых актах предполагало его размещение в конце предложения, при этом характерна постпозиция личного имени или антропонимической формулы в целом по отношению к другим компонентам именования, в том числе и описательным антропонимическим конструкциям: «Гдрю преосвященному Маркелу архиеписпу вологоцкому и белозерскому бьет челом *раба гдрва Белозерского уѣзду Межузерские влсти смолнянина Костентиновская дочеришко Леонтьева дѣвка Овдотица* жалоба гдрь мнѣ Белозерского же уѣзду Межузерские ж влсти на Осипа Иванова сна Попова Родионовы пустыни» (Челоб. Белоз. у. 1657; ДПБК, 7); «Розписная патриарша домового Воскресенскаго мнстря вотчины Череповские влсти Чюдцкие кулиги дрвни Гулбина Изотку Семенову да дрвни Нефедова Ромашку Андриеву в ннѣшнем РЧВ году апреля въ В де взяли мы дрвни Денисова послѣ умершаго Ивана Меркурьева сирот ево Ромашко взял болшего мальчика Вавилку да Аникину дочь Матрону а с ними живота взято...» (Росп. им. Череп. в. 1684; ДПБК, 11). Анализ порядка следования компонентов в структуре именования лица показывает, что одни именования вводятся составителем документа как новые, а другие представлены как апперцепционно или анафорически известные адресату: «РПГ года генваря въ АІ де в Белозерском уѣзде патриарша домового Воскресенскаго мнстря вотчинѣ в селе Федосьеве на ярманкѣ изымал з заповѣдных товаров с продажных вином *Василя Михайлова сна Чуровского дворового члвка Тимошку Данилова* а сказывает что у него вино боярское послано к *Матфѣю Михайловичу Чуровскому...*» (Распр. р. Белоз. у. 1675; ДПБК, 9).

Довольно часто структура именования лица, а также конкретизация референтной отнесенности антропонима определялась текстовыми пропозициями. Модель именования лица зависела от того, присутствовала или нет та или иная информация в заголовке документа, обобщающем описании в начале текста или клаузулы, где называлось лицо. Например, фраза «Устюга Великого посацкого человекъ Гробова съ товарищи роспись, кто имянно взяты въ солдаты и изъ которыхъ деревень и въ которыхъ годахъ и какия деревни нынѣ въ пусте... 1671 г.» не требовала указания социального статуса именуемого; ср.: «Деревни Пони-

карова з двора взят солдат Гришка Петровъ сынъ Батаковъ вмѣсто его на службѣ наемщикъ Якимко Андрѣивъ» (Кн. доз. Уст. у. 1671: л. 8). Данная характеристика сообщается только при описании пустых земель и в именовании половников, что связано с использованием моделей именования, свойственных такой разновидности документа, как дозорная книга: «да той же деревни Другово Бобаива крестьянина Васки Алексѣива осмой жеребен в пусе рожью ненасиянъ»; «Деревни Пыжева половник Михаила Извощика з двора записан в солдаты Данилко Дементиев Андрѣевыхъ вмѣсто его служит наемщик Матвѣико Алексѣев Барсуковых» (Кн. доз. Уст. у. 1671: л. 5, 17об.–18). «Роспись, что по окладу десятой деньги взять Лальской волости на торговыхъ и промышленныхъ и ремесленныхъ людехъ» (Пономарев, 53) из 54 именованных лиц характеризует по роду деятельности только 11. В писцовых и переписных книгах не включались в именование указания на место жительства и характеристика лица по социальному статусу, так как данная информация сообщалась в заголовках книги и ее разделов, при описании каждой волости и отдельного населенного пункта: «В Сухонском стану погост на речке на Темтасе <...> Да на погосте крестьян <...> в. Ивашко Иванов» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 110). Именования лиц вне данных формул и статей включали топонимное определение, отсылавшее к определенному разделу документа, что, несомненно, служило идентификации лица: «да пашут наѣздомъ из дрвни Киселевские крстьяне Тимошка да Офонка Григорьевы» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 280об.); ср.: «Д. Киселево на рѣчке на Городишной а в ней крстьян в. Тимошка Григорьевъ да сынъ иво Оничка, в. Офонка Григорьевъ» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 280об.).

Писцовые книги XVI в. вне основной клаузулы описания двора или земельного надела могли фиксировать именованья, не идентифицируемые с теми лицами, которые названы владельцами дворов (обычно главы семей или патронимий): «Пашет ея наездом Кондратко Фролов сын из Кокоевские деревни» – «Дер. Кокоевская: в. Максимко Кондратев» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 309); «В Каренге заимше Степановское и Тщанниковское, а пашет его наездом Венедикт Ларин из Усть-волжские волости» – «В Каргополском уезде волость Устьволжская <...> Дер. Ларионовская: в. Дениско Ларин да Сергеико Левин» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 319). В писцовых книгах XVII в. подобные фиксации более последовательны, но при этом характеризуются вариативностью именования, затрудняющей идентификацию: «Д. Красной Бор а Михнинская то ж а в ней крстьян: в. Менищичко Федоров Пятово <...> тоѣ же волости деревни Михлинские крстьянина Менищичка Федорова

Михлинсково» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 184); «Волость Брусенская <...> Да у городка у Брусенска <...> д. Городищенские волости крестьянина *Пятунки Иванова Бородина*, а в немъ живеть подворникъ иво Федка Самсоновъ» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 303); ср.: «Волость Городишная <...> Село что была дровна Богоявленской починок на рекѣ на Сухоне и на усть рѣчки Городишной <...> да в селѣ ж крестьянских дворов <...> в. *Пятунка Бородин* да сын иво Друганко» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 284).

Таким образом, структура именования лица оказывалась в непосредственной зависимости от формуляра документа, характера повторных номинаций лица и подчиненности синтаксических конструкций устойчивым формулам деловой речи.

2.5. Антропонимическая компетенция и определенность именования лица в разных типах деловой письменности

Референтное высказывание отражает точку зрения определенного субъекта сознания и связано с языковой компетенцией личности. Использование антропонимов для конкретно-референтной номинации, требовавшее от субъекта речи компетенции в области антропонимии, может быть рассмотрено с двух позиций: субъекта номинации (ономазиологический аспект) и субъекта референции (логический и прагматический аспект). Составитель старорусского документа мог выступать в двух этих ипостасях: с одной стороны, он воспроизводил известное ему именование лица и был пользователем антропонимии, субъектом референции, в то же время создавая новую референтно определенную номинацию, обусловленную задачами текста. Это требовало от него не только владения ресурсами именования (потенциальные антропонимы, словообразовательные средства, формулы именования), но и компетенции в области актуальной антропонимии. Согласно утверждению Н. Д. Арутюновой, компетенция в области идентифицирующих имен создается знанием их референции (Арутюнова 1999: 24).

Прагматический аспект именования обуславливает ориентацию на адресата сообщения. При этом важным оказывается, принадлежит ли получатель сообщения «миру говорящего», относится ли референция имени к общему фонду знаний отправителя и адресата речи, имеет ли субъект речи сведения об известности референции имени адресату.

Данные обстоятельства легко прослеживаются на материале антропонимии старорусских деловых актов. Поскольку документы разных жанров деловой письменности представляли собой различные типы

коммуникативных ситуаций, функции текстов и адресаты текстов были различны, то в зависимости от назначения документа и его применения именование могло ограничиться только одним антропонимом (календарным или некалендарным личным именем или фамилией), как, например, в Сенных книгах Николаево-Коряжемского монастыря 1604–1605 гг., предназначенных для внутримонастырского использования (составителю и пользователям документа именуемые известны): «сѣна нам досталось от *Клюки*» (Кн. прих. Ник.-Коряж. м. 1604–1605: л. 5об.), «сѣна нам досталось от *Устина*» (там же, л. 6об.); «сена нам досталось от *Ильиных*» (там же, л. 6). Когда составителю и адресату (потенциальному пользователю документа) известно лицо, о котором идет речь, референтно определенным могло быть и только личное имя, и название лица без использования антропонимов. Это характерно для монастырской хозяйственно-учетной документации, пользователями которой была ограниченная группа обитателей монастыря: «Дали *никольскому священнику Ивану* ружных денег рубль. Наняли *Мартына* от Филипова заговена да до Велица дни, дали 7 алт.» (Кн. прих. Тот. пр. 1583; ВХК I, 26); «Купили поженку у *Шуйка* за Даниловую поскотиною, дали рубль денег» (Кн. прих. Тот. пр. 1583; ВХК I, 29); «Ковал *кузнец* чюмич, дано 8 ден.» (Кн. расх. Сольвыч. пр. 1597; ВХК I, 174); «Дано *Грише секарю* от плота 6 алтын 2 деньги. Дано *секарю Самылку* от полутора плота на лугу от сечи 10 алт. Дано *секарю* от полутора плота, от сечи 9 алт.» (Кн. расх. Сольвыч. пр. 1597; ВХК I, 183). Примечательно, что в этих же документах лица, не относящиеся к замкнутому монастырскому социуму, именуются при помощи патронимов и фамилий: «Купили за Углецкою деревнею лесу и земли, непашенные, в поскотину у *Семена у Федорова сына Саблина* к Углецкому к деревне, дали 30 алт. с алтыном» (Кн. прих. Тот. пр. 1583; ВХК I, 20); «Месяца июня в 4 день купил у *Офонасья у Алексиева сына Горбунова с Чюрикова* 4 плоты дров 3 сажени <...> Купил у *Дмитрея Матфеива сына Галкина с Виляди из Ивашевские деревни Ильинскаго прихода* <...> Купил у *Дениса Федорова сына Бобкова с Виляди из Богоявленскаго прихода с Пlesa* 6 творил дров» (Расх. дров. кн. Сольвыч. пр. 1592; ВХК I, 106–107).

Отмеченное свойство характеризует не только монастырскую письменность, но и расходные, «издержечные» книги светских учреждений (таможен, приказных изб и т. д.): «приставам хоженое, *Потанку* и товарищемъ, дано 8 де., подъячему *Тарасу* яиць неслъ: дано 10 де. <...> Июля в 9 день земской судья *Павель* ходилъ к Устюгу съ уплатою <...>, стрѣльцу *Казарку* дали съ правежу 8 де.» и др. (Кн. издерж. Енангской вол. Уст. у. 1669; АЮБ III, 225); «водилъ на дворъ цѣловалника *Петра*

къ воеводѣ къ Матвѣю Филимоновичю Нарышкину, несть колачь: дано 6 де. <... > Декабря въ <...> день пришесть къ намъ въ станъ *Микишка Хромой* да *Митка Извошчыковъ* съ наказною памятью, чтобы деньги им доправить <... > да в розныхъ мѣсяцехъ и числехъ *сторожамъ приказнымъ двумъ Ивашкомъ* выдавано крюкового 8 де.» (Кн. издерж. Уст. у. 1676; АЮБ III, 228–229).

Ориентация письменного текста на адресата, не принадлежащего социальной сфере составителя документа, предполагала использование более развернутых и сложных по структуре номинаций. Однако и многие тексты, составлявшиеся по требованию московских приказов, использовали референтно неопределенные именованья, что во многом было обусловлено особыми требованиями к номинации лица в тексте. Это нашло яркое отражение в документах общегосударственных переписей.

Писцовые книги Русского Севера входили в число *поземельных* описаний наряду с веревными, окладными и межевыми книгами. Особенность антропонимии и принципов именования лица в сотных и писцовых книгах заключалась в том, что фиксации в них подлежало далеко не все население, а только непосредственные налогоплательщики – главы семейств, владельцы дворов и других облагаемых налогом объектов (сенокосов, промысловых угодий, хозяйственных, производственных и торговых строений и т. д.), в некоторых случаях (в зависимости от прав на землю) и другие члены семей или жители двора. Для писцовых, дозорных и сотных книг XVI в. общим стандартом было использование двухкомпонентной антропонимической формулы (личное имя + патроним, образованный от личного имени отца при помощи притяжательного суффикса *-ов/-ев/-ин*).

Писцовые наказы разным писцам часто повторяли одни и те же требования, что способствовало стандартизации и однообразию описаний. В то же время различия в писцовых книгах по разным территориям Русского Севера, состав формуляра, антропонимическая насыщенность также в немалой степени определялись наказом. Наказы по составлению писцовых и дозорных книг первой трети XVII в. требовали описания промысловых занятий и имущественного положения лиц, но не оговаривали выбор антропонимических средств, указывая только, что жители посадов и волостей должны быть записаны «*по имению*» (Наказ И. Воейкову и дьяку Т. Копнину для дозора Каргополя и Турчасова с уездами 1620 г.; АПД I, 142) или «*имянно*» (Наказ Н. Вышеславцеву и подьячему А. Федорову для описания Устюга, посада и уезда 1623 г.; АПД I, 208).

Разнообразие способов номинации лица в писцовых книгах определялось и разными требованиями к именованию различных категорий населения, плативших налоги. Как свидетельствуют наказы писцам, принципы описания посадских людей и крестьян в писцовых книгах были различны. Для определения посадских повинностей «по животам и промыслам» особенно существенным было указание промысловых занятий, административных, в том числе выборных должностей. Особые требования предъявлялись к описанию пустых дворов и дворовых мест. Крестьянское тягло определялось размерами пашни и других сельскохозяйственных угодий. Писцовая книга делила сельских жителей на крестьян и бобылей (не имевших своего жеребья и плативших налог только со двора). Все это обуславливало разные принципы именования и характеристики землевладельцев и жителей посадских дворов. Меньшее внимание в сотных XVI в. уделялось бобылям, не имевшим земельного надела и платившим налог только с двора, и церковному причту. Данная категория лиц, не представлявшая особого интереса для поземельного описания, именовалась минимальным количеством антропонимических средств, а иногда оставалась и вовсе безымянной, что объяснялось специфическим назначением документа: «Да в селе ж двор монастырьской, а в нем живет *старец Семион*, да двор коровей. Во дворе *поп Лука*, в. *церковной диячек*, в. *Федка*, в. *понамарь Климо*, в. *проскурница*; да бобыли: в. *Овдокимко*, в. *Гришка*, в. *Русинко*, в. *Ларка*. в. *Митя*, в. *Поспелко* да *Оникейко*, в. *Осташка*, в. *Картик*, д. пуст, в. *Ортюшка*, в. *Онашка*, в. *Ортюшка*, в. *Иванко Корша*, в. *Иринка*, в. *Трофимко*, в. *Тимошка*, в. *Иванко иконник*, в. *Олешка*, в. *Власко*, в. *Иванко*, в. *Перша*, в. *Кириша Крюков*, в. *Исачко*, в. *Федка*, в. *Олешка*, в. *Сенка Комаров*. Пашни средние земли 3 обжи без трети обжи, и с тем, что на острове»; «Дер. Рындинская, да к ней припущено в пашню деревня Щербининьская, а в ней д. монастырьской, живет *старец*, да *детеныши*, да бобыли безпашенные: в. Кирилко да Сенка Григорьевы, в. Худячко да Ермолка, в. *Архипко*, в. *Михалко*, в. *Богданко*, в. *Наумко*, в. *Еремка*, в. *Васка*»; «В. поп Ермолай, в. *церковной диячек*, в. *понамарь*, в. *проскурница*» (Сотн. А.-Сийск. м. 1593: 224–225). Отмеченные особенности именования разных категорий податного населения сохраняются и в книгах «валового письма» XVII в.

Требование именования «по имяномъ с отцы и с прозвищи» способствовало тому, что в именованиях в писцовых книгах 1645 г. начинают активно вовлекаться фамилии посадских жителей и крестьян, которым в более ранних документах не уделялось такого внимания:

«Д. Столѣтовская, а Савинская то ж: <... > в. Бориска Степановъ сын *Бровкинъ* <... > Максимко Ивановъ сын *Бровкин* <... > в. Ивашко Федоров сын *Бровкин* <... > в. Фодеико Васильевъ сын *Бровкинъ*» (Кн. писц. СВ 1645: л. 110). Активизации фамилий в именовании способствовало указание на наследование земли: «в. Ивашко Федоровъ сын *Свиньин* владѣет по купчей дѣда своего Васки *Свиньина* <...> да по деловой отца своего Фетки *Свиньина*»; «в. Ильи Пророка церковной дьячокъ Ивашко Офонасьевъ *Бачюрихинъ* на бѣломъ мѣсте <...> что дано дѣду ево Офонке *Бачюрихину*» (Кн. писц. СВ 1645: л. 110об., 200б.).

Меньшей развернутостью и осложненностью в писцовых книгах отличались имена бывших владельцев дворов и дворовых мест и их постояльцев (дворников), в них могли встречаться и однокомпонентные формулы, несвойственные для именовании налогоплательщиков: «Двор Прилуцкого монастыря, живет дворник софийский звонарь *Васка*» (Кн. писц. Вол. 1629: 96), «живет дворник *Спиридонко*» (Кн. писц. Вол. 1629: 147). Именовании бывших владельцев облагаемых налогом объектов отличалось меньшей официальностью, отсутствием компонентов, требуемых писцовыми стандартами, главным образом «прозваний по отцу»: «д. пусть *Куземки Мокроуса*» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 370); «лав. пуста, что была на оброке за *Ивашком Котыгою*» (там же: л. 455об.); «д. пусть *Филипка Батожка*, бродит меж двор» (там же: л. 218); «д. пусть *Лучки Скорюка*» (там же: л. 277); «м. что был двор *Тренки Сутолоки*», «м. что былъ двор бобыля *Офонки Хорошева*», «пол м. *Ивашка Бушуя*», «м. что был двор *Федки Дровосѣка*» (Кн. писц. СВ 1645: л. 45) и др. Реже использовались для именовании лиц, переставших быть налогоплательщиками, трехкомпонентные формулы. В писцовой книге Вологды 1629 г. трехкомпонентные именовании, включающие фамилию, составили 13,6% от общего количества владельцев жилых дворов, в описаниях пустых дворов и дворовых мест – только 6,6 %.

Отступления от писцового стандарта, предполагавшего именовании по отцу, наблюдаются при повторных номинациях лица в документе. Ср.: «в. *Замятенка Семенов Ус, рыбной присол...* м. дворовое *Замятни Уса*, а он живет в Старой Осыпи» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 162, 189). Менее строгими были требования к именованию и в записях о размерах оброков, взимаемых с сенокосных и промысловых угодий («оброки и мелкие оброчки»), о межевании земель с указанием лиц, плативших оброк: «*Ивашку Седлову* с хмельника Костюринского старово оброку...» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 304); «Пожня в Усенском острову, а в межах та пожня с *Михалком Совою* по березе да на виловатый вяз» (там же: л. 653).

Дозорные книги в отличие от писцовых фиксировали изменения в землевладении и землепользовании, произошедшие с момента последней переписи или после значительных событий в том или ином регионе государства. Дозорные книги часто составлялись как дополнение к существующим писцовым книгам, что освобождало их составителей от необходимости подробного именования лиц. Для дозорных книг свойственны те же принципы именования бывших владельцев дворов, которые отчетливо проявились в писцовых книгах: «Деревня Павловская: вытного письма — две чети, а в пусе — четверть выти. Жильцы были: *Артюшка*, в мире скитаецца, а брат его взят, *Лазарко*, в салдаты, а *Родька Ларионов* в мире скитаецца» (Роспись пустым деревням Сараевской и Святицкой волости Уст. у. второй пол. XVII в.; АПД 1660—1680: 144). Писцовые и дозорные книги подробно и обстоятельно описывали земельные наделы и другие объекты обложения, а именованию владельцев как переменному показателю в них уделялось меньшее внимание.

В XVII в. появляется новый тип писцовых документов, связанный с реформами налогообложения и переходом от поземельного налога к обложению «живущей чети», — *переписные книги*. Подворные переписи «живущей чети» были необходимы и в связи с процессами закрепления земельных наделов за тяглым населением. В отличие от прежних писцовых, описывавших земли, угодья, промыслы, по которым население облагалось налогом, новые переписные книги основное внимание сосредоточили на тяглых дворах и их населении. Назначение и содержание переписных книг также определялось писцовым наказом и отражалось в начальном протоколе книги: «Лѣта 7156 апреля въ А^{де} по гсдрве црве Великого князя Алексѣя Михайловича всеа Руси грамоте за приписью діяка Алмаза Иванова воевода Василеи Иванович Жуков досматривал в Каргополе и в Турчасове в городе и на посаде и в Каргополском и в Турчасовском уѣздех погостов и дрвней починков и дворы и во дворех людеи и тому всему досмотру городовым и посадцким двором и во дворех всяких чинов людем а в уѣздехъ погостом дрвням и починкам и дворам и во дворех *всѣмъ людем имяны с отцы и с прозвицы и их дѣтям и братьямъ и племянником и подсосѣдникомъ и захребетникомъ* воевода Василеи Ивановичъ Жуковъ велѣл написати книги» (Кн. пер. Каргоп. 1648: л. 1–1об.). Наказы писцам определяли процедуру составления переписи, источники сведений, принципы описания жилых и пустых дворов и требования к именованию людей. В наказе из Устюжской чети, данном писцам Ивану Семеновичу Вяземскому и подьячему Леонтию Нестерову для подворной переписи города Тотьмы с

посадом и уездом в 1646 г., предписывалось, чтобы составители переписи не только опирались на предыдущие документальные источники и личный досмотр дворов, но и потребовали составления письменных «сказок» местными старостами и целовальниками, «чтобы они, старосты и целовальники, приносили к ним скаски за своими и за отцов своих духовных руками, что в тех селех и в деревнях, и в починках дворов и крестьян и бобылей, и их детей, и братьи, и племянников и сосед, и подсоседников по имяном, с отцы и с прозвищи» (АПД 1644–1661: 80).

Усложнение формулы именования лица в писцовых книгах XVII в. напрямую связано с требованиями нового «валового» письма, а также постепенным прикреплением посадских людей к посадскому «тяглу», официально провозглашенным Соборным Уложением 1649 г. В писцовых наказах отмечается: «А вышли будетъ после писцовъ и въ писцовыхъ книгахъ *отцовъ ихъ и ихъ имяна* написаны, и тѣхъ людей сыскавъ, подавати на крепкіе поруки з записьми и посадять их на тѣ жъ ихъ старые мѣста и въ тягло <...> обложить. А будетъ которые торговые люди побиты или померли, а *после ихъ остались жены и дети и братья*, а на тѣхъ мѣстехъ жити имъ будетъ и тягло прежнее платить мочно, и тѣхъ людей по тому жъ сажать на старое отцовъ ихъ и братьи дворы и на дворовые мѣста» (АПД 1627–1649: 452). В этих условиях возрастала потребность в опосредованных номинациях лица, содержащих в себе указание именования бывшего главы семьи (отца или мужа), что способствовало более активному использованию аналитических патронимов и андронимов, образованных целиком от именования отца или мужа: «в. Бориско *Ивановъ сынъ Клишев* с племянником с Олешкою владѣет по старине да по закладной вдовы Софьицы *Денисковы жены Клишова*» (Кн. писц. СВ 1645: л. 102); «во дворе Натальица Осипова дочь бѣлозерскаго пристава *Петрушкинская жена Васильева сына Бубнова*» (Кн. писц. Белооз. 1677: 6). Повышенное внимание к семейным и родственным связям именуемых в подворной переписи способствовало активизации родовых прозваний (фамилий), сближающих или дифференцирующих жителей двора.

Наиболее яркая тенденция старорусской антропонимии – возрастание аналитизма именований, особенно характерного переписным книгам второй половины XVII столетия: «во дв. Ивашко Григорьевъ сынъ Норицынъ, у него дѣтеи Ивашко хромъ, Сенка да Петрушка да Мишка 7 годовъ, у него жъ внукъ Левка Федоровъ 7-хъ годовъ <...> владѣеть дворомъ и огородомъ по писцовымъ книгамъ 153 г., прежний владѣлецъ дядя его родной Алешка Семеновъ сынъ Норицынъ умре во 179 году <...> во дв. Аленка Васильева дочь Стенькина жена меньшаго Но-

рищина, а мужъ ея после переписных книг 186 г. Стенька Никифоровъ сынъ меньшей Норицынъ и съ племянникомъ съ Ивашкомъ съ Петрушковымъ обнищали и обдолжали и сбрелъ къ Москвѣ и жить у гостя Евстафья Филиппева <...> владѣть по писцовымъ книгамъ 153 году, прежний владѣлецъ свекоръ ея Никифорко Семеновъ сынъ Норицынъ умре во 157 г.» (Кн. пер. Лал. 1678; Пономарев, 67).

Нередко имела свою специфику антропонимия в переписи дворовых мест и пустых дворов. Поскольку основным назначением переписных книг было описание «живущей чети» – собственно налогоплательщиков, то именованию умерших людей в них нередко уделялось меньшее внимание, что находило отражение в минимальном использовании антропонимов: «два м. дворовых *Якушка Беспорточникова* да вдовы *бобылихи Оринки* а *Якушко* и *вдова* умерли» (Кн. пер. Каргоп. 1648: л. 80); «А дворовых м. *прежние жилицы в писцовых книгах Ивана Воеикова* да *дьяка Третьяка Копнина* написаны побили их литовские люди» (там же: л. 90об.); «Дрв. Тереховская а в ней три м. дворовых *Ивашка Харитонов* а *товарищи* а *Ивашко с товарищи* умерли, а тою деревнею владѣют ис тягла и из оброку тое ж волости дрвни Захаровской Ермолка Гринков с товарищи пашут наѣздом» (там же: л. 126об.–127) и др. Меньший интерес по сравнению с «живущими» тяглецами для составителей подворной переписи представляли и лица, выбывшие «безвестно», что отражалось на выборе антропонимической формулы, чаще всего двухкомпонентной: «д. пуст бобыля *Архипка Заонежанина*, а Архипко сшел за Онег ву прошлом во 155 году» (там же: л. 4); «м. дворовое *Моски Косолапова*, а Моска умер» (там же: л. 73); «м. дворовое в пусе *Демешки Лупаловского*» (там же: л. 856об.); «дв. попа *Никиты Полоза*» (Кн. пер. УВ 1677: 143). Именования женщин в этом случае могли ограничиваться только указанием личного имени: «д. пусть бобылки вдовы *Ириницы* она сошла в мир для хлѣбные скудости, кел. пуста вдовы *Матренки*, а она померла» (Кн. пер. Турч. 1648: л. 534об.).

Неопределенность именования могла быть связана с неизвестностью необходимых для идентификации лица компонентов именования, предполагаемых официальной формулой. Отсутствие патронимов в именованиях мужчин могло определяться недостаточностью ономастической информации о лице: «на князь Дмитриевыхъ людей Шайдяковыхъ, на Якимка Микифорова сына Плотника, да на Ивашка Ермолина сына на Сыча, да на Богдана, да на Степана, а *отцу ихъ имянь не вѣдаю*» (Челоб. УВ 1626: АХУ III, 8); «...на меня научили мужика Семейку, двинянина, а *отцу его имени не вѣдаю*» (Челоб. УВ 1625; АХУ II, 916); «И онъ де Куска от нихъ Макарка с товарищи отстал на мнстръ-

скои своеи пустошѣ Папилитихѣ и бродиль по сродствнником своимъ Павлова мнстря в вотчинѣ в селѣ Фроловскомъ в дрвнѣ Боранцовѣ у дяди своего у Гришки *чеи онъ не ведаетъ*» (Допр. р. Сп. -Инок. м. Волог. у. 1688; ХИВГ, 42–43). В подобных случаях именование сопровождается специальными указаниями на неизвестность составителю документа тех или иных компонентов антропонимической формулы.

Недостаточность антропонимической информации обнаруживается при именовании лиц в челобитных XVII в., составленных в севернорусских монастырях. Уклад монастырской жизни предполагал именование обитателей монастыря личным календарным именем либо личным именем и прозвищем. Нередко при создании челобитных их составители также ограничиваются указанием только личного имени, поскольку другие компоненты именованя им не известны, например в белозерских актах: «Црю гдрю великому князю Алексѣю Михайловичу всеа Руси быють челомъ и являють твоего црскаго богомоля Белозерскаго уѣзда успения прчтые бдцы Воронины пустыни строитель чернец Иосафъ з братиею на *черного попа Феоктиста постриженника Лопотова мнстря* <...> і в то же гдрь время пришел к нам *бродящеи члкъ а сказался городетъчанин с посаду Бъжецково верху именем Степанко с сыном Пронькою* <...> *постриг он попъ Феоктисть того пришлого мужика Степанка без нашего вѣдома* <...> да он же поп Феоктисть дѣлал себѣ платье а *портъново шваля бродящего Ваську* взял къ себѣ же <...> і онъ тотъ Феоктисть і с своим *новопостриженным старцомъ Серапиономъ да с сыном Пронькою да с портным швалем Васкою* поктали в казенной кѣлье мнстрского живота...» (Челоб. Белоз. у. 1648; ДПВК, 5).

Референция антропонима для пользователей документа, которыми были делопроизводители московских приказов, определялась интертекстуальными связями именованя. Антропоним, не имеющий таких связей, мог оцениваться как лишенный референции. Например, в 1657 г. служители Троице-Гледенского монастыря обратились к царю с жалобой на устюжан, монастырских вкладчиков Мишку Бобровского, Сенку Шаламова и Федку Мезенца, вышедших из монастыря, с просьбой переселить их из монастырской слободы Морозовицы обратно на посад, в тягло. В царской грамоте, содержавшей ответ на просьбы, «Троицкого монастыря игумену Ионе с братьею в них отказали, потому: в писцовых и в переписных книгах, против их игумнова челобитья слободки Морозовицы, и теми имяны вкладчиков Мишки, и Сенки, и Федки за монастырем не написано, а написана за ними деревня Морозовица а не слободка, и в той деревне теми имяны крестьян и бобылей не написано же»

(Гр. УВ 1657; АХУ I, 311). Отказ мотивирован сопоставлением именованных крестьян, указанных в челобитье, с данными писцовых и переписных книг: «А в Устюжских писцовых книгах писма и меры Никиты Вышеславцова да подъячего Агея Федорова, 134 году, написано: В Быкокурском стану деревня Морозовица под Троецким монастырем, что на Гледене, на реке на Югу, а в ней половники во дворе Митка Федоров овчинник, во дворе Якунка Алексеев Токмак. Да в книгах же Устюга Великого переписи стольника князя Ивана Ромодановского да подъячего Ивана Редрикова, во 154 году, написано: в Быкокурском стану деревня Морозовица под Троицким монастырем, что на Гледене, на реке на Югу, а в ней половники во дворе Гришка Мокиев с детми с Гришкою меньшим да с Ивашком, у Гришки сын Митка, во дворе Ларка да Демка Андреевы дети Важина, у Ларки сын Левка. А что игумен Иона с братьею в челобитье своем написали слободку Морозовицу, и той слободки Морозовицы в писцовых и переписных книгах и за ними вкладчиков Мишки Бобровского, Сенки Шаламова, Федки Мезенца не написано» (Гр. УВ 1657; АХУ I, 304–305). Подобный розыск был предпринят и относительно других именованных, приведенных в челобитье: «А тот де Мишка Бобровской женат устюжанина посадцкого человека на Яковлевой жене Белозерова, а взял де ее за себя с большим животом, и в том де растройство. А в устюжских писцовых книгах писма и меры Никиты Вышеславцова да подъячего Агея Федорова, 134 году, на Устюге на посаде в тягле Якунки Белозера не написано, а в переписных книгах переписи столника князя Ивана Ромодановского, 154 году, на Устюге на посаде в тягле написан во дворе Баженко Белозеров с сыном Ивашком. А против челобитья устюжан посацких людей, на Устюге на посаде в писцовых и в переписных книгах Мишки Бобровского, Сенки Шаламова, Федки Мезенца не написано» (Гр. УВ 1657; АХУ I, 308–309).

Таким образом, несмотря на использование различных средств создания определенной номинации с целью идентификации лица, именование для адресата (пользователя) документа нередко не имело конкретной референции. Это было обусловлено как неизвестностью названного лица адресату документа, так и вариативностью, неустойчивостью его именованья, не позволявшими идентифицировать лицо, используя антропонимию других деловых текстов.

Оценка степени определенности антропонимической номинации необходима при рассмотрении современным исследователем степени полноты официального именованья лица в старорусском документе, поскольку данный признак, выявляемый при рассмотрении именованья в ряду ему подобных (в составе формально-отождествительных пара-

дигм), часто оказывается нерелевантным при описании функционирования антропонимов в речи.

Полнота именования лица обычно оценивается по нескольким признакам. Главным образом учитывается соотношение именования с некой стандартной формулой, принимаемой исследователем в качестве нормы. Основываясь на анализе примеров, подобных рассмотренным при характеристике определенности / неопределенности именования лиц в документах XVI–XVII вв., можно говорить о том, что наличие тех или иных компонентов именования, называющих или характеризующих лицо, было обусловлено типом деловой коммуникации, распределением компетенций между адресантом и адресатом, назначением документа, его структурой, изолированностью формул или их синтагматическими связями в пределах одной или нескольких соседних клаузул текста. При оценке структуры именования важно оценить не только наличие тех или иных компонентов, определяющее полноту или неполноту формулы, а *степень их достаточности* для идентификации лица в том или ином контексте.

Во многом решающим оказывался фактор адресата, ориентация текста на пользователя документа. Поэтому современному человеку, обращающемуся к памятникам письменности, в одном контексте (точно так же и в разных документах) легко идентифицировать лицо только по личному имени, например, очевидно, что в разных клаузулах текста речь идет об одном и том же лице: «в веже Васка Полнуев сын да брат его *Тимоха*» (Кн. писц. Кол. 1573–1574; МИКП, 29) – «*Тимошка Полнуев* трет лука» (Кн. писц. Кол. 1573–1574; МИКП, 29).

Недостаточность именования имеет следствием его неопределенность, а неопределенные номинации лишены идентифицирующей способности. Все это требовало ориентации писцов на уже имеющиеся в документах номинации лиц.

ГЛАВА III

СТАРОРУССКАЯ АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ ФОРМУЛА И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ ПОСЕССИВНОСТИ

3.1. Антропонимия и средства выражения посессивных значений

Наиболее ярко обнаруживается связь старорусского личного именования с категорией посессивности. Понятие посессивности антропоцентрично по своей сути. В его основе лежит представление о лице, связанном различного рода отношениями с предметами, явлениями, событиями, которые в совокупности образуют личную сферу человека. «В эту сферу входит сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально: некоторые люди; плоды труда человека, его неотъемлемые атрибуты и постоянно окружающие его предметы; природа, поскольку он образует с ней одно целое; дети и животные, поскольку они требуют его покровительства и защиты; боги, поскольку он пользуется их покровительством, а также все, что находится в момент высказывания в его сознании» (Апресян 1995: 645–646).

Исследователи категории посессивности описывают ее в разных аспектах, предлагают различную трактовку понятия посессивности, по-разному очерчивают круг языковых средств, служащих для ее выражения (Чинчлей 1996: 100–101).

Понятийное поле посессивности недостаточно исследовано и в лингвистических работах выделено нечетко. Общая семантика категории определяется посессивной ситуацией, предполагающей наличие посессора (лица-обладателя), предмета обладания и отношения между ними. В современной науке сложились как узкий, так и широкий подход в описании посессивности (Бондарко 1996: 99). При узком подходе посессивные отношения трактуются только как отношения собственно принадлежности / обладания. При широком подходе признак посессивности не отождествляется с понятием «владение» и связан с ним отношениями включения (Селиверстова 1982: 26, 42), помимо значений принадлежности и обладания понятийное поле посессивности при такой трактовке включает отношение части к целому (значение партитивности), свойства к его носителю (посессивно-экзистенциальное значение),

предметного или непредметного продукта к его производителю (посессивно-креативное значение), взаимообусловленности расположения предметов в пространстве (посессивно-локативное значение) и др. Как принадлежность рассматриваются отношения предмета к его создателю, предмета к его постоянному пользователю, события к его участнику, различные отношения и связи между людьми и др. Неоднозначность в трактовке посессивности во многом объясняется полисемией глаголов *быть, иметь, иметься, принадлежать, владеть, обладать*, используемых в качестве метаязыка при описании данных отношений.

При самом широком подходе посессивность понимается как реляционность. Например, исследователи отмечают связь посессивных и субъектно-объектных (залоговых) отношений в конструкциях с «посессивными актантами» (*расслабить руки, пить чай, произнести речь* и т. д.) (Апресян 1983; Головачева 1995; 2000; Долинина (ТФГ 1996)), рассматривают термины родства с присущей им реляционной семантикой как посессивную («подмножество относительных имен существительных») (Иванов 1983) или «околопосессивную» лексику (Левин 1983: 58) и т. д.

Функциональное поле посессивности в русском языке полицентрично и структурируется в соответствии с типологией средств ее выражения. Исследователи разграничивают синтаксическую (синтагмы) и словообразовательную (аффиксы) посессивность (Мароевич 1989: 121), предикативную и атрибутивную (ТФГ 1996). К двум центрам поля относятся предикативные и атрибутивные конструкции. Нерешенным вопросом остается разграничение словообразовательных и синтаксических средств передачи посессивной семантики. Например, создатели «Теории функциональной грамматики» не рассматривают притяжательные аффиксы в качестве самостоятельного средства выражения посессивности (Чинчлей 1996: 104), поскольку притяжательные суффиксы не отражают категориальной ситуации, они передают только наиболее общие посессивные значения (указывают на отношение) и нерелевантны к конкретным значениям собственно принадлежности / обладания, неотторжимой принадлежности и партитивности (ср.: *мамина книга, мамина сестра, мамина семья, мамина работа, мамина беда, мамина рука, мамина любовь, мамино пение* и т. д.). Данная семантика может выражаться только синтаксической конструкцией. При этом посессивное значение зависит от семантики слова, подчиняющего притяжательную форму. В какой-то степени указанное свойство сближает притяжательные образования с формами род. пад. существительного в атрибутивных сочетаниях, с которыми в речи посессивные конструкции вступают в отношения конкуренции (*мамин голос – голос мамы, Костин дом – дом*

Кости). В науке существуют три точки зрения на притяжательные прилагательные в славянских языках (особая группа прилагательных, адъективная форма существительных, особая часть речи – посессивы) (Ермакова 1983: 35–37).

К периферии функционально-семантического поля атрибутивной посессивности в современном русском языке исследователи относят лексические средства: производные качественные и относительные прилагательные пропозитивной семантики, которая отражена внутренней формой слова. Таковы прилагательные с суффиксами *-ист-, -аст-, -ат-*: *женатый, волосатый, плечистый, зубастый* и др., употребляемые в сочетании с названием лица (Чинчлей 1996: 104). Но при характеристике функционально-семантического поля посессивности остается без внимания не вписывающаяся в предложенную модель атрибутивного и предикативного поля группа названий лиц с пропозитивной семантикой отторжимой и неотторжимой принадлежности / обладания (*акционер, собственник, миллионер, банкир, бесприданница, судовладелец, медалист, семьянин, однофамилец, ясновидец, знаток* и др.) и партитивности (*гражданин, аристократ, мещанин, компаньон* и др.).

В существующих описаниях категории посессивности современного русского языка пока не найдено достойного места именам собственным, особенно таким, как отчества, андронимы, посессивные топонимы. Между тем, например, современные отчества, будучи именами существительными, занимают особое место в системе посессивных средств. Образованные по регулярным словообразовательным моделям и оформленные специфичными суффиксами со значением ‘лицо, которое имеет родственное отношение (является сыном) к тому, кто назван мотивирующим именем существительным’ (Ефремова 1996: 322), они по своей семантике оказываются близки терминам родства *сын, дочь*, отличаясь от них конкретно-референтной отнесенностью и идентифицирующей функцией, обусловленной мотивацией именами собственными.

Особый статус отчеств (и, шире, патронимов) в системе антропонимической лексики отмечался в некоторых работах по общим проблемам современной русской антропонимии. Исследователи указывали на переходное положение патронимов в системе современных нарицательных и собственных имен, называя их «полуантропонимами – полуапеллятивами» (Пеньковский 1976; Ратникова 1992), семантика которых обусловлена внутренней формой посессивных образований, поддерживаемой активными словообразовательными процессами, и «демотивацией» в результате перехода в имя собственное.

Вопрос о посессивном характере отдельных групп имен собственных часто ставился в исторической ономастике. Связь древнерусских патронимов и прозваний по мужу с категорией посессивности обстоятельно описана в работах Р. Мароевича (1981; 1989; 1993 и др.), Б. О. Унбегауна (1977) и др. В меньшей степени этого вопроса касаются исследования истории русских отчеств и фамилий на старорусском материале. Между тем метаязык описания зависимых компонентов личного именования XVI–XVII вв. обычно использует формулы, указывающие на их посессивную природу: «именование по отцу», «именование по мужу».

В последнее время высказываются мнения о посессивном статусе старорусских фамилий – «именований по историческому главе рода» (Королева 1999), что характеризует их как слова, обладающие внутренней формой, а суффиксы, образующие их, как форманты, выражающие особый тип посессивных отношений. А. В. Головачева к отношениям неотчуждаемой принадлежности в стереотипной ментальной структуре ‘человек’ относит отношения «часть–целое», а среди средств их выражения в числе прочих называет славянские фамилии, возникшие как названия членов семьи по их неотчуждаемой принадлежности главе семьи (*Петров, Фомин, Живаго*), «двойные посессивные образования» типа русской фамилии *Фоминых* (Головачева 2000: 18). По словам С. И. Зинина, до XVII–XVIII вв. фамильные суффиксы *-ов/-ев/-ин* и *-ск(ой)* не были четко отграничены от соответствующих суффиксов притяжательных прилагательных и обладали значением принадлежности («ближайшего усвоения»), их размежевание происходит только в XVIII в. (Зинин 1972а: 166). В современном русском языке фамилии утратили свое посессивное значение, а вследствие этого внутреннюю форму и морфемную структуру.

Несмотря на регулярность высказывания подобных положений, современная наука об истории антропонимических «категорий» описывает патронимы, андронимы и фамилии преимущественно с формальной точки зрения. Для исследований по истории русского личного именования свойствен атомарный подход: собственное именование часто рассматривается не как функциональное целое, а как набор отдельных самостоятельных элементов, соединенных друг с другом по определенной формальной модели. Отдельно вычленяются компоненты, оформленные патронимическими суффиксами, отдельно – номены, слова с семантикой родства и свойства, так называемые сопутствующие термины. Термины родства, включенные в именование (*Иванов сын, Михайлова дочь, Петровская жена*), рассматриваются как формальный показатель, факультативный «довесок» полуотчества или прозвания по му-

жу. Основная функция этого компонента определяется как уточнение статуса антропонима (Тупиков 1903; Чичагов 1959; Палагина 1968; Зинин 1969, и др.). Высказывалась точка зрения, согласно которой регулярное употребление при антропониме номенклатурного слова поддерживает складывающееся разрядное значение имени собственного, особенно в случаях омонимии словообразовательных формантов антропонимов различных разрядов (Азарх 1980: 141).

Отчасти широкое использование формального подхода к описанию старорусского личного именования имеет субъективные причины, среди которых следует выделить проецирование на составные именования лица, встречающиеся в памятниках старорусской деловой письменности, свойств современного официального составного антропонима, компоненты которого связываются в одно функциональное целое способом «присоединения», «приклеивания» по устойчивой языковой модели. Современные официальные составные антропонимы имеют свойства составной лексемы («сложной лексики», «синтемы») и по структурным признакам похожи на составные числительные, а функционально — на устойчивые условные индексы. В отличие от современных, старорусские составные личные именования, образовавшиеся по синтаксическим моделям, были вариативны, часто выступали как речевые номинации и далеко не всегда обладали свойством устойчивости и воспроизводимости.

Определение специфики старорусских антропонимов / антропонимосочетаний с релятивной функцией требует рассмотрения старорусского именования и его компонентов в ряду сходных синтаксических конструкций с посессивным значением и конкретно-референтной отнесенностью, обусловленной их образованием на базе имен собственных, а также выявления некоторых условий, влиявших на функционирование данных единиц в деловой письменности XVI–XVII вв. Конечно же, следует оговориться, что круг описываемых конструкций со значением принадлежности / обладания далеко не исчерпывает всех возможных средств выражения посессивных значений в старорусском языке и выстраиваемая функциональная парадигма — лишь фрагмент более широкой категории.

3.2. Антропонимическая формула XVI–XVII вв. на фоне посессивных атрибутивных конструкций

1. Предикативная и атрибутивная посессивность в текстах деловой письменности XVI–XVII вв. Для рассмотрения специфики личных именований на фоне посессивных атрибутивных сочетаний не-

обходимо сказать о соотношении разных способов выражения значений принадлежности в деловой письменности XVI–XVII вв.

Предикативная посессивность в старорусском языке выражалась конструкциями с посессивными глаголами, донативными глаголами, конструкциями с нулевой связкой. Предикативный признак принадлежности мог соответствовать посессивному значению, выражаемому атрибутивными конструкциями, а также служить мотивировочным признаком для образования собственных топонимических и антропонимических имен.

Деловые тексты XVI–XVII вв. различались не только содержанием, но и использованием языковых средств, по-разному отражали личную сферу человека и отношения, существующие в ней. Отчасти это проявлялось в использовании конструкций с посессивными значениями. Например, основная формула писцовых книг (описание облагаемого налогом двора) передает посессивную ситуацию, и выражает предикативные посессивно-локативные отношения: посессор обозначается, как правило, формой им. пад. имени лица, предмет обладания – двор – предложно-падежной конструкцией с пространственным значением, посессивное отношение выражается нулевой связкой (формула с переменной «во дворе X»). Использование предикативных посессивных конструкций данного типа в писцовых книгах определялось необходимостью не только отметить отношение земельного участка к лицу, но и выразить модально-временную характеристику этого отношения (кто живет на земле и платит с нее налоги в момент переписи или кто пользовался ей раньше): «в. *Молчанко Дмитриев Шахов*, колачник <...> м. *дворовое тяглое, что был двор стрелца Павлика Яковлева* <...> д. *Ефремка Тимофеива, сиюл безвестно от бедности, а ныне живет жена иво Овдотьица* з детми» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 186). В том случае, когда модально-временной план не значим для документа, название двора ограничивается посессивной атрибутивной (в приведенных примерах – генитивной) конструкцией. Ср. также: «На посаде ж дворы и места *дворовые пустые*, а бывали черные тяглые непашенные ж, а в *тягло и на оброк и на льготу не взял их никто*. От реки от Мологи в переулке: д. *Панфилковской*, – в Пречистенской улице: д. *Олешинской Вырецкого*, д. *Данилковской*, – да на Вороже д. *Нечаиковской Василева*, д. *Прибытковской скоморохов*, д. *Кузминской*, д. *Китаиковской Игнатова*, – на площади: д. *Ширяковской Курлятева*, – за рекою за Мологою: д. *Новичковской скорняков*, д. *Шестачковской Палцова*, д. *Шестачковской Золуцкого*, да три места дворовых ж без хором» (Сотн. УЖ 1567: 158).

Противопоставление предикативных и атрибутивных конструкций наблюдается и при характеристике других объектов налогообложения в писцовых книгах. Например, при описании городских торговых построек используются генитивные конструкции со значением принадлежности, отличающие ситуацию использования земли, передаваемую предикативной конструкцией, от ситуации владения объектом, посессора-пользователя от посессора-обладателя: «*лав. Мишки Езупыва; он. Спирки Офонасьева; 2 м. лавочных, одно Ярокурские волости крестьянина Олешки Григорьева, а ныне им владеет посацкой человек Микитка Яковлев, а другое посацкого человека Богдашка Гаврилова*» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 220).

К периферии поля предикативной посессивности относятся конструкции с донативными глаголами (*взять, дать, купить, продать* и др.). В деловой письменности XVI–XVII вв. они выступают атрибутом купчих, духовных, меновных грамот и других типов частноделовых актов, фиксирующих изменение принадлежности объектов. В писцовых книгах данные конструкции употребляются в случаях изменения принадлежности / права использования объекта в сравнении с предыдущими переписями: «*Двор Сенькинской Белов подле Степана Колачкина дан на льготу Ивашку Павлову, место дворовое Ивановское Ватамонова, а подле Фильки Степанова дано на льготу Ивашку Шумилу Ермолину сыну Медведева. На Ивановской улице по правой стороне ко всполью меж Вялова двора да Копосова плотникова два места дворовые Иванковское Бабина да Навиковское ноугородцева даны на льготу Осипу Михайлову <...> На Красном посаде двор Никифоровской Обрамова дан на льготу Михалку Иванову сыну Попову*» (Сотн. Каргоп. 1561–1564: 295–296).

Последовательное разграничение в актовых текстах различных синтаксических конструкций, закрепленных за разными видами посессивных отношений, свидетельствует о тщательной разработанности языка деловой сферы XVI–XVII вв. В результате этого одной формулой, включающей разные синтаксические конструкции, могут передаваться различные ракурсы посессивных отношений (прямого обладания, отношения к бывшему владельцу, отношения к создателю и др.), выражаемые как предикативными, так и атрибутивными конструкциями: «*Д. Иванов Иванова сына мельника <...> и прежде сего было за ним же на оброке за Иванком же, с снохою его с Сенкиною женою мельника с Огрофенкою да с ее внуком з Бориском со Власовым вопче по половинам*» (Сотн. УЖ 1567: 148); «*а у береги у тое мельницы по обе стороны речки Ижины вверх по Сенкинской Иванова ж мельницы двор под Горо-*

дишем мелников Сенкинской Иванова, а ныне жены его Огрофенкин да ее внука Бориска Власова; да к тому двору за ними ж мельница на речке на Ижине выше деверя ее Иванковы мельницы, дела Огрофенкина мужа Сенкинской» (Сотн. УЖ 1567: 148); «К церквам приходным Николы чюдотворца <...> даны им пожни ниже посаду Гридинская Рослякова да Лутохинская Яковлева, что были в закладе у Василя у Сивкова и у его крестьян» (Сотн. УЖ 1567: 145); «дана им пожня ниже посаду Климушинская Болотова, что была в закладе у Иванова крестьянина Арбузова к вотчине» (Сотн. УЖ 1567: 145).

Непосредственное соотношение с антропонимией рассматриваемого периода имели конструкции, выражавшие атрибутивную посессиивность.

Атрибутивные конструкции интересующего нас типа были представлены несколькими моделями. Среди них следует назвать синтагмы с опорным словом – наименованием неодушевленного предмета – и зависимым компонентом, образованным от личного именованного посессора; синтагмы с опорным названием лица релятивной семантики (термины родства, свойства, хозяйственной и правовой зависимости); синтагмы с опорным компонентом – личным именем.

2. Конструкция «сущ. + притяж. форма (-ов)». Описательные номинации объектов, предметов или явлений, включающие притяжательные прилагательные, образованные от имени посессора, в старорусском языке могли выражать различные посессивные значения, например, собственно обладания: «направе его ж Игнашкова кожевная изба с сенми» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 196), неотторжимой принадлежности, в том числе: отношения действия к производителю (посессивно-субъектное значение), отношения события к личной сфере конкретного человека: «я Олферъ <...> до моей Олферовы смерти <...> моимъ Олферовымъ небрежениемъ» (Порянд. УВ 1649; АХУ I, 258), отношения объекта к его создателю (посессивно-креативное значение): «Продал Шанино дворишко, взял 19 алтын. Продал с Филипова дворишка избенко да банишко, взял 35 алт. <...> Взял от двора от Осипова 20 алт. на год кортомы» (Кн. прих.-расх. Холмог. торго 1598; ВХК I, 219) и др.

Общепритяжательное значение суффикса -ов способствовало его использованию для выражения различных отношений родства и свойства, в том числе свойственных патронимам и андронимам: «вдова бѣдная Оксиньца Гаврилкова жена»; «вдова Марфица Захаркова жена»; «вдова Катеринка Рюмина жена бедна»; «нищия вдова Марфица Мишкина жена» (Кн. писц. СВ 1645: л. 13, 15об., 16, 32об.). Посессивные синтагмы с опорными словами сын, дочь были специализирова-

ны в качестве прозвания по отцу, не имели самостоятельной номинативной функции, называли лицо только в аппозитивном сочетании с личным именем. Согласно мнению С. Н. Пахомовой, в аналитических патронимах, мотивированных личным именем отца и включающих слово *сын*, термин выполняет роль опорного элемента, а притяжательная форма – зависимого. Такой патроним «определяет имя лица опосредованно, через апеллатив» (Пахомова 1984: 9). Наряду с устойчивыми формулами именования по отцу или по мужу, в старорусской деловой письменности отмечены синтагмы, в которых в качестве опорного слова могли выступать и другие термины родства: «А Пячгорской деревни *Марка Мороза* все пути по прежней менной у *брата у Маркова у Стефана у Васильева* <...> *брат Марков Морозов* Стефан Васильев Белоглазов» (Меновная Кеврол. у. 1596; А. Кеврол., 132).

Идентифицирующие лицо старорусские полуотчества на *-ов/-ев/-ин*, деривационная модель которых сформировалась уже в праславянскую эпоху (Трубачев 1994: 25), выражали отношение именуемого к отцу и занимали в системе посессивных средств периферийное положение. Рассматривая особенности старорусских именований, построенных по модели «личное имя + полуотчество на *-ов/-ев/-ин*», С. Н. Пахомова делает вывод о том, что они по всем признакам совпадали со словосочетанием, в качестве опорного компонента которого выступало личное имя. Употребление полуотчеств с суффиксами *-ов/-ев/-ин* уже в XVI в. было повсеместной нормой двухкомпонентного официального именования. Патронимы при личном имени выполняли дифференцирующую функцию и до сегодняшнего дня сохранили способность идентифицировать лицо только в сочетании с личным именем, что свидетельствует об их атрибутивной природе. В речевом употреблении патронимы в разной мере реализовали посессивную семантику, степень актуализации которой определялась функцией именования.

В рассматриваемый период наблюдается конкуренция полуотчеств на *-ов/-ев/-ин* при личном имени и отыменных конструкций с опорным термином родства в качестве прозвания по отцу. Ср.: «Д. Онтурова Рычково то ж на реке на Вычегде: в. Конанко *Яковлевъ* Исаевъ <...> в. Данилко *Васильевъ сын* Исаевъ» (Кн. писц. СВ 1645: л. 109); «разбойникъ Ермолка *Семеновъ сынъ* Латка <...> тотъ же Ермолка *Семеновъ* Латка» (Челоб. УВ 1636; АХУ III, 183). Составители документов разного содержания и назначения отдавали предпочтение тому или иному способу записи патронима. Так, например, в Книге записи венечных пошлин Ляменгских починков все брачащиеся именуются при помощи аналитического патронима: «попъ венчал отрока Афонасья

Андрѣева сына з дѣвкою Пелагиєю Григорьевою дочерью; Того ж числа венчал отрока Федора Кондратьева сына з дѣвкою Анною Ивановою дочерью» (Кн. венечн. Лям. XVII в.: л. 2об.). В аналогичном документе, составленном в Вологде в 1654 г., из 170 именовании мужчин и 170 именовании женщин, сочетавшихся браком, только два женских именовании включают конструкцию со словом «дочь», остальные записываются однообразно: «женился *Ерофѣи Федоров* понял *Ефросинью Михашлову*, женился *Иванъ Прокопьевъ* понял *Ирину Андрѣиву*, женился *Козма Савельевъ* первым браком понял *Каптелину Кирилову* вторым браком» и т. д. (Кн. венечн. Вол. 1654: л. 1). Крестоприводная книга Устюга Великого и уезда 1645 г. фиксирует единичные случаи записи патронима со словами «сын», «дети» (обычно при включении в именование фамилии): «Перша да Ивашко *Матѣевы дѣти* Лобановы»; «Ивашко *Осиповъ сынъ* Широких» (Кн. крестопр. УВ 1645: л. 53об.–54); исключительное большинство лиц, целовавших крест, именуется по модели: «*Степанко Варламов, Васка Еремѣевъ, Оска Ивановъ, Коземка Володимеров* да сын его Гришка да брать его *Ивашко Володимеровъ* да сын его *Гришка Иванов* да внукъ его *Ивашко Григорьевъ*» (там же: л. 40–40об.).

3. Конструкция «сущ. + прил. (-овск/-евск/-инск)». В старорусском языке функцию посессивов могли выполнять и притяжательные прилагательные с суффиксами *-овск/-евск*, наследовавшие функцию притяжательных форм именного типа склонения. В отличие от форм на *-ов/-ев/-ин* они не выражали значений собственно принадлежности / обладания и прямого родства, указывали на относительность, условность посессивного отношения: «Купили мы, Василей и Оверкей, у Еремея у Григорьева сына Онегина деревню <...> да по другой купчей купили у Тимофея Окулова же сына Хромцова яз, Василей, у брата своего <...> По *еремеевской купчей* досталась мне, Василью, деревня Климовская и Дубининская <...> да мне ж, Василью, из другой купчей *timoфеевской продажи* досталась деревня Кондратовская <...> да *путик тетеревиной слопцы* за Рим озером *еремеевской* <...> Да Василью же досталось *поженки* Плоской деревни Кырзовские три да и купчие *еремеевская* да Ивкушевская, а Оверкию *Тимофеевская* и купчая» (Деловая Кеврол. у. 1618; А. Кеврол., 136–137).

Исследователи отмечают продуктивность данных образований в севернорусской топонимии XVI–XVII вв. (Чайкина 1987а: 73–76); ср.: «Д. *Гридинская* а *Гриди Дементьева* то ж на озере на Ягрыше» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 89).

В антропонимии деловой сферы конструкции, включавшие такие слова, были характерны для именования женщин. Описательные антронимы с опорным словом «жена» чаще производились от личного имени мужа: «...и *Денисовскую жену* Анисю сослалъ з Денисовымъ человекомъ з Микифоркомъ» (Челоб. УВ 1666; АХУ III, 336), реже – от фамилии при помощи суффикса -ск-: «на Устюжскую проскурницу на Овдотью на *Коркинскую жену* <...> по научке безделника деверя своего старика *Коркина*» (Челоб. УВ 1626; АХУ III, 11); «вдова Маринка *Филипова жена Шарина* <...> лав. вдовы Маринки *Шаринские жены*» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 176, 215).

4. **Генитивная конструкция «сущ. + именование лица в форме род. пад.»**. Генитивные конструкции были употребительны при именовании объектов по их индивидуальной принадлежности, а также для географических имен: «Д. Сонки Василева <...> Д. Гришки Обелмина <...> Д. Панкинской Малцова сына Попова был пуст» (Сотн. УЖ 1567: 147); «Деревни *Ортемка Рослякова*» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 246); «*пожня Юшка Лалского*» (Кн. писц. СВ 1645: л. 148).

В именовании юридически зависимых лиц последовательно употреблялись конструкции, образованные от именования работодателя или хозяина. Ср.: «на Михайла Иванова сына *Григорья Никитинского человека Ярославца*» (Челоб. УВ 1627; АХУ III, 45); «*москвитинъ гостиной сотни Григорья Иванова сына Юдина прикатчикъ его* Якунка Егувьевъ» (Челоб. УВ 1637; АХУ III, 201). Юридически зависимыми были и крестьяне-половники, в именовании которых регулярны посесивные конструкции рассматриваемого типа: «*Ивановские волости крестьянина Якунки Пермитинова половники* в. Ивашко Тетеря да Моккико Селиванов» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 189); «в. *устюжанина посадкого человека Исачка Плотника половникъ* Левка Офонасьевъ» (там же: л. 186об.); «*деревни Гусихи Степашки Риминского в. половник* Офонка Неронов Ташлыков» (Кн. писц. СВ 1645: л. 106).

Использование генитивных конструкций в документах определялось необходимостью выделить в качестве самостоятельной номинации именование лица, через отношение к которому определялось другое лицо: «...и вижу в трапезе сидеть *того дьякона Дмитрея дядя* Лазарь, пономарь, да *Прокопьевского прихожанина* Ивана Пантелѣева сына Мокрошубова сынъ ево Михайла» (Челоб. УВ 1666; АХУ III, 337); «бьетъ челом сирота твои *белозерского уѣзду Шубачкои волости храма Николая Чюдотворца что в Шубачѣ бывшего попа Симеона сынишко* Бориско» (Челоб. Белоз. у. 1688 г.; ДПВК, 15). Именование мужа в форме род. пад., управляемое термином «жена», мог представлять собой опи-

сательный андроним. Например: «устюжанка Опросиньца Тимофиева дочь, а Романа Овчинникова женишко» (Челоб. УВ 1644; АХУ III, 236), «Овдотьца Миниева дочи, а Насона Леонтьева сына Серебренника Белозерца жена, устюжанка посацкая» (Челоб. УВ 1636; АХУ III, 200) и др.

По генитивной модели строилось личное именование в том случае, если имя отца имело форму прилагательного: «во дв. бобыл Русинко Осмово» (Кн. доз. Волог. у. 1589–1590: 12); «Пашка Девятого Созыкина» (Пам. дат. Уст. у. 1654: л. 22об.).

5. Генитивная конструкция «сущ. (предмет обладания) + притяжс. прил. (-ов-), образованное от личного имени посессора + другие компоненты именования посессора в форме род. пад.». Посессивная модель, первый зависимый компонент которой оформлен притяжательным суффиксом, а второй представлен в форме род. пад., достаточно древняя. Она известна праславянскому языку. Первоначально для выражения притяжательности в ней использовались суффиксы *-ьj* и *-ьn*, впоследствии вытесненные более поздним *-ов/-ев*. Исследователи категории посессивности в праславянском и древнерусском языке включали образования с притяжательными суффиксами в парадигму существительного как особую притяжательную форму (Фролова 1960: 326; Зверковская 1978: 256). Р. Мароевич предложил называть притяжательные слова, сочетающие признаки и прилагательного и существительного, посессивами, отмечая, что «принимая на себя функцию родительного принадлежности, суффиксальные посессивные категории восприняли и его синтаксическое употребление в рамках именной парадигмы» (Мароевич 1989: 124).

Конструкции указанного типа достаточно регулярны и в XVI–XVII вв. в наименованиях различных объектов по их принадлежности / отношению: «от станowych от Ивановых деревень Нефедьива городского члвка» (Сотн. УВ 1557: л. 7об.); «в. Степанко Яковлев портной мастер, а живет в тещине в Полагине Степановы жены дворе» (Сотн. УЖ 1567: 160); «Д. у речки у Ворожи по конец посаду Богданков з братею Ивановых детей Кипреянова <...> и пашни Богданковы ж з братею» (Сотн. УЖ 1567: 149); «Из Юрьевы лодьи в первой путь отвесили соли костогорца <...> Да из Аврамовы лодьи отвесили соли койдокурца в первой путь» (Кн. прих.-расх. Унск. пр. 1597; ВХК I, 197); ср.: «Дал Авраму койдокурцу в лодейно<й> наем 12 алт. 1 ден.» (Кн. прих.-расх. Унск. пр. 1597; ВХК I, 200); «С Володина огорода Кузмина сына Клепицына» (Кн. писц. СВ 1645: л. 108) и др. Они сохраняют семантическую эквивалентность предикативным конструкциям, заменяют их в номинации

объектов: «в. *Кортаико Гридин*; да подле тово другой двор *Кортаиков же Гридина*» (Сотн. УЖ 1567: 156); «Д. у реки Ворожи на берегу, и половина того двора на оброке за мельником за *Иванком за Ивановым сыном Загородцкого*» (Сотн. УЖ 1567: 148); «Да к тем же церквам четверть двора да четверть мельницы на речке на Вороже подлинно в сех книгах написано с оброчною с *мельниковою Иванковою Загородского половинною двора и мельницы*» (Сотн. УЖ 1567: 143); «выше вопчие *Иванковы Загородцкого и церковные мельницы*» (Сотн. УЖ 1567: 149).

Атрибутивность конструкции обуславливает ее функциональную эквивалентность собственно генитивным конструкциям: «*мельница на речке на Ижине вопчая ж Иванка Иванова сына Загородцкого да Есипка Иванова, да Порошки Федорова сына Голубина з братею*» (Сотн. УЖ 1567: 149); «А береги у тое мельницы по обе стороны речки Ижины вверх до *Иванковы Загородцкого с товарищи мельницы*» (Сотн. УЖ 1567: 148). Конструкции типа «мельница Иванка Загородского» и «мельница Иванкова Загородского» не только семантически, но и функционально эквивалентны, взаимозаменяемы.

В XVII в. отмечена активность данных конструкций в именовании лиц по их правовой и хозяйственной зависимости от другого человека: «в. *Иванков половник Кондратова Иванко Костин*» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 316); «в. *Пронкинъ половникъ Титова Осипко Терентьевъ*; в. *Гришкин половник Тимофѣва Еремка Емельяновъ*» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 162); «на Давыда, на *приказчика на Иванова да на Олексиева Юрьевыхъ дѣтей Усова*» (Челоб. УВ 1627; АХУ III, 45). Подобные конструкции регулярно встречаются в именовании работных людей, половников и помещичьих крестьян: «Явил Шолскои влсти *Карпов крстьянин Секирина Иван Семенов снъ* Понизовского <...> Явил селца Мунги *Елизарьевъ крстьянин Коротнева Богдан Мочаловъ*; «Явил белозерского уѣзда *Шзацкои влсти Яковлев крстьянин Сурмина Иван Петров да Иванов крстьянин Баскакова Петруша Григорьевъ*» (Кн. там. Белоз. 1661–1663: л. 10об.–11, 13).

По данной модели активно производились описательные патронимы: «*Степанку Ондрееву сыну Копника*» (Сотн. УЖ 1567: 146); «по закладной Онтонидки *Семеновы дочери Безхлѣбникова*» (Кн. писц. СВ 1645: л. 181); «д. пусть дѣвки Маланыцы с сестрами *Прокофьевых дочерей Ондрѣва*» (Кн. писц. СВ 1645: л. 422).

В старорусских документах наблюдается устойчивая тенденция замены полуотчества, образованного от календарного имени отца именуемого, дескриптивным патронимом, образованным по регулярной

синтаксической модели. Обладавшее референтной неопределенностью полуотчество в связи с расширившейся сферой делопроизводства в эпоху формирования централизованного государства не могло служить средством точной идентификации лица, поэтому в официальное именование активно вовлекаются посессивные конструкции от именования отца в целом. Образуюсь на антропонимической базе и заменяя в именовании лица полуотчество, данные конструкции не обладали признаками имен собственных, сохраняли свойства синтаксически свободных словосочетаний. Именование при этом не утрачивало своей двухкомпонентности, соответствуя формуле «личное имя + патроним (прозвание по отцу)». Ср.: «Да к тои же церкви дер. Чесавино в споре с Васюком с *Сивковым сыном Востенского*, а подлинно та деревня с пашнею и с угоди, с оброком написано в Середцком стану в оброчных за Васюком за *Сивковым* до государева указу» (Сотн. УЖ 1567: 144).

По указанной модели могли производиться антронимы от именования мужа в целом: «по закладной вдовы Софьицы *Денисковы жены Клишова*» (Кн. писц. СВ 1645: л. 102), «по купчей вдовы Василиски *Якимковы жены Короганова*» (Кн. писц. СВ 1645: л. 16).

В официально-деловой речи XVI–XVII вв. достаточно часто опорным компонентом синтагмы мог выступать не термин родства или свойства, а непосредственно личное имя человека: «*Жданко Коновалов*» – «*Васка Жданов Коновалова*»; «*Федка Григорьев Щапов*» – «*Поспелко Федоров Щапова*» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 400, 469об.); «*Зичко Федоров Силницына*» (Кн. пер. Устьян. 1634–1636: л. 11об.); «*Кормилко Спиридонов Вавилова*» (Кн. писц. СВ 1645: л. 418); «*Алешка Савинь Головина*» (Пам. дат. Уст. у. 1654: л. 10об.).

6. Генитивная конструкция «сущ. (предмет обладания) + притяж. прил. (-овск-), образованное от личного имени посессора + другие компоненты именования посессора в форме род. пад.» Данная конструкция в большей степени, чем другие, специализирована для именования объектов по бывшему владельцу, с характерной для него утратой значения прямого обладания и приобретением значения неотторжимой принадлежности, отношения объекта к его первому владельцу или создателю: «*Д. Степановской Обелмина* был пуст и дан на оброк *Онтипке Яковлеву сыну Шишина*» (Сотн. УЖ 1567: 148); «*Месяца генваря в 15 день старец Стахиа казначей продал мерин гнед Молчановский Смолина*, денег принес 15 руб.» (Кн. прих. Сп.-Прил. м. 1576; ВХК I, 294); «с *пожен*, что <...> и за *Пушко озерком*, и на *дву ручьях на Сенных*, и на *Пашковском озерке*, и около *Пушковского озерка Ивановские*

Косова под Парандиноу горою на Золотице ж реке, а бывали те пожни Григоря Никитина с товарищи, у золотичан ж у Васюка да у Тереха у Поповых оброку 2 гривны» (Кн. плат. Каргоп. у. 1560: 288); *«Того же дни усольцу Ивану Яковлеву сыну Блинову продал Иевлевскую килью Инокентьевскаго, взял за нее 4 руб. денег»* (Кн. прих. Сп.-Прил. м. 1576; ВХК I, 295); *«в. Никифор Васильев прозвище Приезжей, пашни за ним полплуга, а порядился в землю Ефремовскую Иванова»* (ВХК I, 373); *«в. Семейка Федоров, пашни четь плуга, а поряжен в Кузнецовскую землю Гришину»* (ВХК I, 374); *«На морском берегу на Двинской стороне с слободки с Микитинские Сидорова у Гаврилка у Микитина с товарищи отброку с 7 дворов 7 алтын»* (Кн. плат. Каргоп. у. 1560: 288) и др.

При купле-продаже новый владелец получал и все предыдущие купчие, закреплявшие за объектом имя первого владельца: *«Да приказшики ж пертемския одни платят бес половников с пожни Васильевския Белого да с Савинския Чернаго по его Савинской данои к деревни его в платеж в волость в Фехтонеу оброку по 3 алтына и по 2 де на год»* (Кн. доз. Каргоп. у. 1600: 141). Устойчивость данных номинаций определялась необходимостью точной идентификации индивидуальных объектов. Активность подобных конструкций характерна для частноделовых актов на землю и писцовых книг, учитывающих изменение принадлежности объекта. Встречаются они и в текстах челобитных по спорам о владении землей: *«бил я челом вам гсдрем влаstem и челобитную подавал о завладѣние чет Емельяновскаг повытя пашни выводново крстьянина Прокофева сна <...> Емельяновское Прокофева сна повыте чем онѣ Мартынѣ владѣкет <...> пришед въ яровое поле на полосы на Омельяновские Прокофева сна на ег Мартыново владене <...> и учал было того Омельяновскаг повытя не ораные полосы с шестом розмѣриват надвое пополам <...> и меня Мишку з земли с полос с тог Омельяновскаг повытя збили долои»* (Челоб. Сп.-Прил. м. 1643; ХИВГ, 23).

Описательные посессивные конструкции указанного типа таким образом приобретали в официальном документе свойства имен собственных, обладали устойчивостью и воспроизводимостью наряду с обычными топонимами: *«В тои же волости у Турчасовского погоста за озером деревня Николская и з двема полянками Ортемовскими Пономарева»* (Кн. плат. Каргоп. у. 1560: 269); *«С полянки Макаринские Олексеева оброку 10 денег»* (там же: 287); *«С пожни Ивановские Кузмина да с пожни с Петровские да у Соловецкого монастыря оброку 15 алтын»* (там же); *«с пустошей Савинской да с Ермолинской у Матфеика Игна-*

тева оброку 10 денег» (там же: 288). Выполняя топонимическую функцию, подобные наименования сохраняли свойства речевой номинации в документе, при повторном наименовании объекта изменялись или варьировались: «*Поч. Ивановской Щапова* стал после письма на реке на Двине: в. Иванко Иванов <...> и то сено косити Иванку Иванову к *Щаповскому Починку*» (Сотн. Важ. 1564: 393).

Вместе с тем данные номинации сохраняли и посессивное значение, определяющее возможность их замены синонимичными предикативными конструкциями. Ср.: «Да в Прилуцкой волости *пожня* по речке Кярнешке, *что бывала за Федосеиком за Федоровым*, а ныне та *пожня* з государевыми крестьяны з Данилком Митусовым да с Томилом Кохновым соловецкая вопче» (Кн. доз. Каргоп. у. 1600: 153); «Да к той же половине двору на оброке ж половина мельницы, *что была Борисовская Ермолина* на речке на Вороже <...> а *преж того была на оброце ж за Бориском за Ермолиным*» (Сотн. УЖ 1567: 148); «да поженка на Куртыеве *Михаиловская Кологривоя* <...> *тоня* на яренге на Взвозе, *что была Михаилка Кологривого* <...> *Тоня* ж пустые: *тоня* усть реке Солзы, *тоня Михаиловская Кологривова*, *тоня* на Голце Сенкинская Прощелькина, да *им же платить* за рыбную ловлю с реки с Солзы с Левонтьевского жеребья Оверкиева» (Сотн. Двин. у. 1587–1588: 241).

Характер синтаксически свободной атрибутивной конструкции проявляется и в способности ее выступать в одном ряду с другой дескриптивной номинацией с посессивным значением, например собственно генитивным сочетанием: «Д. Ляпуна Батюшкова, *что был*, по прежнему писму, *Куземки Судокова* <...> Д. Васка Михайлова сына Кривошеина, *что был Ларикинской Ермолина* <...> Д. Кондратков Давыдова Усатого, *что был Захарковской Ларина*» (Сотн. УЖ 1567: 147); «Места дворовые пустые, а на льготу их не взяли ж <...> Пятницкою улицею по правой стороне ко всполью *м. Якимовское Долгоумово, Михалка Верецагина место*. Тою ж улицею по другую сторону со всполья в посад *м. Тимохи Коровина, м. Нестеровское Пивоварова*» (Сотн. Каргоп. 1561–1564: 296). Это было связано с тем, что посессивная атрибутивная конструкция в приказном языке оценивалась как особая форма именования: «дв. *Лукинской Труфанова*, а в нем *племянник его Ондрюша Труфанов*» (Сотн. Варз. 1575; МИКП, 31).

Единые двухкомпонентные дескриптивные номинации, образованные по данной посессивной модели, встречаются в севернорусской ойконимии: «*Дер. Ивановская Бодунова*» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 332); «*Дер. Федоровская Косина*» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 333); «да на Волосове *под Кузьминскую деревню Гришина*» (Сотн. Каргоп. у.

1561–1562: 334). Они существенно отличаются от двойных (вариантных) названий деревень, употребляемых, как правило, в конструкциях с уточнением: «Дер. Гоголевская, а Олехова *то ж*»; «Дер. Шатовская, а Тураевская *то ж*»; «Дер. Грехновская <...> а *словет* Федоровская» (Кн. доз. Каргоп. у. 1600: 139).

По указанной модели регулярно производились посессивные синтагмы с опорным названием лица с релятивной семантикой. Термины свойства чаще всего являются опорным элементом именовании вдов по бывшему мужу: «вдова *Петровская жена Горохова*» (Кн. писц УВ 1623–1626: 201). По сложившимся нормам официального именования, требовавшим называть лицо по имени, описательные андронимы употреблялись в аппозитивных сочетаниях с личным именем: «по купчей вдовы Оленки *Семеновские жены Забелина*»; «по купчей Марфицы *Денисовские жены портново мастера*»; «д. пусть вдовы Матренки *Юрьевские жены Вахонина*»; «м. было вдовы Федосьицы *Пятовские жены Орефина*» (Кн. писц. СВ 1645: л. 11об., 27об., 39, 44).

7. Генитивные личные именованья с зависимым компонентом – фамилией. Наблюдения над особенностями старорусского официального именования лица, носившего посессивный характер, позволяют говорить о специфике старорусских антропонимов, традиционно определяемых как фамилии.

В основе старорусских фамилий лежали разные формальные типы образований и форм с посессивными значениями. В первую очередь следует отметить собственно генитивные модели (фамилия представляет собой прозвище родоначальника в форме род. пад. мн. ч.): «Серешка Леонтьев снъ *Сухих Голяницъ* <...> Спирка Леонтьев снъ *Сухих Голяницъ* <...> Ивашко Леонтьев снъ *Сухих Голяницъ* <...> вдова Палашка Савельевская жена *Сухих Голяницъ* да братья еѣ Степанко да Федка Даниловы дѣти Черноусовы» (Кн. пер. Каргоп. 1648: 27, 27об., 29, 32); «Явил каргополец посацкои члкъ Иван Спиридонов *Сухих Голеницъ* продат в розвес 30 пуд соли <...> Явил каргополец посацкои члкъ Петръ Сергиев снъ *Сухих Голеницъ*» (Кн. там. Каргоп. 1671: л. 202, 209) и др.

Использование фамилии в номинации на правах идентифицирующего средства, с одной стороны, и зависимость ее от опорного компонента в посессивной синтагме именования лица, с другой стороны, обуславливали вариативность формы антропонима, указывавшего на принадлежность человека к семейному коллективу. Варьирование фамилий свидетельствует о том, что в рассматриваемый период эти антропонимы сохраняли внутреннюю форму; ср., например: «Тимошка Ва-

сильвѣ *Осетров* <...> Тимоши Васильѣва *Осетра*» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 291, 303об.), «для *Осетровского* Тимофія» (Челоб. УВ 1632; АХУ III, 127). Фамильное прозвище, передаваемое по наследству (трансонимизация по смежности), уподобляет лицо предку. Суффиксальные образования по-разному указывают на отношение, выражаемое фамилией. Вместе с тем данное явление убеждает в архаичном синкретизме понятий «предок», «потомок», «род», свойственном мировоззрению жителей Северной Руси в старорусский период (Тимофѣй одновременно потомок *Осетра*, представитель рода *Осетров*, и сам является *Осетром*).

Таким образом, фамильные прозвища занимали переходное положение между индивидуализирующими и реляционными знаками: одновременно идентифицировали конкретное лицо и указывали на его отношение к семейному или родовому коллективу (включение).

Фамилии выражали не значение отношения принадлежности, а партитивное значение ('один из...'), поэтому они в отличие от патронимов входили в состав других номинативных парадигм. Фамилии в именовании лица могли заменяться генитивной формой в составе описательного патронима: «в. Васка да Кирилко, да Офонка *Григорьевы дети Шешукова* <...> в. Васка да Кирилко, да Офонка Григорьевы дети *Шешуковы*» (Сотн. Ант.-Сийск. м. 1578: 222–223).

Окончательное выделение фамилии в самостоятельное идентифицирующее средство наблюдается только в XVIII в.* В таможенной книге Устюга Великого 1751–1752 гг., в отличие от документов XVII в., например: «Се язъ Огапъ Кондратьевъ сынъ Поповкинскоѣ, из Ивашевы деревни <...> взял есми я *Огапъ* <...> ему *Огану* <...> *Оганко* руку приложилъ» (Поряdn. УВ 1617; АХУ I, 159–161) и др., в повторном именовании лица в памятнике сохраняется не личное имя, а фамилия: «Яренского купца Амоса Осколкова поверенной ево Иванъ *Мингалеѣвъ* явилъ <...> Иванъ *Мингалеѣвъ* подписуюсь <...> оному *Мингалеѣву* из великоустюжской таможи явчая выпись» (Кн. там. УВ 1751–1752: л. 122об.); «для досмотру посланъ целовалникъ Федоръ *Шемякинскоѣ* <...> Артемон *Сусловъ* подписуюсь <...> По досмотру означенного *Шемякинскоѣ* <...> оному *Суслову* из великоустюжской таможи явчая выпись» (Кн.

* По мнению некоторых лингвистов, фамилии рано возникают у дворян и именитых купцов (XVI в.), у остальной части русского народа формирование фамилий как особого антропонимического разряда начинается только в конце XVII–начале XVIII в. (Симина 1969: 30; Бондалетов 1983: 112). На Русском Севере процесс становления фамилий у большинства посадских людей и государственных крестьян прослеживается с XVI в.; к началу XVIII в. он уже завершился (Никонов 1980: 135; Чайкина 1982: 52–53, и др.).

там. УВ 1751–1752: л. 130) и др. В это же время отмечается появление термина «фамилия». Восприятие фамилии как основного знака, идентифицирующего лицо, обуславливает утрату ее притяжательного значения и выход за пределы категории посессивности.

Естественно, что модель именования лица, включающая только фамилии, которая приобретает активность в XVIII в., не возникает «из ниоткуда». Подобные именования бытовали и в более ранний период развития антропонимической системы. Однако следует отметить, что в XVII в. называние человека только по фамилии, спорадически встречающееся в документах местного использования, скорее всего, отражает особенности номинации в разговорной речи и не является типичным для официального именования: «да *Бояркину* 8 алтынъ 2 де., да верховымъ малымъ робятomъ алтынъ 4 де.» (Кн. издерж. Шемог. в. Уст. у. 1667–1668; АЮБ III, 218).

Семантика старорусских фамилий имеет много общего с терминами родства, которым свойственно посессивное значение неотторжимой принадлежности. В форме единственного числа фамилия выражает партитивное значение (один из семьи, группы родственников, имеющих общего предка).

В XVII в. встречаются случаи употребления при личном имени фамилии в форме ед. ч. род. пад.: «Федка да Микитка да Степанко *Мосенина*» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 493об.); «с Марком *Собачкина*» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 452). Но в целом данное явление для старорусской антропонимии не характерно. По данным устюжских челобитных, именования указанного типа в первой половине столетия составили 1,7% при назывании челобитчика в начальном протоколе документа, 4,8% – в самоименованиях составителей документов и рукоприкладствах. В документах второй половины столетия они не отмечены.

В форме мн. ч. фамилия называет семейный или родственный коллектив, объединенный отношением к общему коннектору – историческому главе рода. Называя семью, фамилия употребляется как самостоятельная номинация, что отличает ее от полуотчеств: «сена нам досталось от *Ильиных*» (Кн. прих. Ник.-Коряж. м. 1604–1605: л. 6); «живемъ на подворье у добрыхъ людей у *Караблевыхъ*» (Челоб. УВ 1626; АХУ III, 24) и др.

Именование лица, включавшее фамилию в форме мн. ч., строилось по генитивной модели. В генитивных конструкциях с фамилией наиболее ярко проявляется семантика партитивности: «Деревни Исакова <...> взят салдат Матюшка Ерофѣевъ, тое же деревни з другого двора взят салдат Тимошка Павлов, тое же Д. с третьего двора взят солдат

Алешка Патракѣвъ *всѣ Шарыновыхъ*» и др. (Кн. доз. Уст. у. 1671; л. 59об.). Фамилия на *-ых* обычно распространяет сочетание личного имени с патронимом и не входит в прозвание по отцу, что, например, достаточно ярко проявляется в именовании с аналитическим патронимом: «Ивашко Васильевъ сынъ *Гузницевскихъ*» (Пам. дат. Уст. у. 1654; л. 2об.); «во дв. Матюшка да Ивашко Семеновы дѣти *Ощепковыхъ*» (Кн. пер. Лал. 1678; Пономарев, 55); «Омелка Иванов *Исаковыхъ*» (Кн. пер. УВ 1677; л. 443); «Матюшка Терентьевъ *Алешковыхъ*» (Кн. выборн. Уст. у. 1660; л. 64об.) и др. Реже распространяется одно личное имя: «Васка *Докуниныхъ*» (Кн. крестопр. УВ 1645; л. 29об.); «Шестунка *Мостовскихъ*» (Кн. писц. СВ 1645; л. 190об.); «Андрюшка *Костяковыхъ*» (Пам. дат. Уст. у. 1654; л. 5об.).

Важно отметить, что формы фамилий на *-ых/-их* нашли отражение и в топонимии, где они обозначали владения той или иной семьи; ср.: «В Ягрыше и на Кивокурье *Босых* владенье» (Гр. УВ 1678; Шляпин II, 34). В Устьянских волостях таким образом возникали ойконимы: «Д. Дымковское за рѣчкою за Елюгою *Шадриных* то ж» (Кн. пер. Устьян. 1634–1636; л. 46об.).

Употребление фамилии в форме генитива на *-ых/-их* свидетельствует о том, что сама по себе фамилия в середине XVII в. для составителей деловых текстов уже не выражала посессивного значения и требовала дополнительных средств выражения данных отношений. Уже в XVI–XVII вв. севернорусские фамилии определялись специфическим классификационным значением, отражающим не отношения неотторжимой принадлежности, что свойственно патронимам, а партитивные отношения (представитель семьи – семья в целом). В деловом языке рассматриваемого периода фамилиям уже была свойственна номинативная самостоятельность, способность к референтной номинации лица, сближающая их с личными именами, устойчивый языковой характер по сравнению с описательными патронимами, употреблявшимися преимущественно в составе речевых номинаций.

Актуальность для приказного языка посессивных конструкций при именовании человека способствовала использованию фамилий в новой посессивной функции, которую они реализовали в формах на *-ых/-их*. Генитивные конструкции с зависимой фамилией конкурируют с традиционными для делового языка описательными патронимами, образованными по архаичной посессивной модели. По подсчетам Н. В. Медведевой, сопоставлявшей данные писцовой книги 1623 г. и переписной книги 1647 г. по вотчинам Строгановых в Прикамье, активизация в официальном именовании середины XVII в. фамилий в форме род. пад. мн. ч. (на *-ых/-их*) сопровождалась резким сокращением коли-

чества описательных патронимов, включающих фамилию в форме род. пад. ед. ч. (Медведева 1999: 17). Это свидетельствует о том, что большую значимость для документального именования этого периода приобрело не указание прямых потомственно-наследственных отношений, а принадлежность к семье в целом. Данная динамика характеризует изменения в системе делопроизводства, связанные с переходом от писцовых книг к переписным и актуализацией *новых принципов* именования лица в документах общегосударственной переписи, а вслед за ними и в других актах.

Рассмотрение старорусских именований лица и их компонентов в ряду функционально и типологически близких им посессивных синтагм позволяет говорить о том, что маргинальность имен собственных в системе старорусского языка – явление кажущееся. В данный период развития языковой системы не существовало строгой границы разделяющей проприальную и апеллативную лексику. Наличие в русском языке имен собственных с посессивным значением свидетельствует о семантической негомогенности онимов.

В языке рассматриваемого периода уже сформировались и выделились полуотчества и фамилии – конкретно-референтные идентифицирующие знаки. Имена собственные рассмотренных типов, несмотря на свою специфику, образовывались по регулярным моделям с посессивными значениями, свойственными языку в целом. Полуотчества и фамилии различались не только посессивной семантикой, но и способностью к самостоятельной номинации лица или группы людей. Патронимы сохраняли функциональную близость притяжательным формам в атрибутивных сочетаниях слов. Большинство официальных патронимов XVI–XVII вв. не было вычленено из ряда посессивных конструкций и не осознавалось составителями документов как самостоятельная языковая категория. В отличие от полуотчеств, фамилии были не способны к замене атрибутивными конструкциями. С функционально-семантической точки зрения старорусские фамилии относились к периферии поля посессивности с характерным для них тяготением к выходу за пределы категории, обусловленным не характеризующей, а идентифицирующей функцией данных слов. Вместе с тем именования, включающие фамилию, стремились к сохранению посессивной семантики, которая эксплицировалась генитивными конструкциями с фамилиями на *-ых/-их*. Ср.: «Ивашко Иванов *Масляных*» (Кн. пер. Устьян. 1635: л. 38об.), «Тимошка Васильивъ сынъ *Масляной*» (Кн. крестопр. Устьян. 1682: л. 21об.); «Сухонского Черного стану крестьянинъ Фетка Ларионовъ сынъ *Ивоинныхъ* <...> подаль сию явку Сухонского стану «*рестьянинъ Федоръ Ларионовъ Ивоинъ*» (Челоб. УВ 1662; АХУ III, 322–323) и др.

Наблюдения над функционированием старорусских фамилий на Русском Севере позволяют утверждать, что в XVI–XVII вв. фамилии на *-ых/-их* не обладали свойством устойчивости и не являлись особым структурным типом антропонимов, который существует в современном русском языке. Любая фамилия могла быть представлена формой как ед. ч., так и мн. ч. в генитивной конструкции.

3.3. Антропонимические посессивные конструкции в разных типах деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв.

Характер использования посессивных конструкций, основанных на именовании лица, позволяет делать вывод о том, что структура подобных единиц документальных формул достаточно ярко отражает специфику разных типов деловых текстов и выступает одним из существенных жанровых признаков. Посессивные конструкции акцентируют внимание на сфере отношений и названиях предметов, ключевых для того или иного текста (двор в писцовых книгах, родственники в переписных книгах, субъекты и предметы купли-продажи в купчих, товар и транспортные средства в таможенных книгах и т. д.). Чем более значимы имущественно-владельческие отношения для документа (например, для духовных, рядных, купчих и других частноделовых актов), тем более обстоятельно и разносторонне представлены в нем различные посессивные конструкции: «Се аз Иван Аверкиев сын по прозвищу Дѣвкинъ рыбной прасол вологжанин посадкою человѣкъ Федоровского сороку зговорил есми полюбовно с вологжанкою с посадкою со вдовою Огрофѣною Ивановою дочерью Мичюрина а с Федуловскою женою Аверкиева сына Костоусова взяти мнѣ Ивану у нея вдовы Огрофѣны за себя замуж дочь ея дѣвица Ульяна Федулова доч <... > да с нею ж мнѣ взяти благословение дѣда ея покойново Аверкия Костоусова анбар на Вологде вънутри города в рыбном ряду в межах с сторону подле Прокотьев анбар Окишева, а по другую сторону Фирстов анбар Романова и с анбарным мѣстом <... > а другая половина того двора ея Огрофѣнина, а тот двор благословение свекра ея покойново а Ульянина дѣда Аверкия Костоусова на Вологде на посаде на Дмитриевском берегу на наволоктѣ в межах с сторону подле Михайлов двор Неупокоева а по другую сторону двор Родионовские жены Шокалова» (Рядн. зап. Вол. 1643; Щукин 1, 90–91).

Посессивные конструкции в крестоприводной книге употреблялись в именовании лиц, зависимых в правовом и имущественном положении, подворников, работных людей: «Васки Клеунова два члвка

Куприяшка да Мишка» (Кн. крестопр. УВ 1645: л. 15об.); «*Микифорка Лузенина подворникъ иво* Ионка» (Кн. крестопр. УВ 1645: л. 16об.). Именование хозяина в таких именовании фактически заменяло патроним и фамилию: «*Лучки Тоименина подворникъ* Коземка, *Микифорков подворник* Ортюшка» (Кн. крестопр. УВ 1645: л. 22об.). Подобные именованья — принадлежность писцовых, таможенных и других документов, для которых указание правовой и имущественной зависимости лица крайне важно. В крестоприводную книгу, не имевшую статуса юридического документа и не отражающую отношений правовой и имущественной сферы, они попадали, скорее всего, по инерции документально-го именованья.

В ряду других документов выделялись особым употреблением посессивных конструкций, образованных от личных именованья, таможенные книги. Посессивные конструкции названного типа использовались в трех случаях — для указания на принадлежность товара; для указания на принадлежность транспортного средства; для указания на отношения между лицами: «Устюжанин *Ивана Емельянова племянник Ходутина* Федор Афонасьев пришел с Колмогор в дощанике с солью <...> да *Иванов же племянник* Василей Афонасьев Ходутин...» (Кн. там. УВ 1633; ТКМГ I, 64); «Да кузовник Евдоким Минеев пришел с Колмогор на дощанике *Подошевниковых*» (Кн. там. УВ 1635; ТКМГ I, 202); «*Москвитина каташевца Филипа Алексеева сына Азовца* устюжанин Яков Осипов Порываев явил осталого товару» (Кн. там. УВ 1676–1677; ТКМГ III, 11); «Октября во 2 день *сумлянина Стефана Махилева приказчик ево* Терентей Миронов пришел от Архангельского города на карбасе <...> Октября в 9 день *Терентьев брат* Федор Миронов пришел от Архангельского города на судне у *Якова Якимова*» (Кн. там. УВ 1676–1677; ТКМГ III, 13); «Вологженин Онтон Козлов явил *Иванова товару Фокина* на 3 санех» (Кн. там. Вол. 1634–1635: 120). Особый интерес представляет использование посессивных конструкций с опорными терминами родства. Они употреблялись с целью «нанизыванья» именованья родственников: «Ноября в 21 день Соли Вычегоцкой *Иван Михайлов Конашков* приехал от Соли <...> Декабря в 29 день *Иванов отец Михайло Стефанов* приехал от Соли» (Кн. там. УВ 1676–1677; ТКМГ III, 15); «Соли Вычегоцкой *Агей Григорьев Свинына* <...> *Агиев сын Петр* поехал в сибирские города» (Кн. там. УВ 1676–1677; ТКМГ III, 17); «Сентября в 3 день устюжанин *Иван Лукин Брилкин* пришел от Архангельского города в лотке <...> Декабря во 12 день *Иванов брат Петр Лукин* поехал к Вятке <...> Генваря в 1 день *Петров племянник Михайло Иванов* поехал в Туглим» (Кн. там. УВ 1676–1677; ТКМГ III,

57); «Устюжанин *Козьма Семенов Норицын* поплыл к Архангельскому городу на карбасе <...> Августа в 18 день *Козьмина мати Стефанида Леонтиева дочь* отпустила к Архангельскому городу...» (Кн. там. УВ 1676–1677; ТКМГ III, 58) и др. Подобные конструкции оказывали большое влияние на состав антропонимических формул, делали избыточным повторение фамилий, а в женских именовании – прозваний по мужу.

Рассмотренный материал позволяет делать вывод об ономастике официальной сферы как особой стилистически маркированной системе средств именования индивидуальных объектов, имеющей свои закономерности и тенденции развития. Антропонимия и топонимия, употреблявшаяся в обиходно-бытовой речи, трансформируется в ней по устойчивым моделям и чаще всего представлена конструкциями, отвечающими задачам конкретного документа. Большинство созданных таким образом дескриптивных речевых номинаций носит искусственный характер. Дескриптивные номинации, выполняющие в именовании идентификационную функцию, выражают значения, свойственные конструкциям со значением индивидуальной принадлежности, и с формально-типологической точки зрения стоят в одном ряду с номинациями различных объектов по их принадлежности или другому посессивному отношению к конкретному лицу. Посессивные конструкции, отчасти сохраняющие архаичные черты, можно рассматривать как характерный признак приказного языка XVI–XVII вв.

ГЛАВА IV

АНТРОПОНИМИЯ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ СФЕРЫ XVI–XVII ВВ. В АСПЕКТЕ МОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ

4.1. К вопросу о модальности именования

Разграничение подсистем потенциальной и актуальной антропонимии показывает, что реализация функций номинативных единиц данных разрядов в языке и речи обусловлена их различным отношением к называемому объекту действительности, которое носит модальный характер. В то же время антропонимия – область языка, в которой наиболее ошутимо проявляется субъективный фактор как в выборе средств номинации, отражающих отношение номинатора к именуемому лицу, так и в употреблении антропонимов в речи, сопровождаемом их оценкой. Данное явление требует рассмотрения антропонимии в системе модальных отношений.

Для современной науки, занимающейся вопросами связи мышления и языка, функционирования языка в речи, семантики высказывания и текста, модальность, нередко понимаемая достаточно широко, – один из ключевых концептов (Руднев 2001: 249–252). Модальные отношения находят выражение в разных категориях, в первую очередь – *модальности и модуса*.

При широком подходе к модальности исследователь неизбежно сталкивается с комплексом общих вопросов, неоднозначно решаемых в современной науке. Среди них следует выделить следующие: 1) границы понятия «модальность», типы модальных отношений и связанные с этим модальные значения; 2) категории и субкатегории языка и речи, формирующие и выражающие модальные отношения; 3) уровни языка, к единицам которых применимо понятие модальности.

Модальность – одно из давних предметов изучения в логике, философии, онтологии и феноменологии, культурологии, лингвистике, начиная с модальной логики Аристотеля, трактатов средневековых модистов, представляющих интерес и для современной лингвистики (см. Логический анализ языка: Языки этики 2000: статьи К. Г. Красухина, Н. Ю. Бокадоровой, Р. М. Ганжа), и заканчивая научными исследова-

ниями в этой области, появляющимися в последнее время. В результате длительного и разностороннего научного рассмотрения проблем модальности сформировалось достаточно широкое понятийное поле, соотносимое с терминами «модус», «модальность», «модальный». Обзоры научных исследований модальности, существующих в отечественной и зарубежной лингвистике, отражают множественность возможных подходов к определению данной категории и описанию ее значений (см. об этом: Ваулина 1993: 4–10; Актуализация предложения 1997: 7–16; Краснова 2002: 111–145, и др.). Особенно ярко отсутствие единства в понимании модальности как предмета современного научного описания обнаруживают научные лингвистические конференции на тему модальности в языке и речи (Функциональные... аспекты... модальности 1990 и др.).

Модальность чаще всего рассматривается в логическом (план суждения) или коммуникативно-прагматическом аспектах. Понимание модальности суждения как логической модальности нашло отражение в работах Г. В. Колшанского (1961: 94–98), М. К. Сабанеевой (1982: 71–75), Т. И. Дешериевой (1987: 34–35) и др. При изучении языка в логическом аспекте выделяются алетические, деонтические и эпистемические модальности, связанные с ними типы модусов, модальные операторы (шифтеры), вводимые в высказывание. Значение потенциальности, возможности, отражающее объективные потенции реального мира, принято связывать с алетической логической модальностью, значения необходимости, долженствования, определяемые понятием долга, «требованиями к поведению участников ситуации, предъявляемыми соответствующей системой правил, с нормативным и ненормативным поведением» – с деонтической, хотя, по мнению Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, четкой границы между деонтической и алетической модальностями нет, средства их выражения во многом совпадают, несмотря на противопоставленность значений, разную связь с действительностью и наличие специализированных средств выражения (Человеческий фактор... 1992: 141–147). В связи с этим исследователи рассматривают модальность онтологической возможности (потенциальность) и эпистемическую модальность (проблематичность) (там же: 138).

При разнообразии типов модальных отношений и аспектов их изучения наблюдается и различие в описании спектра модальных значений: действительность / недействительность, реальность / ирреальность, необходимость, предметная модальность (потенциальность), долженствование, вынужденность, целенаправленность, интенциональность (повествовательность, вопросительность, волеизъявление), ут-

верждение / отрицание, эпистемическая модальность (знание, полагание, уверенность, сомнение и т. д.), авторизация, оценка, нормативность и т. д. (Бондаренко 1979; Клобуков 1984; Беляева 1985, и др.).

В лингвистических исследованиях отмечается, что, поскольку представление о модальностях (особенно субъективных, отражающих различные аспекты отношения говорящего к содержанию высказывания) становится все более широким, исчислить систему этих модальностей на современном этапе развития науки – задача, трудно выполнимая (Вольф 2003: 87).

В системе функциональных категорий модальность занимает особое место. Между тем вычленить *собственно модальность* в совокупности тесно связанных между собой параметров языка и речи, определяемых соотношением «говорящий / носитель языка – речь / язык – действительность», оказывается достаточно сложно.

Модальность может трактоваться как *интенциональность*, поэтому данную категорию связывают с целевой установкой высказывания (Реформатский 1967: 327), с выражением утверждения / отрицания (Адмони 1956: 163–164).

Нередко модальность понимается как *субъективность*, хотя единства в понимании категорий объективности и субъективности также нет (Степанов 1981: 241–242). По мнению Т. И. Красновой, субъективность и модальность можно развести только теоретически, а в действительности эти категории очень тесно взаимосвязаны (Краснова 2002: 5).

По мнению многих исследователей, модальность высказывания основывается на *оценке* (РГ-80: 728–730; Вольф 2002: 11–13), или «идеологической точке зрения» (в терминологии Б. А. Успенского), выражаемой в процессе речемыслительной деятельности. Как отмечает Т. И. Краснова, «с прагматической точки зрения (то есть с позиций целеполагающей деятельности говорящего) в сферу оценки входят не только аксиологические (ценность) и деонтологические (обязанность, норма) планы речи. Категория оценки лежит в основе всего того, что может быть квалифицировано как состояние сознания субъекта речи (источник знания или мнения, цель сообщения, эмоции и желания, степень уверенности и т. п.). Иными словами, оценка отвечает за широкий модусный спектр речи» (Краснова 2002: 120).

Категория модальности имеет множество пересечений с категорией *определенности / неопределенности* (Актуализация предложения 1997: 60), что неоднократно отмечалось исследователями, обращавшимися к рассмотрению функционирования референтно неопределенных

выражений, обычно использующих неопределенные местоимения или функционально близкие им слова. «Модальная неопределенность», по словам Н. Д. Арутюновой, отражает «ощущение “кулис слова”, неполноты его семантики сравнительно с “опрокинутой” в человека действительностью и действительностью самого человека» (Арутюнова 1999: 816).

Другой подход предложен Е. В. Падучевой, рассматривающей модальность сквозь призму *дейксиса*, поскольку «дейксис и модальность вместе составляют единую категорию эгоцентрических элементов языка» (Падучева 2001: 184). На тесную связь дейксиса и модальности указывали исследователи пространственной лексики (*здесь, там; далеко, близко*), так как «одной из важных характеристик конкретно-референтного высказывания является выраженность / невыраженность в нем позиции наблюдателя» (Яковлева 1990: 235). При таком подходе под модальностью «точки зрения» подразумевается *модус*, который «может рассматриваться как дейктическая категория» (Человеческий фактор... 1992: 265). М. Я. Дымарский предложил использовать понятие «дейктический модус» для характеристики текста (Дымарский 2000).

Различное определение границ явления, называемого модальностью, позволяет исследователям видеть разное соотношение категориальных понятий «модальность» и «модус».

Оппозиция категорий модальности и модуса в современных исследованиях достаточно размыта. Одно и то же явление может определяться и как модус, и как модальность. Например, Н. Д. Арутюнова определяет оценку как *аксиологический модус*, нейтральный по форме (Арутюнова 1999: 412, 437). Е. М. Вольф, анализируя различные лексические средства, служащие для выражения аксиологического плана речи, рассматривает оценку как *аксиологическую модальность*, а под модусами оценки понимает *способы выражения* этой модальности (оценочные глаголы, предикативы *хорошо* и *плохо*, глаголы мнения и т. д.) (Вольф 2002: 11, 80).

Существуют давние научные традиции употребления термина «модус» в философии. В широком смысле понятие «модус» определяется как «способ существования; вид и характер бытия или события» (ФЭС: 273). Данное широкое понимание модуса находит отражение в различных современных филологических изысканиях (модусы текста и пространства в работах В. Н. Топорова и его последователей; модусы топонимии в исследованиях Л. М. Дмитриевой и др.). Например, Л. М. Дмитриева предлагает выделять два модуса топонимии – онтоло-

гический и ментальный (Дмитриева 2003: 7). Модусы топонимической системы определяются деятельностью «топонимической личности» по созданию или преобразованию «топонимической картины мира».

Применительно к высказыванию и предложению вслед за Ш. Балли (1955: 43–44) термин «модус» используется преимущественно в паре с термином «диктум». Модус понимается как пропозициональное отношение (*установка*) говорящего, «постоянный партнер» диктума (пропозиции) (Арутюнова 1999: 408–409), находящий свое выражение в структуре высказывания. На основании этого выделяются перцептивные, ментальные, эмотивные и волитивные модусы, выраженные в субъективированной или нейтральной форме (там же: 411–412). При анализе синтаксических модальностей содержание модуса (в других концепциях – «модальной рамки», в которую заключена информация о фактах и событиях) оказывается значительно шире, чем семантика частных (лексических и грамматических) модальностей, реализуемых в высказывании.

Понятие «модус» нередко отождествляется с представлением о *субъективной модальности*. В коммуникативно-смысловом аспекте различают объективную и субъективную модальность высказывания (Виноградов 1950; Шведова 1960; Грамматика 1970; Золотова 1973, и др.). По словам М. В. Всеволодовой, внешнесинтаксическая модальность реализуется в двух типах: а) объективная (реальная / ирреальная; характеризует отношение содержания к действительности, устанавливаемое говорящим при помощи наклонений глагола, лексически, интонационно и т. д.); б) субъективная (модус или авторизация; характеризует отношение говорящего к содержанию высказывания) (Всеволодова 2000: 217).

В современной науке понятие «модус» чаще всего соотнесено с представлением о субъектной точке зрения¹. Система идеологических (аксиологических), пространственных и темпоральных точек зрения, проявляющихся в вербальном тексте, описывалась Б. А. Успенским (1995). На сходных основаниях строится концепция модусов речи соз-

¹ Ю. М. Лотман, анализируя язык кино, противопоставил *объект* и *модус* (способ представления объектов – крупный, общий, дальний план, смена ракурсов, деформация изображения и т. д.) (Лотман 1973). В литературоведении, нарратологии и лингвопоэтике «точка зрения» рассматривается как композиционная единица текста, а категория «точки зрения» («перспективы») как одна из значимых текстовых категорий, связанная с «авторской» модальностью или, наоборот, абстрагированная от нее (разные определения понятия в литературоведческих работах см.: Толмачев 1996; Тамарченко 2002: 213–222, а также: Шмид 2003; Ноздрина 2004: 150–161, и др.).

дателями «Коммуникативной грамматики русского языка» (Золотова, Онипенко, Сидорова 1998).

Нередко исследователи не устанавливают иерархии отношений модальности и модуса, а рассматривают их как самостоятельные категории, служащие для выражения общего модального плана высказывания (модальности в широком смысле слова). Модус при этом оценивается как частное проявление модальности (*модальность модуса*). Данная тенденция характерна для многих современных исследований проблем модальности в языке и речи. Как отмечает М. В. Всеволодова, «категории модуса входят в более широкое ФСП категорий модальности и часто не отграничиваются от них», но следует разграничивать «категории собственно модальности (объективная и внутрисинтаксическая) и модуса как выражения субъективных, идущих от говорящего, смыслов» (Всеволодова 2000: 305).

Таким образом, можно говорить о двух основных подходах к описанию соотношения модуса и модальности. При первом модус как семантико-прагматическая составляющая речевой единицы определяется по отношению к модальности (общему субъективно-модальному плану); при втором модальность оценивается через отношение к модусу, который понимается более широко.

В современной науке наблюдается интеграция различных подходов (логических, прагматических, грамматических) к определению модальностей. Например, отказывая терминам «объективная» и «субъективная» модальность в научной состоятельности, но признавая феномен существования двух основных типов модальностей, некоторые лингвисты описывают данное противопоставление как дихотомию между «эпистемической» и «деонтической» модальностями (см. об этом: Актуализация предложения 1997: 12). С. С. Ваулина предлагает различать пропозициональную (онтологическую) модальность (*модальность диктума*), центром которой является объективная модальность, а периферией – предметная, и прагматическую (гносеологическую) модальность (*модальность модуса*) (Ваулина 1993: 17).

Т. И. Краснова, обобщая несколько различных концепций модальности, существующих в науке, предложила четырехаспектную типологию, значимую для теории активной грамматики: «1. *Разновидности модальностей с ориентацией по способу выбора мира, в котором данная пропозиция выполняется*: а) модальность реальная (безусловная); б) модальность виртуальная (условная). 2. *Разновидности модальностей с ориентацией по структуре речевого акта (автор–адресат–сообщение)*: а) разновидности модальности по ролевым функциям гово-

рящего: модальности ментального, эмоционального и волитивного состояния (неопределенности, оценки, желания, негодования, необходимости, возможности, готовности и т. п.); б) разновидности модальности по отношению к адресату сообщения: межличностная модальность с ее аспектами отношения (доброжелательности, неучтивости, оскорбления, правоучения и т. п.); в) разновидности модальности по отношению к сообщаемому (по степени достоверности, в частности, как знания и мнения; эпистемическая, деонтическая, аксиологическая и др.). 3. *Разновидности модальностей с ориентацией по смысловой организации предложения (диктум, модус)*: а) модальности диктума (диктумная, или внутренняя); б) модальности модуса (внешней модальной рамки). 4. *Разновидности модальностей по средствам выражения*: а) лексическая (наименований, образная); б) грамматическая: морфологическая (модальность наклонения, глагольная, междометий, частиц, вводно-модальных слов); в) грамматическая: синтаксическая (объективно-относительная и субъективная – в узком смысле, имплицитная); г) коммуникативная (утверждения, отрицания, вопроса, волеизъявления: приказа, просьбы и т. п.); д) текстовая (в том числе риторическая)» (Краснова 2002: 149–150).

Таким образом, модальность – это универсалия, глобальная категория речи, которой соответствует достаточно размытый концепт современного научного знания. Преимущественное рассмотрение отдельных сторон данного явления в исследованиях приводит к специализации слов «модус», «модальность», «модальный» в языке современной науки, например, закрепление их только за понятиями грамматики. Однако эта специализация термина не может служить основанием для отрицания других проявлений соотношения языкового знака и высказывания в целом с действительностью и возможности их описания в аспекте модальных отношений.

Представление о модальности во многом обусловлено тем фактическим материалом, на базе которого решается задача ее научного анализа. В функциональном аспекте описываются различные средства выражения модальности – чаще всего грамматические, лексические и фразеологические единицы (ТФГ 1990; Цейтлин 1985, и др.), падежные формы (Клобуков 1984), модальные слова и частицы (Виноградов 1950; Василенко 1984) и др. С этих позиций возможно изучение фактов языка и речи отдаленных исторических эпох. Исследователи неоднократно обращались к описанию лексико-грамматических средств выражения модальности в древнерусском и старорусском текстах (Черепанова 1965; Ваулина 1987; 1988, и др.).

К средствам модальности при широком подходе относится «все, что связано с выражением отношения говорящего к действительности, к содержанию и форме речи, к себе и собеседнику» (Семенова 1999: 342). Связь с модальностью имеет любая единица языка или речи, содержащая предикацию (суждение, характеризацию, оценку) или выражающая утверждение / отрицание. Применительно к лексике и фразеологии предлагается рассматривать модальные семы в составе значений слов, связанные с утверждением / отрицанием и их более частными разновидностями: вероятностью, способностью, умением, предположительностью, долженствованием, уверенностью и т. д.

Лексические «модальности» связаны с организацией естественного языка как трехмерного пространства, определяемого взаимодействием трех типов факторов: внутрилингвистических, внешнелингвистических и внелингвистических (Толстой 1997: 225). Модусы могут входить во внутреннюю структуру знака как компоненты значения, внутренняя форма или номинативный признак, а также отражаться внешними характеристиками, определяемыми презумпциями слова, его закрепленностью за типовыми контекстами и конситуациями употребления, экстралингвистическими параметрами конкретного коммуникативного события, инвенциями коммуникантов, фондом их знаний.

Современная антропологическая лингвистика большое внимание уделяет описанию внутренней формы слова, поскольку «в словообразовательно маркированных единицах языка так или иначе эксплицируется информация о системе ценностей этноса, раскрываются особенности его мировидения, мироощущения и мировосприятия. Производное слово при таком подходе оказывается, по сути дела, маленькой моделью представления знаний о мире как сложном процессе его чувственно-мыслительного осознания человеком» (Вендина 2002: 11).

В научной литературе предлагается применение понятия «модальность» к лексическому значению, отражающему различные *модусы* восприятия предмета (зрительное, слуховое, осязательное, болевое и др.). В связи с этим описываются визуальные, аудиальные и кинестетические модальности, отражающиеся в языковых номинациях и образных средствах – аудиальных, визуальных, кинестетических метафорах (Лебедева 1999).

Модусы проявляются и в языковых концептах, которые включают интерпретацию и оценку свойств объекта, выражаемые носителями языка в слове и лексической сочетаемости, обусловленной «культурной маркированностью лексических коллокаций и интерпретируемой через культурные коннотации» (Опарина 1999: 141).

Модусы наименования могут быть как эксплицированными, так и имплицитными.

Вопрос о модальности («модальностях») как семантических компонентах слов, выражений, высказываний) неоднократно поднимался в связи с изучением семантического языка и лексической многозначности (языковой и речевой) (Новиков 1982: 26; Апресян 1995а: 28, 68–69, 176–178). По мнению исследователей, для установления смысловой структуры единиц, в которых существенную роль играет прагматический («оценочный») компонент, понятие «модальной рамки» знака не только важно, но и необходимо. Прагматическая пресуппозиция говорящего не только корректирует употребление слова в том или ином значении, но и определяет прагматическую составляющую семантического наполнения номинативной единицы. Под модальной рамкой («прагматикой») значения предлагается понимать имплицитные элементы смысла, содержащие оценку говорящим, слушающим, сторонним наблюдателем (Апресян 1995а: 68).

В ряде случаев модусы, связанные со словом, эксплицируются в его структуре. Модальная семантика слова может быть обусловлена значением составляющих слово морфем.

На историческом материале лексические модальности рассматривала С. С. Ваулина, которая отмечала продуктивность данного подхода к описанию различных семантических группировок (лексико-грамматических полей, функционально-семантических полей, функционально-семантических подсистем). Разновидность подобных групп в лексике – это межчастеречевые лексико-семантические поля, включающие слова разных частей речи, соотносимых по значению (*подобати – подобно – подоба; трѣбъ – потрѣба*) (Ваулина 1988а: 21–22). С подобных позиций описываются модальные семы в структуре словообразовательных значений, выражаемых аффиксами (*не-, без-, полу-, псевдо-, квази-, анти-, лже-* и др.) (Яцкевич 2002: 128–129).

Имена собственные, в силу их «особого положения в языке» и «асемантичности», утверждаемых логической теорией в ономастике, научной интерпретации в этом ключе не подвергались. Аксиомой современных теорий имени собственного принято положение о внемодальности онимов. Н. Д. Арутюнова считает, что «собственное имя не характеризует объект, не сообщает о нем ничего истинного или ложного», а антропонимы относятся к конкретным идентифицирующим именам, для которых характерна неспособность к предикации и внемодальность в структуре высказывания (Арутюнова 1999: 2, 35). Этот тезис отражает достаточно узкий подход к проблеме модальности онимов и требует уточнения, поскольку утверждение внемодальности проприального

слова выступает как отрицание его отношения к *действительности*, связи имени с *реальным* единичным денотатом, а это справедливо по отношению далеко не ко всем онима. Имя собственное, действительно, относится к номинативным, а не к коммуникативным единицам языка, но реальность или ирреальность денотата – это пресуппозиция, определяющая функционирование онима в речи и включение его в тот или иной контекст. В высказывании антропоним может подвергаться субъектной модальной оценке с позиций его правильности, условности, а также степени необходимости для идентификации лица, по соответствию ситуации именованного и т. д. С модальным аспектом связано отношение онима к норме, понятие стандартных и нестандартных имен собственных. Даже написание имени собственного с прописной буквы также может интерпретироваться как формальное средство для выражения оценки особой онтологической сущности слова, его прагматической значимости, используемое носителем языка.

В антропонимике понятие модуса имени собственного не используется, хотя многие высказывания известных ономастов связаны с описанием данного явления. Например, А. В. Суперанская предложила термин «концепция личного имени», под которым понимается «общественное восприятие и оценка имени» (Суперанская 1999: 58). Н. И. Толстой, отрицавший наличие у имен собственных значения, тем не менее отмечал в них «индивидуальную информацию о *индивидуально-прагматическом отношении* к предмету» (Толстой 1970: 200–201). Е. Ф. Данилина, изучавшая образование и функционирование «деминутивных личных имен», в числе трех основных функций антропонимов, кроме номинативной (быть именованном), социальной (быть социальным знаком), называет и эмоциональную, или *модальную* функцию (выражать отношение говорящего к именуемому) (Данилина 1977: 73). Непосредственно с данной проблемой связаны исследования «оценочных» антропонимов (Полякова 1977 и др.).

Разрабатывая новые подходы к изучению исторической антропонимии, Е. Шнитке рассматривает прагматику делового текста старорусской эпохи на примере «бытовой переписки» в Соловецком монастыре в 60-е годы XVII в., исследует разные случаи введения нового именованного лица в текст, показывает зависимость структуры именованного от условий деловой коммуникации и стратегий выбора номинаций разными авторами в челобитных, отписках и сказках по челобитью. Исследователь предлагает понятие «метаинформационная маркированность номинаций», определяемое соблюдением интересов адресата, учетом информированности адресата, дистанцией между партнерами коммуникации и коммуникативным намерением отправителя сообщения (Шнитке 2000).

Но в целом вопрос о связи антропонимов с формированием и выражением модальностей (модусов) не был в отечественной науке предметом специального рассмотрения.

Антропонимию следует рассматривать в системе модальных отношений при широком подходе к их характеристике. Понятие модуса имени собственного определяется через отношение к субъектной точке зрения, выражаемой в речи (субъекты-номинаторы, субъект речи и адресат в акте коммуникации) или закрепленной в языке (обобщенный, «коллективный» субъект). Термин «модальность» используется при характеристике отношений различного рода (отношение именованного к его носителю, или референция; отношение номинативного признака, отраженного в имени в момент номинации, к признакам называемого лица; отношение кореферентных именованных и их компонентов и т. д.).

Применительно к имени собственному понятие модуса целесообразно рассматривать в когнитивном и прагматическом аспектах. Первый обусловлен концептуализацией представлений о мире в языке, предполагающей оценочную деятельность языкового сознания. Второй аспект связан с воплощением в речи объективированных и субъективированных точек зрения, ориентированным на реализацию тех или иных интенций говорящего, выбором способов представления фактической информации и ее интерпретации, актуализацией модальных свойств единиц языка в процессе коммуникации. В этом плане модус антропонима может рассматриваться в качестве отражения онтологического бытия антропонимии в реальном (речевом) и ментальном (концептуальном) пространстве, определяющих два вида содержания языка – «когнитивное» и «коммуникативное».

Модусы имен собственных базируются одновременно на внутренней (семантической и формальной) специфике онимов, а также и на внешних типичных условиях их употребления. Взаимосвязь внешнего и внутреннего определяется взаимообусловленностью семантики и функций имени собственного.

Рассматривая модусы антропонимической номинации, следует говорить о ее связи с выражением нескольких планов модальных отношений.

Одна из наиболее значимых модусных категорий имен собственных – *конвенциональность*. «В основе употребления конкретных имен лежит номинативная конвенция, т. е. договор об именовании» (Арутюнова 1999: 24). Референция имени собственного имеет конвенциональный характер. Соблюдение данной конвенции непосредственно связано с модусным планом речи и предполагает антропонимическую компе-

тенцию участников коммуникации («Я *знаю*, что этого человека все именуют Иван Петров, поэтому я не назову его Петром Ивановым», «Я не назову *незнакомо*го человека ни Иваном Петровым, ни Петром Ивановым даже в случае крайней необходимости идентификации – дифференциации лиц, потому что эти имена могут носить вполне конкретные, хотя и незнакомые мне люди»). Перефразируя тезис А. Ф. Лосева о соотношении вещи и ее имени, можно сказать, что имя человека «есть орудие взаимного понимания» между ним и окружающими: «Вы называли меня Алексеем – не только потому, что *вы знаете, что это имя есть мое имя*, мое собственное имя, но еще и потому, что *Я признаю его своим* и что я, услышав от вас свое имя, так или иначе отвечу вам и заговорю с вами» (Лосев 1997: 194).

Использование антропонимов в речи в большей степени, чем употребление нарицательных имен, ориентировано на адресата и учитывает уровень его компетенции в области референции онима. Новое для адресата имя собственное обычно требует введения в речь формулы идентификации (представления, знакомства), устанавливающей соответствие имени конкретному лицу.

Конвенциональность антропонима может быть связана непосредственно с самим словом, отнесенностью его к определенному разряду имен собственных, способностью выражать отношение к лицу, денотацией и референцией, т. е. его внутренними свойствами (Имена *Анна, Марья* называют женщин, а имена *Иван, Петр* – мужчин, и никогда наоборот; слова *Иванов, Ивакин, Ивашевский* не могут быть личными именами и т. д.).

По мнению многих лингвистов, в структуру значения имени собственного входит компонент, определяемый как «разрядное значение», т. е. отнесенность онима к определенной группе наименований, обладающих общими признаками. Разрядное значение антропонима может включать семы, характеризующие имя по признакам естественный / искусственный, условный / обусловленный. Модусную природу имеет внешний «семиотический ореол именного знака (типичные конвенциональные знания, связанные с его применением)» (Голомидова 1998: 13–14).

Социальная дифференциация антропонимических ресурсов носит конвенциональный характер. Например, в старорусский период возможность образования отчества на *-ович* от любого личного имени, в том числе и некалендарного, закономерно и естественно для любого носителя русского языка, поскольку соответствует принятым в обществе правилам создания антропонимов для называния лиц мужского пола. Но

использование его для именованя незнатного человека считалось бы нарушением социальных конвенций, связанных с употреблением имен собственных.

К разряду антропонимических конвенций могут быть причислены традиции имянаречения и традиции именованя лица в речи, в том числе правила этикета, связанные с называнем лица и т. д.² Описывая традиции именованя представителей разных поло-возрастных групп в русской крестьянской общине XIX в., Т. А. Бернштам приводит следующие наблюдения: «Хотя имя давалось ребенку при крещении, пользоваться им начинали обычно лишь с середины детского или подросткового возраста в форме полуимени – Машка, Ванька. К рубежу совершеннолетия появлялось право на имя – Машуха, Ванюха, но только после совершеннолетия могли называть полным именем – Марья, Иван. Получение полного имени и имени-отчества (права на величане) являлось важным показателем признания перехода в совершеннолетие» (Бернштам 1988: 41).

Данные традиции существовали и в XVII в., о чем, например, свидетельствуют данные писцовых и переписных книг, в которых именоване малолетних жителей дворов ограничивается только личным именем: «в. два Ивашка Демидовы дѣти Лебѣдевы да брат их *Ивашко ж осми годовъ*» (Кн. пер. Каргоп. 1648: л. 29об.); «в томъ же дв. *Петрушка 5 л.*, у него пдв. Пронька Емельяновъ Шукинъ, у него с. Ивашко 10 л.»; «*Ивашко 7 л.*, у него пдв. Ивашко Матвѣевъ Кашинъ» (Кн. писц. УВ 1676–1683: 151, 152).

В деловой письменности XVII в. сложились особые тенденции именованя, определявшие номинацию «по отцу», а для жителя посада – и по роду деятельности, которые противоречили бытовым традициям («*Алешка Григорьевъ 5 л.*»; Кн. писц. УВ 1676–1683: 154). В результате чего могли возникать казусы, подобные именованю малолетних мясников в писцовой книге Устюга Великого 1676–1683 гг.: «2 Стеньки, Никишка 13 л., Стенка 5 л. Аникіевы, *мясники*» (Кн. писц. УВ 1676–1683: 151).

² Как отмечает А. В. Суперанская, «вплоть до революции 1917 г. при крещении в церковную книгу записывалась церковная форма имени крещаемого, например *Иоанн* или *Неонила*, но имена восприемников и даже священнослужителей писались в светской форме: *Иван*, *Ненила*. Церковь давала родителям ребенка выписку из церковной книги, с которой они шли в городскую консисторию или к волостному писарю (в деревне) для получения официальных документов, в которых по разумению пишущего или по просьбе родителей писалась церковная или светская форма имени: *Наталия* или *Наталья*, *Стефанида* или *Степанида*, *Даниил* или *Данила*, *София* или *Софья*. При этом близкие к церкви люди предпочитали формы *Гавриил*, *Стефан*, а люди светские – *Гаврила*, *Степан*» (Суперанская 2002: 302).

Рассмотренные выше примеры свидетельствуют о том, что тесно связана с конвенциональностью и *нормативная оценка* антропонимической лексики. Нормативность может проявляться как в моделях образования стандартных номинативных единиц, так и в регламентации употребления антропонимов в типовых речевых контекстах. Также, например, противопоставление канонических и неканонических вариантов календарных имен базируется не на языковых особенностях данных единиц, а на внешних, связанных с нормами их употребления. Внешний модус при регулярности его реализации может закрепляться в классификационном значении онима, становиться его внутренней содержательной характеристикой.

Не менее значима *условность / обусловленность* антропонимической номинации, которая также может быть связана с внешними факторами, определяющими отношение носителей языка к именам собственным, и с внутренними свойствами онима как лексической единицы. По словам А. В. Суперанской, имя собственное, будучи разрядом «специальной лексики», характеризуется *искусственностью, вторичностью и условностью*, вследствие чего появляется возможность переименования называемых ими предметов, а также формальных преобразований, каким не подвержены слова общей лексики (Суперанская 1993: 33–35).

По мнению В. Э. Сталтмане, внеязыковая обусловленность антропонима связана с тем, что «ономастическая номинация допускает причинно-следственные отношения, когда имя – следствие известного положения вещей, характерных для определенной ономастической ситуации, в которой объект практически не может быть назван никак иначе» (ТМОИ; 18–19). Номинация календарным именем, например, носит условный характер (*Я мог бы быть Иваном, Николаем, Михаилом, но называли меня Василием*). Поэтому принято считать, что календарные имена «не сообщают ничего об именуемом, не характеризуют его». Это говорит о том, что календарные имена в языке обладают неким постоянным свойством, связанным с наличием в структуре их значения модальной семы.

Иначе проявляется условность в случаях искусственной номинации. Модальный компонент разрядного значения таких имен собственных выходит на первый план. Например, употребляя в речи псевдоним, говорящий, осведомленный о соотношении разных именовании лица, обычно осознает, что *псевдоним* (< греч. ψευδώνυμος ‘носящий вымышленное имя’) – *вымышленное* имя или фамилия, используемые для замены собственного писателем, актером, политическим деятелем. Таким образом, модальная семантика может быть характерна не столько для

отдельных имен, сколько для их разрядов. Модальность служит отличительной чертой литературных онимов, как созданных автором по той или иной модели, так и «воплощенных» в тексте реально существовавших именований («прецедентных имен»), что определяется их художественной условностью.

Непосредственную связь с модусным планом имеет *интенциональность* антропонимии. Интенции связаны с двумя видами деятельности человека, определяющими функционирование имен собственных: созданием новых актуальных антропонимов и употреблением их в речи. Интенциональность имяназечения проявляется в выборе средств именования, определяемом различными мотивами. Внутренний модус интенциональности закреплён значением антропонима, основное назначение которого – выражение целей именования и отношения говорящего к именуемому лицу.

Интенциональность – одно из центральных понятий теории речевых актов и лингвопрагматики. А. В. Бондарко предлагает различать два аспекта интенциональности: 1) аспект актуальной связи с намерением говорящего в акте речи, с коммуникативной целью, с целенаправленной деятельностью говорящего, т. е. с тем, что он хочет выразить в данных условиях коммуникации – аспект «собственно интенциональный»; 2) аспект смысловой информативности, – способность данной функции быть одним из элементов выражаемого смысла (Бондарко 2002: 145–146). Первый аспект – деятельностный (динамический) – позволяет рассматривать интенциональность в ходе практического наблюдения за речемыслительной деятельностью, второй – «результативный» (статический) – анализировать интенциональность готового «продукта» данной деятельности (текста, высказывания, номинации). Прагматический подход к изучению номинации в ономастике также предполагает рассмотрение материала с двух сторон, поскольку прагматику имятворчества определяет «человеческая намерительность и смысловое наполнение, ради которого и создается новое имя» (Голомидова 2003: 112). Исследователь антропонимии прошлого не имеет возможности наблюдать непосредственно процесс номинации, но может судить о нем, анализируя семантику и употребление имен собственных.

Называние человека именем, не характеризующим его физические и моральные качества (*Сергей, Анна, Эдуард, Ростислав*), в современном обществе также интенционально по своей сути. В сознании носителей языка подчеркнутая неинтенциональность противопоставляет официальные личные имена прозвищам, которые могут быть «интимными, дружескими, ироничными, презрительными или вполне нейтральными» (Никонов 1986: 268).

Особенно ярко интенциональность отражается в экспрессивном словообразовании антропонимов. Исследователи неоднократно отмечали, что экспрессивные модели словообразовательной модификации личных имен вторичны по отношению к моделям образования нарицательных слов. Обоснование методики выявления и описания оценочных значений модификатов личных имен в современных английском, русском и польском языках было предпринято А. Вежицкой, которая определила оценочное значение как прагматическое содержание форм. Например, сопоставляя женские имена с суффиксами *-ок*, *-еныш* и имена нарицательные с омонимичными формантами, исследователь описывает содержание «форм» следующим образом: *Нинок, Лизок* – «я испытываю по отношению к тебе какие-то хорошие чувства (я испытываю хорошие чувства, говоря с тобой)», «я не хочу говорить с тобой так, как говорят с тобой другие люди», «я хочу говорить с тобой так, как если бы ты была мальчиком»; *Катеныш, Клараеныш* – «я испытываю по отношению к тебе какие-то хорошие чувства (я испытываю хорошие чувства, говоря с тобой)», «я не хочу говорить с тобой так, как говорят с тобой другие люди», «я хочу говорить с тобой так, как если бы ты был молодым, не совсем взрослым животным» (Вежицкая 1996: 126–128).

Интенциональность антропонимической номинации обуславливает очень тесную связь антропонимии с *категорией оценки* (аксиологическим модусом). С одной стороны, многие имена собственные дают оценку называемому ими предмету или лицу и обладают свойством качественности, отражая модусы номинации (имятворчества). Оценочный модус находит отражение во внутренней форме имени, может актуализироваться или нейтрализоваться в процессе употребления имени собственного и во многом определяет восприятие имени носителями языка. С другой стороны, само имя собственное гораздо чаще, чем нарицательные слова, оказывается объектом оценки – социальной, эстетической, этической, конфессиональной (Никонов 1974; Шварцкопф 1976; Суперанская 2001; 2002, и др.). Оценка антропонима может быть обусловлена как общей концепцией имени, свойственной национальной или конфессионально-этнической культуре на определенном этапе ее развития (Топоров 1993; Суперанская 2001), так и системой ценностей, свойственных отдельным социальным слоям русского общества (Комлева 2004). Иными словами, внутренний модус оценки связан с имяназванием как целенаправленной деятельностью человека – носителя и творца языка, а внешний – с употреблением имени собственного в речи.

К числу внешних модусов, наиболее близких к категориям нормативности и оценки, следует отнести модус *облигаторности*, доста-

точно ярко отражающийся в оценке степени обязательности / необязательности использования тех или иных антропонимических средств номинации лица в определенной речевой ситуации.

4.2. Модальность референции антропонима как признак текстовой модальности старорусского документа

В лингвистических работах последних двух десятилетий активно развивается текстоцентрический подход к изучению модальности (Гальперин 1981; Откупщикова 1988; Тураева 1994, и др.). Однако в определении явления модальности на уровне текстовых единиц нет единства. Т. В. Матвеева, рассмотревшая модально-оценочный план текста в аспекте текстовых категорий, предложила называть данную функционально-семантическую категорию «тональностью текста», в первую очередь обращая внимание на «психологическую установку автора», «психологическое самораскрытие автора, обладающее эффектом воздействия на адресата текста» (Матвеева 1990: 27). В некоторых работах используется термин «авторская модальность» (Валгина 2003; Емельянова 2003).

Г. Я. Солганик, который ввел в научный оборот терминосочетание «текстовая модальность (ТМ)», тем не менее данную категорию определял достаточно узко: «Главное средство, образующее, конституирующее ТМ, – категория производителя речи», центр которой – «субъективно-модальное» местоимение я; «это своеобразное наклонение производителя речи к действительности и собственно речи». Различное соотношение между производителем и субъектом речи, по Г. Я. Солганику, характеризует три текстовых наклонения: объективное, субъективное и субъективно-объективное (Солганик 1999: 364–372). В трактовке Г. Я. Солганика категория текстовой модальности соответствует категории авторизации в понимании коммуникативно-функционального синтаксиса (Всеволодова 2000: 302–315; Золотова 2001: 7, 37, 347, и др.), несомненно, занимающей центральное положение в системе субъективной модальности высказывания. В концепции «Коммуникативной грамматики русского языка» (Золотова, Онипенко, Сидорова 1998) модальность высказывания определяется взаимоотношениями пяти типов субъектов диктума и модуса, моносубъектностью и полисубъектностью, играющими важную роль в коммуникативной структуре высказывания, определяющими тип авторизации и коммуникативно-речевой регистр. Модальность «выражает противопоставленность реального-ирреального отношения высказывания к действительности, т. е.

субъективно-объективную оценку содержания высказывания с точки зрения его соответствия–несоответствия действительности» (Всеголова 2000: 216). Этими параметрами характеризуется противопоставление объективированной и субъективированной авторизации в тексте.

Референция текста к конкретной коммуникативной ситуации, определяемой субъектной организацией высказывания и пространственно-временной локализацией субъекта речи, позволила М. Я. Дымарскому ввести в научный оборот понятие дейктического модуса текста. Дейктический модус текста характеризуется определенностью / неопределенностью всех содержащихся в нем референций, и прежде всего основных, базирующихся на дейксисе, – субъектных и пространственно-временных, относится к функционально-семантическим категориям текста (Дымарский 2000: 272–273).

Таким образом, явление текстовой модальности находит непосредственное выражение в функциональных категориях авторизации, субъективно-объективной оценки и точки зрения (дейктического модуса).

Проблемы изучения текстовой модальности поднимаются исследователями и применительно к памятникам письменности. К рассмотрению текстовой модальности (модус реальности–ирреальности) на историческом материале (житийная литература XV–XVII вв.) обращалась О. А. Черепанова, которая отметила обусловленность модуса реальной ирреальности в повествованиях о видениях и чудесах прагматической установкой текста (Черепанова 1998: 71). Установка текста на достоверность описываемой ситуации определяет функционирование в нем тематических групп глаголов восприятия, состояния, специализированных наречий, грамматических категорий глагола, синтаксических структур.

Именам собственным как одному из средств, выражающих, а иногда и формирующих текстовую модальность, пока не уделялось должного внимания. Хотя в филологических изысканиях представлены некоторые наблюдения в этой области. Например, с проблемами модальности текста связаны исследования сказочной прозы в русском фольклоре в аспекте ее отношения к действительности. Исследователи сказочного повествовательного фольклора обратили внимание на особую функцию имен собственных в прозаических текстах, имеющих установку на достоверность. Реальные имена собственные (названия деревень, географических объектов, фамилии жителей) в исторических преданиях воплощаются с целью объективирования повествования (Сokolova 1970: 260). По наблюдению О. А. Санниковой, использование

формул достоверности, включающих указание конкретного лица – очевидца, участника событий, – характерная черта такого фольклорного текста, как быличка. «Проблема достоверности становится актуальной для текстов, несущих на себе печать рефлексии (информант снимает с себя ответственность за передаваемый текст, указывая подлинного автора)» (Санникова 1994: 50).

Связь структуры именованного лица с текстовой модальностью проявляется и в памятниках письменности. Например, введение реальных антропонимов в «реально-ирреальные» рассказы о чудесах и видениях, включенные в жития и житийные повести, использовало формулы идентификации (для зачина данных текстов характерны номинации типа «человек некий, именем Иоанн»): «Нѣкій члвкъ живѣ во градѣ велѣхъ ѿзерѣ, именемъ данїилъ текѹтовъ. И семѹ вѣше снѣ единороденъ именемъ смѣшнѣ» (Житие Кирила Новоезерского, 72); «Грѣша Вологда человек, имя ему Андрей, прозваниемъ Лопатин, лежа в раслаблении два лета на одре»; «Того же Тотемскаго уезда веси Стрелицкия жена некая, именемъ Матрона, руками плескала, а ногами скакала» (Житие Вассиана Тиксененского, 153–155). Вместе с тем модус именованного, отражающийся в неопределенности номинации, связан с представлением о случайности, условности лица (на месте которого мог быть любой человек), оказавшегося в ситуации, которая могла быть разрешена только при помощи чуда. Таким образом, установка текста на достоверность, объективацию изложения фактов определяет наличие в нем определенных имен собственных, и в то же время обуславливает особое функционирование онимов.

Официально-деловой документ XVI–XVII вв. как достоверный текст предполагал, что все используемые в нем антропонимы имеют реальный денотат и отношение имени к референту носит объективный характер. Характер объективированного текста закрепился за определенными типами документов, поэтому средством объективации стало уже обозначение типа делового акта в начальном протоколе документа.

В писцовых материалах (сотные, писцовые и переписные книги) составитель документа выступал одновременно субъектом речи и поручителем достоверности текста (московские писцы, посылаемые для проведения переписи, целовали крест и принимали присягу производить описание «подлинно»). «Государство как никто было заинтересовано в достоверности сообщаемой писцами и дозорщиками информации, поэтому напоминание о необходимости писать «по правде» содержится едва ли не в каждом известном нам наказе» (Зенченко 2001: 17). Включение именованного в писцовую или переписную книгу уже само по

себе было фактом признания его объективности, реальности независимо от того, существовал ли именуемый в действительности.

Данная установка документов массовой переписи в ряде случаев создавала возможность для различного рода писцовых злоупотреблений. Например, З. В. Дмитриева, рассматривая учет населения в государственных и вотчинных описаниях Кириллова монастыря в первой четверти XVII в., сопоставила именования владельцев 204 дворов в четырех дозорных книгах (1613, 1615, 1618 гг.), в писцовой книге 1626–1627 гг. и вытной книге 1624 г. Исследователь приводит убедительные доказательства сокрытия населения в дозорных книгах, особенно относящихся к Смутному времени, этому способствовало то, что дозорные и писцовые книги не требовали указания крестьянских фамилий и именовании родственников лица. При сравнении источников возникает впечатление, что «население после Смуты появляется из небытия» (Дмитриева 2003: 272). Например, «в дер. Гребенево Первушка Фирсов в 1613 г. значится тяглым крестьянином, в дозорной книге 1615 г. его “убили казаки”, в вытной-дозорной, составленной после 1615 г., Первушка Фирсов посеял четь ржи, а в дозорной 1618 г. его двор записан пустым, в 1624 г. у Первого Фирсова уже два сына – Тренка и Алешка, в писцовой книге 1626 г. Первушка Фирсов записан бобылем»; «В 1618 г. во всех деревнях Рукиной Слободки осталось “в живущем” 10 дворов. Многие из “убитых” и “умерших” в 125 г. появляются в вытной книге 1624 г. и писцовой 1626 г.» и др. (Дмитриева 2003: 272–273).

Лицо, именуемое в документе, мыслилось как реально существующее, а имя как объективно закрепленное за ним. Данное отношение – это пресуппозиция делового текста, которая делает излишним использование формул идентификации, устанавливающих тождество между антропонимом и описываемым лицом. Именования, в которых антропоним выступает в роли приложения к обозначению лица («человек некий, именем Иван») либо включается в состав предикативной конструкции («крестьянин, а зовут его Иван»), для большинства деловых текстов XVI–XVII вв. не характерны. Но в ряде случаев именование использует формулы идентификации, устанавливающие отношение имени к лицу либо отношения между разными именованиями одного и того же лица.

Формулы идентификации использовались, если объективность отношения антропонима к референту, как и отношения отражаемой в тексте ситуации в целом к действительности, ставилась говорящим под сомнение (или номинация была для создателя документа неопределенной). В таких случаях в речь вводится субъект-авторизатор, с позиции

которого эта оценка дается: «<...> бьет челом извещаетца последнеи вашъ крестьянинец Глубоковскаг ключа Спскаг приходу дрвни Пархачевския Васка Мелентиев на своег суседа тое ж дрвни на Мартяна Козмина сна в том диялос гсдръ в ннешнем в РЛ-мъ году февраля в S дне с земским судею с Рычком Авдокимовым да с третими поимал в гумнѣхъ *девочку имянем Уляшку а та девочка жила у Мартяна <...> и девочка сказала послал де меня Мартянов брат Ивашко овина зажигати*» (Челоб. Сп.-Прил. м. 1622; ХИВГ, 18); «*Иванова жена Анфилофева сказала Марфою живутъ Киприянова дочь августа въ Л- де по зву Никифора Романова в доме ево ина Марфа была а звал де еѣ внѣ Никифоръ в Предотечевъ днѣ чтоб к нему притти в понедѣльникъ для перетопления коровья масла*» (Допр. р. Волог. у. 1703; ХИВГ, 54).

Отношение актуального именования к конкретному лицу для старорусского писца носило объективный характер, за исключением тех случаев, когда именование кардинально менялось, например, при принятии иночества: «*Двинянин Агей, постригли его, в иноцѣхъ Агафон*» (Кн. вкладн. Мих.-Арх. м. 1587–1617; Шляпин II, 160); «с *Шемоксы из Исаковы деревни Харитон, во иноцѣхъ Христофоръ*»; *постригли от Пятницы крестьянина Ярофея, во иноцѣхъ Геронтий* (Кн. вкладн. Мих.-Арх. м. 1587–1617; Шляпин II, 177). Модальность отношения таких именований к референту могла осложняться таксисными созначениями. Ср.: «*старецъ Ефросин, а в мире был Ефрем*» (Кн. вкладн. Мих.-Арх. м. 1587–1617; Шляпин II, 173); «*старецъ Калистратъ а въ мирѣ былъ Калина Мелецъ*» (Кн. вкладн. Мих.-Арх. м. 1587–1617; Шляпин II, 176), «*Троицкого монастыря старецъ Иона, а въ мирѣ былъ Иванъ Терентьевъ сынъ Филевыхъ*» (АХУ I, 345). Использование подобных конструкций было целиком обусловлено назначением документа. В частности, вкладные монастырские книги тем самым подчеркивали переходный статус постриженника, фиксировали закрепление за ним нового имени и отмену старого.

В частноделовых актах и судебных делах таким способом могла подчеркиваться относительность монашеского именования и монашеского статуса лица. В 1675 г., когда выяснилось, что один из старцев Кирилло-Белозерского монастыря до пострижения в монахи торговал вином у «Галанские земли торгового иноземца», взяв при этом большую партию товара, и не рассчитался за нее, было проведено внутреннее расследование, результаты которого нашли отражение в «сказке», составленной в монастыре. Документ включает изложение содержания челобитных по делу старца Павла и собственно «сказку», т. е. устные показания допрашиваемого. При этом обращает на себя внимание раз-

ное отношение к монашескому имени участников события: «указал в Кирилове монастырьѣ старца Павла, что в мирѣ был казенные слободы тяглець Потапко Ѳедоров, допросит <...> того старца Павла, которой был в мирѣ Потапко Ѳедоров, буде он нынѣ в Кирилове монастырьѣ есть, допросилъ подлинно, как писано выше сего» (из сказки по челобитью); «И по твоей святительской грамоте в Кириловѣ монастырьѣ старецъ Павелъ, что в мирѣ был казенные слободы тяглець Потапъ Ѳедоров сын Кикин, допрашиван по Христовѣ евангельской заповѣди» (из челобитной); «Кирилова монастыря архимандриту Никитѣ старецъ Павелъ, что в мире был казенной слободы тяглець Потапъ Ѳедоровъ сынъ Кикинъ в допросе сказал по Христове евангельской заповеди и по иномъ обещанию» (из допросной «сказки»); «Скаску писалъ по ево старца Павла велѣнію монастырской дьячекъ Алешка Марашынъ» (из удостоверительной части документа) (Щукин I, 79–81).

В старорусской деловой письменности антропонимы вводились в документ для обозначения разных субъектов текста. Рассматривая различные по назначению деловые акты и писцовые материалы, можно выделить три группы субъектов, именуемых в документе при помощи антропонимов.

Первый тип – субъекты правовых и других отношений, субъекты обладания имуществом, субъекты описываемых действий и др., совпадающие с актантами предложения (субъекты диктума): «Марта въ ·А· де был подъячеи Іаков Русаков да площадной Лука Колачников да с ними стрѣлцов і приставов ·ВІ· человекъ для салдатской описи» (Кн. издерж. Белослуд. 1677: л. 582); «Сентября въ ·В· де явил белозерецъ Леонтеи Чюбаров одиннатцат животин, три туши бараньи. Пошлины с продажи взяли рубль дватцат ѡдин алтнѣ двѣ денги» (Кн. там. Белоз. 1661–1663: л. 2).

Ко второму типу относятся субъекты знания, восприятия, речи (авторизаторы, субъекты «точек зрения»): «·Рѣд· году генваря въ ·КВ· де по приказу гсдря архимандрита Іоны і келаря старца Сергия Морева з братею приказной Козма Нефедов приезждал в дрвню Токарево по челобитію крестьянина Семена Яковлева допрашивают *тое ж дрвни крестьян Безсона Маркова Матфея Михайлова Івана Левонтьева* по гсдрву црву і великаго кнзя Алексѣя Михайловича всея великия и малыя і бѣлыя Росии самодержца і *тѣ кресяне* сказали по гсдреву кресному целованю *видели де мы* как Ісакова жена в коропьку ходила і ис коробки взяла мешечик к себѣ в пазуху положила а что в том мешечкѣ было *тово мы не вѣдаем з денгами ли с чем с ыным тово мы не вѣдаем то ниш і рѣчи а нам тово не показала* третим что в том было ме-

щечке. Того ж числа приказчик Козма Нефедов допрашивал то е дрвни кресьян тѣхъ же третих кои выше писаны про лошад и тѣ третие сказали та де лошадь продана веснус до розделу то наши рѣчи а рѣчи допросные записал мнстырскои диячек Івашко Герасимов а про пожни тѣ третие не сказали ничево что де у них склад был всякимъ животомъ» (Допр. р. Сп.-Прил. м. 1656; ХИВГ, 26).

Использование реальных антропонимов для авторизации – одно из средств создания достоверного текста с субъективно-объективной модальностью, например челобитных, допросных речей и др. Далеко не случайно, что любой деловой текст XVI–XVII вв. – это текст авторский, имеющий конкретного составителя, который обязательно называл свое имя в документе.

В третий тип объединены субъекты, заверяющие достоверность документа («третья сторона», свидетели «послухи», «сидельцы» при составлении актов записи, «мужи» при расспросе и досмотре, субъекты рукоприкладств). Их именованья приводятся либо в тексте документа, либо в служебных отметках и подписях. Данная категория лиц, упоминаемых в тексте, или относится к независимой «третьей стороне», удостоверяющей истинность излагаемых в тексте фактов, или представляет сторону составителя документа. Введение их именованний в текст создает эффект полисубъектности – знания, мнения, суждения или перформативные высказывания составителя документа одновременно приписываются и им: «И приказщик Марко Яковлевъ по ег Тимоѡвѣву челобитію ходил и досмотріл <...> А на досмотре с приказшіком мужи были Семень Акилов то дрвни Ярыгіна да Иванъ Родионов а досматреную записал дыгачек Лазарко Спиридоновъ» (Досмотр. зап. Сп.-Прил. м. 1652; ДПБК, 47); «В томъ яз Ωгроѡена на себя и на ту свою половину вотчины села и даную игумену Кирилу и всей брате Спаса Придутьикогмнстря дала а на то послуи Мерькурей Гурьевъ снѣ Марѣкова да Богданъ Борисовъ снѣ Водогин да Михаиле Ондриевъ снѣ да Семен Цепров снѣ Ушаков да Перѡирей Треѡильев снѣ Скулябин да Еѡим Пумѣров снѣ Селиверстов да Денис Калинин снѣ Пановъ да Дружина Ѡѡонасевъ снѣ а даную запис писалъ Семейка Тимоѡиев снѣ Копешкин лѣта 3сто двацать втораг году февраля въ первый ден (На обороте:) Послух Михалка і руку приложил Се аз послух се тисал Деніскw руку приложил К сей данои Дмитриевском поп Иван Ларишловъ снѣ Ѣрепинин штць дховнои руку приложил Послух Меркуш Марков и руку приложил Послух Дружинка руку приложил Послух Семенка руку приложил Послух Богдашка руку приложил Послух Демко руку приложил Послух, Перша руку приложил В послусах се записал Еѡимко и руку приложил» (Данная Сп.-

Прил. м. 1614; ДПВК, 35). Указание «послухов» было обязательным для частных актов на передачу имущества, аренду, наем на работу и т. д. (купчие, менные, данные, порядные, духовные и другие записи). Указание реальных имен «сторонних людей» придавало тексту достоверность.

Наличие антропонимов в удостоверительной части документа определяло степень его объективированности / субъективированности. Например, челобитные по характеру субъектной организации текста можно разделить на две группы: а) челобитчик – индивидуальный единственный субъект – частное либо должностное лицо; текст таких документов субъективирован, достоверность его не заверяется свидетелями и не сопровождается рукоприкладствами; б) челобитье составляется от лица большой группы субъектов (крестьян волости, деревни, прихожан церкви и т. д.). Установка текста на выражение не личной индивидуальной, а общей (полисубъектной) оценки обуславливает его объективирование. Обычно такие тексты челобитных сопровождаются рукоприкладствами. Например, челобитная тотемских посадских людей о снижении сошного оклада 1681 г. сопровождается подписями 154 человек (АПД 1660–1680: 135–137), рукоприкладства к челобитной 1669 г. крестьян Устюжского уезда включают 41 именование (АПД 1660–1680: 141), к челобитью крестьян Чарондской округи – 63 именования (АПД 1660–1680: 20–21) и др.

Субъективация / объективация повествования, для создания которой использовались имена собственные, зависела от типа документа, его прагматических установок, содержания. Каждый жанр документа характеризовался совмещением в одном лице разных типов субъектов. Поэтому для характеристики делового текста важно, кто назван именем собственным и чем это именование отличается от именовании других лиц, упоминаемых в тексте, насколько субъективировано / объективировано изложение / констатация фактов и в какой мере это связано с использованием антропонимии.

4.3. Личные имена и выражаемые ими характеристики лица в языке документов XVI–XVII вв.

Личное имя, возникшее в далеком прошлом, существует в пересечении различных точек зрения: отражает представления об антропониме, принадлежащие человеку, создавшему имя собственное, лицу, употребившему это имя в своей речи, тексте, а также особенности восприятия антропонимии современным человеком, обращающимся к па-

мятникам письменности. Антропоним не только выражает точку зрения номинатора на именуемое лицо, но и сам становится объектом оценки (социокультурной, этнической, конфессиональной, эстетической и др.) со стороны носителей языка.

Современное русское личное имя воспринимается как знак, максимально отвлеченный от свойств его носителей, не характеризующий, условный. Личное имя, нехарактеризующее человека по его личным свойствам, противопоставлено прозвищам — антропонимам, дающим оценку именуемому лицу. Субъективное восприятие личного имени определяется прежде всего эстетическим критерием: благозвучием (ассонанс, наличие сонорных и т. д.), культурными и другими ассоциациями, составляющими семиотический ореол имени (Супрун 2000: 14–19).

В древнерусском и старорусском языках установки номинатора, дающего имя лицу, наиболее ярко проявлялись в именах, которые по праву можно назвать интенциональными: именах-благопожеланиях (древнерусские композита), именах-оберегах — «плохих именах», данных «хорошим детям». Старорусские некалендарные имена *Ненаш, Неждан, Нелюб, Нечай, Фрязин* не выражали оценку именуемого и вряд ли соответствовали отношению родителей к ребенку. Цель подобного имяназвания — защита лица от вредительства, сглаза. Интенциональность имяназвания может быть неактуальной для употребления имени в повседневной речи. Так, называя лицо именами *Грязной, Некрас, Неклюд, Ненаш* и др., составитель старорусского документа не преследовал цели защиты именуемых от сглаза или порчи. Неинтенциональность имени в данном случае, говоря словами А. В. Бондарко, — это «не постоянное (инвариантное) свойство значения того или иного языкового средства, а определенная способность, которая в части случаев может и не реализоваться» (Бондарко 2002: 153). Использование данных имен в документе не определялось только потребностью номинации (лица могли быть названы и календарными именами, которые у них, несомненно, были). Оно может рассматриваться как следствие принятых социальных конвенций об именовании данного конкретного лица, делающих его идентифицируемым, узнаваемым.

По своим функциям, проявлявшимся и в момент имяназвания, и при дальнейших употреблениях, старорусские личные имена существенно отличались от современных. По особенностям мотивации и оценки именуемого все индивидуализирующие антропонимы (имена с абсолютной референцией), используемые в старорусском деловом тексте, можно разделить на три группы: нехарактеризующие, условно характеризующие и характеризующие.

1. *Нехарактеризующие имена.* Номинация нехарактеризующим именем носила условный характер. Внеязыковая мотивация подобных антропонимов не определялась отражением в именовании признаков конкретного лица, а чаще всего была связана с магическими функциями (Толстой, Толстая 2000: 598).

Первую группу нехарактеризующих (условных) имен составляют имена с *апотропеической функцией*, использовавшиеся для защиты младенца от сглаза, порчи. В основе номинации – риторический прием семантического антифразиса, т. е. для номинации предмета по характерному признаку использовалось слово с противоположным значением. Данные имена отличались особой модальностью, обусловленной семантикой отрицания, мнимостью отражаемых признаков. Среди условных имен с доминирующей апотропеической функцией можно выделить подгруппы по принципу номинации:

1) немотивированное отрицание признаками лица отрицание его положительных свойств: *Нехорошей / Нехорошко, Невер / Неверко, Неклюд / Неклюдко, Некрас / Некраско, Несвитайко* и др.;

2) немотивированное отрицание положительного отношения родителей к ребенку: *Нечай / Нечаико, Неждан / Нежданко, Нелюбо* и др.;

3) немотивированная актуализация отрицательных признаков: *Негодяйко, Худячко, Злоба, Горяшка, Горяинко*;

4) немотивированная актуализация признака ‘чужой’: а) при помощи имен, содержащих сему “чуждость”: *Невежко, Ненашко, Найденко, Гостюшко, Прибыток, Пасынок, Друганко, Другашка, Дружина*; б) при помощи этнонимов и имен других народов: *Фрязинко, Чудинко, Китайко, Сабурко, Салтанко, Мансурко, Рохманко*.

Вторая большая группа имен-апотропеев возникла с целью причисления лица к числу существ или предметов, оберегающих или, наоборот, представляющих угрозу для человека, для того чтобы они считали его своим и обеспечили покровительство лицу, либо не посягали на него: *Черт, Волк, Медведь* и др. Исследователи отмечают, что охранительную функцию обычно выполняли древнерусские «птичьи» имена. Вероятно, к этой группе могли относиться и зоофорные имена, которые выбирал человек при занятии определенными промыслами и занятиями, предполагавшими контакт с inferнальным «чужим» миром (лесным, водным). К этой же группе следует отнести и внеобрядовые календарные имена, данные до крещения и причислявшие младенца к миру православных людей: Иван по прозвищу *Фома* (Чичагов 1957; Успенский 1994). Функция таких номинаций может быть определена как *отождествительно-апотропеическая*.

Третья группа включала имена, образованные от слов, называющих то, что должно оберегать лицо, например, имя *Богдан* (Успенский 1994: 162). Они выполняли *антропоеическую* функцию.

Четвертую группу составляют имена, не характеризовавшие лицо, а устанавливавшие его подобие другому лицу, т. е. выполнявшие *номинативно-отождествительную* функцию. К данной группе следует отнести следующие антропонимы:

1) календарные имена (как агнионимы, так и закрепленные в языке в качестве потенциальных откалендарные имена в различных огласовках);

2) некалендарные «серийные» имена, восходящие к словам одной тематической группы: «да *Русин*, да *Мещерин* Федоровы дети *Черемсиновы*» (Дел. К.-Бел. м. 1482–1490; АСВР II, 177);

3) имена-генесионимы, передававшиеся от отца к сыну, в том числе и фамильные прозвища: «*Лабуня* *Лабунин* <...> *Гридька* *Гридин* <...> *Власко* *Власов* <...> *Чюлок* *Чюлков* <...> *Митька* *Митин*» (Сотн. Белоз. 1544: 185, 189, 190); «в. *Тренка* *Кузов*, в. *Терешка* *Третьяков* *Кузов*» (Кн. писц. Уст. у. 1623–1626: л. 571об.); «*Филка* *Степанов* *Шалыга*, *Фетка* *Филипов* *Шалыга*» (Кн. писц. Уст. у. 1623–1626 (2): л. 26об.).

2. Имена, условно характеризующие, т. е. имена, внутренняя форма которых отражает условные характеристики лица, можно разделить на две группы.

Первая – имена, характеризующие не лицо, а отношение родителей к именуемому младенцу. Они не выражали признаков конкретного лица, не мотивированы ими: *Баженко*, *Любимко*, *Жданко*, *Истома*, *Томило* и др.

Во вторую группу входили антропонимы, отражающие временный, ситуативный признак лица, например имена с семантикой обновления, замены, переделки. Наличие данной группы имен может быть объяснено популярностью у русского народа сохранившихся до сегодняшнего дня представлений о беспокойных детях как подмененных нечистой силой. Лечебная магия, направленная на возвращение младенца родителям, использовала ряд ритуальных действий, символизирующих второе рождение («перепекание» в печи, протягивание под межой, символизирующее похороны-рождение и одновременно преодоление границы своего и чужого мира и т. д.). Антропонимия позволяет предполагать, что обряд сопровождался и новым имянаречением: *Новик*, *Перetyага*, *Перепеча*, *Обменко* и др. А. М. Селишев относит к этой группе и имена *Найден*, *Продан*, *Куплен*, *Ненаш*, *Прибыток* и др.

3. *Собственно характеризующие имена*, т. е. имена, характеризующие лицо в зависимости от внешних условий жизни или социальных моментов, можно разделить на три большие группы.

Первую группу составляют имена, связанные с экспрессивной характеристикой внешних и внутренних качеств лица, его поведения и образа жизни и т. п. Антропонимы, которые могут быть отнесены к данной группе индивидуализирующих имен, за счет внутренней формы отражают более или менее постоянный признак, чаще всего не зависящий от возраста и не утрачиваемый со временем. По способу образования среди них могут быть выделены *метафорические* и *метонимические имена*, устанавливающие сходство признаков именуемого с признаками животных и предметов. Таким именам обычно предшествовало появление нарицательных обозначений человека по сходству свойств лица и внешнего облика, характерных признаков животного или предмета (*кулебака* > *кулебака* 'некрасивый, безобразный человек' (ср.: СРНГ XVI, 55) > *Кулебака*). В XVI–XVII вв. подобные обозначения лица чаще всего были связаны с названиями животных: *Баран* (Ивашко Савельев Баран – Кн. писц. УВ 1623–1626: 189); *Ворона* (Тренка Ворона – Кн. писц. УВ 1623–1626: 192); *Гогол* (Ивашко Иванов Гогол – там же); *Жук* (Тренка Жук – Кн. писц. УВ 1623–1626: 206); *Козел* (Герасимко Иевлев Козел – Кн. писц. УВ 1623–1626: 185); *Комар* (лав. Онашки Иванова Комара – Кн. писц. УВ 1623–1626: 216); *Коростел* (Павлик Архипов Коростел – Кн. писц. УВ 1623–1626: 182); *Коршун* (д. Ивашка Коршуна – Кн. писц. УВ 1623–1626: 180); *Кошка*, *Кошечка* (Васка Кошка – Кн. крестопр. УВ 1645: л. 10; Олешка Савельев Кошечка – Кн. писц. УВ 1623–1626: 194); *Кулик* (Шалимко Микитин Кулик – Кн. писц. УВ 1623–1626: 195); *Курица* (Левка Курица – Кн. крестопр. УВ 1645: л. 32); *Лисица* (Степанко Кузмин Лисица – Кн. писц. УВ 1623–1626: 191); *Медведь* (Лучка Медведь – Кн. писц. УВ 1623–1626: 183); *Мошка* (Васка Мошка – Кн. крестопр. УВ 1645: л. 25); *Мураш* (Васка Ларионов Мураш – Кн. писц. УВ 1623–1626: 181); *Петух* (Васка Петух – Кн. крестопр. УВ 1645: л. 27об.); *Синица* (он. Митки Синицы – Кн. писц. УВ 1623–1626: 220); *Сыч* (Ивашко Сыч – Кн. крестопр. УВ 1645: л. 15об.); *Телош* (Пашко Телош – Кн. крестопр. УВ 1645: л. 25об.); *Хомяк* (Ивашко Иванов Хомяк – Кн. писц. УВ 1623–1626: 182); *Чапля* (Ивашко Чапля, гребенщик – Кн. писц. УВ 1623–1626: 175); *Чирок* (Ивашко Савастьянов Чирок, портной мастер – Кн. писц. УВ 1623–26: 184) и др.; названиями продуктов питания и кушаний, названиями различных предметов домашнего обихода или хозяйственной деятельности: *Гуца* (он ... харчевной Федки кузнеца Гуци – Кн. писц. УВ 1623–1626: 221);

Карабль (Гаврилко Иванов Карабль – Кн. писц. УВ 1623–1626: 201); *Кожан* (Митка Ивановъ Кожанъ – Кн. крестопр. УВ 1645: л. 30); *Куделя* (Тимошка Куделя – Кн. крестопр. УВ 1645: л. 17об.); *Маленка* (Стефанко Маленка – Кн. крестопр. УВ 1645: л. 32); *Масло* (Ивашко Масло – Кн. крестопр. УВ 1645: л. 27об.); *Огарок* (Андрюшка Огарокъ – Кн. крестопр. УВ 1645: л. 29об.); *Острога* (Ивашко Федоров Острога – Кн. писц. УВ 1623–1626: 192); *Перевяска* (Ивашко Перевяска – Кн. крестопр. УВ 1645: л. 13); *Пестерь* (Ивашко Юрьив Пестер, рыбной прасол – Кн. писц. УВ 1623–1626: 187); *Решето* (Микитка Решето Калинин Пыхов – Кн. писц. УВ 1623–1626: 208); *Саламат* (Петрунка Саламать – Кн. крестопр. УВ 1645: л. 29); *Секач* (Васка Ивановъ Секачь – Кн. крестопр. УВ 1645: л. 30); *Струг* (Якушко Струг – Кн. крестопр. УВ 1645: л. 16); *Татаур* (д. попа Якова Сергеива Татаура – Кн. писц. УВ 1623–1626: 209); *Телега* (Ивашко Телега – Кн. крестопр. УВ 1645: л. 16об.); *Чемодан* (Ивашко Чемодан – Кн. крестопр. УВ 1645: л. 10) и др. Активность данных групп лексики характерна и для современных диалектных метафорических обозначений лица (Рут 1994: 18–20; Чайкина 1995а: 48–50).

Мотив именования, лежащий в основе метафорических имен, а также то переносное значение, которое формируется у названия животного или предмета при обозначении лица, однозначно установить невозможно. Часто не ясно, по какому именно признаку человек уподоблялся животному или предмету. Между тем можно найти аналогии среди метафорических обозначений лица в современном просторечии и диалектах, хотя и нельзя утверждать, что в XVI–XVII вв. им была свойственна эта же семантика. Например, *Бык* (Ивашко Терентьев Бык – Кн. писц. УВ 1623–1626: 195) – ср.: «*бык* упрямый капризный ребенок» костр., «полный, тучный человек» вят.» (СРНГ III, 342); *Крюк* (лав<ка> Ивашка Офонасьива Крюка – Кн. писц. УВ 1623–1626: 217) – ср.: «*крюк* 'богатый человек', влад., новг.» (СРНГ XV, 354); *Кот* (м. дворовое Юшки Кота – Кн. писц. УВ 1623–1626: 194) – ср.: «*кот* 'бродяга, оборванец' моск., влад., костр.» (СРНГ XV, 100).

Метонимические антропонимы давались обычно по характерному внешнему признаку и связаны с названиями частей тела человека и животных: *Глаз*, *Ухо*, *Лоб*, *Голова*, *Рука*, *Нога*, *Борода*, *Брила*, *Рыло*, *Горло*, *Горб*, *Рог*, *Копыто* и др. Например: *Борода* (Осташко Лаврентьев Борода – Кн. писц. УВ 1623–1626: 193); *Бровка* (Фетка Яковлев Бровка – Кн. писц. УВ 1623–26: 199); *Ус* (м. дворовое Замятни Уса – Кн. писц. УВ 1623–1626: 189); *Хохол* (Филатко Фомин Хохол – Кн. писц. УВ 1623–26: 192); *Шейка* (пол<ок> Ивашка Шеики – Кн. писц. УВ 1623–

1626: 221); *Шишмолка* (Фомка Шишмолка – Кн. крестопр. УВ 1645: л. 33) – ср.: *шишмолка* ‘шишка, волдырь, желвак’ (Даль IV, 637).

К числу антропонимов, характеризующих лицо в момент имя-творчества, относились имена – субстантивированные прилагательные в прямом значении: *Безвытной, Беспалой, Безрукой, Борзой, Высокой, Гремячей* – ср. *гремячий* ‘гремящий’, *гремливый* ‘шумный, громкий’ (Даль I, 392), *Дряхлой, Журливой* – ср. *журливый* ‘сварливый, бранчивый, брюзгливый’ (Даль I, 548), *Зяблой, Косой, Кривой, Лысой, Малой, Морсковатой* – ср. *морсковатый* ‘морщинистый’ (СлРЯ XI–XVII, IX, 268), *Несытой, Носатой, Озорной, Смирной, Старой, Сонной, Страшной, Сухой, Тонкой, Хромой* и др., а также в переносном значении: *Безсолой, Бычной, Деревянной, Дутой, Золотой, Кислой, Масляной, Мутной, Сорной, Теплой* и др., причастия (*Отнятой, Поротой, Резаной, Ростоптаной*) и др.

Наибольшей продуктивностью обладала модель образования некалендарных имен от экспрессивов со значением лица. Многие экспрессивные обозначения лица (апеллятивы) создавались способом аффиксации от основ глаголов (*ляпун, лыгало, волокита, дрокун, бахарь, верещага* и др.), от основ прилагательных (*удалец, рудак, лихач, русин* и др.) в прямых и переносных значениях, а также от основ существительных (*голован, глазан, лобач, ушак* и др.), что позволяет с некоторой степенью уверенности реконструировать исходные значения, опираясь на семантику глаголов, прилагательных, существительных: *Бормот* (м. дворовое Тренки Бормота – Кн. писц. УВ 1623–1626: 224), антропоним восходит к названию лица *бормот* по характерному для него действию *бормотать* ‘быстро, невнятно говорить’ (СРНГ III, 101); *Ерупа* (Федорко Ерупа – Кн. крестопр. УВ 1645: л. 32об.), возможно, восходит к обозначению человека от глагола, близкого по звучанию глаголам *еропить, ерепениться* ‘чваниться’, ‘взорить’ (Даль I, 521); *Жуля* (Ондрюшка Иванов Жуля – Кн. писц. УВ 1623–1626: 184); имя восходит к обозначению лица по характерному действию *жулить* ‘мошенничать, обманывать’ или *жулиться* ‘жаться, ежиться, морщиться’ (Даль I, 547); *Заяка* (Ондрюшка Заяка – Кн. крестопр. УВ 1645: л. 32) – ср.: *заякливый* ‘страдающий заиканием, косноязычный’ (СлРЯ XI–XVII, V, 342); *Ляпа* (куз<ница> Ивашка Яковлева Ляпы – Кн. писц. УВ 1623–1626: 222) – ср.: *ляпало* ‘болтливый человек’ (СВГ К–М, 64) – по характерному действию *ляпать*; а также *ляпа* ‘человек, который не может сам за себя постоять’ (СВГ К–М: 63); ‘широколицый человек’, ‘нерасторопный человек’ (СРНГ XVII, 278) – по сходству с *ляпой* ‘лепешкой’; *Морок* (сезжие избы подъячей Семен Моисеев, прозвище Морок – Кн. писц. УВ

1623–1626: 212) – ср.: «морок ‘шалун, баламут, повеса’, .пск., твер.» (Даль II, 348); *Недосека* (Сенка Недосѣка – Кн. крестопр. УВ 1645: л. 13об.), возможно, слово *недосека* имело значение ‘тупой, несообразительный человек’ – ср.: *недотыка, недотолкуй* в современных вологодских говорах (СВГ М–О, 91); *Шелудяк* (Ивашко Офонасьев Шелудяк – Кн. писц. УВ 1623–1626: 192); В. И. Даль фиксирует слово *шелудяк* с пометой «бранное» – ‘тот, на ком шелуди – сыпь по телу, струпья, короста’ (Даль IV, 628); *Шорох* (Кондрашко Прокофьев Шорох, рыбной прасол – Кн. писц. УВ 1623–1626: 179) – ср.: в архангельских говорах *шерохий* ‘рытый, неровный, негладкий, шершавый’, «*шерохое* лицо – шадровитое, рябое» (Даль IV, 629); *Щапок* (лав. Васки Щапка – Кн. писц. УВ 1623–1626: 218) – ср.: *щаптити* ‘шеголять’ (Срезн. III, 1607); *щап* ‘шеголь, франт’ (Даль IV, 1493) и многие другие.

Характеризующие имена рассмотренного типа могли отражать различные признаки внешности, особенностей речи, характера, поведения, обстоятельств жизни и т. д. Можно предположить, что некоторые из них могли быть даны только взрослому человеку (*Еруна, Жуля, Заяка*), большинство их отражало признаки, которые могли проявляться уже в младенчестве (*Бормот, Русинко, Рудачко, Бурко, Смирной, Морок, Шелудяк*), т. е. эти имена могли быть присвоены человеку в любом возрасте.

Переход антропонима от плана создания к плану функционирования связан с редукцией исходного доантропонимического значения языковой единицы. Однако наблюдения над старорусской антропонимией деловой сферы показывают, что так происходило далеко не всегда. Исходное значение, мотивировавшее связь антропонима с именуемым лицом, сохраняет свою актуальность для носителей языка, составителей документа в частности (ср.: м. дворовое государево казенное, *пропшл ево на кабацк* посацкои человек *Брага* Мосев в 2 рублех, а сам сбежал от долгу безвестно – Кн. писц. УВ 1623–1626: 191; *брага* ‘пьющий человек, пьяница’). Экспрессивный потенциал характеризующих имен в текстах делового назначения, не предполагавших личностных характеристик именуемого, обычно не реализовался.

Коннотация, сохраняемая многими некалендарными антропонимами, препятствовала их использованию в качестве средства социальной идентификации лица. В тех случаях, когда писцовый стандарт не предполагал их специального включения в именованное, они фиксировались не последовательно, а «мерцали», либо совсем не использовались для номинации лица.

Вторая группа включает имена, характеризующие лицо только в младенческом возрасте и по мере взросления человека теряющие способность к характеристике. Данные антропонимы занимают промежуточное положение между собственно характеризующими и условно характеризующими личными именами. Они могут быть разделены на следующие подгруппы:

1) имена, сочетающие характеризующую функцию с апотропейческой и отражающие свойства ребенка, которые доставляют *беспокойство, хлопоты* окружающим: *Безсонко, Досадка, Неупокойко, Немирко, Рюма, Кричко, Рычко, Брячко, Шумило, Ворошило, Шумко, Верецага, Розбуда, Завьялко, Замятня, Суета, Пинайко, Таскайко*; подобные имена могли отражать *молчаливость, неподвижность, незмоциональность* ребенка, также оцениваемые как отклонение от нормы: *Молчан, Смирной, Угрюм, Угрим, Суворко*;

2) имена, характеризующие лицо по времени рождения: *Вешнячко, Налетко, Полетайко, Подосенко, Зима, Мороз (Морозко), Половодко, Суботка, Постник (Посничко), Поминок, Поздей (Поздейко, Поздячко), Позняк (Познячко), Поспелко* и др.

Регулярная воспроизводимость и активность данных антропонимов на разных территориях Русского Севера позволяет считать, что имена данной группы в языке носили потенциальный характер и представляли собой повсеместно известный фонд личных имен, используемых при внеобрядовом имянаречении. Во многом этому способствовал условный характер оценки, выражаемой ими. Именно для данной группы антропонимов был характерен переход характеризующих имен в нехарактеризующие.

Третья группа объединяет имена, связанные с социальными характеристиками лица, и подразделяется на три подгруппы:

1) личные имена, отражавшие положение человека в семье, связанное с порядком рождения детей (*Первой, Второй, Третьей, Четвертой, Пятой, Шестой, Семой, Девятой*);

2) некалендарные антропонимы, характеризующие лицо по положению в семье; они были мотивированы именами родства, называющими детей по наличию / отсутствию других детей у родителей, с доминирующим семантическим признаком а) 'возраст': *Меньшик / Меньшичко, Малой / Малец / Малко / Малыга* – ср. *меньшик* 'младший по возрасту (о младшем сыне или брате)' (СлРЯ XI–XVII, IX, 89); *малый* 'молодой человек, парень, юноша' (там же: 23); *малыш* 'младший в семье или малорослый человек' (там же: 23); б) 'количество': *Одинец* – ср. *одинец* 'бессмейный, одинокий человек' (СлРЯ XI–XVII, XII, 279);

одинакий 1) 'один, единственный (о детях)', 2) 'один, без семьи и родственников, одинокий'; *одинакушка* 'единственный сын'; *одинец* 'единственный детеныш' (СРГК IV, 152 и др.); социальная значимость данных характеристик правового статуса члена семьи и отношения к наследованию способствовала тому, что они очень активно переходили в разряд имен собственных и так же активно фиксировались в документах; в Вологодском уезде по данным дозорной книги 1590 г. имя *Мениш* было одним из самых регулярно фиксируемых некалендарных имен (25 из 312 человек, названных некалендарным именем); имя *Одинец* встречалось редко; для многодетных крестьянских семей наличие только одного ребенка, скорее всего, было отклонением от нормы;

3) индивидуализирующие имена, характеризовавшие лицо по профессии или месту рождения (при смене места проживания); в использовании данных антропонимов в деловом тексте наблюдается обратный процесс – прозвище, сохраняемое за человеком при смене рода деятельности или места жительства, но уже не соответствующее его социальным характеристикам, а также образованные от них патронимы и фамилии оценивались писцами (особенно в документах, предполагавших указание подобных признаков лица) как характеризующие средства именования.

Прозвищные антропонимы, образованные от названий лиц по профессии, роду занятий, имели особую значимость для официального именования в документах массовой переписи населения. В ряде случаев, когда антропоним сохранял соответствие признакам лица, составители деловых текстов не отличали их от апеллятивных характеристик лица. Ср.: «дв. Агапитка Ларионова *Свѣшниковъ* <...> мѣсто дворовое Марчка Ларионова, *свѣшника жъ* <...> во дв. Агапитко Ларионовъ, *свѣшникъ*» (Кн. писц. УВ 1676–1683: 88–89); «во дв. Герасимко Лукинъ *Пролубниковъ, извощикъ* <...> м. Ярасимка *пролубника*» (Кн. писц. УВ 1676–1683: 89, 143); «Якунка Микулин, *оконнишникъ*» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 187), «на Якова *Оконнишниковъ* <...> Яковъ *Оконникъ*» (Челоб. УВ 1652; АХУ III, 262–263) и др. Г. Н. Старикова, исследовавшая названия промышленных людей, отмечает, что в XVII в. это явление было обычным для разных русских регионов (Тверь, Тула, Ростов, Ярославль, Воронеж и др.) (Старикова 1990: 12–13).

При изменении рода деятельности, места жительства и т. п. связь антропонима с референтом – именуемым лицом – становилась сугубо конвенциональной, сохранение имени за лицом приобретало условный характер. Эта условность могла подчеркиваться разными способами: включением в именование апеллятивных характеристик лица: «в.

Ивашко *Веретенник, торгует рыбою*» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 179); «в. Гришка Дементьев *Черепан, горшечник*» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 194); «*Спасской пономарь* Стенка Яковлевъ *Поль*» (Кн. пер. УВ 1677: 160).

Мотивировочный признак, лежащий в основе откатойконимических прозвищ ('место рождения'), отражал постоянную характеристику лица, которая не может быть утрачена или изменена по воле человека. Этим объясняется близость данных антропонимов к катойконимам-аппеллятивам в языке и при конкретно-референтном употреблении в речи. Эта близость во многом объясняет функционирование данной группы онимов в деловой речи XVI–XVII вв. Актуальность классификационного значения нарицательного имени определяет номинативную несамоостоятельность откатойконимических имен, их употребление в составе устойчивого антропонимического комплекса в сочетании с другим личным именем. Прозвищный характер данных компонентов именования способствовал тому, что в именовании включались другие средства идентификации лица по месту жительства, поскольку откатойконимическое прозвище не соответствовало действительному месту проживания лица. Ср.: «*устюжанинъ* Петрушка *Белозерець*» (Челоб. УВ 1632; АХУ III, 113); «*устюжанинъ* Гришка Афонасьевъ сынъ *Вологжанинъ*» (Челоб. УВ 1632; АХУ III, 124).

Этим обусловлено вхождение катойконимов и откатойконимических антропонимов в разные номинативные ряды. Наричательные катойконимы в именовании лица могли регулярно заменяться описательным топонимным определением. Ср.: «Се ꙗз Федор Михайлов снъ Корѣлянинъ кѹзнецъ *Глинског посаду*» (Купч. Холмог. 1607; Дерягин, 215); «Се ꙗз Федор Михайлов снъ Корѣленинъ кѹзнецъ *глинчанинъ*» (Купч. Холмог. 1611; Дерягин, 217).

Требуемая официальным именованием характеристика по месту жительства в ряде случаев способствовала разворачиванию откатойконимического прозвища в описательную конструкцию со словами *родом*, *урождением* и др., сообщавшую избыточную, не важную для документа информацию. Ср.: «*Из Перми из Великия* Аникей Андреев сынъ *уроженемъ Вычегожанинъ*» (Кн. вкл. Мих.-Арх. м. 1587–1617; Шляпин II, 162). «Се ꙗзь Иевъ Александровъ сынъ Новоселова, *родомъ Кичменчанинъ*, да съ своими дѣтьми съ Евпломъ, по прозвищу съ Первымъ, да съ Устиномъ, продали есмя... *деревню свою Тиунцово, в Сухонском стану, Соли Вычегодские уѣзда въ Заборской полусохѣ*» (Купч. Уст. у. 1596 г.; Шляпин I, 115). Тем самым подчеркивался прозвищный характер антропонима и то, что он не характеризует лицо по месту жительства.

Между нарицательными катойконимами и созданными на их базе антропонимами, фиксируемыми в памятниках деловой письменности, часто невозможно провести четкую границу, поскольку их использование носило непоследовательный характер, а разграничение не производилось составителями документов. Скорее всего, четкой границы, отделяющей проприальную лексику от апеллятивной, для старорусского писца не существовало. Регулярные попытки замены прозвища описательной конструкцией подтверждают это: «Се яз, Иван Якимов сын, города Архангельского посадской че(ловек пло)тник, да яз, Сийского монастыря крестьянин Микифор П...сын Резвых назвищом, да яз, Семен Онуфриев сын, *тотьмянин родом*, порядилися мы <...> На то послуши *Емецкого острогу бобыль* Осип Семенов сын *колмогор родом*, да Пахом Григорьев сын Михряков <...> Послух Оська Семенов *Колмогор* руку приложил» (Поряdn. Хаврог. 1670; Мильчик, 419–422).

Таким образом, рассматривая различные семантические функции календарных и некалендарных имен, следует отметить, что одни и те же (с формальной точки зрения) имена могли выполнять различные функции, отражать разные интенции имяназрения, поэтому классификация антропонимов только по этимологическому признаку не отражает функциональной дифференциации именника.

Способность к характеристике лица у разных имен была различной. Одни из них утрачивали способность к характеристике, другие сохраняли ее. В контексте деловой речи характеризующая функция некалендарных имен обычно не реализовалась, хотя следует отметить и исключения из этого правила, обусловленные значимостью тех или иных признаков лица, закрепленных индивидуальным именем, для информации, сообщаемой в тексте.

Для календарных и некоторых групп некалендарных личных имен свойственны общие функции, отражаемые при имяназрении, этим объясняется сближение данных типов антропонимов, их взаимодействие, конкуренция в именовании лица.

4.4. Модификаты личных имен в старорусском деловом тексте

Модификаты личных имен могут быть разделены на две группы: потенциальные, воплощаемые в процессе *номинации-словоупотребления*, и производимые по модели в процессе *номинации-словообразования*.

В работах, рассматривающих производные имена в русском языке, используются различные терминологические определения данных

образований, отражающие особенности их значения: «уменьшительно-ласкательные личные имена собственные»; «формы субъективной оценки» (Митрофанова 1958), «оценочные имена» (Полякова 1977; Закачичева 1977; Данилина 1986; Гвоздева 1987, и др.); «квалитативы» (Толкачев 1977: 76; Сидорова 1986); «деминутивы» (Карпенко 1980; Алабугина 1995); «деминутивные формы имени» (Королева 2000: 17); «полуимена» (Рубцова 1994) и др. Отсутствие единства в данном вопросе имеет свои объективные причины: модификаты личных имен в речи способны выполнять различные экспрессивные и эмотивные функции, выражать широкий спектр значений.

Словообразовательная модификация личных имен может носить как стилистический, так и экспрессивно-оценочный характер. В работах по словообразованию и стилистике современного русского языка, описывающих данную разновидность имен существительных, принято разграничивать явления деминутивно-оценочного словообразования и стилистической модификации слов (РГ-80; Виноградова 1984). Принципы разграничения субъективно-оценочных образований и стилистических модификатов в современном языке также нельзя считать однозначно определенными, и разграничение их часто носит далеко не бесспорный характер.

Коннотация оценочного или стилистического модификата может быть обусловлена коммуникативной целью говорящего. В этом случае она соотносится с субъективно-модальным планом высказывания. Обычно данный тип значений суффиксальных образований отражен в словарях русского языка пометами «уменьш.-ласкат.», «уменьш.-уничижит.» и др. Он отражает не свойства предмета, называемого словом, а субъективную эмоциональную оценку, определяемую коммуникативной установкой говорящего и коммуникативной нормой употребления языковых знаков в эмотивной и экспрессивной функциях ('я называю данный предмет словом, предназначенным для обозначения предметов, обладающих N-м признаком', поскольку 'я испытываю к данному предмету такие чувства, какие испытывают по отношению к предметам, обладающим N-м признаком' или 'я хочу, чтобы адресат речи относился к данному предмету, как обладающему N-м признаком'). Дефиниции «уничижительное», «ласкательное», «пренебрежительное», «презрительное» отражают прагматический аспект знаковой ситуации, указывают на коммуникативную функцию слова, его закрепленность за оценочными контекстами. Т. Ф. Ефремова в «Толковом словаре словообразовательных единиц русского языка» относит суффиксы субъективной оценки к формообразующим аффиксам, часто омонимичным

морфемам с другими частными словообразовательными значениями: «-ЕЦ³- (-ЕЦ/-Ц-). Регулярная и продуктивная формообразовательная единица, которая образует имена существительные мужского рода с *уменьшительно-ласкательным* или *уменьшительно-уничтожительным* значением, сопровождающимся *сильной экспрессией близости, сочувствия* или *издевки*, например, *братец, вопросец, изъязец, морозец, народец, сюжетец*» (Ефремова 1996: 143). Подобные толкования, перечисляющие различные экспрессивные «оттенки», свидетельствуют об общеоценочной функции таких суффиксов в современном языке.

Особенно сложным представляется этот вопрос применительно к историческому материалу, отраженному памятниками письменности. Стилистический аспект исторического словообразования не выступал предметом специального монографического изучения и отражен лишь отдельными наблюдениями в этой области, сделанными исследователями исторической стилистики (особенности языка отдельных типов актовой письменности, в частности челобитных) (Волков 1980), исторического словообразования (вопрос о характере оценочного значения суффиксов (Азарх 1984)) и исторической антропонимики (разграничение «нейтральных» и «экспрессивных» суффиксов личных имен (Мирославская 1971) и др.). Так, например, для старорусского языка свойственно использование моделей модификационного словообразования личных имен, часто имеющих «социальную окраску» и закрепленных только за официальным именованием в документе. Изучение функционирования модификатов личных имен в официально-деловой речи XVI–XVII вв. показывает, что «между социальной окраской имени собственного и экспрессивной окраской имени нарицательного с омонимичным формантом нет прямой и непосредственной зависимости» (Азарх 1981: 235).

Многие модификаты календарных имен имеют общеоценочное значение. Модификаты, которые закрепились в языке в качестве потенциальных имен, представляющих стилистически сниженные варианты официальных «полных» имен, часто не соотносятся с личностной (идущей от говорящего) оценкой. Их эмотивная и экспрессивная функция во многом определяется стилистическим контекстом и речевой ситуацией, которые могут использовать экспрессивный потенциал данных слов или, наоборот, нейтрализовать его. Поэтому разграничить экспрессивные и нейтральные суффиксальные имена как две отдельные, непересекающиеся группы слов, скорее всего, невозможно.

Вопрос о разграничении нейтральных и экспрессивно-оценочных суффиксов в антропонимии старорусской деловой письменности ста-

вился многими исследователями, но не был решен однозначно. Одна из наиболее обстоятельных работ по данному вопросу – статья А. Н. Мирославской (1971). Автор ее, говоря об экспрессивно-оценочной функции производных имен, отождествляет субъективную оценку, выражение сословной иерархии (социальную оценку) и уничижительность (прагматическую направленность оценки). С этих позиций экспрессивные «формообразовательные» суффиксы (-к-о/-к-а, -ец-ъ, -ик-ъ) противопоставлены словообразующим (нейтральным, не имеющим уничижительной окраски), к числу последних отнесены форманты -ак-ъ, -ук-ъ, -н-я и др. Фактически данная оппозиция представляет собой противопоставление суффиксов, оценочное значение которых сводится к выражению сословной иерархии (экспрессивные «уничижительные»), и суффиксов, не выражающих уничижительности («нейтральные»).

Разграничение словообразовательных суффиксов с классификационным значением и формообразовательных с экспрессивным значением, предложенное А. Н. Мирославской, вряд ли можно принять безоговорочно. Например, следует отметить случаи, когда «уничижительный» суффикс -к- выражает значение лица, особенно в сфере некалендарных имен (*Второй – Вторко, Пятой – Пятко, Смирной – Смирка, Пьяной – Пьянко, Приезжей – Приезжейко*), а «нейтральный» суффикс -ук-ъ используется для выражения сословной иерархии (*Васюк, Паршук* и др.).

Можно говорить и о выражении суффиксами модификатов деминутивных значений (значение невзрослости), но они также сопровождаются выражением социальной оценки лица. В этом случае обычно приходится сталкиваться с теми же общеоценочными суффиксами: «Взять дрвни Носовсково на *Никите* Моисееве и на брате ево *Е.ѡреме* дватцат с полугривном да по гозяинѣ моем бывшем *Клементие* и мнѣ тож племянник *Перфиреи* Родионовъ на нем двѣ гривны да на Родионове ж сынѣ на *Алексие* пят алтн и будет после меня *Родион* возметь племянницу свою к себѣ поить и кормить а мою дочь *Иришку* и ему *Родиону* з дочерью мои взать у мужа моего у *Ивана* Меркурьева корова» (Дух. Белоз. у. 1677; ДПВК, 10); «Июля въ КД де дрвни Погорѣлки *дѣвочка. Ириница* Семенова дочь сказала» (Судн. д. Череп. в. 1693; ДПВК, 18).

При определении деминутивных и экспрессивных значений, реализуемых общеоценочными суффиксами, следует учитывать *прагматический контекст* слова, который во многом определяется типом документа, его назначением, ролевыми установками автора и характером

адресата. По выводам, сделанным Ю. С. Азарх относительно отдельных суффиксов, «в старорусский период уничижительное значение субъективно-оценочных слов с формантами *-иш(е)к-*, *-он(о)к-*, *-ен(е)ц-* обусловлено употреблением их в челобитных и частных письмах-просьбах. Субъективно-оценочные образования являются неременной принадлежностью челобитных, особенно их начала и конца <...> В деловых документах другого содержания – меновых, разъезжих, духовных и прочих грамотах – образования с суффиксами *-иш(е)к-*, *-он(о)к-*, *-ен(е)ц-* не имеют ярко выраженной экспрессивной окраски. В контексте они могут выступать и как уменьшительные образования без оттенка уничижительности, и даже как дублиеты производящих слов» (Азарх 1984: 68–69).

Тип документа характеризуется в первую очередь его назначением и адресованностью. Для старорусской учетной документации (описаний имущества, приходо-расходных и таможенных книг) характерна не субъективированная эмотивная оценка, а прежде всего утилитарная оценка, при этом оценке подвергается не лицо, а его имущество, товар. Поэтому слова с оценочными суффиксами используются не для выражения эмоционального (ласкательного, уничижительного) отношения автора – составителя документа – к предмету описания, а для оценки качества, состояния, размера и т. д. предмета: «Двѣ *попонишка* лошадиных пестрых, *ветхих*, да *веревченко сѣнвязное*, *ветхое*. (Кн. прих.-расх. Карел. с. Арх. Он. 1693 г. – Сл. РЯ XI–XVII. II, 84); «У Василья Иванова с товарищи куплено *избенко* да *гумнишко ветхия* на уголье к каменному делу.» (Кн. прих.-расх. мон. казн. Арх. Он. 1665 г. – Сл. РЯ XI–XVII, IV, 158). Утилитарность оценки в ряде случаев подчеркивается при помощи экспрессивного согласования с прилагательными, характеризующими качество предмета.

В большинстве рассматриваемых документов финансово-учетного характера использование модификаторов личных имен также не отражало оценочного отношения составителя документа к называемым лицам, а характеризовало равноправие / неравноправие социально-ролевых статусов именуемых. Например, в таможенных книгах записи торговых пошлин при помощи личных имен подчеркивается равенство для таможенной службы купцов и покупателей разных сословий – крестьян, посадских ремесленников, «людей торговой сотни», именитых людей и т. д.: «Даниловец *Аникей* Иванов явил <...> Вологжанин из Владычни слободы *Деметей* Завьялов явил» (Кн. там. Вол. 1634–1635: 119) и т. п. Однако в расходных книгах таможи отражено другое распределение социальных ролей (целовальники, работодатели – подчиненные, работники). Это отражается и в антропонимии: «Марта в 10 день таможенной

целовальник *Афонасей* Лепихин з Бобровского яму приехал к Устюгу. Извощику з Дымкова *Якушку* Васильеву за подвод плачено 3 ал. 2 д.»; «От той работы плотником *Карпушке* Миниеву Чебыкину да *Ивашку* Семенову Муромцову с товарищи плачено 2 р.» (Кн. расх. там. УВ 1676–1677; ТКМГ III, 120, 123).

Субъективную оценку, выражаемую модификатами личных имен, не следует понимать только как личностную, определяемую отношением говорящего к предмету речи. По словам Е. М. Вольф, субъект оценки – это вид субъекта, отличающийся и от субъекта высказывания, и от субъекта речи. Им может быть как один из актантов, так и автор текста. Оценка может выражаться от имени одного определенного лица (личностная) и от «общего мнения», истинная в реальном мире и не имеющая определенного субъекта (Вольф 2002: 69).

На наш взгляд, и в антропонимии текстов деловой письменности чаще всего выражалась не частная (личностная), а общая социальная оценка, субъектом которой выступает общество, сословие, государственная власть, а выразителем данной «общей» точки зрения – писец. Писец не преследовал цели унижить именуемых или выразить свое пренебрежительное отношение к ним. Интенциональность именования была принципиально иной. Модификаты выражали не субъектную, а общую социальную оценку, характеризовали лицо по социальному статусу, но в отличие от апеллятивных средств характеристики лица данного статуса не называли.

Эмоционально-экспрессивные значения не были строго закреплены за теми или иными суффиксами, они определялись субъектной организацией текста. В зависимости от прагматических установок составитель текста мог актуализировать экспрессивно-оценочный потенциал суффикса, или наоборот, нейтрализовать его.

Нейтрализация экспрессивных значений модификатов наблюдается, например, в монастырской деловой письменности. Окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1598 г. (ВХК I) включают именованья 447 крестьян, из них немодифицированными календарными именами (*Дмитрей, Тимофей, Овдоким, Панфил, Малах, Марко* и др.) названо 211 человек (47,2%); 139 именованний (31%) используют модификаты (*Ивашко, Васька, Филька* и др.), среди которых 45 имен (10%) без суффикса -к- (*Проня, Фаля, Гриша, Костя, Селя, Якуня, Гуриша, Купря* и др.). По всей видимости, составитель документа воспроизводит именованья, употребительные в быту, и в то же время в какой-то мере ориентируется на писцовые источники составления окладных книг. Это явление находит отражение и в записи некалендарных имен, из которых 57 (12,8%) не модифицировано при помощи суффиксов (*Богдан, Первой,*

Третьяк, Истома, Невежа, Нечай, Меншик, Завьял и др.) и 40 (9%) модифицировано (Богданко, Первуня, Тренка, Истомка, Завьялко, Меншичко и др.). Очевидно, что для данного документа выражение оценки лица при помощи личного имени не актуально, поэтому перечисленные средства утрачивали (нейтрализовали) оценочность.

В писцовых книгах, наоборот, использование модификатов преследовало цель оценки социального статуса именуемого, для этого употреблялись стандартные модификаты, закрепленные приказным языком для выполнения данной функции. Сравним (табл. 1) некоторые именованья одних и тех же лиц в хлебном оброчнике Кирилло-Белозерского монастыря 1618 г. (монастырский учетный документ) и дозорной книге 1618 г. (документ общегосударственной переписи, проводимой московскими приказами), которые приведены в публикации З. В. Дмитриевой (2003: 274–277).

Таблица 1. Использование модифицированных и немодифицированных имен в хлебном оброчнике Кирилло-Белозерского монастыря и дозорной книге 1618 г.

Хлебный оброчник Кирилло-Белозерского монастыря 1618 г.	Дозорная книга 1618 г.
Дер. Погорелое	
<i>Иван</i> Лукин с братом; <i>Карп</i> Григорьев	Во дворе бобыль <i>Ивашко</i> Лукьянов; Двор пуст <i>Карпуньки</i> Григорьева, сшел безвестно в нынешнем во 126-м году от податей
Дер. Богатырево	
<i>Завьял</i> Дементьев сын Басин; <i>Иван</i> Хамтала да Васка	Во дворе <i>Завьялко</i> Басин; Во дворе бобыль <i>Ивашко</i> Дмитриев
Дер. Шидьяр	
<i>Иван</i> Серков, Федот Леонтьев, Бо- гдашко Русинов, <i>Онкудин</i> , <i>Олексий</i> , <i>Федор</i> Иванов, <i>Ондрей</i>	4 двора пусты: <i>Ивана</i> Серкова, <i>Онку- динка</i> Ефимова, <i>Фетьки</i> Корелянина, <i>Олешки</i> Фомина, побили казаки
Дер. Тишино	
<i>Василий</i> Овчинников; <i>Матфей</i> Иванов сын Клементников	Пуста, а в ней два двора пусты <i>Васки</i> <i>Федорова</i> да <i>Матюшки</i> Клементиева, обнищали, скитаютца в миру
Дер. Кривошеино	
<i>Осип</i> Павликов	Двор пуст <i>Оски</i> Павлова, убили литов- ские люди во 125-м году
Дер. Боровое	
<i>Третьяк</i> Воронин; <i>Микифор</i> Иванов	Пуста, а в ней два двора пусты <i>Треньки</i> <i>Осипова</i> да <i>Микифорка</i> Иванова, ссек- ли литовские люди во 125-м году

Сопоставление говорит о характерной черте дозорных и писцовых книг – «подравнивании» именования под стандартную формулу, замене личного имени его более корректным для документа вариантом, и фактически создании нового актуального именования лица.

В частноделовых актах на приобретение, передачу или аренду имущества (купчие, порядные, оброчные и другие записи), имевших строгий юридический характер, общей закономерностью стало использование немодифицированных («полных») имен для называния субъектов правовых отношений, а также поручителей и свидетелей («послухов»): «Се яз, *Сергей*, да яз, *Иван*, да яз, *Юрье*, Калинины дети Офутина, да яз, *Никита* Ондреев сын Офутина ж, порядилися есмя <...> А на то послуси: *Игнатией* Иванов сын Каргополец да *Иван* Ондреев сын Ярцов Волочанин да *Истома* Иванов сын Вальнев Емчанин» (Порядн. А.-Сийск. м. 1589; Образцов, 106). Как отмечал А. И. Копанев, изучавший дипломатику поземельных актов, «полной именной формой подчеркивались значение акта, равенство прав сторон, совершающих сделку, и уважение человеческого достоинства, бытовавшее в крестьянской среде» (Копанев 1974: 147).

Составитель документа, следуя деловому этикету, как правило, подписывается «уничижительным» модификатом: «А порядную запись писал *Петруша* Гаврилов сын Новгородец» (Порядн. А.-Сийск. м. 1589; Образцов, 107). В подписях под документом могли воспроизводиться разные имена: «*Сергей* руку приложил. К сей порядной *Иван* Калинин руку приложил. В послусах *Игнаша* руку приложил. В послусах *Иваи* руку приложил. В послусах *Истомка* руку приложил» (там же).

Указанная особенность именования при составлении порядных и оброчных записей достаточно последовательно характеризует данные типы документов. Исключения единичны. Они обусловлены контаминацией порядной с другими типами частноделовых актов, в частности с челобитными. Примером тому могут служить две записи из опубликованных Г. Н. Образцовым 90 текстов XVII в., составленных на Сии: «Се яз, *Емелька* Тархов Сийской волости, взял есмь» (Оброчн. А.-Сийск м. 1644; Образцов, 122); «Се яз, *Фомка* Тимофеев сын Кыркалов мезенец Кузнецовы слоботки, дал есми запись» (Порядн. А.-Сийск м. 1664; Образцов, 136). Отступления от норм составления порядных и оброчных записей в данных текстах проявляются не только в именвании лица, но и в формуляре. В первом тексте отсутствует указание «послухов», вместо него вводится формула: «В том я, *Омелька* <...> и запись дал». Вместо рукоприкладств, на обороте дается отметка о «подаче» документа (как в челобитных): «Подал стряпчей Михей Рюмин. Взять к судному».

Во втором тексте обращает на себя внимание смешение формул в конечном протоколе документа и рукоприкладстве: «*Запись писал по Фомину вельню Ивашко Леонтьев Пегановых <...> К сей порядной записи фомка Кыркалов руку приложил*». Ср. с типичным: «*Порядную писал на Колмогорах монастырской дьячек Степанко Саблуков <...> К сей порядной записи вместо порядчика Игнатъя Клементева по ево вельню Богдашко Зотиков руку приложил*» (Порядн. А.-Сийск м. 1662; Образцов, 134). Вероятно, указанные нарушения формуляра были связаны с отсутствием навыков составления документов данного типа у лиц, их писавших.

Выражение субъектных точек зрения было свойственно субъективированным (челобитные) и субъективированно-объективированным (расспросные речи, следственные дела) текстам.

Начальный протокол челобитных включал несколько формул, среди них формула адресата, адресанта и объекта челобитья. Адресатом челобитья чаще всего становился царь, но в этой роли мог выступать и митрополит или другое лицо, принадлежащее высшей иерархии церкви, что отличает челобитные монастырских или митрополичьих крестьян.

Именованье челобитчика (формула адресанта) стояло после формулы челобитья (*бьет челом, бьет челом и являет* и другие). Формула адресанта помимо модели именования включает «формулу вассальной подчиненности»: «Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьютъ челомъ и являютъ *сироты твои государевы...*» (Челоб. 1636; АХУ III, 185) – наиболее общий тип; «Бьеть челомъ и являетъ *холопъ твой*» (Челоб. 1664; АХУ III, 326) – государственное должностное лицо; «Бьютъ челомъ и являютъ *нищие государевы твои богомолцы*» (Челоб. 1628; АХУ III, 55) – духовные лица и др. Выражению «вассальной подчиненности» служат и уничижительные качественные формы, в том числе модификаты личных имен: «Устюжеского уѣзда Бобровского яму *охотничиска* судецькой приказшикъ *Мартышко* Яковлевъ Кулаковъ съ товарищи» (Челоб. 1636; АХУ III, 185); «Устюга Великого Архангелского монастыря *половничиска, Кирилко* Григорьевъ сынъ, Вологжанинъ» (Челоб. 1626; АХУ III, 6.); «устюжана *вдовка Аксеньица* Иванова дочь, а Невзоровская *женишко, съ сынишко*мъ своимъ съ *Максимкомъ* Невзоровымъ» (Челоб. 1634; АХУ III, 163).

По мнению Б. А. Успенского, в формуле «адресат–адресант» в челобитных противопоставлены разные точки зрения, «причем имя получателя сообщения дано с точки зрения его отправителя, а имя отправителя сообщения дано, напротив, с точки зрения получателя» (Успенский 1995: 36–37). На субъектную отнесенность точек зрения указывает

использование местоимения *твой* (*твой холоп, сироты твои государевы*). Причем разница точек зрения объясняется не столько социальным статусом именуемого, сколько этикетным распределением ролей в челобитной, характерным для эпистолярных текстов: «проситель» – «лицо, к которому обращаются с просьбой» – «обидчик» – «свидетели (послухи)» – «писец». В челобитных Устюга Великого уничижительные формы в формуле адресанта нередко отсутствуют, что, видимо, характеризует именно устюжские челобитные, отражает особое отношение жителя Великого Устюга XVII в. к верховной власти: «Устюжанинь Иванъ Емельяновъ сынъ Ходутинъ» (Челоб. 1627; АХУ III, 52); «Устюжеского уѣзда Шелские волости крестьянинъ *Михаило* Юрьевъ сынъ Русиновского» (Челоб. 1628; АХУ III, 54). Возможно, подобные случаи обусловлены влиянием других типов частноделовых актов (порядных, купчих и т. д.). Ср.: «Се азъ *Гаврило* да *Дмитрей* Михневы дѣти Старковскихъ Быкокурского стану, Нижново конца крестьяня, поредились...» (Порядн. Уст. у. 1662; АХУ I, 367).

В отличие от челобитчика образ лица – объекта челобитья в некоторых случаях гиперболизирован. Лицо именуется полным личным именем или наделяется особыми характеристиками: «на Устюжанина на *силново* *человѣка* на *грабетчика* на *Кондратья* Прокопьева сына Каренгина, прозвищемъ на *Шероха*» (Челоб. 1631; АХУ III, 100); «А *извѣщаю*, государь, на *накупного* *челобитчика* на Устюжанина на *Федора* Толоконцова да на жену ево *Анну* Иванову дочь» (Челоб. 1665; АХУ III, 331) и др. Использование полных личных имен и их модификатов в первой и второй позициях не зависело от сословной принадлежности лица. Ср.: «бъеть челомъ и являеть холопъ твой *гостиной сотни* *Левка* Степановъ сынъ Подошевиновъ Устюжескова уезда Орловские волости Заозерские деревни на *крестьянъ* на *Федора* да на *Василья* да на *Максима* Максимовыхъ детей *Шадрикова*» (Челоб. 1637; АХУ III, 204). Отступления от данного правила, видимо, связаны с влиянием устойчивых разговорных именований, часто включающих некалендарные имена: «тое же Пермогорские волости на *поклептиковъ* и *заговорищниковъ* и *ложныхъ* *челобитчиковъ* на *Пьянка* Григорьева сына Ушакова, на *Ивана* Капатеринина, на *Согру* Григорьева да на *Томила* Тимофѣева сына Маркова» (Челоб. 1637; АХУ III, 202); «на *Романа* Бобарыкина и на его *человѣка* *Нехорошѣка* Селиверстова» (Челоб. 1627; АХУ III, 40); «тои жъ Стреленские волости на *Зиповья* Петрова з братьею, на *Нечая* Денисова з детми, на *Павла* да на *Плошка* Михайловыхъ детей да на подворника *Нечаева* на *Ивашка* прозвищемъ на *Волка*» (Челоб. 1632; АХУ III, 121).

От именовании в начальной части документа отличались именовании в основной казусно-просительной части челобитья. Как правило, это повторные именовании, а также указания на свидетелей или участников описываемых событий. При повторном упоминании лиц, названных в начальном протоколе документа сохраняется коннотативная окраска именовании: «и послѣ сроку *тотъ Иванъ* Кокоринъ денегъ по кабалѣ *мнѣ Ивашку* Толстоухову не заплатилъ» (АХУ III, 166); «и *тотъ* попъ *Митрофанъ* съ сыномъ своимъ *Степаномъ* *мнѣ Тренке* и женишкѣ моему *Устиньиче* убойцы и на животишко мое грабетчики, и тати, и подметчики и поклепъщики, и ябедники, и всякими недобрыми лихими дѣлы дѣльщики по своей ихъ похвалѣ» (АХУ III, 166). Для других именовании характерна нейтральность; модели, по которым они образуются, достаточно свободны, и, вероятнее всего, в их основе лежат бытовые, разговорные именовании лица: «была кабала на *Матюгу Сверчкова...*» (Челоб. 1626; АХУ III, 5.); «пили у половника ихъ у *Панка Лукошеника* брацкое пиво <...> былъ въ деревне Хомяковщине у *Ляхтиона Хомякова* з братьею» (Челоб. 1632; АХУ III, 131–132); «и того моего целовалника *Стефанка Хохрякова* въ тюрьму посадилъ» (Челоб. 1632; АХУ III, 107).

Вне основного формуляра челобитной именовании встречаются в служебных отметках, записях на обороте, различных приписках составителя документа: «подалъ явку *Якимъ Тимофеевъ сынъ Усовъ*» (Челоб. 1631; АХУ III, 103), «подалъ сию явку *Устюжанинъ посадкой чело-вѣкъ Богданъ Микифоровъ сынъ Прянишниковъ*, записалъ записку съ *ѣзжие избы подъячей Семень Протопоповъ*» (Челоб. 1666; АХУ III, 336); «къ сему извѣсту *Ивановские волости земской дьячокъ Митка Верещагинъ* руку приложилъ» (Челоб. 1677; АХУ III, 344); «...и не ходя на суд я *Жданко* принял челобитье с *Ысаком* помирился <...> Подписал на челобитной *Жданко Тентюков* своею рукою» (Челоб. 1613; Архив ВГИАХМЗ. Ф. 4. Оп. 1. № 19, оборот).

Таким образом, в челобитной употребляются разные типы именовании, использование которых обусловлено структурой и назначением документа. Характерная черта именовании – яркая субъективная оценочность, выражаемая как словообразовательными, так и лексическими апеллятивными средствами. Субъектная отнесенность оценки в целом подчинена субъектной организации текста. В именовании лиц в челобитных отражена предполагаемая точка зрения адресата (царя, митрополита, власти в целом): милостивое отеческое отношение к обиженному, отсюда обилие в именовании слов с уменьшительными и уничижительными суффиксами, и строгое, взыскательное отношение к

обидчику, отсюда пейоративность именования, гиперболизация признаков лица. Составитель текста предлагал адресату принять не только само челобитье, но и выраженные в нем оценки. При этом номинации в формуле «адресата–адресанта» условны, искусственны. Скорее всего, они не употреблялись в повседневной бытовой речи, а их использование целиком определялось особенностями жанра. В противоположность им именования свидетелей стилистически нейтральны, представляют собой обычные повседневные именования, не несущие подобных коннотаций и подчеркивающие объективность описываемых событий.

В царских грамотах и судебных делах по рассмотрению челобитья точка зрения меняется – и челобитчик, и его обидчик оцениваются одинаково: «Бил нам челом Устюга Великого посадский человек *Алешка* Босово на устюжанина же на посадского человека на *Калинку* Пыхова...» (Царская грамота 1625 г.; АПД I, 307); «в Яхренской волостѣ земскому судѣ Федору Костентинову съ товарищи билъ челомъ о запискѣ Троецкого монастыря, что на Гледенѣ, вклатчикъ *Богданъ* Афонасьевъ сынъ, а въ челобитѣ сказалъ на *Михайла* Яковлева сына Ногаева...» (Список с записки по явке земскому судье... 1641 г.; АХУ I, 218).

В разнообразных судебных и писцовых делах, рассматривающих содержание документов, относящихся к следствию по делу, и расспросных речей (устных показаний, записанных в ходе дознания), последовательно отражается смена точек зрения, выражаемая при помощи модификатов личных имен. Например, в челобитной, включенной в судебное дело о краже жемчуга, составленное в Спасо-Прилуцком монастыре в 1676 г., наблюдается характерное для данного жанра противопоставление вариантов имен: «бьет челом Спасов і ваш государей своих крылоскои дьячек *Івашко* Семенов на Спасова же і вашего государи бобылка а на николского трапезника на *Егора* Прокофьева в том что приходила доч ево *Палагѣя* в домишко наше і в ту пору женишко мое *Парасковица* жемчюгъ низала на ожерелье» (Судн. д. Сп.-Прил. м. 1676; Щукин IV: 31).

В записи расспросных речей обе стороны именуются одинаково, при помощи немодифицированных имен, за исключением подозреваемой дочери ответчика, называемой при помощи модификата, который, вероятно, не только выражает субъективную оценку, а может рассматриваться и как указание на социально-возрастной статус незамужней девицы: «РПД (184) июня въ 31 (17) день Всемиловитаго Спаса Прилуцкого монастыря по приказу государей властей архимандрита Исаиі и келаря старца Кипреяна з братьею допрашивал приказшикъ Костентин

Аврамьевъ монастырьскаго бобылка николскаго трапезника *Егора Прокофьева* против челобитья крыласкаго дьячка *Ивана Семенова*: дочь ево *Егорова дѣвка Палагица* в дом к Ивану попу к женѣ ево *Иванове Парасковье* приходила ли, а у жены ево *Парасковѣ* жемчугу посмотриѣт имала ли, какъ она низала ожерелье. І в допросе николской трапезникъ *Егор Прокофьевъ* сказал: дочь ево *дѣвка Палагица* в дом к Ивану попу к зят(я) ево *Ивана Семенова* женѣ к *Парасковье* ходила а жемчугу у нее никакого не имывала» (Судн. д. Сп.-Прил. м. 1676; Шукин IV, 31); «*Дѣвку Палагицу* Егорову доч допрашивал, а в допросе своем сказала: ходила де яз к попу Ивану в домъ работат всякие работы і никакого де дурна у них в дому не учинила, а у Ивановы жены *Парасковыі* посмотриѣт жемчугу не имывала» (Судн. дело Сп.-Прил. м. 1676; Шукин IV, 32).

Игра точками зрения определяла и игру модификатами и немодифицированными именами в данных документах: «Воскресенскаго Череповскаго мнтра архимандрить *Гуриі* з братиею допрашивал дрвни *Малаты* крестьянина *Ивашка Дѣмитриева* по челобитью дрвни *Милятина Ивашка Якимова* звал ли де ты *Ивашка Якимова* къ себе в дом на пир і внѣ *Ивашко Дѣмитреев* в допросе сказал я де ево *Ивашка Якимова* к себѣ в дом на пир звал и з дѣтьми своїми і внѣ *Иванъ Якимов* ко мнѣ в домъ на пир приехал з двумя сыновьями да с снохою и я ево *Ивана Якимова* потчивал пивом хлѣбомъ і солю» (Допр. р. Череп. в. 1691; ДПВК, 16). Составитель документа использует модификаты с целью социальной характеристики лиц, а допрашиваемый крестьянин переходит к именованию немодифицированным именем, подчеркивающим нейтральное, непредвзятое отношение к называемому лицу.

Использование модификатов в следственных делах могло быть обусловлено разными причинами: во-первых, цитацией именований в челобитной и перенесением их в текст сказки по делу: «бьет челом <...> *Глубоковскаго ключа Ильинскаго приходу деревни Чюглака монастырскаго* и ваш крестьянинец *Ивашко Павлов*. Жалоба мнѣ сиротѣ на сосѣда своего на *Ярофея Емельянова*» – «РЧС-го (196 г.) ноября В (2) день против исковои челобитной деревни Чюглака *Ивашка Павлова* перед прикащиком Степаном Давыдовым отвѣтчикъ *Ярофеи Емельянов* отвѣчалъ» (Судн. д. Сп.-Прил. м. 1688; Шукин IV, 32); во-вторых, изменением отношения к лицу, обусловленным сменой ролей истца и ответчика. После двух челобитных *Ярофея Емельянова*, включенных в дело (в первой истец именуется себя «*Герафей Емельянов*», а во второй – «*Ярафейко Емельянов*»), приводятся приговоры монастырских властей по рассматриваемому делу. В первом из них говорится: «исцу *Ивашку*

Павлову с отвѣтчика съ *Ярка* Емельянова безщестия рубль да убытков две гривны доправлены» (Судн. д. Сп.-Прил. м. 1688; Шукин IV, 35), стандартное официальное *Ярофейко* в приговоре заменяется на менее стандартное, а потому более экспрессивное *Ярко*. В приговоре после второй челобитной, в которой Ярофей Емельянов выражал свое несогласие с решением суда, челобитчик именуется третьим модификатом: «приговорили по первому судному дѣлу иса *Івашка* Павлова оправит, а отвѣтчика *Ярунку* обвинить <...> И впредь тѣм капустником указали владѣть *Ярунке* Омельянову» (Судн. д. Сп.-Прил. м. 1688; Шукин IV, 35–36).

Несмотря на допустимость выражения субъективной оценки при помощи модификатов личных имен, в расспросных речах судебные делопроизводители отдавали предпочтение немодифицированным именам, используемым с целью объективации изложения: «и истец *Ярофеи* слалсе тое ж деревни Чюглака на сосѣдеи своих на старожелцов на *Елесья* Григорьева на *Юда* Федотова да на ильинского священника на *Дмитрея* Іларионова да на *Сидора* Іванова деревни Верхново. И *Ярофеи* *Івана* назвал чмутником и ересником: толко де ты в мирѣ сочмутит и ересничат» (Судн. дело Сп. -Прил. м. 1688; Шукин IV, 330).

Свою антропонимическую специфику имели *приходные* («*приемные*») и *расходные* («*издержечные*») книги земских волостных учреждений. Издержечные книги включали достаточно разнообразные записи, отражающие широкий круг дел и обязанностей целовальников и других должностных лиц волостных учреждений. Тексты отражают функционирование однокомпонентных и двухкомпонентных антропонимических формул, существенно отличающих книги «издержки мирских денег» 60–70-х годов XVII в. от писцовых актов того времени.

Наибольший интерес представляют именованя приставов и стрельцов, активно использовавшие модификаты календарных имен и некалендарные антропонимы, выделяющие их в ряду именованй других лиц: «Был пристав *Івашка* Белоусов пристав *Офонка* Подчеура с подьячим с *Федором* Переваловым. Вина и пива выпоил приставу на *Валтынѣ*» (Кн. издерж. Белослуд. 1677: л. 579); «Приходил приставъ *Івашка* *Непряха* с товарищи»; «Приходил приставъ *Васка* Мужичина с наказною памятью»; «Приходил пристав *Кириша* *Всемирной* *Зять* з доправною памятью» (Кн. издерж. Митроп. 1674–1675: л. 124, 129об., 132) и др. Нередко приставы в издержечных книгах могли быть названы только по имени: «Декабря въ де повещал пристав *Сенка* с празнишным рожественным, хоженного дано имъ пят алтынѣ» (Кн. издерж. Митроп. 1674–1675: л. 125); «того ж дни имали приставы *Непряха* с товарищи в

земскую избу, хоженного дано имъ три алтына» (там же: л. 125); «имали приставы *Кузя* с товарищи по воивоцкому приказу в посошных денгах» (там же: л. 127).

Разные принципы именования лиц антропонимическими средствами в издержечных книгах земских целовальников, отражающие идеологическую точку зрения должностного лица, делают данный источник особо интересным для исследования старорусской антропоники в функциональном аспекте.

В именовании лиц в издержечных книгах земских целовальников и мирских старост проявляется ролевой характер социальной оценки. Модификаты в них маркируют, как правило, определенную группу лиц – приставов, стрельцов и других лиц, исполнявших поручения и получавших плату: «Сентября въ ді де приходил пристав *Никиша* Хромон о бѣглых солдатех *Агѣива* полку *Шепелева* <...> Сентября въ де приходил приставъ *Васка* Плесовской <...> Приходил пристав *Ивашка* Непряха с товарищи <...> повещали приставы *Коземка* Поникаровской с товарищи с посыпным хлѣбом <...> приходили приставы с наказною памятью *Алешка* Заполской *Митка* Югов *Патрушка* Некипѣловъ да московской плотник *Матюшка* Фоминъ для бѣглых плотников и токареи <...> Февраля въ Е де приходил пристав *Сенька* с правежем <...> приходил пристав *Мишка* Парнеков <...> имал денщикъ *Якуня* Свининъ к воиводе на двор» (Кн. издерж. Митроп. 1674–1676: л. 121 об, 123, 124, 128 об., 129–130, 132 об.); «Шел пристав *Ивашко* Ончюков с низу из Кругу дал ему хоженowo с Камчюги до посаду і де. *Гришке* Кускову дал хоженowo Д до посаду и де шел он из Кругу ходил для судей и целовальников. Шел пристав *Максимко* Бабушкин в Демьяново от писцов для гсдрва дѣла дал ему ѣзды в ал в де» (Кн. издерж. Тот. у. 1666–1667: л. 210 об.); «Октября въ де шел пристав из Устюжских влстеи *Ивашко* Баи за проводника взял С де дал ѣму *Петрушки* Феоктистова. Итог В де <...> Замѣна Матвѣя Феоктистова ѣли хлѣба приставы *Овдюшка* Ершев да *Гашко* Пестерев. Итог В ал» (Кн. издерж. Толш. 1673–1674: л. 456 об., 458) и др.

В отличие от номинаций подчиненных лиц именования подьячих, старост, крестьян и других «мирских людей» используют только немодифицированные имена. Ср.: «Того ж дни ходил староста *Иван* Туровъ да *Иван* Сыровацкой *Прокопей* Трифанов <...> от записи дано подьячему *Ивану* Пикалеву алтын <...> Ходили староста *Иван* Григорьевъ да *Гаврило* Бекрешев с товарищи к подьячему *Аѳонасью* Друшкову» (Кн. издерж. Митроп. 1674–1676: л. 123–123 об., 132); «Октября въ КЕ де дано ѣзду на сходѣ на Широково *Кузке* Ширшову да *Сенке* Кожину

·К· алтнѣ. Приговорили мирские люди у Ивана Предотечи на сходѣ *Ивань Болото* *Вситъ* Павлов *Василей* Панфиловъ *Ивань* Дмитриев *Мелентей* Григорьевъ *Костентинъ* Чюдиновъ) (Кн. издерж. Толш. 1673–1674: л. 433); «Ходил к подьячему к *Омельяну* Олексиевичу <...> ходил со мною *Ермола* Кротов. В то ж время приходил пристав *Степко* Кусков для пустых повытеи от писцов <...> Шел пристав *Ивашко* Долговской для стрелецких денег <...> были тут мирские люди *Афанасей* Белоусов *Калина* Фоминской *Яков* Обанин <...> Приѣздил пристав *Якушко* Кашников из Демьянова для стрелецких денег и ѣзду ему дали до Рамениа ·Е· алтынѣ. Были тут *Остафей* Исаков *Иван* Дмитрев *Павел* Семенов *Ларион* Никоновъ) (Кн. издерж. Тот. у. 1666–1667: л. 213об.–214, 217, 229об.) и др.

Однако издержечные книги не имели единого стандарта составления, их формулы обладали вариативностью, зависели от сложившихся местных традиций письменности и нередко отражали индивидуальную речевую манеру того или иного делопроизводителя, поэтому использование модификатов личных имен в них также не было единообразным. Ролевая социальная оценка не была постоянной даже в пределах одного текста: «·РПЕ· году ноября въ ·31· де платил земской целовалникъ *Тимошка* Савин Агаѣоновых Соли Вычегодцкми съѣзжие избы подьячему *Аникию* Калистратову данных и оброчных денег на нѣкшеи на ·РПЕ· год в уплату пятьдесят рублей да отвоз на тѣ денги платил по семи денег с рубля. Итого рубль двацет пят алтын. Декабря въ а де платил целовалникъ *Тимоѣфи* Савин Агаѣоновых съезжие избы подьячему *Аникию* Калистратову данных и оброчных денег на толи же на ·РПЕ· год в уплату тритцат пят рублей, да отвозу на тѣ денги платил по семи денег с рубля. Итого рубль семь алтын ·Г· де» (Кн. издерж. СВ 1677: л. 796–796об.).

Таким образом, характер использования модификатов личных имен в документах определялся типом оценки лица – личностной или «общей». Одни и те же имена в зависимости от установок производителя речи могли характеризовать лицо по социальному положению или возрасту, выполнять экспрессивную или этикетную функцию, выражать или не выражать субъективное отношение автора текста к именуемому. Это говорит о том, что модификаты личных имен в старорусском языке обладали широким спектром прагматических характеристик, проявляющихся в контексте, поскольку документы отражали разные сценарии социальных отношений, разное распределение социальных ролей, в которых выступали именуемые.

Создание и употребление модификатов личных имен отражает взаимодействие разных точек зрения. Точка зрения человека, употребляющего антропоним, может не совпадать с точкой зрения номинатора (человека, создающего антропоним) и не зависеть от нее.

4.5. Гиперкоррекция номинативных вариантов антропонимов в старорусских документах

Деловая речь характеризуется стандартизованностью, поэтому составитель документа при записи именованного стоит перед проблемой выбора антропонима или его варианта, наиболее корректного для официального языка. В отечественной ономастике под гиперкорректным вариантом имени собственного понимается вариант, возникший «из потребности говорящего (или пишущего) произносить (или писать) имя в такой форме, которая ощущается как правильная, и при этом устранить или обойти элементы (прежде всего фонологического плана), ощущаемые как некорректные» (СРОТ, 50–51). Гиперкоррекция в сфере имен собственных обусловлена «человеческим фактором» в языке, о чем уже неоднократно писали исследователи русской топонимии, норма в которой часто представляет собой «результаты усилий местных работников, на свой страх и риск перестраивающих топонимическую систему» (Глинских 1980: 14; Рубцова 1988: 52–65). В сфере антропонимии гиперкоррекция определяет кодификацию потенциальных антропонимов и их использование в документальном именовании.

Явление гиперкоррекции в сфере личных имен тесно связано с *идентификацией имени*, под которым в отечественной ономастике понимается «установление соответствия между основным именем и производным» (СРОТ, 60–61). Думается, что данное явление носит более широкий характер, чем предполагает цитируемое определение, предложенное в «Словаре русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской. Идентификация имени (антропонима) – это установление говорящим соответствия между разными номинативными вариантами имени собственного.

Как отмечает А. В. Суперанская, с проблемой идентификации антропонима сталкиваются современные делопроизводители и правоохранительные органы, часто решающие вопрос: считать ли абсолютно разными именами документальные антропонимы Наталия и Наталья, София и Софья, Анастасия и Настасья? (Суперанская 2002: 294). С целью «идентифицировать разные варианты одних и тех же имен» в конце XX в. созданы специальные словари-справочники «в помощь органам,

производящим акты записи, а также гражданам, стоящим перед выбором имен для своих детей» (Суперанская 2002: 304). Словари русских личных имен часто имеют нормативно предписывающий характер, поскольку «имена выполняют важную юридическую функцию, способствуя идентификации личности в обществе», и «в связи с этим их написание, склонение и словообразование нуждаются в тщательной регламентации» (Суперанская 1998: 4).

Учитывая двойственный характер антропонимии, можно утверждать, что идентификация антропонима может осуществляться не только по линии «антропоним в речи – языковой гиперкорректный номинативный вариант», но и путем установления соотношения между разными актуальными именованиями одного и того же лица с целью идентификации человека.

Необходимость гиперкоррекции и идентификации существовала и в старорусской антропонимии деловой сферы. Формальным показателем оценки имени с точки зрения его *подлинности* / *неподлинности* (*правильности* / *неправильности*) являлось варьирование внешнего облика антропонима в именовании одного и того же лица, обусловленное гиперкоррекцией номинативных вариантов. Решение проблемы подлинности имени, наблюдаемое в писцовой практике, ставит перед исследователем задачу изучения писцового менталитета. Реконструкция отношения автора речи к имени требует выявления антропонимов, подвергавшихся субъектной оценке в разных деловых актах.

Проблема подлинности официального имени находила последовательное отражение в именовании, составленных церковнослужителями, которые идентифицировали личное имя с его каноническим вариантом. Ср.: «Се яз, *Степан* Мартынов сын Новоселова Курейской волости <...> Сретенской поп Борис вместо *Стефана* Мартынова по его по его велению руку приложил» (Поряdn. 1661; Образцов, 133); «Се яз, *Мартын* Парфеньев сын, кореленин, порядился есми <...> К сей порядной Сийской волости богоявленьской поп Василей Федоров вместо порядчика *Мартина* Парфеньева по его веленью руку приложил» (Поряdn. 1666; Образцов, 139–140).

В наказах по составлению вечных и похоронных памятей, записей, фиксировавших совершение церковных треб отмечается: «...и вечные знамяна, и перехожие, и новопоставленные, и похоронные, и почеревные памяти велѣтъ давати <...> Да тѣк вечные знамяна и *имена женихомъ и невестамъ*, и перехожие, и новопреставленные, и похоронные, и почеревные памяти *велѣтъ писати в книги подлинно*» (Гр. игумену Ионе о сборе и присылке в Москву церковной дани и пошлин 1620; А.-Сийск. м., 7).

Особое отношение священнослужителей к именованию лица проявлялось и в отношении некалендарных личных имен. В именовании духовных лиц некалендарные имена не употреблялись. Редки случаи называния священников именем *Богдан*: «во дв. поп *Богдан*» (Сотн. Усол. 1586 (Ш): 9), подобно калькам с греческих имен: «старец *Богодель Башаринъ*» (Челоб. Ник.-Прил. м. 1663). В именовании монахов некалендарные имена отмечены только в XVI в.: «за старца за *Нечая* за *Нетоса*» (Кн. вкладн. Мих.-Арх. м. 1587–1617; Шляпин II, 157).

Рассмотрим особенности функционирования личных имен в текстах, составленных в монастырях на примере вкладных книг Великоустюгского Михайло-Архангельского монастыря 1587–1617 гг. Норма монастырской письменности – это употребление календарных имен в полной, немодифицированной форме: *Петр, Илья, Максим, Исак, Григорей, Мартын, Михайло, Ярофей, Полихт, Козма, Нефед, Онтрон* и др. Именование лиц во вкладных монастырских книгах полным именем производится последовательно, независимо от сословной принадлежности человека. Исключение составляет только один случай: это самоименование писца – «подписал книги монастырской казенной дьячек *Семенка Ондреев сын Мантуров*» (Шляпин I, 168). Использование модификата преследует цель самоуничижения, умаления своей роли в монастырских делах (отражает не конфессиональную, а ролевую, этикетную точку зрения).

В то же время в один ряд с календарными именами монастырский дьячок ставит некалендарные внутрисемейные имена *Третьяк, Семей, Некрас, Нечай*: «*Третьяк Звездочетов*» (Шляпин I, 156), «к старому вкладу *Третьяк Жугулев*» (там же, 158), «того же дни *Некрас кузнец дал вкладу*» (там же, 150), «*Поспел Жуков*» (там же, 153), «с *Шемоксы Денга Некрасов*» (там же, 157) и др. Но, как и календарные имена, эти имена представлены без экспрессивных суффиксов, характерных, например, для документов массовой переписи.

Правка именовании в документах, составленных священнослужителями, проявлялась в замене модифицированного имени исходным, некалендарного – календарным (или другим, воспринимаемым в качестве правильного); ср. разные точки зрения на именование в ответе попа Ефрема помещику С. В. Морткину: «писал ты кнѣзь *Сергѣи Васильевич* к нам в Вологодцкои уѣздѣ в Ыльинское свое помѣстье а велел ты свою крстьянку *Иринѣ Кобылинскѣю* женѣ и с сномѣ еѣ с *Хмелкою* привести к себѣ <...> и твои бгомалец ѡб томѣ тебѣ писал та твоѣ крстьянка *Ирина Богѣдановская* жена и с сномѣ *Хмелиною* мнѣ дѣти дховные і воровства за ними никакова не слыхат» (Грамотки, 288).

Особую ценность для функционального описания антропонимии представляют комплексы актов, связанные с одним и тем же объектом. Например, В. Я. Дерягиным опубликованы 9 купчих на один и тот двор на Глинском посаде в Холмогорах (Дерягин 1974).

В первых трех купчих, составленных «троецким церковным дьячком Алексеем Ивановым сыном Поповым», в большей мере отражается варьирование именовании, связанное с особенностями речи не писца, а заказчика документа: «Се ~~из~~ Соловецког монастыря старец Симан. продал есми вдовѣ *Аниси* Калининской женѣ Иванова сна Неклюдова. а Иудинѣ дочери избу на Глинском посаде» (Купч. Холмог. 1599; Дерягин, 212) – «Се ~~из~~ троецкой поп ~~Федор~~ Матѣев снѣ Глинског посадѣ продал есми Никитѣ ~~Г~~Акимовѣ снѣ кузнецѣ Корѣлянинѣ двор *Шусинской* Калининской жены и дворище на Глинском посаде за новым рядом что тот двор приказала мнѣ та *Шуся* по дхвной <...> да и старѣю купчую на тот двор емѣ выдал что соловецкой старец Симан продал тот двор *Шуси*» (Купч. Холмог. 1602; Дерягин, 213). Заказчики купчих (в первом случае старец, а во втором – священник) ориентировали писца на использование разных вариантов женского имени, оцениваемых как канонические (*Анисья* – *Онусья*, аналогично другим именам, допускающим разночтения греческой буквы «ипсилон» – *Пимен* – *Пумен*, *Акила* – *Окула* и др.).

В севернорусской деловой письменности XVI–XVII вв. нередко возникала конкуренция антропонимов, способных замещать друг друга в сходной ситуации употребления или в одной и той же позиции в формуле именования. Выбор номинативных вариантов, в наибольшей степени удовлетворявших требованиям старорусского официального именования, во многом определялся типом документа и существующими в писцовой практике традициями составления подобных актов, следованием определенным *текстовым образцам*. Как правило, в рассматриваемом случае происходила замена одного антропонима другим, в большей мере соответствующим типу документа.

Достаточно последовательно замена полного имени его потенциальным «уничажительным» модификатом наблюдается при сравнении именовании в начальном протоколе челобитных и записях о приеме явки: «...бьет челомъ и являетъ холопъ твой гостиной сотни *Васка* Ивановъ сынъ Поповъ <...> гостиной сотни *Василей* Ивановъ Поповъ на Устюге Великомъ соборной церкви протопопу Владимиру з братьею подаль сию явку» (Челоб. УВ 1664; АХУ III, 326); «бьет челомъ и являетъ сирота твой Устюжанинъ *Володка* Терентиевъ сынъ Жилинъ <...> 170-

го, июля въ 31 день, подалъ явку *Володимеръ Жилинь*» (Челоб. УВ 1662; АХУ III, 321).

Однако при сопоставлении именовании в начальном протоколе порядных записей и в записях поручителей («поруччиков»), свидетелей («послухов») с антропонимами в подписях («рукоприкладствах») обращает на себя внимание более частая замена в «рукоприкладстве» имени, приведенного в тексте документа, «уничжительным» модификатом: «На то послуси: *Иван* Макарьин да *Денис* Иванов Тюриков <...> Послух *Ивашко* Макарьин руку приложил. Послух *Дениско* Иванов руку приложил» (Порядн. Устькул. вол. 1680; Мильчик, 424). Вероятно, это также определялось требованиями делового этикета.

В XVI в. в делопроизводстве московских приказов использовалась достаточно устойчивая система имен, употребляемых для называния людей низшего сословия. Рассмотрим модификаты, к которым прибегали составители писцовых книг при фиксации носителей частотных имен (*Иван, Василий, Степан, Григорий, Федор, Яков, Семен, Дмитрий*) на примере формально-типологических парадигм антропонимов, выявленных при анализе сотных XVI в. (см. табл. 2).

Результаты подсчетов показывают, что сотные книги XVI в., составленные московскими писцами в разных регионах Русского Севера, использовали одни и те же социально характеризующие модификаты, соответствовавшие именам крестьян и посадских людей и указывавшие на «низкое» происхождение лица. Однако писцы следовали этим стандартам с разной степенью строгости. Менее последовательно фиксировались календарные имена в переписи 1544 г. Составитель описания Вологодского уезда, наряду со стандартными модификатами, фиксировал и немодифицированные имена: «Дер. Бирилево: в. *Терех* Васильев; в. *Иван* Симанов; в. *Гридя* Матфеев; в. *Митя* Иванов; в. *Сергеи* Степанов; в. *Кузьма* Рагозин» (Сотн. Вол. у. 1544: 89). Сотная Белозерского уезда 1544 г. (см. табл. 2) характеризуется активным включением в именование нестандартных модификатов, очевидно, отражающих именование, бытующие в повседневной речи.

В писцовых актах XVI в. нередко встречается использование разных модификатов имени в пределах одной статьи: «Дер. Чашниково: в. *Ивашко* Пошевин <...> в. *Иванка* Евсеев; в. *Иван* Онтуфьев» (Сотн. Вол. у. 1544: 89). Разные модификаты вводились в одну статью с целью дифференциации именовании.

Для сотных конца XVI в. (80–90-е годы) характерно частичное изменение стандарта записи некоторых календарных имен (модификат *Гриша* вытеснил более раннее имя *Гридя, Васка – Васюк* и др.).

Таблица 2. Количественное соотношение именований, включающих модификаты частотных календарных имен в сотных и дозорных книгах XVI в.

Имя	Соти. Вол. у. 1544 (385 чел.)	Соти. Белоз. у. 1544 (973 чел.)	Соти. Турч. 1556 (1268 чел.)	Соти. Усол. у. 1586 (150 чел.)	Соти. Двин. у. 1587–1588	Кн. доз. Волог. у. 1589–1590
Иван	<i>Ивашко (23)</i> <i>Иван (2)</i> <i>Иванко (2)</i> <i>Иванка (1)</i> <i>Янка (1)</i>	<i>Иванко (70)</i> <i>Ивашко (12)</i> <i>Иван (5)</i> <i>Иванка (3)</i> <i>Ванько (2)</i> <i>Ваня (1)</i> <i>Ванька (1)</i> <i>Ившук (1)</i> <i>Иванько (1)</i>	<i>Иванко (98)</i> <i>Ивашко (30)</i> <i>Иванец (1)</i> <i>Иванка (1)</i>	<i>Иванко (18)</i> <i>Ивашко (3)</i> <i>Иван (1)</i>	<i>Иванко (30)</i> <i>Ивашко (8)</i> <i>Иван (2)</i>	<i>Иванко (81)</i> <i>Ивашко (6)</i> <i>Ванка (1)</i> <i>Ивака (1)</i>
Василий	<i>Васюк (9)</i> <i>Васка (4)</i> <i>Василь (3)</i>	<i>Васько (28)</i> <i>Васюк (11)</i> <i>Василь (2)</i>	<i>Васко (30)</i> <i>Васюк (20)</i> <i>Васка (8)</i>	<i>Васка (5)</i> <i>Василей (2)</i> <i>Васюк (1)</i>	<i>Васка (7)</i> <i>Васко (3)</i> <i>Василий (1)</i>	<i>Васка (42)</i> <i>Васко (3)</i>
Степан	<i>Степанко (7)</i> <i>Степан (2)</i>	<i>Степанко (16)</i>	<i>Степанко (29)</i>	<i>Степанко (5)</i>	<i>Степанко (7)</i>	<i>Степанко (21)</i>
Григорий	<i>Гридька (5)</i> <i>Гридя (4)</i>	<i>Гридька (24)</i> <i>Гридя (4)</i> <i>Гришута (2)</i> <i>Гришка (1)</i>	<i>Гридка (27)</i> <i>Гриша (9)</i> <i>Гришка (6)</i> <i>Гридя (7)</i> <i>Григорей (1)</i>	<i>Гришка (4)</i>	<i>Гришка (10)</i> <i>Гриша (6)</i>	<i>Гришка (29)</i>
Федор	<i>Федко (7)</i> <i>Фетко (2)</i> <i>Фетка (1)</i>	<i>Фед(ь)ко (21)</i> <i>Федюня (7)</i> <i>Федорко (2)</i> <i>Федячка (1)</i> <i>Федя (1)</i> <i>Федюнка (1)</i> <i>Федонько (1)</i>	<i>Федко (62)</i>	<i>Федко (3)</i> <i>Фетко (2)</i>	<i>Фетка (3)</i> <i>Федка (2)</i> <i>Фетька (1)</i>	<i>Федка (11)</i> <i>Федко (9)</i> <i>Фетко (2)</i> <i>Фетка (2)</i> <i>Федяико (1)</i> <i>Федор (1)</i>
Яков	<i>Якуш (2)</i> <i>Якунька</i>	<i>Якуш (5)</i> <i>Якуня (4)</i> <i>Якунька (4)</i>	<i>Якуш (30)</i> <i>Якушко</i> <i>Якунка (1)</i>	<i>Якуш (5)</i> <i>Яков (1)</i>	<i>Якуш (2)</i> <i>Яков (2)</i> <i>Якушко (1)</i> <i>Якушка (1)</i> <i>Яшко (1)</i> <i>Якунько (1)</i> <i>Якунка (1)</i>	<i>Якушко (9)</i> <i>Якушко (6)</i> <i>Якунка (4)</i>
Семен	<i>Сен(ь)ка (9)</i> <i>Сенко (1)</i>	<i>Сен(ь)ка (36)</i>	<i>Сенка (57)</i>	<i>Сенка (4)</i>	<i>Сен(ь)ка (7)</i> <i>Сенко (2)</i> <i>Семенка (1)</i>	<i>Сенка (16)</i> <i>Семенка (4)</i> <i>Семен (1)</i>
Дмитрий	<i>Митька (10)</i> <i>Митя (6)</i> <i>Митка (1)</i>	<i>Митька (27)</i> <i>Митя (9)</i> <i>Митюня (2)</i>	<i>Митка (20)</i> <i>Митко (1)</i> <i>Дмитр (1)</i> <i>Дмитрейко (1)</i>	<i>Митя (3)</i> <i>Митка (2)</i> <i>Дмитрей (1)</i>	<i>Мит(ь)ка (5)</i>	<i>Митка (10)</i> <i>Митя (1)</i>

Примечание. В табл. 2. курсивом даны стандартные для документа имена, в скобках указано количество их употреблений.

Заменяя нестандартный антропоним на стандартный, составители старорусских документов, фиксируя антропонию того или иного региона, населенного пункта в актах массовой переписи (писцовые, переписные книги и другие акты приказного делопроизводства), часто решали не столько проблему точной *идентификации лица*, сколько проблему *идентификации имени*.

В конце XVI–начале XVII в. постепенно, от переписи к переписи произошла смена модификатов календарных имен, используемых в качестве официальных имен крестьян и посадских людей. Многие имена стали записываться в достаточно устойчивой форме, например, имя *Иван* – только как *Ивашко*, *Федор* – *Федка*, *Василий* – *Васка*, *Григорий* – *Гришка*. Очевидно, выбор их в качестве официальных имен был определен письменной традицией «сверху» (Васюта 1971: 148). Исчезают из официального именования образования с суффиксом *-ук-ъ* (*Васюкъ*, *Митюкъ* и т. д.), активные на протяжении XV–XVI вв. в деловой письменности, относящейся к Русскому Северу. При записи других имен стали использоваться номинативные варианты, которые не были характерны для писцовых книг XVI в.: *Семен* (*Семион*) – *Семейка*, *Дмитрей* – *Дмитрейко* и др. (см. табл. 3). Конечно же, эти имена не были новыми для севернорусской антропонимической системы.

Старые и новые стандарты приказного делопроизводства обуславливали конкуренцию модификатов в писцовых и переписных книгах XVII в. Их соотношение определялось тем, предпочтение какому из номинативных вариантов календарного имени отдавал конкретный составитель конкретной переписи.

Достаточно специфична антропонимия актов массовой переписи, при составлении которых писец мог ориентироваться на актуальный антропоним или его варианты, но чаще всего – воплощать потенциальный антропоним, соотносимый с актуальным именем человека. «Правка», которой подвергались в документах массовой переписи личные имена и образуемые на их базе патронимы, может быть выявлена при сопоставлении названий починков и деревень с именованиями их основателей или владельцев, связь которых достаточно регулярно отражается в сотных книгах XVI в. В шести источниках, привлеченных к анализу (Сотн. Белоз. у. 1544; Сотн. Вол. у. 1544; Сотн. Турч. 1556; Сотн. Усол. у. 1586; Сотн. Ант.-Сийск. м. 1578; Сотн. Двин. у. 1586–1587), отмечено 80 случаев соответствия календарного имени в именовании или в основе патронима (фамилии) владельца двора антропонию в основе названий населенных пунктов. Их сопоставление позволяет сделать следующие наблюдения относительно использования календарных имен и их моди-

фикатов, а также патронимов, образованных на их базе, в сотных книгах XVI в.

Таблица 3. Количество употреблений стандартных модификатов календарных имен в писцовых и переписных книгах XVII в.

Наименования источников	Семен		Яков		Степан		Михаил	
	Сенка	Семейка	Якушко	Якунка	Степанко	Стенка	Михалко	Мишка
Кн. доз. Вол. 1616–1617	1	31	2	33	16	–	17	4
Кн. писц. Уст. у. 1623–1626 (Двинская и Сухонская треть)	144	8	55	44	92	1	70	49
Кн. пер. Устьян. 1634–1636	7	33	18	3	8	7	3	11
Кн. пер. Устьян. 1639	7	3	1	8	8	1	1	1
Кн. писц. СВ 1645 (Окологородный и Пачезерский станы)	8	–	8	–	5	7	2	6

Примечание. В табл. 3 полужирным шрифтом дано количество употреблений модификатов имен, стандартных для документа.

Не подвергались правке стандартные имена – имена в «полной форме» и общеупотребительные модификаты календарных имен, соответствовавшие писцовой норме того времени (*Гридя, Костя, Дема, Родя, Иванко, Левка, Михалко, Якуш* и др.): «дер. *Левкино* <...> в. *Левка* Матфеев; поч. *Демин* Дор на Прудбое: в. *Дема* Нестеров» (Сотн. Вол. у. 1544: 92–93); «д. *Михалково*: в. *Михалко* Сазонов» (Сотн. Ант.-Сийск. м. 1586–1587: 239); «Починок *Харламков*: в. *Харламко* Сонин <...> Поч. *Сенкин*: в. *Сенка* Усачев» (Сотн. Белоз. у. 1544: 192).

В ряде случаев «полное имя», употребляемое в быту и закрепленное в основе топонима, в именовании лица заменялось стандартным модификатом: «поч. *Гаврилов* на реке Вологде: в. *Гаврилко* Иванов <...> поч. *Окулов*: в. *Окулко* Гридин» (Сотн. Вол. у. 1544: 93–94); «Починок *Алексеев*: в. *Алексейко* Иванов» (Сотн. Белоз. у. 1544: 196). Но при образовании патронима, наоборот, модификат, воспроизводимый в основе названия деревни или починка, заменялся «полным» именем: «Дер. *Семенково*: в. *Иванко Семенов*» (Сотн. Турч. 1556: 116); «Дер. *Мелехинская*: <...> в. *Олешка Мелентиев*» (Сотн. Турч. 1556: 99). Данное явление в целом соответствует писцовой норме XVI–XVII вв. – именованию крестьян при помощи стандартных модификатов, образованию патронимов от «полных» имен. Но эта норма не была строгой: «поч. *Филимонков*: в. *Филимон* Ондреев» (Сотн. Вол. у. 1544: 93).

Сопоставительный анализ позволяет выявить механизмы идентификации имени, следствием которой стала замена актуального антропонима его стандартным языковым эквивалентом в старорусском официальном именовании лица. Например, *Яким* – это *Якуш*: «дер. на Лендове, *Якимовская*: в. *Якуш* Игнатьев сын Зуб» (Сотн. Турч. 1556: 113); *Гришка* (*Григорий*) – это *Гридя*: «Починок *Гришкин*: в. *Гридька*, в. Куземка *Гридины*» (Сотн. Белоз. у. 1544: 191); *Федяка* – *Федор*, *Федор* – *Федко*: «поч. *Федякин*: в. *Фетко* Семенов» (Сотн. Вол. у. 1544: 94); *Дмитрок* – это *Дмитрий*, *Дмитрий* – это *Митя*, следовательно, *Дмитрок* – это *Митя*: «Починок *Дмитроково*: в. *Митя* Приходец» (Сотн. Белоз. у. 1544: 202); *Овсяка* – это *Овсей*, *Овсей* – это *Евсей* (*Евсейвий*), *Евсей* – это *Евсюк*; следовательно, *Овсяка* – это *Евсюк*: «Дер. *Овсякинская*: в. *Евсюк* Трофимов» (Сотн. Турч. 1556: 125); *Игай* – это *Игнат*, *Игнат* – это *Игнашко*; следовательно, *Игай* – это *Игнашко*: «Починок *Игая*: в. *Игнашко* Онофреев» (Сотн. Белоз. у. 1544: 202) и др.

Данная тенденция наблюдается и при употреблении патронимов в официальном именовании XVI в.: *Микляй* – это *Микита*, следовательно, *Микляев* – это *Микитин*: Поч. *Микляевской* на речке на Пасной: в. Иванко *Микитин*, в. Степанко *Микитин* сын, в. Поздеико *Микитин* (Сотн. Усол. у. 1586: 185); *Олута* – *Олексей*: «Дер. *Олутинская* <...> в. *Гридка Алексеев*» (Сотн. Турч. 1556: 107).

Некалендарные антропонимы в именовании лиц и в основах топонимов, в отличие от календарных имен, обычно не варьируются: «Починок *Пятков*: в. *Пятко* Микитин <...> Починок *Шевырино*: в. *Шевыря*» (Сотн. Белоз. у. 1544: 202); «Починок *Голобоково*: в. Федько *Голобок*» (Сотн. Белоз. у. 1544, с. 203), хотя данная тенденция не была абсолютной: «Починок *Волчково*: в. Иванко *Волк*» (Сотн. Белоз. у. 1544: 192).

Патронимы, образованные от некалендарных имен, и фамильные прозвания, фиксация которых не регламентировалась писцовыми нормами, сохраняли соответствие основам топонимов: «поч. *Шипицын* <...> в. Осеико *Шипицын*» (Сотн. Вол. у. 1544: 93), «дер. *Острецова* Гора: в. Якуш *Острецов*» (Сотн. Турч. 1556: 118).

Писцовые и переписные книги XVII в. характеризовались уже известной нормированностью, в результате чего устанавливаются единые нормы записи личных имен (Мирославская 1971: 48; Чайкина 1987: 71). При всей своей стандартизованности упорядочение способов записи календарных имен в писцовых и переписных книгах XVII в. иногда носило произвольный характер. Ср.: «д. пуст Ивашка да *Семеики* Удалово <...> и *Сенка* умер во 121-м году» (Кн. доз. Вол. 1616–1617: 357);

«м. дворовое *Савки* сапожника <...> и *Савинко* с литовского разореня обнищал» (Кн. доз. Вол. 1617–1618: 365); «д. пуст *Ярафеика* Дементьева сына Тучкова <...> и *Ярунка* во 124-м году сшел безвесно» (Кн. доз. Вол. 1616–1617: 367).

О конкуренции модификатов в номинации лица свидетельствует сравнение именовании в основной клаузуле писцовых и переписных книг – описании жилого двора – и в описаниях других объектов: «м. дворовое *Костьки* Ивсевьива, збрел от податей безвестно <...> подворник иво *Костентинко* Ивсевьив, бродит по миру» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 182, 206); «м. дворовое порозжее дано внов посацкому человеку *Самоилику* Иванову, кузнецу <...> куз. *Самка* Иванова» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 197, 223); «в. *Степанко* Борисов, кузнец <...> куз. *Стенки* Борисова» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 193, 223); «во дв. *Семейка* Костянтиновъ <...> два мѣста дворовых *Сенки* Костянтинова» (Кн. припр. Лал. 1620; Пономарев: 16); «было на оброке за *Смирнушкою* Кузнецовым <...> а ныне за ним *Смиркою*» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 647) и др. В ряде случаев актуальный антропоним в виде немодифицированного календарного имени обладает большей активностью, вытесняя в повторных именовании лица модификат: «в. *Ивашко* Филипов Кокорин да сын иво Гришка, ходят на низ судами и отпускают в сибирские города на промыслы <...> лав. *Ивана* Кокорина <...> лав. *Ивана* же Кокорина <...> лав. *Ивана* Филипова Кокорина» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 175, 216, 219).

Замена актуального антропонима одним из его потенциальных номинативных вариантов в документах XVI–XVII вв. представляла собой переименование лица в соответствии со стандартами приказного языка. Приведение реальных антропонимов, закрепленных за тем или иным лицом в быту, к «единому знаменателю», унифицировало именовании, лишало их реальной идентифицирующе-дифференцирующей способности, ослабляло конкретно-референтную отнесенность антропонима в контексте деловой речи.

4.6. Субъектная оценка компонентов именовании в старорусском документе

Идеологическая точка зрения составителя документа могла отражаться в том, что записываемые им антропонимы в разной степени соответствовали его представлениям об имени в целом и документальном именовании в частности.

Оценка *обязательности / необязательности (облигаторности / необлигаторности)* компонентов именования в первую очередь выражалась путем включения в него слов *имя, прозвище, прозвание* и др. Вопрос о терминологическом характере последних – один из наиболее спорных в исторической антропонимике.

С проблемой выделения прозвищ в ряду исконно русских некалендарных антропонимов в исторической ономастике связана напряженная научная дискуссия, начатая еще в XIX в. составителями первых лексикографических опытов описания древнерусских и старорусских антропонимов. История вопроса и рассмотрение различных точек зрения на проблему достаточно подробно представлены И. А. Королевой (1999). На разных этапах развития ономастической мысли в рамках дискуссии высказывались различные мнения В. К. Чичаговым (1959), Г. Я. Симиной (1969), С. И. Зининым (1969), А. Н. Мирославской (1980), Ю. И. Чайкиной (1984), Б. О. Унбегауном (1989) и другими известными ономастами.

Употребляя термин «*прозвище*», исследователь старорусской ономастики должен прежде всего уточнить объем понятия, стоящего за этим словом: а) понятие о разновидности онима, которое формируется в результате рассмотрения современным исследователем типологии старорусских антропонимов и определяется рядом признаком, противопоставляющих прозвище другим разрядам антропонимической лексики; б) значение термина «*прозвище*», характеризующего факты современного языка и по аналогии проецируемого на исторический материал; в) значение, которое вкладывал в слово «*прозвище*» старорусский писец, используя его применительно к разным типам антропонимов.

Решение вопроса о дифференциации личных имен и прозвищ требует разграничения двух противоречивых точек зрения. Первая из них – точка зрения составителя документа, носителя языкового сознания отдаленной исторической эпохи. Нормы официального именования XVII в. требовали называть человека «по имени и по отцу», а иногда по имени, по отцу и «с прозвищи». С этих позиций как прозвища оценивались вторые (некалендарные) личные имена («Пронка, а прозвище *Шестачко* Ермолин, волнотеп» – Кн. писц. УВ 1623–1626: 206); вторые календарные (некрестильные) личные имена («Сергушка а прозвище *Дорофѣико* да Бориско Павловы дѣти Слоива» – Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 467об; «Ивашко *Панта*» – Кн. крестопр. УВ 1645: л. 15об. – *Панта* от *Пантелеймон*), условно данные младенцу до крещения; экспрессивно-оценочные имена, присваиваемые человеку по особенностям его внешности, характера, поведения, образа жизни и т. д., фамилии, а

иногда и отчества. Поэтому исследователи XIX–начала XX в., которые шли в описании ономастикона «от текста», не смогли предложить последовательной классификации некалендарных имен и прозвищ.

В старорусской деловой письменности некалендарные имена часто не противопоставлялись календарным как прозвища и воспринимались составителем документа как равноправные заместители календарного имени. В именовании одного и того же лица одно и то же некалендарное имя могло занимать любую позицию: «*Щупецъ* Фомин» – «Ивашко Фомин *Щупецъ*» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 633об.–634). Ср.: «*Гордѣико* а прозвище *Согра* Григорьев» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 605об.), «на *Гордѣя* Григорьева сына прозвищем на *Согру*» (АХУ III, 163), «на *Согру* Григорьева» (АХУ III, 202). От некалендарных имен, как и от календарных, производились употребляемые официальным именованием патронимы: «Дружинка *Гордиивъ* сын *Согрин*» (Пам. дат. Уст. у. 1654: л. 12об.), что говорит о связанности и относительной равноправности их в идентификации лица.

Вторая точка зрения – ретроспективная точка зрения современного исследователя, переносящего на исторический материал антропонимические нормы своего времени. При таком подходе принципиально значимым оказывается разделение личных имен и прозвищ как различных языковых явлений. В. К. Чичагов, обратившийся к проблеме разграничения имен и прозвищ, решил ее достаточно прямолинейно: «все русские имена (за исключением, разумеется, тех, которые попали в святцы) имели в XVI–XVII вв. значение прозвищ, а все греческие имена, за исключением тех случаев, когда они шли после греческих же имен, имели значение личных имен» (Чичагов 1959: 25–26), т. е. в такой трактовке оппозиция личных имен и прозвищ соответствует противопоставлению календарных и некалендарных имен.

При разграничении некалендарных имен и прозвищ предлагалось учитывать различные признаки. Наиболее значимым из них считалась позиция антропонима в именовании, наличие при нем слова «прозвище», оцениваемого в качестве классификатора онима. Как справедливо отмечает И. А. Королева, «считать все нехристианские антропонимы с этим словом прозвищами в современном понимании термина, а без него стоящие на первых структурных позициях – личными именами, естественно, нельзя, хотя по такому пути идут многие исследователи» (Королева 1999: 32–33).

Нередко употребление терминов «личное имя» и «прозвище» в работах по исторической антропонимике носило условный характер, определялось не спецификой описываемых фактов, а поиском удобного для исследователя способа описания материала. С. И. Зинин, одним из

первых обративший внимание на непоследовательность употребления термина «прозвище» в работах по исторической ономастике, писал: «Чтобы избежать путаницы <...> за термином “прозвище” закрепляется только одно значение: русское мирское личное имя. При характеристике семейных именований этот термин всегда будет заменяться термином “прозвание” или “фамильное прозвание”» (Зинин 1969: 38).

Разграничивая личные имена и прозвища, ученые-ономасты чаще всего говорят о двух группах антропонимов в старорусском языке (Соколов 1891: 2; Сельвина 1976: 88; Мирославская 1980, и др.). Первая группа – имена, данные новорожденному («первичные» имена). Вторая группа – имена, полученные человеком в течение жизни дополнительно к личному имени по особенностям внешности, поведения, речи, отношению к труду и другим людям, различным социальным признакам («вторичные» имена). Именно к данной группе чаще всего применяется современный термин «прозвище».

Исследователи, пытавшиеся разграничить старорусские некрестильные имена и прозвища по их структурным особенностям, позиции в именовании, по признаку лица, лежащему в основе антропонима, сфере функционирования (внутрисемейные – уличные), не смогли с достаточной четкостью провести границу, разделяющую личные имена и прозвища. Это объясняется, с одной стороны, недостаточной информативностью памятников деловой письменности, непоследовательностью официального именования и, с другой, *синкретизмом функций* личных имен и прозвищ в старорусском документе. Об употреблении прозвищ вместо личных имен свидетельствуют случаи их модификации по моделям, характерным для личных имен: *чмут* ‘обманщик’, др.-рус. (Фасмер IV, 370) > *Чмут* > *Чмутко* («д. пуст Чмутка Стахъѣва» – Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 124); *приезжей* > *Приезжей* («Васка Приезжей» – Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 326) > *Приезжейко* («Матюшка а прозвище Приезжейко Яковлев» – Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 623об.). Нередко внутренняя форма имени не позволяет однозначно определить, дано оно в младенчестве или его получил уже взрослый человек (*Смирной*, *Белой* и др.).

Уже первые исследователи истории русских личных имен отмечали отсутствие существенных формальных отличий некалендарных имен и прозвищ (Тупиков 1903: 8–9). Даже утверждая параллельное существование двух типов некалендарных имен в древнерусском и старорусском языках, исследователи говорят о том, что в качестве внутрисемейных имен и прозвищ (в современном понимании термина) использовались формально тождественные слова, имена и прозвища взаимозаменяли друг друга в именовании (Данилина 1986: 54–55). Примени-

тельно к историческому материалу нет достаточных формальных оснований для противопоставления внутрисемейных и прозвищных антропонимов, имеющих абсолютную референцию, в качестве разных антропонимических категорий. Это разновидности личных имен, различия которых связаны с внеязыковыми особенностями номинации (по А. Н. Мирославской – «первичность / вторичность») и употреблением в речи. Ср.: «Бык Михалев» (Сотн. Белоз. у. 1544: 190), «Ваня *Бык*» (там же: 198), «*Бычко* Анюшин» (там же: 191).

И. А. Королева, рассматривая употребления слова «прозвище» применительно к разным компонентам старорусского именования, на основе этого делает вывод о его терминологической многозначности, при этом свойства слова «прозвище» и свойства характеризующих им антропонимов исследователем не разграничиваются, что заставляет усомниться в многозначности самого слова «прозвище»: «Слово *прозвище* в XVI–XVII вв. было многозначным.

1. Оно могло уже иметь определенную экспрессию и являться добавочным выделительным индивидуальным знаком <...>.

2. Прозвище могло еще и не содержать в своем значении указания на экспрессию и добавочный индивидуально-выделительный характер антропонима, и в таком случае оно выступало в роли обычного личного бытового имени <...>

3. Прозвище могло обозначать именование в целом <...>

4. Слово *прозвище* могло использоваться с самым старым значением «название», отмеченным еще в XII в.: ...деревня прозвище Берестяк.

5. И, наконец, слово *прозвище* уже могло выступать в роли семейных именований, то есть фамилий: ...и салдать отпусныхъ и бѣглыхъ старыхъ и даточныхъ <...> велель переписать имяны съ отцы и съ прозвищи и пр.» (Королева 1999: 33).

На наш взгляд, слово «прозвище», включаемое в именование лица, в официально-деловой письменности XVII в. давало антропониму модальную оценку облигаторности, различало «настоящее», обязательное, требуемое официальными нормами, и «ненастоящее», необязательное имя. Оно не имело строгого терминологического значения, свойственного ему в современном русском языке. При помощи слова *прозвище* в XVII в. выражалась оценка именования или одного из его компонентов: «на подворника на Нечаева на Ивашка *прозвищемъ* на Волка» (Челоб. УВ 1632; АХУ III, 121); «Меркушка а *прозвище* Перша Федоров» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 460об.); «Сидорко Борисовъ сынъ, *прозвищемъ* Пьянко, Полутовскихъ» (Челоб. УВ 1636; АХУ III, 177); «Поспѣлко

прозвищу Шмар Иванов Пошиваев дѣти ево Данилко да Серешка да Степанко» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 166), «Тимошка Большой да Тимошка Меньшой, а *прозвище Казак*, Дмитриевы дети, кузнецы» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 193); «Ивашко Ивановъ сынъ Стрѣленские волости крестьянинъ, *по прозвищу Рожинъ*» (Челоб. Уст. у. 1636; АХУ III, 183) и др.

Выражение субъектной оценки антропонима связано с наличием определенных отношений между именами одного лица в пределах именования. Оценку предполагала и идентификация разных именований одного и того же лица в официальном документе, т. е. оценка имени собственного с точки зрения его нормативности и облигаторности имела относительный характер. Для ее наличия обязательно, чтобы в именовании лица присутствовало как минимум два антропонима, оцениваемых как правильный, соответствующий норме документального именования, обязательный, а другой – как неправильное, ненастоящее документальное имя. Слово «прозвище» тем самым выражало отношения антропонимов в пределах именования лица, давало оценку одному из них по отношению к другому.

Вместе с тем слово «прозвище» маркировало антропоним по сфере функционирования, знаменовало его отнесенность к разговорно-бытовой речи, противопоставляло имя, которым называют («прозывают») человека в быту, тому антропониму, который следует употреблять в документе.

При изучении случаев одновременного именования сразу несколькими личными именами в ономастике принято разграничивать основные и дополнительные имена. За вторыми, как правило, закрепляется уточняющая, характеризующая функция (Бахвалова 1985: 71). Оценка обязательности (необходимости) антропонима современным исследователем не всегда соответствует распределению функций между антропонимами в реальном именовании лица в старорусском документе. «Добавочные» имена не просто помогали календарному имени идентифицировать лицо, а нередко становились главным средством создания уникальной референции.

Дополнительность компонента именования может трактоваться как его добавочный характер с точки зрения деривации составного именования. В процессе создания развернутой антропонимической номинации в документе на базе употребительного в ограниченной сфере устойчивого антропонима «распространителями» мотивирующего «базиса» могут выступать и компоненты, стержневые для сочетания антропонимов. Например, отмечены случаи, когда к идентифицирующему нека-

лендарному имени в официальном именовании добавлялось требуемое писцовым стандартом календарное (крестильное) имя, занимающее в именовании центральное положение, но менее значимое для уникальной референции именованного. В силу этого крестильное имя не является устойчивым компонентом именованного: «Се яз *Онцифор Кулик* Леонтьев сын, Варзужанин, занял есми... чим яз *Кулик* сам владел <...> и мне *Анцифору Кулику* отцыщати; и снимки яз *Кулик* тому угодию...» (Закладн. Варз. 1547; МИКП, 28); «в. *Васюк Шкул* соловар <...> и против двора *Шкулева* берег да полянка» (Сотн. Золот. 1561: 476); «в. бобыл *Ивашко* Исаков снъ *Мохнатка* да снъ ево *Мохнаткин* Демешка четырех годов» (Кн. пер. Каргоп. 1648: л. 5об.).

Разграничение основных и дополнительных антропонимических элементов именованного было предложено С. И. Зининым: «Нерегулярно повторяющиеся элементы именованного можно назвать вспомогательными антропонимическими элементами» (Зинин 1969: 60). Данное явление в антропонимии XVI–XVII вв. И. М. Ганжина назвала термином «мерцание» (Ганжина 1992: 2). Неустойчивость календарного имени в ряде именованного позволяет оценивать его как вспомогательное средство идентификации лица.

«Мерцание» календарного антропонима наблюдается и в случаях, когда оно употреблено в паре с некалендарным именем, сопровождаемым словом «прозвище». После установления идентификации официального и неофициального актуальных антропонимов при повторном именовании лица при помощи одного из сопоставляемых имен модальная и стилистическая оппозиция разных средств именованного часто снималась: «Маркелко Еремеев прозвище *Невежка* <...> двор *Невежки* Еремеева» (Кн. пер. Устьян. 1634–1636: л. 11об.); «в. *Ивашка* да *Пронка* прозвище *Семко* Борисовы дѣти *Шашенины* а *Семко* гребенщикъ» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 30об.); «в. *Маркушко* прозвище *Первушка* да *Васка* да *Логинко* да *Якушко* Григорывы дѣти *Ершова* у *Первушки* сынъ *Микитка*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 31); «в. *Федка* прозвище *Тренка* да *Федка* Нестеровы у *Тренки* снъ *Омелка*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 36).

По логике С. И. Зинина, дополнительным компонентом идентификации лица следует считать и патроним, образованный от имени отца. В XVI–XVII вв. руководства по составлению писцовых документов требовали от составителей именованного человека «по отцу», поэтому нередко такие номинации создавались при написании текста и носили искусственный характер. В именовании могли воспроизводиться патронимы, употребляемые в быту, но также патронимы могли быть образованы составителем документа от имени отца по регулярной словообра-

зовательной модели («У Куземки *Лашутина* деревни Малые Вершины, что было за отцом иво за *Лашутою*» – Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 517), могли воплощаться и «потенциальные» отчества, соответствующие имени отца, с целью унификации именований («Офонка *Обакумов* да сын иво Олферко, торгуют мелочью», ср.: «лав. Офонки *Обакишина*» – Кн. писц. УВ 1623–1626: 201, 217). Искусственное «вторжение» патронима в именование приводило к неустойчивости данного компонента при повторном назывании лица или именовании в другом документе.

Сопоставление именований одного и того же лица показывает неустойчивость данного компонента даже в пределах одной статьи документа: «Дер. Кощеивская гора: в. Ондрюшка *Васильев сын Рыкало* <...> За Ондреем за Рыкалом за одним половина деревни» (Сотн. А.-Сийск. м. 1578: 216); «Починок, что была пустошь Куклино, а в нем: <в.> Савко *Иванов сын Онтропова* <...> дан тот починок Савке *Иванову* испуста в жило на льготу на 10 лет <...> И Савка Онтропов двор поставил со всем, а пашни всей в трех полях против льготной не роспахал. И Савка Онтропов дан на поруку з записью <...> и Савке Онтропову с тово починка платить по 15 алтын на год» (Сотн. Тот. 1631: 123). Ср.: «в. Ивашко *Павлов Потапов*, рыбный прасол <...> лав. Ивашка *Потапова*» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 193, 217); «на крестьянь Сухонского Черного стану на Прокопья *Титова* да на Кондратя *Петрова* да на Григорья *Тимофиева Горшиковых* <...> тотъ Прокопей да Кондратей да Григорей *Горшиковы*» (Челоб. Уст. у. 1627; АХУ III, 34–35). В условиях приоритета двухкомпонентной формулы «личное имя + патроним» в севернорусских писцовых книгах «мерцают» и фамилии: «в. Осипко *Сафонов*, кузнец <...> куз. Осипка *Сафонова Репинского*»; «в. Федка *Демидов*, торгует житом <...> лав. Фетки *Демидова Сцепизубова*»; «в. Васька *Васильив Жуков*, хлебник <...> м. онбарное посацкого человека Васки *Васильива*, хлебника» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 195, 223, 208, 215, 194, 220) и др. «Мерцание» патронимов и фамилий имело разные причины. Патроним «мерцал» потому, что являлся принадлежностью официального (приказного) языка, вносился в именование писцом, создававшим стандартную номинацию, но для социальной идентификации индивида в повседневной речи был менее значим. Фамилия, значимая для идентификации лица в контексте бытовой речи, «мерцала» потому, что ее включение в именование не предусматривалось писцовым стандартом.

По наблюдению И. А. Королевой, активность слова «прозвище» в русской деловой письменности заметно увеличивается в XVI–XVII вв. Но это не значит, что именно в это время активизируется модальный план антропонимической номинации. Облигаторная оценка компонента

именования могла выражаться и употреблением его в постпозиции. Располагая дополнительные средства идентификации в постпозиции по отношению к компонентам, обязательным для официальной речи XVII в., писец определял их как второстепенные, тем самым подчеркивая их меньшую необходимость для именования.

Из нескольких сотен именований во вкладной книге Великоустюжского Михаило-Архангельского монастыря 1587–1617 гг. только три включают слово «прозвище»: «дал к старому вкладу Андрей Алексеев сын *прозвище Подосен*» (Шляпин I, 164); «старец Питирим *прозвище Попирало*» (там же, 165); «Фома *по прозвищу Иван* Дмитриев сын Ярославца» (там же, 159), в остальных случаях второе личное имя такой оценке не подвергается, например, «дал вкладу с посаду Ефим *Солодовник* 3 рубли денег» (там же, 152); «Прокопей *Некрас* Григорьев сын Белоусов с Еренского» (там же, 154); «Трифан *Нечай* Андреев сын Малахов с Уфтюги» (там же, 157).

Для монастырской письменности оказывается значимым противопоставление календарных имен, данных при крещении, и календарных имен, данных в качестве прозвищ: «Фома *по прозвищу Иван* Дмитриев сын Ярославца». Не оцениваются при помощи слова «прозвище» вторые календарные имена, по звучанию напоминающие некалендарные: «Козьма *Тихон* Онофреев сын Пустозер», а также модификаты, образованные от них: «Федул *Пороша* Димитриев сын Нерадовской» (Шляпин I, 161), «Василей *Фомин* сын *Сютка* из Лузския Пермьцы» (там же). Для писцовых книг данное противопоставление менее значимо и часто проводится непоследовательно. Ср.: «Трет д. Старикова Болшова <...> в. Федка Микитин Слоива в. *Сергушка а прозвище Дорофѣико* да Бориско Павловы дѣти Слоива»; «тоѣ же волости деревни Старикова Болшово крестьянинъ Федка Слоивъ»; «*Дорофѣико* Павлов Слоивъ» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 467об., 468об., 481об.).

Именование лица одновременно календарным и некалендарным именем могло зависеть от характера документа, его использовавшего. Например, в явочных челобитных стремление наиболее точно и полно назвать объект челобитья приводило к вовлечению в именование всех известных челобитчику имен обидчика: «...збежали изъ вотчинки Петра Семеновича съ Шемоксы изъ деревни Бѣлянкина вотчинные Петра Семеновича половники Сидорко Борисов сынъ, прозвищемъ Пьянко, Полутовскихъ зъ дитми своими съ Сидоркомъ прозвищемъ Замятнею да Трофимкомъ прозвищемъ Нехорошкомъ» (Челоб. УВ 1636; АХУ III, 177). Видимо, указание наряду с именем, требуемым официальными нормами, имени, под которым именуемый был более известен окружающим, способствовало быстрому поиску и наказанию виновного.

Различная оценка календарных и некалендарных антропонимов как компонентов официального именования достаточно четко прослеживается на материале сотных, писцовых и переписных книг. Это проявлялось как в выборе личных имен, так и в способах включения их в именование.

В связи с особой модальной функцией слова «прозвище» в именовании лица обращает на себя внимание анализ антропонимии сотных и писцовых книг XVI в. по разным уездам Русского Севера

В сотной с писцовых книг Ф. Ф. Хидыршикова и Г. Л. Кlementиева на земли Кирилло-Белозерского монастыря в Белозерском уезде 1544 г. именованья, включавшие некалендарное имя, составили около 18 % от общего количества мужских именовань. В большинстве случаев данные антропонимы употребляются на первом месте в антропосочетании, подобно календарным именам: «*Неклюдко Селин*» (Сотн. Белоз. у. 1544: 184); «*Овсяник Олешков*» (там же); «*Ворынайко Фомин*» (Сотн. Белоз. у. 1544: 185) и др. Менее 2 % именовань состоят из двух личных антропонимов: «*Иванко Горбатой*» (там же: 185), «*Федко Безна*» (там же: 186), «*Ортемко Курмыш*» (там же) и др. Именованья, включающие помимо двух личных имен патроним, либо состоящие из двух некалендарных имен или одного некалендарного имени, единичны: «*Еремка Кузнец Неволин*» (там же: 185), «*Ермачко Царь Федотов*» (там же: 192), «*Истомка Овад*» (там же: 195), «*Шевыря*» (там же: 202).

Именованья лиц с некалендарным именем на первой позиции в антропонимической формуле в данном источнике составляли 16,4 % от общего количества именовань. Среди них отмечены антропонимы, обладавшие различной степенью частотности: *Базык, Бурко, Бык, Бычко, Вешняк, Вор, Ворон, Воршня, Ворынайко, Вояско, Горяинко, Губа, Деньга, Друня, Дурак, Жданко, Жук* (2), *Злобка* (5), *Зуй, Зык, Истомка* (21), *Калемей, Кляпик, Коротыга, Кусок, Куча, Лабуня, Линька, Лихач* (5), *Лихачко, Ломака, Малец* (4), *Малыга* (3), *Малышка* (7), *Малюта, Малютка, Мижуй, Мижуйко, Мороз, Мудыга, Муравей, Невзорко* (3), *Неклюдко* (5), *Некрас, Некраско* (15), *Нечайко* (11), *Овсяник, Ожег, Опал, Первунька, Первуня, Перестона, Позжилой, Поздейко, Полетайко, Поминко, Поспелко, Прибыт, Пятко, Ребро, Розвоп, Рупос* (2), *Рыжик, Рябинка, Селянинко, Семанко, Суета, Скрып, Сноп, Соболь, Соловей, Старко, Сурай, Суровец, Суса, Торонко* (2), *Третьячко* (2), *Угримко, Чюлок, Шадра, Шапуга, Шаран, Шемяка, Широкой, Шишка*. Обращает на себя внимание тот факт, что составители книги наиболее последовательно к личным именам относили внутрисемейные антропонимы, связанные с периодом младенчества (*Истома, Некрас, Нечай, Неклюд* и

др.). Имена, отражающие порядок рождения (*Первый, Второй, Третьяк* и др.), лидирующие в некалендарном именнике XVII в., в XVI столетии проникали в официальное именование менее активно.

Именования, в которых некалендарное имя фиксировалось после календарного, в Сотной Белозерского уезда 1544 г. составили 1,8 %: *Безна, Бык, Волк, Голобок, Горбатой, Кожевник, Кривой, Курмыш, Мышка, Постник, Пряжа, Скипа, Столб, Усач, Черный, Чир, Широкой* (2). Сопоставление разных групп некалендарных имен в составе именований свидетельствует о том, что для писца не существовало строгой дифференциации «имен» и «прозвищ» (на второй позиции нередко фиксировались те же антропонимы, что и на первой).

В переписной дозорной книге Вологодского уезда 1589–1590 гг. календарные и некалендарные имена не противопоставляются писцом, оцениваются с равных позиций. Рассмотрение календарных и некалендарных имен в номинациях владельцев жилых дворов, а также бывших владельцев пустых дворов и дворовых мест не дает характерных для подобного рода источников расхождений (всего в тексте отмечено 1131 именование; соотношение календарных (552) и некалендарных (221) имен в именовании владельцев жилых дворов приблизительно равнялось 2; в именовании бывших владельцев пустых дворов и дворовых мест календарные имена употреблялись чаще в 3 раза – 267 к 89), что свидетельствует о том, что использование некалендарных имен носило произвольный характер, не зависело от формуляра документа и правового статуса владельца. Слово «прозвище» для выражения оценки антропонимов в данном источнике не отмечено. Противопоставление собственно имен и имен-прозвищ для данного документа не было актуальным. Именования, включающие одно календарное личное имя, составили 72 %; именования, использующие некалендарный антропоним на первой позиции в антропонимической формуле, – 27,5; именования, включающие календарное и некалендарное имя, – 0,5 %.

Среди антропонимов, занимающих первую позицию в именовании, в дозорной книге Вологодского уезда последовательно фиксируются личные имена, утратившие способность к характеристике, но в момент имяназвания отражавшие отношение родителей к младенцу: *Баженко, Томилко, Жданко* и др. (54 именовании), среди них наибольшей частотностью обладали имена *Нечайко* (21 употребление) и *Истомка* (18 употреблений); особенности поведения младенца: *Безсонко, Розбуда, Рюмка, Пинайко. Кричко, Рычко, Брячко, Молчанко, Полежайко, Шумко, Неупокойко, Суровой* и др. (47 именовании); порядок рождения: *Первушка, Пятунка, Семак, Шестачко* и др. (35 именовании, из кото-

рых 18 включают имя *Третьяк* и его производные); время рождения: *Суботка* (5), *Вешнячко* (3), *Поздеико* (3), *Познячко* (3), *Посник*, *Налетко* и др.; внешние признаки: *Беляико*, *Глазун*, *Лобанко*, *Ушачко* и др. (9 именований); имя *Русинко* включают в свой состав 10 именований. Апотропеические нехарактеризующие имена типа *Невежска*, *Негодяйко*, *Неверко*, *Ненашко*, *Дружинка*, *Гостюнка*, *Худячко*, *Злобка*, *Дурачко* и др. вошли в состав 22 именований. Состав вологодских некалендарных антропонимов достаточно полно отражает общеизвестный и повсеместно употребительный потенциальный именник. Характерная черта именовании жителей Вологодского уезда в дозорной книге 1590 г. – это наличие апотропеических имен тюркского происхождения (*Сабурко*, *Салтанко*, *Мансурко* и др.) и отэтнонимических имен (*Фрязинко*, *Китаико*). Наряду с традиционными некалендарными личными именами, именовании крестьян в документе фиксируют и антропонимы другого типа: *Брага*, *Борзои*, *Губа*, *Залешенин*, *Заноза*, *Кисел*, *Которма*, *Козел*, *Кулик*, *Ломака*, *Шадра*, *Шишига* и др. (19 именований). Самое частотное некалендарное имя в указанном источнике – *Менишик* / *Менишичко* (24 употребления), входящее в группу имен, характеризующих лицо по положению в семье (*Малютка*, *Малко*, *Малыга*).

В числе редких именовании, включающих два личных имени, можно отметить такие случаи: «*Васка Лення Семенов*» (Кн. доз. Волог. у. 1590: 74), «дв. пуст *Конши Волка*» (Кн. доз. Волог. у. 1590: 130), «дв. пуст *Иванка Латыша*» (Кн. доз. Волог. у. 1590: 43), «дв. пуст *Митрошки Мохнатово*» (Кн. доз. Волог. у. 1590: 120) и др. Скорее всего, данные именовании используют бытовые устойчивые антропосочетания двух имен.

Существенные отличия наблюдаются в каргопольских писцовых книгах. В сотной Турчасовского стана Каргопольского уезда 1556 г. Якова Ивановича Сабурова и Ивана Андреевича Кутузова приводятся именовании 1268 крестьян, из них некалендарными именами названо 110, что составляет 8,7 %. Процент некалендарных имен в данном источнике вдвое меньше соответствующего показателя по Белозерскому уезду в 1544 г. и в три раза меньше, чем в описании Вологодского уезда, которое проводилось почти полвека спустя. Очевидно, что отбор некалендарных антропонимов в каргопольских писцовых книгах производился составителями этих документов более строго.

Составители поземельного описания Турчасовского стана Каргопольского уезда 1556 г. к личным именам некалендарного происхождения относили в первую очередь условные (нехарактеризующие) имена, связанные с младенчеством и выполнявшие в именовании ребенка апо-

тропеическую функцию (самыми активными в официальном именовании в данном источнике являются имена *Нечай / Нечайко, Некраско*), и имена, характеризовавшие отношение родителей к младенцу (*Истомка, Жданко*). При этом в данном источнике практически полностью отсутствуют имена, связанные с порядком рождения (*Первый, Второй, Третий* и др.), между тем как по общим статистическим данным они входили в десятку самых популярных общерусских некалендарных антропонимов. Аналогичная картина возникает при рассмотрении антропонимии Каргопольского уезда по материалам Сотной книги Каргопольского уезда 1561–1562 гг. «письма» Никиты Григорьевича Яхонтова. Именования «*Третьячко Жуков кожевник*» (Сотн. Каргоп. 1561–1564: 293) и «*Пятой Иванов сын Брянцов*» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 311), отмеченные в сотных с писцовых книг Никиты Григорьевича Яхонтова по посаду Каргополю и Каргопольскому уезду, выглядят на общем фоне писцового описания 1561–1562 гг. единичными исключениями. Сопоставление данных по Турчасовскому стану 1556 и 1561 гг., содержащих именованья одних и тех же лиц, не дает существенных расхождений в использовании некалендарных имен. Скорее всего, более ранняя сотная легла в основу второго документа и во многом определила характер модели именования лица. Однако отмеченная специфика именования может рассматриваться и как локальная особенность официального именования в XVI в. в каргопольских писцовых книгах.

Вместе с тем писцовые материалы XVII в. свидетельствуют, что некалендарные имена *Первушка, Третьяк (Тренка), Вторко, Пятунка* и др. были так же популярны на территории Каргопольского уезда, как и на других территориях Русского Севера и Русского государства в целом, и Каргополье не может считаться в этом смысле исключением, но, видимо, отношение к ним делопроизводителей в XVI–XVII вв. было особым.

Переписная книга Каргополя, Турчасова посада, Каргопольского и Турчасовского уездов переписи воеводы Василия Ивановича Жукова 1648 г. преследовала цель досмотра «городовым и посадским двором и во дворах всяких чинов людем, а в уѣздох погостом и дрвням, и починкам, и дворам, и во дворах всѣм людем *имяны с отцы и с прозвицы, и их детям, и братьям, и племянником, и подсосѣдникомъ, и захребетникомъ*» (Кн. пер. Каргоп. 1648: 1–10б.). В Каргополе в остроге и на посаде в переписной книге названо 1505 человек. Из них только два именованья включают слово «прозвище». Данным словом отмечены имена: «захребетникъ *Малашко прозвищемъ Первушка Васильевъ*» (Кн. пер. Каргоп. 1648: л. 15), «в. Галашка *прозвищемъ Шестачко Васильевъ*» (Кн.

пер. Каргоп. 1648: л. 46), что подтверждает мысль о том, что имена, связанные с обозначением лица по порядку рождения в Каргопольском уезде, скорее всего, воспринимались его жителями, а вслед за ними и московскими писцами как прозвища. Отличительная черта местной антропонимии – активность имени *Дружина* / *Дружинка*.

Т а б л и ц а 4. Некалендарные имена в переписной книге Каргопольского уезда 1648 г.

Некалендарное имя на первой позиции в именовании (2,6% от общего количества именований)	Некалендарное имя на второй или третьей позиции в именовании (2,2% от общего количества именований)
Вторко (2), Первушка (3), <i>Тренка</i> (9); <i>Дружинка</i> (11); Бажено (4), Жданко (3), Поспѣлко (2), Томилко; Богдашко (2); Завьялко; Рахманко (Ратманко)	Белоглаз, Безногой, Бурыл, Бычекъ, Гудок, Долон, Долыня, Ершикъ, Кокова, Косой, Кулешъ (2), Куница, Мохнатка, Немчин, Пахолок, Пищура; Пята, Ряпус. Ташлыкъ, Тибась, Трещачей, Тчан, Халема, Шарап, Шустъ; Вага, Водлозерец, Заонежанин, Корела, Корелянин, Москва, Плотник

Данная концепция некалендарного личного имени, принятая составителями переписи, прослеживается и на материале именований жителей Каргопольского уезда. В именованиях крестьян отмечены те же самые некалендарные имена, но встречаются они гораздо реже, чем в именованиях жителей посада: «в. *Шестачко* Микитин» (л. 65); «*Тренка* Петров снъ» (л. 65); «в. *Томилко* да Илюшка Селивановы <...> в. *Томилко* Трофимов снъ Торочесникъ»; «в. *Дружинка* Григорьевъ снъ Подберезново» (л. 76); «в. *Дружинка* Васильевъ снъ Попов» (л. 85об.); «*Тренка* Павлов» (л. 89); «*Роспутка* Захарьин» (л. 91); «бобыл *Дружинка* Иванов» (л. 98об.), «в. *Богдашко* Елисѣев» (л. 104); «в. *Дружинка* Петров сын Вешняковъ» (л. 114об.); «в. Ивашко да *Дружинка* Даниловы» (л. 116) и др.

Восприятие перечисленных некалендарных антропонимов в качестве официальных личных имен способствовало тому, что в одном ряду с патронимами, образованными от календарных имен, изредка (менее 1 % именований), встречаются и образования от имен *Дружина*, *Третьяк*, *Бажен* и некоторых других: «Бобыл Матюшка *Русинов снъ* Полутина» (Кн. пер. Каргоп. 1648: л. 9); «Ивашко *Баженов снъ* Савина»

(Кн. пер. Каргоп. 1648: л. 22об.); «Фролко *Богданов снъ*» (Кн. пер. Каргоп. 1648: л. 24об.); «Гришка *Третьяковъ снъ* Ртищовъ, Ондрюшка *Дружинин сын* Пригодин» (Кн. пер. Каргоп. 1648: л. 26); «Ивашко *Дружининъ снъ* Лупаловской» (Кн. пер. Каргоп. 1648: л. 29об.); «захребетники Петрушка семи годов да Еуфимко по четвертому году *Путиловы дѣти*» (Кн. пер. Каргоп. 1648: л. 45об.); «Онтонко *Третьяков сын* Мякотин» (Кн. пер. Каргоп. 1648: л. 47); «Ивашко *Первого сын* Бородулин» (Кн. пер. Каргоп. 1648: л. 47об.).

В источнике отмечено одно именование, в котором модификат календарного имени приводится в качестве прозвища после некалендарного имени: «захребетникъ *Поспелко* Григорьев снъ *Феница*» (Кн. пер. Каргоп. 1648: 21), что также имеет единичные соответствия в каргопольских писцовых книгах XVI в. Вероятно, в таких случаях, вопреки писцовым стандартам, на первое место в именовании выступал тот антропоним, который был более значим для социальной идентификации лица, а календарное имя записывалось как дополнение к этому именованию.

Ограничение круга некалендарных имен, используемых в официальном именовании, объясняет большую активность общерусских процессов вытеснения некалендарных имен календарными, отражающую унификацию антропонимии в языке московских приказов, на территории Каргопольского края по сравнению с другими севернорусскими территориями.

Таблица 5. Некалендарные имена и прозвища в переписной книге Турчасовского уезда 1648 г. (на тысячу именовании)

Некалендарные личные имена на первой позиции в именовании (3,9%)	Некалендарные личные имена на второй позиции в именовании (0,7%)	Некалендарные личные имена со словом «прозвище» (0,01%)
<i>Баженко</i> (7), <i>Богдашко</i> (3), <i>Вторко</i> , <i>Дружинка</i> (5), <i>Жданко</i> , <i>Первушка</i> (4), <i>Поздѣико</i> , <i>Полѣтаико</i> , <i>Посничко</i> , <i>Пятко</i> (3), <i>Ратманко</i> , <i>Семко</i> (3), <i>Томилко</i> , <i>Тренка</i> (7)	<i>Брусница</i> , <i>Кузнецъ</i> , <i>Морянин</i> , <i>Мутовка</i> , <i>Поморець</i> , <i>Привалиха</i> , <i>Хромой</i>	<i>Балашъ</i>

Противопоставление календарных и некалендарных имен в переписных и писцовых книгах XVII в. так же, как и в XVI в., зависело от субъективных установок писца и отражало объективно сложившиеся

традиции составления деловых актов. Для писцовых книг 1623–1626 гг. Устюга Великого и Устюжского уезда, например, более характерно использование некалендарных имен вместо календарных: «*Жданко Сидоров да сын его Таскайко*» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 624). В писцовой книге 1623–1626 гг. только некалендарным именем жителя Устюга названы 201 раз, и лишь в 7 случаях некалендарное имя противопоставлено календарному. Более регулярно фиксируются имена *Тренка (Третьяк)* (27), *Богдашка* (25), *Пятунка* (11), *Первушка* (8), *Шумилко* (8), *Жданко* (8), *Томилко* (6), *Девятко* (6), *Баженко* (4), *Вторышка* (4), *Безсонко* (4), *Замятенка* (4).

Сходная картина наблюдается и в писцовой книге Вологодского уезда 1627–1630 гг. Некалендарные имена фиксируются на общих основаниях с календарными антропонимами: «Д. Бекѣтово – а въ ней крестьянь: во дв. *Ондрюшка* Ларивоновъ съ сыномъ зъ *Замятемъ*, во дв. *Тугаринко* Ларивоновъ, во дв. Гостко Васильевъ зъ братомъ съ Осипкомъ, во дв. бобыль *Замятенка* Васильевъ» (Кн. писц. Волог. у. 1627–1630: 174). Перечень некалендарных имен в этом случае достаточно традиционен: *Первушка*, *Вторушка*, *Тренка*, *Пятунка*, *Шестунка*, *Девятко*, *Меничико*, *Дружинка*, *Баженко*, *Завьялко*, *Томилко*, *Поспелко*, *Поздейко*, *Спешилко*, *Ворошилко*, *Пинайко*, *Вешнячко*, *Посничко*, *Суботка*, *Гуляйко*, *Нехорошко*, *Суетко*, *Бессонко*, *Корепанко* и др. Случаи, когда некалендарное имя приводится после календарного без указания на его «прозвищный» характер, единичны и, скорее всего, представляют собой употребительные в быту устойчивые сочетания двух имен: «Дворъ пусть *Ивашки Шевеля*, умеръ» (Кн. писц. Волог. у. 1627–1630: 36).

Слово «прозвище» в указанном источнике используется для оценки компонентов именования редко (около 30 именований). Оценке при помощи слова «прозвище» подвергаются разные некалендарные антропонимы: *Призѣйка*, *Бовыка*, *Широкой*, *Трубица*, *Озорнякъ*, *Копось*, *Морозъ*, *Бажень*, *Баженко*, *Безсонко*, *Дружинко*, *Корова*, *Копырка*, *Сажка*, *Чюлокъ*, *Заварза*, *Сосна*, *Ечора*, *Волокитка* и др. В их числе и внутрисемейные имена, которые в других именованиях занимают первую позицию: «во дв. Ондрюшка Микитинъ, *прозвище Бажень*» (Кн. писц. Волог. у. 1627–1630: 61); «во дв. Еремка Аѳонасьевъ, *прозвище Волокитка*» (Кн. писц. Волог. у. 1627–1630: 253); «во дв. Данилко Петровъ, *прозвища Безсонко*» (Кн. писц. Волог. у. 1627–1630: 265) и др. Вместе с тем в некоторых именованиях к разряду «прозвищ» составителями писцовых книг Вологодского уезда отнесены и фамилии, а воз-

можно, и вторые (отпрозвищные) полуотчества, отчетливо выделяющиеся на фоне некалендарных имен, занимающих первую позицию в именовании и воспринимаемых составителем документа в качестве личного имени: «Дер. Три~~ю~~ановская на р~~ѣ~~чкѣ на Крути~~ѣ~~ – а въ ней крестьянъ: во дв. *Бразжска* Ивановъ, во дв. *Первушка* Кузминъ, *прозвище Варегинъ*» (Кн. писц. Волог. у. 1627–1630: 68); «во дв. Сенка Иванов *прозвище Зыковъ* <...> во дв. Олешка Ивановъ сынъ *Зыковъ*» (Кн. писц. Волог. у. 1627–1630: 207); «во дв. Гаврилко Григорьевъ, *прозвища Шанинъ*» (Кн. писц. Волог. у. 1627–1630: 265).

Слово «прозвище» в документах XVII в. не указывало на разряд антропонима, и логика в его употреблении применительно к некалендарным внутрисемейным и другим антропонимам отсутствовала даже в пределах описания одного населенного пункта: «во дв. Власко Спиридоновъ съ сыномъ Ивашкомъ да у него жъ пасынокъ Омелянко Гавриловъ, *прозвище Дружинко*, во дв. *Домошничко* Ондр~~ѣ~~евъ съ сыномъ съ Рычкомъ да съ племянникомъ зъ Демкою Якимовымъ, *прозвище Варакка*, – да бобыли: во дв. *Меншичко* Ондр~~ѣ~~евъ зъ д~~ѣ~~тми зъ Демкою да съ Ивашкомъ, во дв. *Суетко* Гавриловъ съ сыномъ Исачкомъ, во дв. Ермолка ~~Ф~~илиповъ съ сыномъ Гришкою, во дв. Пиминко Хорламовъ зъ братомъ зъ Давыдкомъ, во дв. Бориско Антоновъ зъ братомъ съ Миткою, во дв. Митка ~~Ф~~илиповъ, *прозвище Корова*» (Кн. писц. Волог. у. 1627–1630: 263–264).

Оценка антропонима как «прозвища» в писцовых материалах Русского Севера носила субъективный характер, что подтверждается сравнением писцовых источников по одной и той же территории, составлявшихся параллельно разными писцами. Перепись Устьянских волостей 1630-х годов осуществлялась в два приема разными составителями. В 1634–1636 г. Дмитрием Михайловичем Овцыным описаны Соденгская, Ростовская, Шангальская, Пежемская, Чадромская волости. В 1639 г. по грамоте Устюжской четверти пристав Устюжской четверти Ларион Васильев и «Устьянских волостей земские судейки Пахомко Елизаров с товарищи, Соденские волости Томилка Офонасьев с товарищи, да Ростовские волости Ярофейко Семенов с товарищи, да Чадромские волости соцкой Савка Игнатъев, да Пежемские волости выборные люди Сенька Самсонов Кубенин да Никита Тупицын» (Кн. пер. Устьян. 1639: л. 64) в дополнение к книге Дмитрия Михайловича Овцына описали Никольскую, Волюсную и Введенскую сошки Введенского стана и Дмитриевскую волость, крестьяне которых в 1636 г. себя «переписать не дали».

В переписных книгах Устьянских волостей 1635–1636 гг. устойчива тенденция противопоставления некалендарных имен календарным, подчеркивание их прозвищного характера: «Павлик Петров *прозвище Четвертко*»; «Стенка Васильев *Рычко*» (Кн. пер. Устьян 1634–1636: л. 21, 27). Это прослеживается на материале переписных книг Устьянских волостей 1634–1636 гг. и писцовой книги 1664–1665 гг. (см. табл. 6).

Таблица 6. Соотношение способов включения некалендарных имен в именование жителей Устьянских волостей в переписных книгах 1634–1636, 1639 гг. и писцовой книге Ростовской волости 1664–1665 гг.

Год	Волость	Именования, включающие некалендарное имя (всего), %	Названы только некалендарным именем, %	Названы и календарным и некалендарным именем, %
1636	Шангала	9,3	4,65	4,65
	Пежма	10,25	2,7	7,5
	Чадрома	10,5	3,8	6,7
	Ростовщина	11,7	8,5	3,2
	Соденга	16,5	12,6	3,9
1639	Введенский стан, Дмитриевская	26,3	26,3	–
1664	Ростовщина	8	2,2	5,8

В отличие от московских писцов, местные делопроизводители – составители переписи 1639 г. («писал Устьянские волости Веденского стану выборной земской дьячек Ондрюша Лукин» – Кн. пер. Устьян. 1639: л. 72об.) не разграничивали календарные и некалендарные имена, о чем свидетельствует более активное включение в именование некалендарных имен и отсутствие случаев противопоставления их календарным: «*Буторка* Феоктистов» (л. 66), «*Рычко* Гаврилов *Костолга*» (л. 66об.), «*Пятко* Григорьев», «*Прокудка* Савельев», «*Жданко* Вавилин» (л. 67), «*Девятко* Григорьев» (л. 67), «*Рычко* Семенов» (л. 68), «*Подосенко* Игнатьев» (л. 68) и др.

Очевидно, что, говоря о вытеснении некалендарных имен календарными в официальном именовании на протяжении XVI–XVII вв., следует иметь в виду не изменение антропонимической системы, а изменение отношения составителей документа к тем или иным группам антропонимов. Это отношение было различным у разных писцов, нередко оно не было стабильным даже в рамках одного писцового документа.

Так, например, в переписной книге Архангельского города, Холмогорских посадов и Двинского уезда переписи Ивана Ивановича Философова и подьячего Кузьмы Патрееева 1646–1647 гг. наблюдается постепенное изменение стандарта записи именований. В переписи дворов Архангельского посада обращает на себя внимание непоследовательность в использовании слова «прозвище» по отношению к разным типам антропонимов. Внутрисемейные некалендарные имена обычно не подвергаются оценке, например: «в. *Роспутка* Аристов у него снъ *Дружинка* да племянники *Тренка* да *Ивашко Семеновы*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 18об.); «дворникъ *Вторышка* *Федоровъ* снъ *Игумновъ*» (там же). По отношению к другим некалендарным именам субъективная оценка могла выражаться при помощи слова «прозвище» или только за счет порядка следования компонентов именования: «в. *Ефремко* *Филимоновъ* снъ *прозвище Пуга*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 16об.); «в. *Якимко Максимовъ* снъ *прозвище Порозъ*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 18); «в. *Олешка Власов* снъ *Гозара*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 23); «д. Живоначалные *Троицы Сергиева мнстря*, а в нем дворникъ *Семеика Дорофьевъ* снъ *Кривошея*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 25об.); в ряде случаев при описании пустых дворов воспроизводилось бытовое двухчленное именование: «д. пусть *Олѣрка Хромого*, а онъ живет в мнстрѣ» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 24). Также отмечены примеры оценки фамилий при помощи слова *прозвище*: «в. *Гаврилко Титов* снъ *прозвище Чертовъ*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 16об.); «в. *Кирилка Миронов* сынъ *прозвище Гнѣвоцевъ*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 22об.).

При описании Холмогорских посадов круг антропонимов, оцениваемых как прозвища, заметно упорядочивается. К данной категории имен составителями переписи последовательно отнесены только внутрисемейные некалендарные личные имена: «в. *Овдокимко прозвище Богдашко* *Васильвъ* сын *Собакинъ*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 38об.–39); «в. *Степанко прозвище Томилко* *Ульянов* сын *четочникъ*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 40); «*Ефремко прозвище Жданко* *Аристархов* снъ *Котовикъ*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 41); «в. *Венедитко прозвище Постничко* *Ивановъ* сын *сапожникъ*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 44об.); «в. *Викулко Васильевъ* сын *кузнецъ* у него внукъ *Феоктистка прозвище Вторушка* у него сынъ *Митка прозвище Дружинка*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 34об.); «в. *Оверка прозвище Таскаико* *Васильевъ* снъ *Шихутинъ*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 35об.); «в. *Михѣико прозвище Докучка* *Васильвъ* снъ *Шихутинъ*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 31); «в. *Пантелѣико прозвище Сутормка* *Петровъ* у негѣ снъ *Оничка прозвище Пятушка*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 32); «в. *Тимошка прозвище Первушка* *Терентьевъ* снъ

Малюдкин» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 49об.); «Васка *прозвище Тренка* Васильи́въ снъ Сорокинъ» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 51об.); «в. вдова О. оросинья Семеновская жена Федотова у неи два сна Пер. оирейко *прозвище Шестачко* да Тимошка» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 33); «в. Карпушка да Федка *прозвище Роспутка* Игнатьевы» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 37об.); «в. Петрушка *прозвище Худячко* Овдокимов сынъ Горемыкин» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 43); «в. Климко *прозвище Замятенка* Малахи́въ сын Плотников» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 47) и др. При этом субъектная оценка некалендарных имен нередко отсутствует в именовании владельцев пустых дворов (именуемые не существуют в момент переписи, либо местонахождение их неизвестно): «д. *Первушки* Минина сна *Оборы умер*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 32об.); «д. пусть *Томилка* Жданова сна Бадакина *умеръ*; д. пусть *Пятка* Ульянова Четочника *сшоль безвѣстно*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 35об.). Упорядоченное применение слова *прозвище* к внутрисемейным некалендарным именам отразилось и в единичных случаях, когда оно противопоставляет патронимы, образованные от разных имен отца именуемого: «в. Осипко *Евсѣйи́въ сынъ прозвище Баженин*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 30об.).

Другие группы некалендарных антропонимов, в том числе и фамилии, за редкими исключениями оценке при помощи слова «прозвище» не подвергаются: «...у него на подворье Мишка Федотовъ сынъ *Коза мясникъ*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 29); «Ондрюшка Исаковъ сын *Шулга* <...> в. Ивашко Евдокимов *Сухои*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 40об.); «в. Федка Микитин сынъ *Шингъ*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 47–47об.); «в. вдова Ульяница Осиповская жена Пиченосова <...> у неи же ссѣды Якушко Тимо. ѳѣв сын *Лоцило* у него сын Юшко да Лукашка *прозвище Тренка* Минин сын *Коза*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 45–45об.).

В переписной книге Белоозера 1646 г. переписи Селуяна Павлова и подьячего Григорья Белова случаев, когда некалендарное имя употреблено на первом месте в антропосочетании, не отмечено. Из 729 именовании 23 включают некалендарные имена (3,1 %), сопровождаемые словом «прозвище». Состав имен на второй позиции достаточно произволен: *Баженко, Брех, Бритва, Галей, Грошовый, Деревянной, Долгой, Дружинка, Дуда, Дутый, Кот, Недочеха, Подципай, Пятунка, Сава, Седун, Толмачъ, Томилко, Торопка, Тренка* (2), *Черной, Чюхар*. Вместе с тем почти треть (28,2 %) именовании включают слово «прозвище», которое характеризует фамилию: «в. вдова Оленка Федотовская жена *прозвище Папина* с сномъ с Лучкою Не. ѳедовымъ сномъ *прозвище Папин*, а у Лучки Якушко да с племянникомъ с ѳадѣйком Осиповымъ сномъ *прозвище Папин*, в. Якушко Ларивонов снъ *прозвище Папин* с сном с

Корнилкомъ да з братом с роднымъ Ѡедкою, а у Ѡедки дети Ларка да Оска да Микитка» (Кн. пер. Белоз. 1646: л. 209об.); «в. Онтонка Иванов снъ *прозвище Шулгинъ* с сном съ Емелкою *прозвище Тренка* да с ними живет брат родной Машка Шулгин с сном с Олешкою, д. пусть Коземки Иванова сна *прозвище Шулгина*» (Кн. пер. Белоз. 1646: л. 213–213об.).

Итак, использование слова «прозвище» в писцовых книгах зависело от требований, предъявляемых к именованию лица в данном типе документации, но каждый составитель документа по-своему определял круг антропонимов, к которым следует применять данную оценку. Очевидно, что принципы фиксации некалендарных имен языком деловой сферы рассматриваемого периода разработаны не были. Все отмеченные случаи носят стихийный характер, не отражают закономерности официального именования XVI–XVII вв. Субъективный подход составителя документа к именованию проявлялся и в выборе средств номинации, в предпочтениях, отдаваемых одним именам и исключении (иногда полным) из официального именования других.

Наблюдения над модальностью личного именования в деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв. позволяют делать наблюдения над концепцией личного имени и ее реализацией в различных текстах.

Старорусская антропонимия официально-деловой сферы, представленная в севернорусских актах и писцовых материалах, отражает взаимодействие трех антропонимических подсистем: а) потенциального православного (церковного) именника; б) обработанных в писцовой практике модификатов личных имен и антропонимических формул приказного языка; в) устойчивых личных именований, употреблявшихся в повседневно-обиходной речи. Особенно сильное влияние на официальное именование лица оказывала потенциальная антропонимия, характерная для приказного делопроизводства, что способствовало унификации документального именования, утрате особенностей, обусловленных местными традициями называния лиц в повседневно-обиходной речи. Единой нормы употребления личного имени в эту эпоху не было, восприятие и оценка антропонима варьировались в разных контекстах речи. Восприятие имени писцами, делопроизводителями, церковнослужителями могло существенно различаться. При оценке разных номинативных вариантов личных имен гиперкорректными считались антропонимы, получившие фиксацию в авторитетных для производителя речи письменных текстах (святцы, писцовые книги, другие документы).

Между тем можно назвать общие тенденции функционирования личных имен, обусловленные точками зрения на личное имя, отражае-

мыми в деловой речи XVI–XVII вв. Общей чертой официального именования этого периода становится восприятие личного имени как средства социальной характеристики лица. Этим обусловлено активное и весьма последовательное употребление модифицированных и немодифицированных личных имен. Большая часть модификатов календарных и некалендарных имен получила закрепление в приказном языке этого времени.

Актуальная антропонимия, используемая на тех или иных территориях, включала огромное количество некалендарных имен. Небольшая их часть (общая для разных локальных антропосистем и регулярно употребляемая для именования лиц) была признана приказным языком в качестве личных имен (*Богдан, Первой, Второй, Третьяк, Ждан, Бажен* и ряд других). Некалендарные имена по-разному оценивались составителями текстов, разными способами включались в именование.

Наряду с календарными именами в выборе средств антропонимической номинации повсеместно проявлялось предпочтение, отдаваемое некалендарным антропонимам, не выражающим личностных оценок, нехарактеризующим или условно характеризующим. Среди характеризующих имен особое внимание уделялось антропонимам, отражающим социальные признаки лиц (чаще всего – положение в семье).

Таким образом, субъектная модальная оценка компонентов именования была различной. Наиболее ярко в именовании выражалась оценка *обязательности / необязательности* имени (основное, необходимое / дополнительное, прозвищное). Антропоним мог оцениваться субъектом речи с точки зрения его *подлинности / неподлинности*. Противопоставление настоящего и ненастоящего имени в ряде случаев могло осложняться таксисными отношениями (*прежнее / нынешнее*). Наблюдаемый в писцовой практике отбор средств антропонимической номинации отражает тот факт, что одни антропонимы воспринимались автором документа как личные имена, другим отказывалось в статусе имени собственного.

4.7. Модальность посессивного отношения, выражаемого именованием лица

При широком подходе к анализу посессивных отношений разграничиваются значения отторжимой («отчуждаемой») и неотторжимой («неотчуждаемой») принадлежности. Последняя понимается как постоянное, неизменное свойство предмета, определяемое его отношением к субъекту обладания. В частности, значение неотторжимой принадлеж-

ности свойственно конструкциям с терминами родства и свойства, а также близкими к ним словами релятивной семантики (Журина 1977). Рассматривая категорию посессивности в славянских языках, А. В. Головачева все конструкции с отношениями неотчуждаемой принадлежности делит на две группы: с отношениями абсолютной неотчуждаемости и относительной неотчуждаемости. В первую группу входят сочетания с названиями частей тела, кроме отрастающих (*его глаза*), именами абстрактных сущностей (*его душа*), а также одежды, жилища, предметов личного обихода (вне их конкретного воплощения), некоторых территориальных названий наиболее общего характера (*его жилье, его имущество, его одежда, его страна*). К относительно неотчуждаемым объектам относятся отрастающие части тела (усы, борода и т. п.), лица, состоящие с посессором в отношении родства, а также его друзья и соседи, одежда, жилище, предметы личного обихода в более узком понимании и т. п. (Головачева 2000: 22–23).

В отношениях отчуждаемой принадлежности А. В. Головачева предлагает разграничивать «собственно отчуждаемость» и «окказиональную неотчуждаемость». При отношениях окказиональной неотчуждаемости объектами обладания становятся предметы, объекты, которые «оцениваются языковым и человеческим менталитетом как возможные», отношения неотчуждаемости при этом ограничены временными рамками или внешними условиями, которые мыслятся как переменные. Среди них конкретные предметы одежды, личного обихода, предметы собственности, локусы обитания и деятельности (*его изба*), орудия и продукты деятельности (*его рукопись*); лица, связанные с посессором по функции (*его учитель*); абстрактные сущности, переменные состояния (*его голод, его должность*) и т. д. К собственно отчуждаемым объектам А. В. Головачева относит объекты, способные спорадически выполнять роль объектов обладания, среди них любые предметы, связанные с посессором ситуативно, лица, абстрактные сущности явления, связь которых с посессором устанавливается в предтексте (*его попутчик, его догадка*) (Головачева 2000: 34–39).

Из сказанного выше следует, что посессивные отношения могут мыслиться и соответственно обозначаться как постоянные и реальные (при неотчуждаемой принадлежности) или как реальные-ирреальные, утраченные (в случаях отчуждаемой принадлежности).

Наименование отчуждаемых объектов обладания в деловой письменности XVI–XVII вв. использовало разные средства обозначения принадлежности – генитивные конструкции, конструкции с притяжательными суффиксальными образованиями, а также некоторые лексиче-

ские средства, характеризующие ситуацию владения / обладания («пустой жеребей» и др.): «въ Вологотцкомъ уезде у Миколы въ Заболотьѣ пустыми Петрушинскимъ жеребьемъ Булындина да Давытковскимъ, что розданы съ розными помѣщики» (Сторожев I, 5); «а велѣтъ сыскать въ селѣ Николскомъ крестьянские Петрушкинъ да Давыдовъ Булындиныхъ жеребьи» (там же, 6); «въ селѣ Никольскомъ Заболотьѣ пустые жеребьи Петрушки Булындина да Давытка Момотова обведены» (там же, 10); «Да въ томъ же селѣ Никольскомъ Заболотьѣ пустые два жеребья крестьянскіе Петрушкинской Булындина да Давыдовской Момотова» (там же, 47).

В писцовых книгах XVI в. характерным было противопоставление конструкций с реальной посессивностью (при описании жилых дворов) и конструкций с ирреальной посессивностью (при описании пустых дворов): «В Карго же поле дворы пустые, а на льготу их не взяли. На Красном посаде двор Ивановской Трапезникова, двор Маринской Петрушинской жены, двор Макарковской Борасова, двор Игнашинской Возкова. В Пономареве улице по правой стороне ко всполью двор Спиркинской Попкова <...> двор Нечаевской Кожевников, двор Миткинской Еремина <...> д. Зычка Смертина, д. Петроковской Лобанина <...> д. Сенкинской Сметанина <...> д. Павликовской Климова <...> д. Тренкинской Оникиева <...> д. Степановской Трофимова» (Сотн. Каргоп. 1561–1564, 295–296).

Разработанность приказным языком формуляра писцовых материалов способствовала упрощению, унификации посессивных конструкций в XVII в. Номинации объектов обложения в писцовых и переписных книгах, соответствующие модели «м. дворовое пусто Бажѣновское Сабелникова, Бажѣнко умеръ» (Кн. писц. СВ 1645, л. 23); «да к посаду ж приписаны полянки усольцовъ посадцкихъ людей полянка Ивашевская Скороносова да Миткинская Хохлова да три полянки Морозовские» (там же: л. 43–43об.) уступают место собственно генитивным конструкциям, которые в наименованиях неодушевленных объектов обладания не выражали оценку посессивного отношения. Вероятно, с одной стороны, это было обусловлено необходимостью различения топонимов и отантропонимических дескрипций в описаниях объектов и стремлением к унификации формул именования как актуальных, так и бывших владельцев земельных наделов.

В писцовых и переписных книгах в наименованиях дворов, не имевших владельца в момент переписи, характер обладания выражался не посессивной конструкцией, а квалификацией описываемого объекта, записанного за конкретным владельцем в более ранних переписях

(«двор пуст», «место дворовое»): «д. *Баженка да Осипка Тимо~~ф~~евых, а в нем живет захребетник Ортюшка Кирилов сн^я Неклюдова*» (Кн. пер. Турч. 1648: л. 522об.), и, возможно, отантропонимическая конструкция с ирреальной посессивностью в данной формуле уже воспринималась как избыточная.

В севернорусской антропонимии деловой сферы посессивное отношение именуемого лица также могло выражаться словообразовательными средствами, лексическими и синтаксическими; ср.: «да *внук^ъ моей Анн^ѣ, дочери моей Варвары дочери, Андреев^ъ дочери Маркова, 500 руб.*» (Дух. УВ 1658; АХУ I, 317).

Наиболее широким спектром значений обладали суффиксы *-ов/-ев/-ин*, в структуре именования лица способные выражать различные посессивные значения (как общепосессивное, так и собственно разрядное патронимическое). Они предполагали выражение реального отношения именуемого к другому лицу.

Общепосессивное значение суффикса реализовалось в собственных деловому языку конструкциях с опорным словом – номеном: «Оска *Ермолин сын Мартемьянов внук Криволюсова*» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 438). Реляционные термины в этом случае характеризовали сам тип посессивного отношения, а зависимая форма указывала на связь с другим лицом. Термины кровного родства выражали оценку отношения, которое мыслилось как реальное и постоянное, поскольку отношения кровного родства, определяемые по признаку физиологического рождения, имеющего объективный характер, не могут измениться со временем или быть отменены.

Патронимическое значение («сын / потомок лица, названного мотивирующей основой») выражалось в составе «полуотчеств» и «фамильных прозваний» (Азарх 1984: 131): «*Иванъ, прозвищемъ Рычко, Васильевъ сынъ Боровского <...> зъ Григорьемъ Ивановымъ Рыковымъ*» (АХУ III, 1662: 347); ср. с фамилией: «Офонка *Чебыка*» (Сотн. Уст. 1557: л. 3об.); «*волость Шастка*», «с *Шацкой волости Филка Прокопьев сынъ Чебыкинъ*» (Росп. 1654: л. 5), «*Деревни Самылова крестьянин Логинко Филипов Чебыкинъ*» (Кн. выборн. Уст. у. 1660: л. 10), «*Самоило Логиновъ Чебыкинъ*» (Челоб УВ 1662; АХУ I, 342) и др.

Специализированным средством выражения относительности посессивного отношения, которое мыслилось как ирреальное, утраченное, были образования типа *Петровская жена*. В именованиях женщин патронимы, включающие образования с суффиксом *-ов/-ев/-ин*-, противопоставлены андронимам с суффиксами *-овск/-евск/-инск*- не только формально, но и модальностью выражаемых посессивных отношений:

патроним указывал на кровнородственное отношение как постоянное, неизменное свойство лица, андроним – на брачное отношение, которое может быть утрачено или изменено после смерти одного из супругов (согласно книгам записи венечных пошлин XVII в., «двоеженцы» и «троеженцы» составляли значительную часть брачащихся): «устюжаня *вдовка Аксеньица Иванова дочь, а Невзоровская женишко, съ сынишкомъ своимъ съ Максимкомъ Невзоровымъ*» (Челоб. УВ 1634; АХУ III, 163);³ «бѣдная *вдова Омелѣица Александрова дочь, а Романовская женишко Гоголева*» (Челоб. УВ 1657; АХУ III, 284). В случае реальных (сохраняющихся) брачных отношений конструкция андронима мало чем отличалась от модели образования описательного патронима: «в. Устинѣица *Васкина жена Михаилова, а Васка да брат ево Первушка сошли в Сибирь*» (Кн. пер. Каргоп. 1648: л. 18об.); «д.обылеи *Федки да Степанка Григорьевых дѣтей Ершова <...> а во дворе живет Федкина жена Приходца*» (Кн. пер. Каргоп. 1648: л. 5об.).

Вместе с тем андронимические конструкции по способности к оценке посессивного отношения мало чем отличались от подобных словосочетаний, характеризующих разные объекты номинации: «невѣсткѣ *моей, Васильевской женѣ Матронѣ, судомъ Божиимъ случилась смерть <...> покойной неvěсткѣ моей Матронѣ Дмитриевѣ дочери велѣно дать изъ мужнихъ Васильевскихъ животовъ изъ трети четверть*» (Дух. УВ 1658; АХУ I, 316).

В именовании замужних женщин по мужу нередко использовались генитивные конструкции, которые не содержали средств оценки брачных отношений: «Усолского уѣзда, Петровскаго селца *Марьица Федорова дочь, а Михайла Синюшкина жена*» (Челоб. УВ 1626; АХУ III, 19); «родомъ устюжанка, а *Тоболсково Сибирсково города жилица Третьяка Юрьева сына Котова женишко, Марьица Федорова дочь Кулигина*» (Челоб. УВ 1631; АХУ III, 100). Включение в именование женщин наряду с патронимом речевых дескрипций «по мужу» характерно для номинаций в челобитных, их компонентный состав мог быть достаточно разнообразным: «во 171-мъ году заложилъ я богомолецъ твой для своей скудости *гостиной сотни Силы Грудцына Усова приказчики ево Алѣксея Высоты женѣ ево Матрене Евдокимове дочери треть деревни своей Чечюлина*» (Челоб. УВ 1663; АХУ III, 325).

³ В некоторых документах, например челобитных, посессивные конструкции могли сопровождаться экспрессивной оценкой (*вдовка, женишко, семейшко*), но эта оценка относилась к лицу и не характеризовала само посессивное отношение.

От именовании замужних женщин нередко отличались именовании вдов. Термины свойства «жена» и «вдова» различались модальностью отношения, в первом случае брачные отношения мыслились как реальные, во втором – ирреальные. Хотя при именовании вдов, после смерти мужа вступающих в право владеть и распоряжаться имуществом семьи, в писцовых и переписных книгах нередко используются компоненты именовании, выражающие реальную модальность отношения к мужу: «*вдова Чернавка Семенова жена Осипова*» (Кн. писц. Уст. у. 1623: л. 13); «*вдова Марьица Федосиева жена, бродит меж двор*» (Кн. писц. УВ 1623–1626: 187); «*вдова Федосьица Первушкина жена Шапочника*» (там же) и др. Слово «вдова» в этом случае выражало оценку посессивного отношения, указывало на относительность реляционного признака, выражаемого словом «жена». По наблюдению С. И. Зинина, употребление в составе именовании вдов слова «жена» было нормой до первой четверти XVIII в., в XVIII в. в актовых книгах Москвы место опорного элемента описательных конструкций андронимического характера последовательно занимает слово «вдова» (Зинин 1969а: 83).

Использование подобных конструкций, характерных для именовании вдов, нередко приводило к образованию особой словообразовательной модели именовании женщины по умершему мужу и большей специализации суффикса, не требовавшего терминов родства: «в. *вдова Федосьица Архиповская*» (Кн. пер. Турч. 1648: л. 507об.).

Описательные андронимы, включающие относительное прилагательное, образованное от имени мужа, могли использоваться и в «полумирских» именовании монахинь, особенно в случае судебных тяжб в миру: «*Три старицы того жъ дѣвicha монастыря Ираида Плотниковская жена, да Домна Пушкаревская жена, да Ненила Баженовская жена Селемцова*» (Челоб. УВ 1632; АХУ III, 129). Слово «старица» в подобных номинациях также влияет на выражение модальности брачного отношения номеном «жена».

Окказиональность посессивного отношения, выражаемого именованием по мужу, приводила к включению в структуру полупредикативной конструкции слова *бывший* (*бывшая*): «*Наталиа Иванова дочь Соколова, а Фроловская бывшая семейшко, Сухонсково Нововышлово стану*» (Челоб. УВ 1626; АХУ III, 25); «*на сватью свою на Марью Федорову дочь, а Стефана Короля бывшую жену*» (Челоб. УВ 1633; АХУ III, 146); «*гостиной сотни торгового человека Никифоровская бывшая жешко Ревякина Матронка Внифантьева дочь*» (Челоб. УВ 1657; АХУ III, 281).

В именовании одного и того же лица могли использоваться различные средства выражения модальности отношения женщины к мужу: «Матренка *Васюковская жена* з детми <...> Матренка *Васюкова* з детми» (Сотн. Каргоп. у. 1561–1562: 399, 402). Ср., например: «Жалоба, государь, мне, сироте твоему, на устюжанку *вдову* на Ирину Осипову дочь, *бывшую Васильевскую жену Федотова*» (Судн. дело УВ 1680; АПД 1660–1680: 201); «И против его, Федорова, челобитья и купчей *вдова* Иринка Осипова дочь в допросе сказала» (Судн. д. УВ 1680; АПД 1660–1680: 199); «А *вдове Васильевской жене Дмитриева* Иринке Осипове дочери от той деревни Петровской <...> отказано» (Судн. д. УВ 1680; АПД 1660–1680: 201).

В целом необходимость именования женщины по мужу, даже и умершему, осознавалась составителями старорусских документов по-разному. В писцовых и переписных книгах патронимы и андронимы не только идентифицировали лицо, но и называли бывшего владельца двора; ср.: «во дв. *Петрушки Контева жена* ево Маринка Федорова, а онъ Петрушка умре во 189 г.» (Кн. писц. УВ 1677: 90); «во дв. вдовы Олисавка да Соломейка *Якушка да Ивашка Васильевых дѣтей жены Севастѣва* <...> Якушка Васильевъ сынъ Севастѣвъ умре во 189 г.» (Кн. пер. Лал. 1678; Пономарев, 67); «во дв. *прежняго владѣльца Ивашка Семенова сына Норицына дочь* Марфутка 8 годовъ» (Кн. пер. Лал. 1678; Пономарев, 67) и др. Менее регулярны патронимы и андронимы (точнее, прозвания по бывшему мужу) в номинациях вдов-«бобылок» и в описаниях пустых дворов: «д. *вдовы Оксеньицы Заполскои*, а живет в немъ Филка Григорьев снъ Шалжаниновъ» (Кн. пер Каргоп. 1648: л. 22); «в. бобылка *вдова Ненилка Ермолина доч Плотникова*» (там же: л. 33об.). Обычно используемый в данных номинациях андроним образовался не от именования мужа в целом, а от одного из компонентов (личного имени, фамилии): «в. бобылка *вдова Матронка Ортемьевская жена* да сын еѣ Илюшка» (там же: л. 2); «бобылка *вдова Офимьица Елестѣвская*» (там же: л. 8об.); «в. бобылка *вдова Матронка Григорьева дочь Поторниха*» (там же: л. 10) – ср.: «*вдова Оксеньица Федоровская жена Поторнина* да захребетники <...> Малашко Овдокимов сынъ Поторнин» (там же: л. 57); «м. дв. Капилицы *Бушуевские жены*...» (Кн. писц. УВ 1676–1683: 91).

Иногда не требовалось именования по мужу и в том случае, если вдова не являлась собственно владелицей двора, а числилась в «подсоседниках» или «захребетниках»: «в. Олешка Власов снъ Гогара у него живет *вдова Каптелиница* у неи снъ Роспутка Петров» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 23об.).

В XVII в. наблюдается параллельное именование замужних женщин в зависимости от характера документа – по «мужской формуле» или «по мужу». Например, именование женщин в челобитных зависело от того, какие родственные связи подчеркиваются челобитчиком: принадлежность к семье мужа или роду отца: «извещаетъ Устюга Великого посадной человекъ Гришка Кондратьевъ сынъ Коневъ *на свою на сноху на Домну Иванову дочь Кожину*» (Челоб. УВ 1626; АХУ III, 27); «бьетъ челомъ и являетъ холопъ твой Устюжской стрелецкой десятичишко Нефедко Сидоровъ на жену свою на Онтонидку *Иванову дочь Лоскутову Попову*» (Челоб. УВ 1629; АХУ III, 79) и др. При активизации трехкомпонентных формул замужняя женщина могла именоваться фамилией отца: «устюжанка Акилинка *Лукоянова дочь Торокановскихъ <...> померль братъ мой родной Лука Лукояновъ сынъ Торокановскихъ <...> язъ Акилинка съ мужемъ своимъ Докучаемъ*» (Челоб. УВ 1651; АХУ III, 260–261).

Таким образом, в старорусском приказном языке отсутствовали специальные средства для номинации женщин по их отношению к мужу. Об этом свидетельствует активное использование описательных речевых номинаций, создаваемых по регулярным синтаксическим моделям. Окациональность брачного отношения, особенно ярко проявлявшаяся в именовании вдов, обуславливала и отсутствие единых способов номинации женщин «по бывшему мужу». В XVII в. наиболее распространенной формулой была андронимическая генитивная конструкция с опорным номеном «жена», образованная от двухкомпонентного именования мужа и включающая посессив с суффиксом *-овск-/евск-/инск-* и второй компонент именования мужа в форме род. пад.: «в. *вдова Парасковья О.юнасіѣвская жена Воротника*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 23); «в. *вдова Марьяца Ульяновская жена Плотника*» (там же: л. 39об.); «в. *вдова Поладьяца О.юнасіѣвская жена Батюка*» (там же: л. 47); «в. *вдова Ульянка Никитинская жена Пикаева*» (Кн. пер. Каргоп. 1648: л. 22), «в. *вдова Агрипинка Пикаевская жена Гаврилова*» (там же: л. 37).

Речевой характер данных номинаций способствовал тому, что составители документов не всегда были последовательны в образовании именовании по этой формальной модели, оцениваемой ими как принадлежность женского антропонима. Ср.: «дв. Кичигинской дан Настасьице *Пролубинской*» (Сотн. Варз. 1575; МИКП, 32) – «Настасьица *Пролубина дочь*» (там же; МИКП, 36); «во дв. Ховроньца *Федосеевская жена*» (там же; МИКП, 33) – «Ховроньцы *Федосеевы жены* четыре луки, да мужа ее *Нечаика* два лука» (там же; МИКП, 37).

Отмечены случаи, когда формантом *-овск-/евск-* оформлялись оба компонента именованья бывшего мужа: «*вдова Меланьица Алекс^тевская жена Ляшутинская*» (Кн. пер. Каргоп. 1648: л. 31), «*в. Улитка Давыдовская жена Куглиновская*» (там же: л. 31об.).

В некоторых случаях образование андронимов с суффиксами, выражающими относительность брачного отношения, было затруднено, как, например, при образовании их от личных имен *Первой*, *Второй* и подобных: «*в. вдова Татьянака Второва жена Костромитинова*» (Кн. пер. Каргоп. 1648: л. 54об.).

В документы XVI–XVII вв. из разговорно-обиходной речи могли проникать прозвищные («уличные») андронимы на *-иха* (Чайкина 1994: 72–73), которые употреблялись наряду со стандартным для деловой речи описательным андрономимом: «*во дв. Оринка Вавулиха Селивановская жена*» (Сотн. Варз. 1575; МИКП, 33) – «*Оринка Вавулиха Селиванова жена*» (Сотн. Варз. 1575; МИКП, 36); «*вдова нищая Анютка Мошниха*» (Кн. писц. СВ 1645: л. 37); «*да Ховронью Иряшиху*» (АХУ III, 248), «*в. вдова Федорка Русиновская жена Бахматиха*» (Кн. пер. Двин. 1646: л. 38); «*в. вдова Федосьица Фоминская жена Воробыха*» (Кн. пер. Каргоп. 1648: л. 38); «*в. бобылка вдова Ириньица Матф^тевская жена Кочериха*» (там же: л. 41); «*в. бобылка вдова Парасьица Максимовская жена Пастушиха*» (там же: л. 45об.); «*Феклица Новичиха <...> Оксиньица Михайлова Шариха <...> Офимьица Кондратьевская жена Сус^ттчиха*» (Кн. писц. УВ 1676–1683: 91–92) и др.

Подобные антропонимы чаще всего были образованы от прозвания или фамилии мужа и формально соответствовали прозвищам. Они не обладали способностью оценивать состояние брачного отношения, не могли сочетаться со словом *бывшая* и другими средствами модальной характеристики именованья. Андронимы на *-иха* не могли служить источником сведений об именовании мужа (слово *Шариха*, например, могло соотноситься и с именем *Шар*, и с прозваниями или фамилиями *Шаров*, *Шарков*, *Шарин*, *Шаровский*, *Шаринский* и т. п.). Очевидно, поэтому языком деловой сферы они приняты не были.

Необходимость описательной (дескриптивной) номинации женщин в старорусском документе была обусловлена их особым правовым и имущественным положением. Произвольность в образовании андронимов свидетельствует о том, что они по преимуществу представляли собой достаточные для идентификации женщины разовые речевые номинации, удовлетворяющие потребностям того или иного документа.

Заключение

Представление о языке и культуре на определенном этапе их развития – это знание, преломленное через призму сознания человека определенной эпохи. Изучение ономастики Северной Руси позднего средневековья требует от исследователя пристального внимания к концепции ономастики, отражающей восприятие и оценку имени собственными носителями языка, определяющей его функции и предписывающей употребление в речи.

Особый статус имен собственных в лексической системе проявляется в том, что в сознании носителей языка они в большей мере, чем нарицательные слова, связаны с процессами имятворчества и имянаращения. Антропонимы несут в себе отражение не только образа именуемого лица, но и образа имядателя и самого акта присвоения имени объекту. Таким образом, имя собственное возникает и функционирует в пересечении различных модусов, отражающих сложную систему точек зрения на именуемый объект и его имя. Модусы антропонимии могут проявляться на уровне как языка, так и речи, продукт которой – завершённый письменный текст определенного содержания.

Эгоцентризм в сфере именования лица проявляет себя и в сложном взаимодействии различных категорий, в первую очередь модальности и определенности.

Функционирование антропонима в речи определяется взаимодействием двух модальных планов, которые можно условно назвать внутренним и внешним. Внутренняя модальность отражает точку зрения номинатора – создателя имени, а внешняя модальность – точку зрения субъекта, использующего уже созданный антропоним в своей речи. Внутренние модусы находят отражение в семантической структуре имени, они по-разному характеризуют единицы тех или иных антропонимических разрядов (календарные имена, разновидности некалендарных антропонимов). Наиболее ярко внутренняя модальность проявляется у так называемых оценочных имен собственных.

По модальному признаку оказываются противопоставленными потенциальные («невоплощенные», «развоплощенные») и актуальные

антропонимы (*собственно антропонимы*, обладающие всеми признаками имени собственного), воплощенные в именовании лица и закрепленные в сознании языкового коллектива за конкретным индивидуальным объектом. Для первых – отношение к называемому конкретному индивидуальному лицу не установлено, но оно возможно. Номинатор, создавая новые языковые единицы с конкретно-референтной отнесенностью, обычно оперирует системой номинативных единиц, уже существующих в языке. Языковая антропонимическая система (специализированные антропонимические ресурсы) имеет потенциальный характер. У разных групп актуальных антропонимов, для которых связь с именуемым лицом носит реальный, объективный характер, модальность референтного отношения также не одинакова.

Двойственным характером антропонимической лексики в целом определяется необходимость разграничения двух аспектов и двух направлений в исследовании имен собственных. Особенно значима эта проблема для изучения истории русской антропонимии.

Развитие подсистем актуальных и потенциальных антропонимов является разнонаправленным. Для потенциальных антропонимов свойственна «кристаллизация» парадигм личных имен, формальная стандартизация, полевая структура с ярко выраженным центром – группой частотных личных имен и их модификатов. Формирование потенциальной антропонимии носит центростремительный характер. Потенциальная антропонимия представляет собой относительно стабильную, статичную систему. Сохранение в языке потенциальных личных имен обуславливает преемственность антропонимии разных исторических эпох.

Формирование актуальной антропонимии обусловлено стремлением языкового коллектива в целом и отдельного его представителя, использующего данную знаковую систему, к созданию индивидуальных, различающихся именовании. Актуальная антропонимия языка не стабильна, ей свойственно постоянное обновление, пополнение новыми номинативными единицами с уникальной референцией, быстрое старение и выпадение из языковой системы именовании, потерявших свою актуальность для носителей языка. Система актуальных антропонимов имеет динамический характер. История актуальной русской антропонимии может быть охарактеризована не как последовательное развитие единой номинативной системы, а как смена номинативных систем.

Необходимость учета двойственной природы антропонимии при изучении старорусского материала обусловлена тем, что позволяет более четко разграничить вопросы, связанные с историей антропонимических ресурсов, и проблемы функционирования антропонимов в языке и речи.

Соотношение потенциальной и актуальной антропонимии в старорусском языке носило иной характер, чем это можно наблюдать в современном языке. Анализ именований, содержащихся в памятниках севернорусской деловой письменности XVI–XVII вв., убеждает в том, что антропонимия деловой сферы данного периода представляла собой принципиально иную номинативную систему, чем официальная антропонимия современного языка, а потому не может рассматриваться с тех же позиций. Официальная антропонимия старорусского языка и современная антропонимия по-разному организованы, предполагают использование разных способов и средств именования. Сравнение их обнаруживает специфику именований лица в севернорусских актах деловой письменности XVI–XVII вв.

Основные подходы к изучению функциональных свойств старорусской антропонимии определяются спецификой исследуемых источников. Система номинаций лица в официальных документах того времени – это вторичная антропонимическая система, моделирующая отношения только в сфере делового общения. Актуальная антропонимия в севернорусских актах деловой письменности XVI–XVII вв. не только испытала формальные преобразования, которые нашли отражение в унификации формул, замене антропонимов их гиперкорректными вариантами, превращении антропосочетаний, закрепленных в социолекте той или иной территории, в разовые речевые номинации, удовлетворяющие задачам текста. Особенности антропонимии, употребительной в повседневном обиходе, «обрабатывались» сознанием писца–составителя документа, а сама антропонимия подвергалась оценке с точки зрения нормативности, стандартности, облигаторности. Внешние модусы старорусской антропонимии деловой сферы отражают концепцию антропонимии, принятую в приказном языке и официально-деловой речи XVI–XVII столетий.

Речевой характер большинства исследуемых антропонимических формул обуславливает невозможность их анализа вне конкретного контекста, поэтому многие известные выводы, касающиеся истории русского официального именования и сделанные на базе сплошной выборки материала без учета специфики документа и того, в какой части его формуляра использована антропонимическая формула, требуют уточнения, корректировки.

Функциональный подход в изучении исторической антропонимии предполагает рассмотрение индивидуальных именований лиц в составе различных парадигм, внутри которых антропонимы дифференцируются не только по формальному признаку, но и условиям их употребления в текстах.

Комплексная характеристика антропонимического материала, извлеченного из актовых текстов XVI–XVII вв., основывается прежде всего на парадигматическом анализе. Антропонимические формулы и построенные на их основе официальные именованья разных лиц были связаны разнообразными формальными, типологическими, кореферентными и другими связями, вступали в отношения тождества, включения, пересечения.

Антропонимия в памятниках деловой письменности Северной Руси XVI–XVII вв. была рассмотрена в составе разных функциональных объединений. Первый тип парадигм актуальных антропонимов, объединенных общей референтной соотнесенностью, – *номинативные парадигмы*. Их анализ позволяет говорить о том, что парадигмы номинативно эквивалентных (кореферентных) актуальных именованья, различавшихся степенью стандартности компонентного состава и коммуникативно-стилистической окрашенностью, формировались в результате сложного взаимодействия речевой антропонимии и потенциальных антропонимических ресурсов. Реализация того или иного типа номинативных парадигм в деловом тексте характеризует, во-первых, тип самого документа, а во-вторых, писцовую манеру составителя делового акта.

Межтекстовые и внутритекстовые номинативные ряды именованья одного и того же лица дают возможность определения состава потенциальных антропонимов, характеризуемых особой «ономастической функцией» в языке – способностью выступать в качестве индивидуального обозначения различных однотипных объектов действительности (в данном случае – конкретных лиц) – и регулярно воспроизводимых в деловой речи рассматриваемого периода.

Отношения номинативной вариантности связывали и потенциальные антропонимы. Но потенциальные и актуальные антропонимы входили в разные по составу единиц и характеру отношений парадигмы. Пересечение парадигм актуальных и потенциальных антропонимов носило формальный характер.

Помимо названных номинативных рядов, можно выделить и другие типы функциональных объединений антропонимов, которые строятся на основе парадигматических отношений. Среди них наибольшую значимость имели ряды, объединенные формально-отождествительными отношениями. Данные отношения связывали употребления одного и того же антропонимического компонента или формально тождественных единиц в именованьях разных лиц. Второй тип парадигм – *формально-отождествительные парадигмы*. Они основывались на отношениях не только формального тождества, но и подобия – формаль-

ного совпадения их структурных моделей в отвлечении от конкретного морфемного или лексического наполнения.

Наблюдения над внутритекстовыми и межтекстовыми парадигмами старорусских антропонимов в деловой письменности Русского Севера показывают, что идентифицирующе-дифференцирующая функция, которая традиционно считается основной для имен собственных, разными именованиями лица в различных контекстах речи реализуется неодинаково, что позволяет говорить о разной способности тех или иных антропонимических средств индивидуализировать именуемое лицо.

Требует пересмотра тезис о постоянной, имманентной определенности имен собственных. Анализ севернорусских текстов деловой сферы показывает, что референция старорусского антропонима могла носить определенный и неопределенный характер, что объяснялось различными языковыми и прагматическими факторами. Это связано как с коммуникативными условиями, так и со свойствами языковых знаков, используемых для номинации лица в речи. В том случае, если имеющаяся номинация не удовлетворяла установкам отправителя речи, на ее базе могла быть создана новая номинативная единица с более простой или более сложной (включающей предикативные элементы или дескрипции) структурой. Преодоление недостаточной антропонимической компетенции осуществлялось за счет актуализации в речи апеллятивных средств называния лица, как правило, отражающих определенный набор социальных признаков («анкетных данных»), значимых для официально-деловой сферы. Разнокомпонентный и разноструктурный состав официальных именований лица не следует рассматривать только как следствие отсутствия устойчивых норм именования лица в старорусский период. Он был во многом подчинен назначению и типу письменного текста и сам стал нормой для антропонимии того времени.

Третий тип функциональных рядов в антропонимии может быть определен как *функционально-семантические парадигмы*, которые объединяли номинативно свободные или номинативно связанные компоненты антропосочетаний на основе совпадения функций, реализуемых ими в именовании лица (патроним на *-ов/-ев/-ин* – описательная (дескриптивная) конструкция патронимического назначения – прозвище отца, наследуемое именуемым – фамилия как различные способы передачи потомственно-наследственных отношений между людьми; различные средства именования женщины по мужу и т. п.). Функционально-семантические парадигмы включали в себя как специализированные, так и неспециализированные компоненты именования. Рассмотрение

средств в пределах подобных парадигм позволяет выявить взаимовлияние и взаимообусловленность компонентов именования.

Два типа функциональных парадигм дополняют друг друга, характеризуют употребление антропонимии в речи с разных сторон. Их анализ необходим для установления потенциальных свойств и реальных функций старорусских антропонимов в языке и речи.

Использованные приемы парадигматического анализа именований позволяют делать выводы как о факторах парадигмообразования, так и о специфике официальной антропонимии в старорусский период в целом.

Официальное именование XVI–XVII вв. носило речевой характер, его функционирование было обусловлено сложным соотношением общерусских, локально-территориальных и индивидуальных черт деловой речи. В этих условиях огромное значение приобретал субъективный фактор, определявший выбор модели именования, средств номинации, их оценку с точки зрения соответствия назначению документа и деловому этикету.

Использование тех или иных способов антропонимической номинации лица в старорусском документе не было строго регламентировано, что создавало относительную свободу в выборе средств номинации и определяло разнообразие именований, используемых как в одном, так и в разных деловых текстах для называния одного и того же человека. Вместе с тем обращает на себя внимание несомненное однообразие моделей именования, подчиненность их общим принципам номинации лица при помощи антропонимов. Во многом это было обусловлено существованием приказного языка, обеспечивавшего употребление стандартных формул разными писцами, унифицировавшего не только формуляр документов, но и лексические средства, наполнявшие его.

При отсутствии строгих правил именования, принятых официально, широкий контекст различных документов продуцировал сходные по структуре антропонимические формулы, способствовал сохранению единообразия именований, создавал условия для идентификации одного и того же лица и его родственников делопроизводителями, работавшими с разными по назначению документами. Необходимость стандартных формул именования была связана с необходимостью создания условий для реализации антропонимами, включенными в именование, классификационных значений.

Номинация лица и ее функции находились в непосредственной зависимости от речевой структуры текста, объективированного или субъективированного характера изложения, обязательности соблюдения

ролевых и этикетных правил именования и самоименования лиц. По этому признаку из общего массива деловых текстов значительно выделяются челобитные, служебные отметки, сопровождавшие текст (подписи писцов, тексты-скрепы, тексты-рукоприкладства).

В рассматриваемый период развиваются и изменяются принципы функционирования антропонимов различных разрядов в деловой речи. Изменения, наблюдаемые в официальном именовании и особо осязаемые во второй половине XVII в., не являются следствием развития системы антропонимов – они отражают процессы, происходящие в приказном языке и связанные с принципами именования человека в документе. Все наблюдаемые преобразования связаны с изменением системы внешних модусов, характеризующих официальное именование лица как особый вид деятельности субъекта речи – старорусского писца, и находящихся отражение в структуре номинации человека.

Сокращения

1. Названия сборников и опубликованных собраний текстов

- А. Кеврол.* – Материалы по истории землевладения о землепользовании черносошных крестьян Кеврольского уезда XVI–XVII вв. (публикация Н. П. Воскобойниковой) // Северный археографический сборник. Вып. VII: Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР. Вологда, 1979.
- А. Сийск. м.* – Акты Сийского монастыря. Вып. 1: Грамоты патриарха Филарета (1619–1633 гг.). Архангельск, 1913.
- А. Сп.-Кам. м.* – Акты Спасокаменского монастыря. 1545–1698 // Летопись заседаний археографической комиссии за 1864 г. Вып. III. СПб., 1865.
- АПД I* – Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве / Собрал и редактировал С. Веселовский. Т. 1: Акты 1587–1627 гг. М., 1913.
- АПД 1627–1649* – Материалы для истории кадастра и прямого обложения в Московском государстве / Под ред. С. Веселовского. Т. 2, вып. 1: Акты 1627–1649 гг. М., 1917.
- АПД 1644–1661* – Акты писцового дела (1644–1661). М., 1977.
- АПД 1660–1680* – Акты писцового дела 60–80-х годов XVII века / Сост. С. Б. Веселовский. Под ред. В. И. Бугаева. М., 1990.
- АСВР* – Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV–начала XVI в. Т. I–III. М., 1952–1964.
- АФЗХ* – Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. Ч. 1 / Под ред. Л. В. Черепнина. М., 1951.
- АХУ I–III* – Акты Холмогорской и Устюжской епархий. Ч. 1: РИБ. Т. 12; Ч. 2: РИБ. Т. 14; Ч. 3: РИБ. Т. 25. СПб., 1890–1908.
- АЮБ* – Акты, относящиеся до юридического быта древней России, изданные Археографической комиссией под ред. Н. В. Калачова. Т. I–III. СПб., 1857–1884.
- Васильев* – *Васильев Ю. С.* Сборные памяти по Троицкой волости Важского уезда конца XVI–XVII вв. // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вып. III. Вологда, 1973.

- ВХК I* – Вотчинные хозяйственные книги XVI в.: Приходные, расходные и окладные книги Спасо-Прилуцкого монастыря 1574–1600 гг. / Под ред. А. Г. Манькова. М.; Л., 1979.
- Грамотки* – Грамотки XVII–начала XVIII в. / Изд. подготовили И. И. Тарабасова, Н. П. Панкратова. М., 1969.
- Дерягин* – *Дерягин В. Я.* Лексико-семантический анализ группы деловых текстов // Памятники русского языка: Вопросы исследования и издания. М., 1974. (Приложение: с. 212–223.)
- ДПВК* – Деловая письменность Вологодского края XVII–XVIII вв. Вологда, 1979.
- МИКП* – Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII в. Л., 1930.
- Мильчик* – *Мильчик М. И.* Северные порядные записи XVII в. на строительство деревянных церквей // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вып. III. Вологда, 1973.
- Образцов* – *Образцов Г. Н.* Оброчные и порядные записи Антониево-Сийскому м. XVI–XVII вв. // Исторический архив. 1953. № 8.
- Пономарев* – Сборник материалов для истории города Лальска Вологодской губернии / Сост. И. Пономарев. Т. 1: С 1570 по 1800 год. Великий Устюг, 1897.
- Сторожев I* – *Сторожев В. Н.* Материалы для истории делопроизводства поместного приказа по Вологодскому уезду в XVII в. Вып. I. СПб., 1906.
- ТКМГ I–III* – Таможенные книги Московского государства. Т. I: 1633–1636; Т. II: 1650–1656; Т. III: 1675–1680. Устюг Великий; Сольвычегодск; Тотьма. М., 1950–1951.
- ХИВГ* – Хрестоматия по истории вологодских говоров / Сост. Г. В. Судаков. Вологда, 1975.
- Шляпин 1–2* – *Шляпин В. П.* Акты Велико-Устюжского Михайло-Архангельского монастыря. Ч. 1–2. Великий Устюг, 1912–1913.
- Щукин* – *Щукин П. И.* Сборник старинных бумаг, хранящихся в Музее П. И. Щукина. Т. 1–10. М.: Изд. П. И. Щукина, 1896–1902.

2. Названия архивных фондов

- Архив ВГИАХМЗ* – Архив Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника
- ВУФ ГАВО* – Великоустюгский филиал Государственного архива Вологодской области
- ГАВО* – Государственный архив Вологодской области
- РГАДА* – Российский государственный архив древних актов

3. Названия источников

<i>А.-Сийск. м.</i>	– Антониево-Сийский монастырь	<i>Наемн.</i>	– Наемная
<i>Белоз. у.</i>	– Белозерский уезд	<i>Оброчн.</i>	– Оброчная запись
<i>Важ. у.</i>	– Важский уезд	<i>Отступн.</i>	– Отступная
<i>Варз.</i>	– Варзужская волость	<i>Порядн.</i>	– Порядная запись
<i>Верховаж.</i>	– Верховажская волость	<i>Прав. гр.</i>	– Правая грамота
<i>Вол.</i>	– Вологда	<i>Расспр. р.</i>	– Расспросные речи
<i>Волог. у.</i>	– Вологодский уезд	<i>Росп.</i>	– Роспись
<i>Гр.</i>	– Грамота	<i>Росп. им.</i>	– Роспись имущества
<i>Двин.</i>	– Двинский уезд	<i>Рядн. зап.</i>	– Рядная запись
<i>Допр. р.</i>	– Допросные речи	<i>Сбор. пам.</i>	– Сборная память
<i>Дух.</i>	– Духовная	<i>Сольвыч. пр.</i>	– Сольвычегодский промысел
<i>Закладн.</i>	– Закладная	<i>Сотн.</i>	– Сотная
<i>К.-Белоз. м.</i>	– Кирилло-Белозерский монастырь	<i>Сп.-Инок. м.</i>	– Спасо-Инокентьев монастырь
<i>Кеврол. у.</i>	– Кеврольский уезд	<i>Сп.-Прил. м.</i>	– Спасо-Прилуцкий монастырь
<i>Кн. вкладн.</i>	– Книга вкладная	<i>Судн. д.</i>	– Судное дело
<i>Кн. издерж.</i>	– Книга «издержечная»	<i>Судн. сп.</i>	– Судный список
<i>Кн. пер.</i>	– Книга переписная	<i>Тот.</i>	– Тотемский уезд
<i>Кн. писц.</i>	– Книга писцовая	<i>Тот. пр.</i>	– Тотемский промысел
<i>Кн. припр.</i>	– Книга приправочная	<i>Тр.-Глед. м.</i>	– Троице-Гledenский монастырь
<i>Кн. прих.</i>	– Книга приходная	<i>УВ</i>	– Устюг Великий
<i>Кн. прих.-расх.</i>	– Книга прихода-расходная	<i>Унск. пр.</i>	– Унский промысел
<i>Кн. раздат.</i>	– Книга раздаточная	<i>Уст. у.</i>	– Устюжский уезд
<i>Кн. расх.</i>	– Книга расходная	<i>Устькул. вол.</i>	– Усть-Кулойская волость
<i>Кн. там.</i>	– Книга таможенная	<i>Хаврог.</i>	– Хаврогорская волость
<i>Купч.</i>	– Купчая	<i>Холмог.</i>	– Холмогорский посад
<i>Лал.</i>	– Лальский посад	<i>Холмог. торг</i>	– Холмогорский торг
<i>Лохоц. в.</i>	– Лохоцкая волость	<i>Челоб.</i>	– Челобитная
<i>Межев. пам.</i>	– Межевая память	<i>Череп. в.</i>	– Череповская волость
<i>Мих.-Арх. м.</i>	– Михаило-Архангельский монастырь	<i>Шемог. в.</i>	– Шемогодская волость

4. Наименования отдельных источников

- Житие Вассиана Тиксенского* – Вассианова память (публикация Р. П. Биланчука) // Спас на Стрелице: Исследования и материалы по истории одного северорусского православного прихода / Под. ред. А. В. Камкина. Вологда, 2003.
- Житие Кирилла Новоезерского* – Житие Кирилла Новоезерского / Под ред. А. С. Герда. СПб., 2003.
- Кн. венечн. Вол. 1654* – Книга записи вечных пошин Вологодского арх. дома 1654 г. // ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. № 2.
- Кн. венечн. Лям. XVII в.* – Книга для записи пошин, собираемых за венчание в Ляменгской вол., кон. XVII в. // ГАВО. Ф. 883. Оп. 1. № 88.
- Кн. выборн. Уст. у. 1660* – «Выборная» книга солдат из крестьян Устюжской съезжей избы Антона Федорова с товарищами 1660 г. // РГАДА. Ф. 137. Устюг Великий. № 135, 136.
- Кн. доз. Вол. 1616–1617* – Дозорная книга посада Вологды князя П. Б. Волконского и подьячего Л. Софопова 1616–1617 гг. (публикация Ю. С. Васильева) // Вологда: Историко-краеведческий альманах. Вып. 1. Вологда, 1994.
- Кн. доз. Волог. у. 1589–1590* – Переписная дозорная книга дворцовых земель Вологодского уезда 1589–1590 гг. (подготовлена к печати Н. И. Федышиным) // Северный археографический сборник. Вып. 2: Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972.
- Кн. доз. Каргоп. у. 1600* – Вотчинная дозорная книга («объжная») старца Капитона на владения Соловецкого монастыря в Турчасовском стане Каргопольского уезда (подготовлена Ю. С. Васильевым) // Земледельческое производство и сельскохозяйственный опыт на Европейском Севере (дооктябрьский период). Вологда, 1985.
- Кн. доз. Уст. у. 1671* – «Устюга Великого посадского человека Гробова съ товарищи роспись, кто имянно взяты в солдаты и изъ которыхъ деревень и въ которыхъ годахъ и какия деревни нынѣ въ пусте... 1671 г.» // РГАДА. Ф. 137. Устюг Великий. № 191.
- Кн. издерж. Белослуд. 1677* – Книги «становой издержки» целовальников Белослудского стана Устюжского уезда 1677–1678 гг. // РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Новгород. № 86/20. Л. 576–584.
- Кн. издерж. Бор. 1673–1674* – Книга «издержечная» мирских денег земского целовальника волости Борок Тотемского уезда Артемья Андреева 1673–1674 гг. // РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вятка (Хлынов). № 6а/17. Л. 455–463, 563–567.
- Кн. издерж. Митроп. 1674–1675* – Издержечные книги земского старосты Митрополя стану Устюжского у. 1674–1675 гг. // РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Соль Камская. № 2. Л. 121–137.
- Кн. издерж. СВ 1677* – Приходные и расходные книги Сольвычегодского уезда Ратмеровской волости Большого стана земских целовальников Григория Мартемьянова Ширяева и Тимофея Савина Агафоновых 1677 г. // РГАДА. Ф. 137. Владимир. № 13а. Ч. 2/8. Л. 793–816.

- Кн. издерж. Толш.* 1673–1674 – Книга «издержечная» мирских денег земского целовальника Толшемской волости Тотемского у. Василия Костромина 1673–1674 гг. // РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вятка (Хлынов). № 6а/4. Л. 427–454.
- Кн. издерж. Тот. у.* 1666–1667 – Издержечная книга старосты Старототемской волости Тотемского у. Петра Аленева 1666–1667 гг. // РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Соль Камская. № 2. Л. 207–232.
- Кн. крестопр. УВ 1645* – Крестоприводная книга жителей Устюга и Устюжского уезда 1645 г. // РГАДА. Ф. 137. Устюг Великий. № 68.
- Кн. крестопр. Устьян.* 1682 – Крестоприводная книга Устьянских волостей 1682 г. // РГАДА. Ф. 137. Устьянские волости. № 3.
- Кн. пер. Белоз.* 1646 – Список с Белозерских переписных книг переписи Селуяна Павлова и подьячего Григория Белого 1646 г. // РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Галич. № 12/12. Л. 209–234.
- Кн. пер. Двин.* 1646 – Книги переписные Архангельского города и Холмогорских посадов и Двинского уезда переписи Ивана Ивановича Философова и подьячего Кузьмы Патрекеева 1646–1647 гг. // РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Архангельск. № 1.
- Кн. пер. Каргоп.* 1648 – Переписная книга посадских дворов города Каргополя, деревень, дворов в черных волостях Каргопольского уезда переписи воеводы Василия Ивановича Жукова // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 168. Л. 1–503об.
- Кн. пер. Турч.* 1648 – Переписная книга посада Турчасова и черных волостей Турчасовского уезда переписи воеводы Василия Ивановича Жукова // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 168. Л. 504–805.
- Кн. пер. УВ 1677* – Переписная книга Устюга Великого 1677 г. // Устюг Великий. Материалы для истории города XVII–XVIII столетий. М., 1883.
- Кн. пер. Уст. у.* 1677 – Переписная книга Устюжского уезда 1677–1678 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 15 047.
- Кн. пер. Устьян.* 1634–1636 – «Подлинная переписная книга дворов и людей черных деревень в волостях Шангале, Соденгской, Ростовской, Чадромской, Пежемской, Чушевицкой и Никольской» переписи Дмитрия Михайловича Овцына 1635–36 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 15 038. Л. 1–63.
- Кн. пер. Устьян.* 1639 – Переписная книга Устьянских волостей переписи пристава Устюжской четверти Лариона Васильева с земскими судейками и выборными людьми Устьянских волостей 1639/1640 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 15 038. Л. 65–83.
- Кн. писц. Белоз. у.* 1585 – Барашкова В. С., Дмитриева З. В., Прокофьева Л. С. Писцовая книга езовых дворцовых волостей Белозерского уезда 1585 г. // Крестьянство Севера России в XVI в. Вологда, 1984.
- Кн. писц. Белооз.* 1677 – Белозерские писцовые книги 1677 г. // Новгородский сборник. Вып. I–III. Новгород, 1865.
- Кн. писц. Вол.* 1629 – Список с писцовой книги г. Вологды 1629 года // Источники по истории Вологды. Вып. 1. Вологда, 1904.

- Кн. писц. Вол. у. 1627–1630* – Писцовое описание Вологодского уезда 1630 года // Сторожев В. Н. Материалы для истории делопроизводства помещного приказа по Вологодскому уезду в XVII веке. Вып. II. Пг., 1918.
- Кн. писц. Пуст. 1574* – «Платежница» с пустозерских дозорных книг Василия Третьякова сына Агалина и подьячего Степана Федорова сына Соболева 1574 г. // Садиков П. А. Очерки по истории опричнины. М.; Л., 1950.
- Кн. писц. Рост. 1664* – Писцовая книга Ростовской Устьянской волости 1664–1665 г. (писарская копия 1788 г.) // Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. Ф. 353. Оп. 1. № 4.
- Кн. писц. СВ 1645* – Соль Вычегодская. Книга писцовая письма и меры Богдана Приклонского да дьяка Марка Баженова, 1645 г. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 447.
- Кн. писц. УВ 1623–1626* – Писцовая книга Устюга Великого 1623–1626 гг. // Бысть на Устюзе: Историко-краеведческий сборник. Вологда, 1993.
- Кн. писц. УВ 1676–1683* – Писцовая книга Устюга Великого 1676–1683 гг. // Устюг Великий: Материалы для истории города XVII–XVIII столетий. М., 1883.
- Кн. писц. Уст. у. 1623* – Писцовая книга Устюжского уезда 1623–1626 гг. // РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. № 506, 507.
- Кн. плат. Каргоп. у. 1560* – Платежная книга Каргопольского уезда, составленная около 1560 г. по книгам письма Якова Сабурова и Ивана Кутузова 1555–1556 г. // Северный археографический сборник. Вып. 2: Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972.
- Кн. прих. Ник.-Коряж. м. 1604–1605* – Приходные «сенные» книги Николаево-Коряжемского монастыря // Архив ВГИАХМЗ. Ф. 4. Оп. 1. № 12. Л. 6.
- Кн. прих. Тот. у. 1673–1674* – Книга «приемная» денежных сборов земского целовальника волости Старой тотмы Тотемского уезда 1673–1674 гг. // РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вятка (Хлынов). № 6а / 2. Л. 59–109, 128–136.
- Кн. там. Белоз. 1661–1663* – Таможенные книги Белозерской таможи 1661–1663 гг. // РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Белоозеро. № 2.
- Кн. там. Вол. 1634–1635* – Таможенная книга города Вологды 1634–1635 гг. / Отв. ред. М. Я. Волков. Т. 1–3. М., 1983.
- Кн. там. Каргоп. 1671* – Таможенная книга «Коротецка гостина берегу» Каргопольского уезда таможенного головы Степана Андронов сына «с товарыщи» 1671–1672 гг. // РГАДА. Ф. 137. Оп. 1. Вятка (Хлынов). № 6а/11. Л. 191–212.
- Кн. там. УВ 1751–1752* – Книга записи осмотров товаров и припасов Великоустюгской таможей (январь 1751 – январь 1752) // ВУФ ГАВО. Ф. 604. Оп. 1. № 17.

- Пам. дат. Уст. у. 1654* – Именные росписи даточных солдат 1654–1669 гг. // РГАДА. Ф. 137. Устюг Великий. № 109.
- Сотн. Ант.-Сийск. м.* – Сотные грамоты Антониеву Сийскому монастырю 1578 и 1593 гг. (подготовлены к печати А. А. Амосовым) // Северный археографический сборник. Вып. 2: Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972.
- Сотн. Белоз. у. 1544* – Сотная с писцовых книг Ф. Ф. Хидырщикова и Г. Л. Клементиева на земли Кирилло-Белозерского монастыря в Белозерском уезде 1544 г. (публикация Л. С. Прокофьевой) // Северный археографический сборник. Вып. 2. Вологда, 1972.
- Сотн. Важ. 1564* – Сотная из писцовых книг князя Бориса Петровича Засекина на Кодимскую волость Важского уезда 1564 г. (публикация Ю. С. Васильева) // Материалы по истории Европейского Севера СССР: Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда, 1970.
- Сотн. Вол. у. 1544* – Сотная с писцовых книг Т. А. Карамышева на земли Кирилло-Белозерского монастыря в Вологодском уезде (подготовлена к печати Л. С. Прокофьевой) // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981.
- Сотн. Двин. у. 1587–1588* – Сотная грамота из Двинских писцовых книг князя Василия Андреевича Звенигородского и подьячих Рахманина Воронова и Степана Федорова на владения Николаевского Корельского монастыря в Двинском уезде 1587–1588 гг. // Северный археографический сборник. Вып. 2: Северные писцовые книги, сотницы и платежницы XVI в. Вологда, 1972.
- Сотн. Золот. 1561* – Отрывок сотной из писцовых книг Н. Г. Яхонтова на Никольский погост на устье реки Золотицы (публикация И. З. Либерзон) // Там же.
- Сотн. Каргоп. 1561–1564* – Сотная из книг Н. Г. Яхонтова на город Каргополь 1561–1564 гг. // Там же.
- Сотн. Каргоп. у. 1561–1562* – Сотные на волости Каргопольского уезда 1561–1562 гг. (подготовлены к печати Ю. С. Васильевым) // Там же.
- Сотн. Тот. 1631* – Сотная выпись с Тотемских писцовых книг 1623–1625 годов // Спас на Стрелице: Исследования и материалы по истории одного северорусского православного прихода / Под. ред. А. В. Камкина. Вологда, 2003.
- Сотн. Турч. 1556* – Сотная на Турчасовский стан Каргопольского уезда с книг письма Я. И. Сабурова и И. А. Кутузова 1551–1553 гг. (публикация Ю. С. Васильева) // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981.
- Сотн. УЖ 1567* – Сотная из книг И. И. Плещеева и Григория Зубатова Никитина сына Беспятого на посад Устюжны Железнопольской 1567 г. (подготовлена к печати Ю. С. Васильевым, Н. П. Воскобойниковой) // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981.

- Сотн. Усол. 1586 (Ш)* – Сотная 1586 г. на вотчину вологодского архиепископа в Вилегодской волости Усольского уезда // Шумаков С. А. Сольвычегодские сотницы. М., 1905.
- Сотн. Усол. у. 1586* – Сотная с писцовых книг А. И. Вельяминова и дьяка И. Григорьева на земли Коряжемского монастыря в Усольском уезде (подготовлена к печати З. В. Дмитриевой) // Социально-правовое положение северного крестьянства (досоветский период). Вологда, 1981.
- Сотн. Уст. у. 1557* – Сотная с книг письма Ю. И. Александрова-Самсонова на вотчину ростовского архиепископа в Устюжском уезде 1556–1557 гг. // РГАДА. Ф. 1206. Оп. 1. № 28.
- Челоб. Ник.-Прил. м. 1663* – Челобитная братии Николаевского Прилуцкого монастыря на игумена того же монастыря Иону 1663 г. (Страница из истории Николаевского Прилуцкого монастыря Устюжского уезда) // Вологодские епархиальные ведомости. 1902. № 10.

5. Словари и коллективные монографии

- Даль I–IV* – Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. I–IV. М., 1955.
- ЛЭС* – Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1990.
- ПКРС* – Писцовые книги Русского Севера / Сост. Н. П. Воскобойникова (отв. сост.), В. Ю. Беликов, Н. Ф. Демидова, М. Ю. Зенченко, Г. А. Иванова. М., 2000.
- СВГ* – Словарь вологодских говоров. Вып. 1–9. Вологда, 1983–2002.
- СлРЯ XI–XVII* – Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–26. М., 1975–2002.
- СРГК* – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Т. 1–5. СПб., 1994–2002.
- Срезн.* – Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I–III. СПб., 1883–1902.
- СРНГ* – Словарь русских народных говоров. Вып. 1–35. М.; Л.; СПб., 1965–2002.
- СРОТ* – Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии: 2-е изд. М., 1988.
- ТМОИ* – Суперанская А. В., Сталтмане В. Э., Подольская Н. В., Султанов А. Х. Теория и методика ономастических исследований. М., 1986.
- Фасмер* – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. М., 1964–1973.
- ФЭС* – Философский энциклопедический словарь. М., 1999.
- ЯН:ОВ* – Языковая номинация: общие вопросы. М., 1977.

Библиография

- Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка. М., 1956.
- Азарх Ю. С. Слова на -иха в русском языке // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1977. М., 1979.
- Азарх Ю. С. Аппеллятивный и ономастический словообразовательные типы // Лексика и фразеология севернорусских говоров. Вологда, 1980.
- Азарх Ю. С. О грамматических и лингвогеографических различиях имен нарицательных и собственных с омонимичными суффиксами // Ономастика и грамматика. М., 1981.
- Азарх Ю. С. Данные ономастики как источник исторической диалектологии (на материале русского именного словообразования) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1979. М., 1981а.
- Азарх Ю. С. Словообразование и формообразование существительных в истории русского языка. М., 1984.
- Азарх Ю. С. Лексический и словообразовательный ареалы // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1988–1990. М., 1993.
- Актуализация предложения: В 2 т. Т. 1: Категории и механизмы / Отв. ред. А. В. Зеленщиков. СПб., 1997.
- Алабугина Ю. В. Календарные имена в топонимии Русского Севера: Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1989.
- Алабугина Ю. В. Антропонимы-деминутивы на материале антропотопонимов Русского Севера // Проблемы региональной русской филологии. Вологда, 1995.
- Алейникова Н. В. Закономерности функционирования антропонимов в художественном произведении (На материале английской литературы XX в.): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1991.
- Апресян Ю. Д. Синтаксические средства выражения посессивности // Категория притяжательности в славянских и балканских языках: Тезисы совещания. М., 1983.
- Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Избранные труды: В 2 т. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика (синонимические средства языка). 2-е изд. М., 1995а.
- Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб., 1999.
- Арнольд И. В., Шеремет Л. Г. Типы сем и структура лексического значения личных имен // Лексическое значение в системе языка и в тексте. Волгоград, 1985.
- Арутюнова Н. Д. Номинация и текст // Языковая номинация: Виды наименований. М., 1977.
- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М., 1999.
- Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955.
- Бакланова Е. Н. Личные имена вологодских крестьян по переписи 1717 г. // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем: Проблемы ономастики. М., 1970.

Бахвалова Т. В. К изучению развития личных имен в Белозерье: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1972.

Бахвалова Т. В. Семантические и функциональные особенности некалендарных имен (на материале памятников письменности Белозерья XV–XVII вв.) // Проблемы русской ономастики. Вологда, 1985.

Бахвалова Т. В. Лексические и фразеологические средства характеристики человека в русском языке (на материале орловских говоров): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Орел, 1995.

Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания (онوماстика). Киев, 1972.

Беляева Е. И. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. Воронеж, 1985.

Березович Е. Л. К построению комплексной модели топонимической семантики // Известия УрГУ. Выпуск 20. Екатеринбург, 2001.

Берков В. П. Вопросы двуязычной лексикографии (Словник). Л., 1973.

Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX–начала XX в. Л., 1988.

Бирьяло Н. В. Белорусская антропонимия: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Минск, 1969.

Болотов В. И. Актуализация антропонимов в речи (на материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1970.

Болотов В. И. Назывная сила имени и классификация существительных в языке и речи // Восточнославянская ономастика. М., 1979.

Болотов В. И. Лингвистический статус имени собственного и его функционирование в тексте // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXV: Ономастика. Ч. 1: Имя и культура. М., 1993.

Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М., 1983.

Бондалетов В. Д., Данилина Е. Ф. Средства выражения эмоционально-экспрессивных оттенков в русских личных именах // Антропонимика. М., 1970.

Бондаренко В. Н. Виды модальных значений и их выражение в языке // Филологические науки. 1979. № 6.

Бондарко А. В. Поссесивность: Вступительные замечания // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Поссесивность. Обусловленность. СПб., 1996.

Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002.

Бромлей С. В. Еще раз о русских вариантах греческого имени Γεβρυλος // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1973. М., 1975.

Булгаков С. В. Настольная книга для священно-церковно-служителей: (сборник сведений, касающихся преимущественно практической деятельности отечественного духовенства). Изд. отдел Московского Патриархата, 1993.

Булгаков С. Н. Философия имени. СПб., 1998.

Валгина Н. С. Теория текста: Учебное пособие. М., 2003.

Василевская Л. И. Синтаксические возможности имени собственного (метонимический перенос у антропонимов) // Проблемы структурной лингвистики. 1981. М., 1983.

Василенко Л. И. Модальные слова как средство авторизации текста // Филологические науки. 1984. № 4.

Васильева Н. В. О некоторых аспектах прагматики антропонимов // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001. М., 2002.

Васюта Е. Ф. Из наблюдений над употреблением личных собственных имен в XVII в. (на материалах писцовых книг Орловского уезда Вятской губернии) // Вопросы топониматики. № 5. Свердловск, 1971.

Ваулина С. С. Формирование лексико-семантического микрополя необходимости в древнерусском языке XI–XIV вв. // Семантика слова в диахронии. Калининград, 1987.

Ваулина С. С. Эволюция средств выражения модальности в русском языке (XI–XVII вв.). Л., 1988.

Ваулина С. С. Принцип функционально-семантического подхода в исторической лексикологии (на материале модальной лексики древнерусского языка) // Актуальные проблемы исторической и диалектной лексикологии и лексикографии русского языка: Тезисы докладов к республиканскому координационному совещанию. 23–26 сентября 1988 г. Вологда, 1988а.

Ваулина С. С. Языковая модальность как функционально-семантическая категория (диахронический аспект): Учебное пособие. Калининград, 1993.

Вежбицкая А. Личные имена и экспрессивное словообразование // Анна Вежбицкая. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

Вендина Т. И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.

Веселовский С. Б. Ономастикон: Древнерусские имена, прозвища, фамилии. М., 1974.

Виноградов В. В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды института русского языка АН СССР. Т. 2. М.; Л., 1950.

Виноградов В. В. О формах слова // Исследования по русской грамматике. М., 1975.

Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц // Виноградов В. В. Лексикология и лексикография: Избр. труды. М., 1977.

Виноградова В. Н. Стилистический аспект русского словообразования. М., 1984.

Волков С. С. Стилиевые лексико-фразеологические средства деловой письменности XVII в. (на материале челобитных): Дис. ... докт. филол. наук. Л., 1980.

Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки: 2-е изд. М., 2002.

Вольф Е. М. Субъективная модальность и семантика пропозиции // Логический анализ языка. Избранное. 1988–1995. М., 2003.

Всеголодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М., 2000.

Вуйтович М. Древнерусская антропонимия XIV–XV вв. Северо-Восточная Русь. Poznań, 1986.

Гайдук И. В. Особенности функционирования антропонимов в английской и американской прессе: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2001.

Гак В. Г. Повторная номинация и ее стилистическое использование // Вопросы французской филологии. М., 1972.

Гак В. Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985.

Гак В. Г. Человек в языке // Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. М., 1999.

Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.

Ганжина И. М. Тверская антропонимия XVI в. в социально-историческом и лингвистическом аспектах (на материале тверских писцовых книг): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 1992.

Ганжина И. М. Принципы разграничения отчеств и фамильных помещичьих прозваний (на материале тверских писцовых книг XVI в.) // Материалы для изучения сельских поселений России. Ч. 1: Язык. Культура. М., 1994.

Ганжина И. М. Словарь современных русских фамилий. М., 2001.

Ганжина И. М. Образование производных форм христианских личных имен в преднациональный период // Сельская Россия: Прошлое и настоящее. Вып. 3: Доклады и сообщения IX Российской науч.-практич. конф. / Под ред. З. В. Рубцовой, А. В. Петрикова. М., 2004.

Гвоздева Е. Л. Образование и функционирование мужских календарных имен в русской деловой письменности XIV–XVI вв.: Дис. ... канд. филол. наук. Днепропетровск, 1987.

Гвоздева Е. Л. Способы идентификации лица в великорусской деловой письменности XIV–XVI вв. // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXV: Ономастика. Ч. 1: Имя и культура. М., 1993.

Глинских Г. В. Лингвистические критерии при уточнении названий населенных пунктов // Вопросы ономастики: Собственные имена в системе языка. Свердловск, 1980.

Головачева А. В. Семантико-синтаксические посессивные структуры в западнославянских и русском языках // Этюды по типологии грамматических категорий в славянских и балканских языках. М., 1995.

Головачева А. В. Стереотипные ментальные структуры и лингвистика текста. М., 2000.

Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 1998.

Голомидова М. В. Прагматический аспект именотворчества: общий взгляд // Ономастика и диалектная лексика: Сб. науч. тр. Вып. 4 / Под ред. М. Э. Рут. Екатеринбург, 2003.

Горбаневский М. В. О типах историко-культурной биографии русских городских топонимов // Res linguistica: Сб. статей. К 60-летию профессора В. П. Нерознака. М., 1999.

Гореликова М. И. Функционально-типологический анализ именных повторов обозначений лиц в авторской речевой структуре художественного текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980.

Грамматика 1970=Грамматика современного русского литературного языка / Отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1970.

Данилина Е. Ф. Категория ласкательности в личных именах и вопрос о так называемых «сокращенных» формах имен в русском языке // Ономастика. М., 1969.

Данилина Е. Ф. Личные официальные и неофициальные имена в современном русском языке. (Специфика. Словообразование): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1970.

Данилина Е. Ф. Антропонимия одного говора (имена) // Русская ономастика. Рязань, 1977.

Данилина Н. В. Нижегородская антропонимия XIV–XVII вв. (на материале памятников деловой письменности): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Горький, 1986.

Данилина Е. Ф. Развитие официального именования в древнерусском и русском языке (на материале памятников письменности XII–XVII вв.) // Актуальные проблемы исторической и диалектной лексикологии и лексикографии русского языка: Тезисы докладов к республиканскому координационному совещанию. 23–26 сентября 1988 г. Вологда, 1988.

Дерягин В. Я. Лексико-семантический анализ группы деловых текстов // Памятники русского языка: Вопросы исследования и издания. М., 1974.

Дерягин В. Я. Об историко-стилистическом исследовании актов текстов // Вопросы языкознания. 1980. № 4.

Дерягин В. Я. О местных вариантах русской деловой речи XV–XVII вв. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1980а. Т. 39. № 5.

Дешериева Т. И. О соотношении модальности и предикативности // Вопросы языкознания. 1987. № 1.

Дмитриева З. В. Вытные и описные книги Кирилло-Белозерского монастыря XVI–XVII вв. СПб., 2003.

Дмитриева Л. М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2003а.

Доброва Г. Р. Двухсловные личные наименования «имя+отчество» в речи детей и взрослых (семантический и словообразовательный аспекты) // Ономастика Поволжья: Материалы шестой конференции по ономастике Поволжья. Ч. 1. М., 1991.

Доброва Г. Р. Эксплицирование сомнений при усвоении детьми терминов родства // Семантика языковых единиц: Материалы III межвуз. науч.-иссл. конф. Ч. I: Лексическая семантика. М., 1992.

Дымарский М. Я. Дейктический модус текста и единицы текстообразования (на материале русского языка) // Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб., 2000.

Емельянова Е. В. Неопределенный артикль и авторская модальность в художественном тексте // Диалектика текста: В 2 т. Т. 2. СПб., 2003.

Ермакова М. Н. Характеристика группы слов со словообразовательными формантами *-ow(y)*, *-in(y)*, *-n(y)* в серболужицком языке // Категория притяжательности в славянских и балканских языках: Тезисы совещания. М., 1983.

Ермолович Д. И. Функционально-семантические особенности индивидуализирующих знаков: (На материале именований лица в английском языке): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1981.

Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур: Заимствование и передача имен собственных с точки зрения лингвистики и теории перевода. М., 2001.

Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.

Ефименко І. В. Українські прізвищеві назви XVI ст. Київ, 2003.

Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 1996.

Живоглядов А. А. Механизмы двойной референции в образовании культурных антропонимов и топонимов // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXV: Ономастика. Ч. I: Имя и культура. М., 1993.

Журинская М. А. Именные посессивные конструкции и проблема неотторжимой принадлежности // Категории бытия и обладания. М., 1977.

Заказчикова Т. А. К изучению географии неканонических имен в XVI–XVII веках // Русская ономастика. Рязань, 1977.

Занадворова А. В. Прозвища и обращения в современном семейном речевом общении // Русский язык сегодня: Сб. статей. Вып. 1 / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2000.

Занадворова А. В. Отражение социальной дифференциации языка в языковой жизни малых социальных групп (на примере семьи) // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2003.

Зведковская Н. П. К истории суффикса -ов в древнерусском языке // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1976. М., 1978.

Зенченко М. Ю. Материалы поземельных описаний Русского Севера // Писцовые книги Русского Севера / Сост. Н. П. Воскобойникова (отв. сост.), В. Ю. Беликов, Н. Ф. Демидова, М. Ю. Зенченко, Г. А. Иванова. М., 2000.

Зинин С. И. Русская антропонимия XVII–XVIII в. (на материале переписных книг городов): Дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1969.

Зинин С. И. Суффиксы русских фамилий XVII–XVIII вв. // Антропонимика. М., 1970.

Зинин С. И. Словообразование русских личных имен XVII–XVIII вв. (на материале переписных книг городов России) // Тр. Самарканд. гос. ун-та. Нов. сер. Вып. 209: Русское словообразование. Самарканд, 1971.

Зинин С. И. Введение в русскую антропонимию. Ташкент, 1972.

Зинин С. И. К вопросу о природе фамилиеобразующих формантов русского языка // Актуальные проблемы русского словообразования: Материалы респ. науч. конф. Самарканд, 1972а.

Зинин С. И. Русские отчества // Русская ономастика и ономастика России. М., 1994.

Золотова Г. А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973.

Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса: 2-е изд. М., 2001.

Золотова Г. А., Ониненко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М., 1998.

Иванов В. В. Заметки по категории притяжательности // Категория притяжательности в славянских и балканских языках: Тезисы совещания. М., 1983.

Карлова Л. В. Способы и средства антропонимической номинации в южновеликорусских отказных книгах первой половины XVII века: Дис. ... канд. филол. наук. Донецк, 1991.

Карпенко Ю. А. О функциях собственных имен // Spoločenské fungovanie vlastných mien. Bratislava, 1980.

Карпенко Ю. А. Деминутивное антропонимическое словообразование (на материале русских говоров Юга Украины) // Вопросы ономастики. Вып. 14. Свердловск, 1980а.

Катерлина В. В. Личное имя собственное (Национально-культурные особенности функционирования на материале русского и английского языков): Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1998

Керста Р. Й. Українська антропонімія XVI ст. Чоловічі іменування. Київ, 1984.

Климкова Л. А. Собственные имена на -их(а) в южных говорах Горьковской области // Учен. зап. Горьковского пед. ин-та. 1969. Вып. 95.

Климкова Л. А. Региональное слово в художественной речи // Региональные аспекты лексикологии. Тюмень, 1994.

Клобуков Е. В. Падеж и модальность // Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. М., 1984.

Ковалик И. И. Смысловая структура собственных имен // Ономастика Поволжья. Материалы I Поволжск. конф. по ономастике. Ульяновск, 1969.

Колмакова Н. Л. Семантические и коммуникативно-функциональные особенности имен собственных в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1988.

Колишанский Г. В. К вопросу о содержании языковой категории модальности // Вопросы языкознания. 1961. № 1.

Комлева Н. В. Деривация мужских личных имен в вологодских памятниках официально-деловой письменности конца XVI–XVII веков // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. Вологда, 2002.

Комлева Н. В. Антропонимия вологодских памятников официально-деловой письменности конца XVI–XVII веков: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 2004.

Копанев А. И. Дипломатика поземельных актов двинских крестьян XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины. Вып. VI. Л., 1974.

Королева И. А. Антропонимы в смоленских грамотах XII–XIV вв. // Актуальные вопросы лексикологии в историческом и синхронном освещении. Смоленск, 1995.

Королева И. А. Происхождение фамилий и отчеств на Руси. Смоленск, 1999.

Королева И. А. Деловая письменность как основной источник изучения антропонимической лексики: (становление современной формулы: фамилия, имя, отчество): Учебное пособие по курсу «Русская антропонимика». М.; Смоленск, 2000.

Короткова Т. А. Персмена фамилий // Этнография имен. М., 1971.

Кортава Т. В. Московский приказный язык XVII века как особый тип письменного языка. М., 1998.

Котков С. И. Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М., 1974.

Краснова Т. И. Субъективность – модальность (Материалы активной грамматики). СПб., 2002.

Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М., 2002.

Кронгауз М. А. «Воплощенное» и «невоплощенное» имя собственное: некоторые аспекты референции // Экспериментальные методы в психоллингвистике. М., 1987.

Крыжановская С. Г. Словообразовательные варианты антропонимов в русских народных исторических песнях XVII–XIX вв. // Науч. тр. Куйбышевск. пед. ин-та. Т. 228: Лексическая семантика и словообразование в русском языке. Вып. 1. Куйбышев, 1979.

Кузнецова Э. В. Лексикология русского языка. М., 1989.

Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962.

Кюршунова И. А. Славянская антропонимия Карелии XV–XVII веков в связи с реконструкцией лексики донационального периода: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Вологда, 1994.

Кюршунова И. А. О степени надежности реконструкции лексики по данным ономастики // Вопросы региональной лексикологии и ономастики. Вологда, 1995.

Ларин Б. А. Разговорный язык Московской Руси // Начальный этап формирования русского национального языка. Л., 1961.

Лебедева Л. Б. Модальности восприятия и их отражение в языке // Логический анализ языка. Языки динамического мира / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Шатуновский. Дубна, 1999.

Лебеденко С. А. Лексические (апеллятивные) основы и словообразовательные типы антропонимов г. Днепропетровска: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Днепропетровск, 1985.

Левин Ю. И. Об анализе систем терминов родства // Категория притяжательности в славянских и балканских языках: Тезисы совещания. М., 1983.

Логический анализ языка: Языки этики / Отв. ред.: Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. М., 2000.

Лосев А. Ф. Вещь и имя // Лосев А. Ф. Имя: Избранные работы, переводы, беседы, исследования, архивные материалы / Под ред. А. А. Тахо-Годи. СПб., 1997.

Лотман Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики. Таллинн, 1973.

Мароевич Р. Оппозиция определенных и неопределенных форм притяжательных прилагательных (К вопросу о природе имен типа Vьsevjlōžaja в древнерусском языке) // Вопросы языкознания. 1981. № 5.

Мароевич Р. К реконструкции праславянской системы посессивных категорий и посессивных производных // Этимология. 1986–1987. М., 1989.

Мароевич Р. Патронимы в системе категорий принадлежности древнерусского языка // Общеславянский лингвистический атлас: Материалы и исследования. 1988–1990. М., 1993.

Матвеева Т. В. Функциональные стили в аспекте текстовых категорий. Свердловск, 1990.

Медведева Н. В. Антропонимия Прикамья первой половины XVII века в динамическом аспекте (на материале переписных документов по вотчинам Строгановых): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 1999.

Мирославская А. Н. О русских отчествах и фамилиях (по материалам «Новгородских записных кабальных книг») // Питания ономастики. Киев, 1965.

Мирославская А. Н. Особенности словообразовательной структуры русских календарных имен // Ономастика Поволжья. Вып. 2. Горький, 1971.

Мирославская А. Н. Об отношении древнерусских некалендарных имен к прозвищам и фамилиям // Вопросы формирования русского национального языка. Вологда, 1979.

Мирославская А. Н. О древнерусских именах, прозвищах и прозваниях // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980.

Митрофанова О. Д. Личные собственные имена с суффиксами «субъективной оценки» в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1958.

Мосин А. Г. Уральский исторический ономастикон. Екатеринбург, 2001.

Мысык С. Г. ИС в структуре когнитивной деятельности // Шоста республіканська ономастична конференція 4–6 грудня 1990 року. Вып. 1. Одесса, 1990.

Недилько О. Д. Антропонимия Северной части Левобережной Украины (вторая половина XVII – первая половина XVIII вв.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1969.

Немченко В. М. Основные понятия лексикологии в терминах: Учебный словарь-справочник. Нижний Новгород, 1995.

Нестерова Т. В. Прагматика обращений-антропонимов в семейной сфере: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.

Никитевич В. М. Основы номинативной деривации. Минск, 1985.

Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. М., 1988.

Никонов В. А. Поиски системы // Этимология. Исследования по русскому и другим языкам. М., 1963.

Никонов В. А. До фамилий // Антропонимика. М., 1970.

Никонов В. А. Женские имена в России XVIII в. // Этнография имен. М., 1971.

Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974.

Никонов В. А. Северные фамилии // Этимология. 1978. М., 1980.

Никонов В. А. Личное имя – социальный знак // Глазами этнографов. М., 1982.

Никонов В. А. Русские // Системы личных имен у народов мира. М., 1986.

Никонов В. А. Системы личных имен // Системы личных имен у народов мира. М., 1986а.

Никонов В. А. География фамилий. М., 1988.

Никонов В. А. Словарь русских фамилий. М., 1993.

Никулина З. П. О деривации прозвищ с формальным показателем -иха (на материале говоров Кемеровской области) // Русские говоры в Сибири. Томск, 1979.

Новиков Л. А. Семантика русского языка. М., 1982.

Ноздрина Л. А. Поэтика грамматических категорий: Курс лекций по интерпретации художественного текста. М. 2004.

Опарина Е. О. Лексические коллокации и их внутрифреймовые модусы // Фразеология в контексте культуры / Отв. ред. В. Н. Телия. М., 1999.

Остап Р. И. Украинская антропонимия первой половины XVII века. Мужские личные имена (на материале Реестра Запорожского Войска 1649 г.): Автореф. дис. канд. филол. наук. Ужгород, 1986.

Отин Е. С. Развитие коннотонимии русского языка и его отражение в словаре // Отин Е. С. Избранные работы. Донецк, 1997.

Откупщикова М. И. Модальный компонент семантики текста // Предложение и текст: семантика, прагматика и синтаксис. Л., 1988.

Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М., 1996.

Падучева Е. В. Модальность сквозь призму дейксиса // Традиционное и новое в русской грамматике: Сборник статей памяти В. А. Белошапковой / Сост. Т. В. Белошапкова, Г. В. Шмелева. М., 2001.

Палагина В. В. К вопросу о локальности русских антропонимов конца XVI–XVII вв. // Вопросы русского языка и его говоров. Томск, 1968.

Палагина В. В. Варьирование антропонимических структур в томских деловых документах XVII в. // Русская ономастика и ее взаимодействие с апеллятивной лексикой. Свердловск, 1976.

Парфенова Н. Н. Источниковедческий аспект исследования антропонимии Зауралья XVI–XVII вв. // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXV: Ономастика. Ч. 1: Имя и культура. М., 1993.

Пахомова С. Н. Русские составные личные именования донационального периода: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1984.

Перкас С. В. Имена собственные и нарицательные в словаре и художественном тексте // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXV: Ономастика. Ч. 1: Имя и культура. М., 1993.

Пеньковский А. Б. Русские личные именования, построенные по двукомпонентной модели «имя + отчество» // Ономастика и норма. М., 1976.

Петровский Н. А. Словарь русских личных имен: 6-е изд. М., 2000.

Подольская Н. В. Некоторые вопросы исторической ономастики в связи с анализом берестяных грамот // Историческая ономастика. М., 1977.

Подольская Н. В. Семантико-грамматические типовые модели топонимов // Шоста республіканска ономастична конференція 4–6 грудня 1990 року: Тези доповідей і повідомлень. 1: Теоретична та історична ономастика. Літературна ономастика. Одесса, 1990.

Подольская Н. В. Антропонимика // Русский язык: Энциклопедия: 2-е изд. М., 1997.

Полякова Е. Н. Источники изучения русских неполных и оценочных имен прошлого // Русская ономастика. Рязань, 1977.

Полякова Е. Н. О связях фамилий и имен нарицательных в XVII в. (по материалам деловой письменности Прикамья) // Вопросы ономастики. Вып. 13. Свердловск, 1979.

Полякова Е. Н. Роль лексики в развитии словообразовательной системы (по материалам пермских памятников XVII – начала XVIII века и современных говоров) // Исследования по историческому словообразованию. М., 1994.

Полякова Е. Н. Лексика говорения в пермских прозвищах конца XVI–начала XVIII века // Вопросы региональной лексикологии и ономастики. Вологда, 1995.

Полякова Е. Н. К истокам пермских фамилий: Словарь. Пермь, 1997.

Попова И. Н. Фамилии Вологды начала XVIII века // История русского слова: Ономастика и специальная лексика Северной Руси. Вологда, 2002.

Поротников П. Т. Женские прозвания на -иха в говорах Талицкого района Свердловской области // Вопросы топонимистики. Вып. 14. Свердловск, 1970.

Поротников П. Т. Материалы для словаря вариантов русских личных имен // Вопросы ономастики. Вып. 13. Свердловск, 1979.

Поротников П. Т. Материалы для словаря вариантов полных личных имен // Вопросы ономастики. Свердловск, 1982.

Разумова И. А. Потаенное знание современной русской семьи: Быт. Фольклор. История. М., 2001.

Ратникова И. Э. Место отчества как актуального эксплицитного патронима в ряду базовых антропонимических единиц // Русский язык: Межведом. сб. Вып. 12. Минск, 1992.

РГ-80 = Русская грамматика: В 2 т. / Гл. ред. Н. Ю. Шведов. Т. 1. М., 1980.

Редько Ю. К. Способы образования восточнославянских фамилий // Ономастика Поволжья. 1. Ульяновск, 1969.

Реформатский А. А. Топономастика как лингвистический факт // Топономастика и транскрипция. М., 1964.

Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967.

Рубцова З. В. Типы варьирования в белорусской и русской топонимии (К вопросу о поисках нормы) // Ономастика: Типология. Стратиграфия. М., 1988.

Рубцова З. В. Антропонимия казаков-некрасовцев. 2: Полуимя // Материалы для изучения сельских поселений России. Ч. 1: Язык. Культура. М., 1994.

Руденко Д. И. Собственные имена в контексте современных теорий референции // Вопросы языкознания. 1988. № 3.

Руднев В. Энциклопедический словарь культуры XX в.: Ключевые понятия и тексты. М., 2001.

Рут М. Э. Образная ономастика в русском языке: ономазиологический аспект: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 1994.

Рут М. Э. Антропонимы: размышление о семантике // Изв. Уральск. гос. ун-та. Вып. 20. Екатеринбург, 2001.

Рыжкова А. Г. Словообразовательная парадигма личных имен // Проблемы региональной русской филологии. Вологда, 1995.

Сабанеева М. К. Логическая и лингвистическая сущность модальности высказываний // Проблемы комплексного анализа языка и речи. Л., 1982.

Санникова О. А. Польская мифологическая лексика в структуре фольклорного текста // Славянский и балканский фольклор: Верования. Текст. Ритуал. М., 1994.

Священник Павел Флоренский. Имена: Архив священника Павла Флоренского. Вып. 1. 1993.

Селиверстова О. Н. Экзистенциальность и посессивность в языке и речи: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1982.

Селищев А. М. Происхождение русских фамилий, личных имен и прозвищ // Селищев А. М. Избранные труды. М., 1968.

Сельвина Р. Л. Личные имена в Новгородских писцовых книгах XV–XVI вв.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1976.

Семенова Н. А. Модальность фразеологических единиц в языке и тексте // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII Международной конференции. М., 1999.

Семенова Т. Н. Антропонимическая индивидуализация: когнитивно-прагматические аспекты. М., 2001.

Семыкин Д. В. Антропонимия чердынской ревизской сказки 1711 года (к проблеме становления официального русского антропонима): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Пермь, 2000.

Серебrenникова М. Б. Фамилии как источник изучения эволюции и бытования календарных имен в русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1988.

Сидорова Т. А. Словообразовательная активность русских личных имен: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1986.

Сими́на Г. Я. Фамилия и прозвище // Ономастика. М., 1969.

Сими́на Г. Я. Бытовые варианты личных имен (по материалам древних письменных памятников и современной антропони́мии Пинежя) // Антропони́мика. М., 1970.

Сими́на Г. Я. Из истории русских фамилий. Пинежские фамилии // Этнография имен. М., 1971.

Сими́на Г. Я. История отчеств // Ономастика Поволжья. 3. Уфа, 1973.

Скляренко А. М. Противоречия как имманентное свойство системной организации ономастики // Шоста республіканска ономастична конференція 4–6 грудня 1990 року: Тези доповідей і повідомлень. 1: Теоретична та історична ономастика. Літературна ономастика. Одеса, 1990.

Смирницкий А. И. Объективность существования языка: Материалы к курсам языкознания. М., 1954.

Смольников С. Н. Морфемная и словообразовательная система антропонимов // Морфемика и словообразование русского языка: Учебное пособие. Волгода, 2002.

Соколов А. И. Русские имена и прозвища в XVII в. Казань, 1891.

Соколова В. К. Русские исторические предания. М., 1970.

Солганик Г. Я. О текстовой модальности как семантической основе текста // Структура и семантика художественного текста: Доклады VII Международной конференции. М., 1999.

Стари́кова Г. Н. Тематическая группа «Промышленные люди» в русском языке конца XVI–XVII вв. (ономастиологический и лексикографический аспекты): Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1990.

Стеблин-Каменский М. И. Древнеисландская топономастика как материал к истории имени собственного // Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании. Л., 1974.

Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. (Семиологическая грамматика). М., 1981.

Структура русских антропонимов XVIII века (на материале актовых книг г. Москвы) // Ономастика. М., 1969.

Судаков Г. В. Языковая ситуация в Московской Руси XVI–XVII вв. // Вопросы региональной лексикологии и ономастики. Волгода, 1995.

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973.

Суперанская А. В. Имя собственное как разряд специальной лексики // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. XXV: Ономастика. Ч. 1: Имя и культура. М., 1993.

Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. М., 1998.

Суперанская А. В. Русские имена, которых мы не знаем // Res linguistica. Сб. статей. К 60-летию профессора В. П. Нерознака. М., 1999.

Суперанская А. В. Эволюция антропонимических систем в русском и ряде других языков // Ономастика Поволжья: Материалы VIII конф. по ономастике Поволжья. 8–11 сентября 1998 г. Волгоград; М., 2001.

Суперанская А. В. Граждане современной России страдают из-за реформ XVII века // Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики – 2001. М., 2002.

Суперанская А. В. Русская адаптация заимствованных антропонимов // Сельская Россия: Прошлое и настоящее. Вып. 3: Доклады и сообщения IX Российской науч.-практич. конф. / Под ред. А. В. Петрикова, З. В. Рубцовой. М., 2004.

Суперанская А. В., Сулова А. В. «Нестандартные» русские фамилии // Ономастика и норма. М., 1976.

Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: Дис. в виде науч. доклада на соискание учен. степени докт. филол. наук. Волгоград, 2000.

Сулова А. В., Суперанская А. В. О русских именах. Л., 1991.

Теоретическая поэтика: Понятия и определения: Хрестоматия / Автор-сост. Н. Д. Тмарченко. М., 2002.

Теплов Е. Ф. Особенности словообразования личных имен жителей Карелии в XV–XVI вв. // Антропонимика. М., 1970.

Тихонов А. Н., Бояринова Л. З., Рыжкова А. Г. Словарь русских личных имен. М., 1995.

Толкачев А. И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI–XV вв. // Этимология. 1973. М., 1975.

Толкачев А. И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI–XV вв. // Историческая ономастика. М., 1977.

Толкачев А. И. К истории словообразования форм со значением субъективной оценки (квалитативов) личных собственных имен греческого происхождения в древнерусском языке XI–XV вв. // Этимология. 1976. М., 1978.

Толмачев В. М. Точка зрения // Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США): концепции, школы, термины: Энциклопедический справочник. М., 1996.

Толстой Н. И. Еще раз о «семантике» имени собственного // Актуальные проблемы лексикологии: Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной науч. конф. (17–20 июня 1970 г.). Минск, 1970.

Толстой Н. И. Избранные труды. Т. I: Славянская лексикология и семасиология. М., 1997.

Толстой Н. И., Толстая С. М. Имя в контексте народной культуры // Язык о языке / Под ред. Н. Д. Арутюновой. М., 2000.

Топоров В. Н. Праславянская культура в зеркале собственных имен (элемент *migr-) // История, культура, этнография и фольклор славянских народов: XI Международный съезд славистов. Братислава, сентябрь 1993 г. Доклады российской делегации. М., 1993.

Трубачев О. Н. Из материалов для этимологического словаря фамилий России: Русские фамилии и фамилии, бытующие в России // Этимология. 1966. М., 1968.

Трубачев О. Н. Синхрония, диахрония -und kein End (маргиналии по русскому историческому словообразованию) // Исследования по историческому словообразованию. М., 1994.

Тупиков Н. М. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.

Тураева З. Я. Лингвистика текста и категория модальности // Вопросы языкознания. 1994. № 3.

ТФГ 1990 = Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко. Л., 1990.

ТФГ 1992 = Теория функциональной грамматики: Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность / Отв. ред. А. В. Бондарко. СПб., 1992.

ТФГ 1996 = Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996.

Улуханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М., 1996.

Уляшева О. Я. Значение определенности–неопределенности у имен собственных в системе языка и в речи // Функционально-семантический аспект единиц русского языка (Межвуз. сб. науч. ст.): Памяти д-ра филол. наук, проф. Лилии Дмитриевны Чесноковой посвящается. Таганрог, 2001.

Унбегаун Б. О. Отчества на -ич и их отношение к русским фамилиям // Исследования по славянскому языкознанию. М., 1977.

Унбегаун Б. О. Русские фамилии. М., 1989.

Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. М., 2003.

Успенский Б. А. Мена имен в России в исторической и семиотической перспективе // Успенский Б. А. Избр. труды: В 3 т. Т. 2: Язык и культура. М., 1994.

Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М., 1994.

Успенский Б. А. Поэтика композиции // Успенский Б. А. Семиотика искусства. М., 1995.

Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. М., 1974.

Фонякова О. И. Имя собственное в художественном тексте. Л., 1990.

Фролов Н. К. Антропонимия Приворонежья XVII в.: Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1972.

Фролов Н. К. К вопросу о фамильных именах и становлении некоторых южнорусских фамилий // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1977.

Фролова Е. А. Номинация персонажей в поэме Н. В. Гоголя «Мертвые души» (функционально-стилистический аспект): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.

Фролова С. В. К вопросу о природе и генезисе притяжательных прилагательных русского языка // Учен. зап. Куйб. пед. ин-та. 1960. Т. 32.

Функциональные, типологические и лингводидактические аспекты исследования модальности: Тезисы докладов конференции. Иркутск, 1990.

Хамовникова Н. Е. Антропонимы как интертекстуальные аллюзии в поэтическом тексте: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000.

Худаш М. Л. Украинская антропонимия XIV–начала XIX в. (мужские именования): Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ужгород, 1980.

Цейтлин С. Н. Некоторые типы модальных ситуаций в современном русском языке // Функциональный анализ грамматических аспектов высказывания. Л., 1985.

Чабристова Е. В. Индивидуально-номинативная функция имен числительных как основа их функционирования в роли имен собственных: На материале современного русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 1998.

Чавпецова С. В. Функции личных имен собственных в английском художественном тексте: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1989.

Чайкина Ю. И. О традиционных прозвищах в Белозерье // Научные доклады высшей школы: Филологические науки. 1969. № 3.

Чайкина Ю. И. Из истории топонимии и антропонимии Устюжского и Тотемского уездов (по материалам деловой письменности XVII–XVIII вв. // Вопросы ономастики. Свердловск, 1982.

Чайкина Ю. И. История профессионально-должностных фамилий Вологды (на материале деловой письменности XVII – первой половины XIX вв. // Эволюция лексической системы севернорусских говоров. Вологда, 1984.

Чайкина Ю. И. К географии неофициальных личных имен крестьян в старорусском языке (на материале топонимии Вологодской области) // Формирование и развитие топонимии. Свердловск, 1987.

Чайкина Ю. И. География словообразовательных топонимических моделей Русского Севера (На материале ойконимии Вологодской области) // Диалектное и просторечное слово в диахронии и синхронии. Вологда, 1987а.

Чайкина Ю. И. Проблемы реконструкции лексики старорусского языка (на местном ономастическом материале письменных источников XV–XVII вв.) // История русского слова: проблемы номинации и семантики. Вологда, 1991.

Чайкина Ю. И. Женские имена // Русская ономастика и ономастика России. М., 1994.

Чайкина Ю. И. Вологодские фамилии: Этимологический словарь. Вологда, 1995.

Чайкина Ю. И. Семантическая деривация и причины архаизации и выпадения прямого значения слова (на материале диалектных экспрессивов) // Актуальные вопросы лексикологии в историческом и синхронном освещении. Смоленск, 1995а.

Чайкина Ю. И. Антропонимы в местных документах XVI–XVII вв. (на материале купчих Двинского уезда) // Проблемы русистики: Материалы Всероссийской науч. конф. «Актуальные проблемы русистики», посвященной 70-летию профессора кафедры русского языка ТГУ О. И. Блиновой. Томск, 2001.

Чайкина Ю. А. Именование мужского населения Вологды и Воронежа в первой половине XVII в. // Вопросы ономастики. 2004. № 1.

Чайкина Ю. И. История лексики Вологодской земли (Белозерье и Заволочье). Вологда, 2005.

Человеческий фактор в языке. Коммуникация. Модальность. Дейксис. М., 1992.

Черепанова О. А. Лексико-грамматические средства выражения модальности в русском языке XI–XVII вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1965.

Черепанова О. А. Модус реальной ирреальности в минижанре видений и чудес (по материалам памятников XV–XVII веков) // Язык и текст: Межвуз. сб. памяти проф. М. А. Соколовой. СПб., 1998.

Чесноков П. В. Слово и соответствующая ему единица мышления. М., 1967.

Чеснокова Л. Д. Имена числительные и имена собственные // Филологические науки. 1996. № 1.

Чеснокова Л. Д. Имя числительное в современном русском языке. Семантика. Грамматика. Функции. Ростов-на-Дону, 1997.

Чинчлей К. Г. Поле посессивности и посессивные ситуации // Теория функциональной грамматики: Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. СПб., 1996.

Чичагов В. К. Вопросы русской исторической ономастики // Вопросы языкознания. 1957. № 3.

Чичагов В. К. Из истории русских имен, отчеств и фамилий. М., 1959.

Шварцкопф Б. С. О социальных и эстетических оценках личных имен // Ономастика и норма. М., 1976.

Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.

Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.

Шмид В. Нарратология. М., 2003.

Шнитке Е. Выбор номинации лица при первом упоминании (на материале бытовой монастырской переписки XVII в.) // Русский язык сегодня: Сб. статей. Вып. 1/ Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2000..

Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Щетинин Л. М. Русские имена. Ростов-на-Дону, 1978.

Щетинин Л. М. Антропонимический текст как источник исторической информации // Перспективы развития славянской ономастики. М., 1980.

Щетинин Л. М. Субъективный фактор в образовании антропонимических текстов // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45. № 1.

Щетинин Л. М. Фамилии донских казаков // Русская ономастика и ономастика России. М., 1994.

Щетинин Л. М. Актуальные вопросы прикладной ономастики. Ростов-на-Дону, 1999.

Юркенас Ю. Проблемы ареального исследования древней антропонимии // *Kalbotura*. XXVI (2). Slavistika. Vilnius, 1976.

Яковлева Е. С. О связи дейксиса и модальности // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М., 1990.

Янин В. Я., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте: Из раскопок 1984–1989 гг. М., 1993.

Янко-Триницкая Н. А. Словообразование в современном русском языке. М., 2001.

Яцкевич Л. Г., Шаброва Е. Н., Смольников С. Н. Морфемика и словообразование русского языка: Учебное пособие. Вологда, 2002.

Gardiner A. The Theory of Proper Names. London, 1954.

Skulina Tadeusz. Staroruskie imennictwo osobowe. Cr. I. Wrocław, 1973.

Оглавление

Введение.	3
ГЛАВА I. АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО АНАЛИЗА ИСТОРИЧЕСКОЙ АНТРОПОНИМИИ.	11
1.1. Функции имен собственных и вопросы изучения истории русской антропонимии	—
1.2. Двойственный характер антропонимической системы и вопросы ее научного описания.	19
1.3. Сопоставление свойств потенциальных и актуальных антропонимов	30
1.4. Потенциальная антропонимия приказного языка XVI–XVII вв. и антропонимические ресурсы социальных и территориальных антропонимических диалектов: к вопросу о взаимодействии и интерференции.	54
ГЛАВА II. ОПРЕДЕЛЕННОСТЬ / НЕОПРЕДЕЛЕННОСТЬ АНТРОПОНИМИЧЕСКОЙ НОМИНАЦИИ В СТАРОРУССКОМ ДЕЛОВОМ ТЕКСТЕ	63
2.1. Средства создания определенной номинации лица в деловом тексте и типология именований.	—
2.2. Вариативность официального именования лица и номинативные парадигмы актуальных антропонимов в старорусских деловых текстах	75
2.3. Формально-отождествительные парадигмы актуальных именований как фактор логической определенности / неопределенности номинации лица в деловых текстах.	87
2.4. Текстовые пропозиции и определенность номинации лица в документе.	95
2.5. Антропонимическая компетенция и определенность именования лица в разных типах деловой письменности.	100
ГЛАВА III. СТАРОРУССКАЯ АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ ФОРМУЛА И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ КАТЕГОРИЯ ПОСЕССИВНОСТИ.	111
3.1. Антропонимия и средства выражения поссесивных значений.	—
3.2. Антропонимическая формула XVI–XVII вв. на фоне атрибутивных поссесивных конструкций.	115
3.3. Антропонимические поссесивные конструкции в разных типах деловой письменности Русского Севера XVI–XVII вв.	132
ГЛАВА IV. АНТРОПОНИМИЯ ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ СФЕРЫ XVI–XVII вв. В АСПЕКТЕ МОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ.	135
4.1. К вопросу о модальности именования.	—
4.2. Модальность референции антропонима как признак текстовой модальности старорусского документа.	151
4.3. Личные имена и выражаемые ими характеристики лица в языке документов XVI–XVII вв.	158
4.4. Модификаты личных имен в старорусском деловом тексте.	169
4.5. Гиперкоррекция номинативных вариантов антропонимов в старорусских документах.	185
4.6. Субъектная оценка компонентов именования в старорусском документе.	194
4.7. Модальность поссесивного отношения, выражаемого именованием лица.	215
Заключение.	224
Сокращения.	231
Библиография.	239